

ISSN 2500-0616

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
(Филиал «ЦНИИП Минстроя России»)

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

*QUESTIONS
OF THE HISTORY
OF WORLD ARCHITECTURE*

ВЫПУСК **8** (1 / 2017)

Издание основано в 1961 году

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 72.03
ББК 85.11
В 74

В74 Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 8 / Гл. ред. и сост. А. Ю. Каза-
рян. — М.; СПб.: Нестор-История, 2017. — 260 с.
ISSN 2500-0616

Периодическое рецензируемое научное издание «Вопросы всеобщей истории архитекту-
ры» — одно из ведущих в области изучения истории и теории архитектуры. Статьи представ-
ляют результаты новейших исследований, они охватывают все эпохи развития архитектуры,
нацелены на уточнение спорных вопросов ее истории, на изучение основ архитектурного
творчества, выявление генезиса и взаимосвязей архитектурных форм и явлений, на опреде-
ление взаимодействий региональных традиций. Основано Научно-исследовательским инсти-
тутом теории и истории архитектуры и градостроительства в 1961 г. С 2016 издается дважды
в год.

Ключевые слова: всеобщая история архитектуры, история градостроительства, архитектур-
ное творчество, взаимодействие архитектурных традиций.

Адрес редакции: Россия, 111024, Москва, ул. Душинская, 9

Тел./факс: +7 (903) 5192368

E-mail: armenkazaryan@yahoo.com, niitag@yandex.ru

“Questions of the History of World Architecture” is a peer-reviewed Open Access academic peri-
odical, one of the leading journals in the field of the history and theory of architecture. Its articles
represent the most recent work in the field: they cover all eras in the development of world architec-
ture and town-planning, with a focus on vexed questions of history, architectural creativity, the ori-
gins of architectural forms, as well as on the interactions between regional traditions. The periodical
has been published since 1961 by the Research Institute of Theory and History of Architecture and
Town-Planning. It is published twice annually since 2016.

Keywords: history of world architecture, history of town-planning, architectural creativity, interac-
tion between architectural traditions.

Address: Dushinskaia str., 9, Moscow, 119331, Russian Federation

Печатается по решению Учёного совета НИИТИАГ

На издание открыта подписка по каталогу «Роспечать». Подписной индекс 80503

ISSN 2500-0616

9 772500 061003 >

© Коллектив авторов, текст, фотографии, 2017

© Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, 2017

© Издательство «Нестор-История», оформление, 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор **Армен Юрьевич Казарян**, доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), почетный член Российской академии художеств (РАХ), иностранный член Национальной академии наук Армении, Государственный институт искусствознания (Россия); **Мария де лос Анхелес Утреро Агудо**, PhD по истории искусства, асс. проф., Институт истории (Испания); **Александр Викторович Анисимов**, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Алла Александровна Аронова**, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия); **Патрисия Блессинг**, PhD. по искусству и археологии, ассистент профессора, Pomona College (США); **Игорь Андреевич Бондаренко**, доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Паоло Витти**, PhD по ист. архитектуры, профессор, Университет Рома Тре (Италия); **Анна Геннадиевна Вяземцева**, кандидат искусствоведения, PhD. по истории искусства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Ван Гуйсян**, PhD. по архитектуре, профессор, Университет Цинхуа (Китай); **Жан-Пьер Кайе**, Dr. по археологии, профессор, Университет Западный Париж (Франция); **Мануэль Антонио Кастинейрас Гонсалес**, Dr., профессор, Автономный университет Барселоны; **Нина Анатольевна Коновалова**, кандидат искусствоведения, советник РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Юлия Леонидовна Косенкова**, доктор архитектуры, советник РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Джон Макнилл**, действительный член Общества антикваров и Королевского исторического общества, Британская археологическая ассоциация (Великобритания); **Ежи Малиновский**, Dr. по ист. искусства, профессор, Польский институт истории мирового искусства (Польша); **Ставрос Мамалукос**, PhD. по искусству и археологии, ассистент профессора, Университет Патр (Греция); **Кристина Маранчи**, PhD. по истории искусства, профессор, Университет Тафтса (США); **Лев Карлосович Масиель Санчес**, кандидат искусствоведения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия); **Роберт Оустерхаут**, PhD. по истории искусства, профессор, Пенсильванский университет (США); **Армен Сергеевич Сардаров**, доктор архитектуры, профессор, Белорусский национальный технический университет (Беларусь); **Владимир Валентинович Седов**, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Институт археологии РАН (Россия); **Вольф Тегенхоф**, Dr. по истории архитектуры, профессор, Центральный институт истории искусства (Германия); **Лиоба Теис**, Dr. по истории искусства, профессор, Институт истории искусства (Австрия); **Ануш Ашотовна Тер-Минасян**, кандидат архитектуры, Национальный музей-институт архитектуры (Армения); **Людмила Георгиевна Хрушкова**, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет (Россия); **Дмитрий Олегович Швидковский**, доктор искусствоведения, профессор, академик РААСН и РАХ, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (Россия); **Марианна Юрьевна Шевченко**, кандидат архитектуры, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (Россия); **Шариф Мухаммадович Шукуров**, доктор искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Россия); **Алексей Серафимович Щенков**, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия).

Редакторы: искусствоведы **Елена Лаврентьева**, **Екатерина Смирнова** (Россия)
Редактор аннотаций на английском языке — искусствовед **Биатрис Толиджян** (США)

EDITORIAL BOARD:

managing editor **Armen Kazaryan**, Dr., corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAASN), honorary member of the Russian Academy of Arts, foreign member of the National Academy of Sciences of Armenia, State Institute for Art Studies (Russia); **María de los Ángeles Utrero Agudo**, Assoc. Prof. PhD, Instituto de Historia (Spain); **Alexander Anisimov**, Dr., Prof., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Alla Aronova**, PhD, State Institute for Art Studies (Russia); **Patricia Blessing**, Assoc. Prof. PhD, Pomona College (USA); **Igor Bondarenko**, Dr., Prof., RAASN academician, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Paolo Vitti**, Prof. PhD. in history of architecture, The University of RomaTre (Italy); **Anna Vyazemtseva**, PhD., NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Wang Guixiang**, Prof. PhD., Tsinghua University (China); **Jean-Pierre Caillet**, Prof. Dr., Université Paris Ouest (France); **Manuel Antonio Castiñeiras González**, Prof. Dr., Universitat Autònoma de Barcelona (Spain); **Nina Konovalova**, PhD., adviser of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Julia Kosenkova**, Dr., adviser of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **John McNeill**, Fellow of the Society of Antiquaries — and Fellow of the Royal Historical Society, — British Archaeological Association (Great Britain); **Jerzy Malinowski**, Prof. Dr., Polish Institute of World Art Studies (Poland); **Stavros Mamaloukos**, Assoc. Prof., PhD. in art and archaeology, University of Patras (Greece); **Christina Maranci**, Prof. PhD in Art History, Tufts University (USA); **Lev Maciel**, PhD, Higher School of Economy (Russia); **Robert Ousterhout**, Prof. PhD in Art History, University of Pennsylvania (USA); **Armen Sardarov**, Prof. Dr. in architecture, Belarusian National Technical University (Belarus); **Vladimir Sedov**, Dr., Prof., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology of RAS (Russia); **Wolf Tegenhoff**, Prof. Dr., Zentralinstituts für Kunstgeschichte (Germany); **Lioba Theis**, Prof. Dr., Institut für Kunstgeschichte (Austria); **Anoush Ter-Minasyan**, PhD in architecture, National Museum-Institute of Architecture (Armenia); **Liudmila Khrushkova**, Dr., Prof., Moscow State University (Russia); **Dmitriy Shvidkovskiy**, Dr., Prof., Russian Academy of Arts and RAASN academician, Moscow Architectural Institute (State Academy) (Russia); **Marianna Shevchenko**, PhD, Moscow Architectural Institute (State Academy) (Russia); **Sharif Shukurov**, Dr., Institute for Oriental Studies of RAS (Russia); **Aleksey Shenkov**, Dr., Prof., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia).

Editors: art historians **Elena Lavrenteva**, **Ekaterina Smirnova** (Russia);

Editor of English abstracts: art historian **Beatrice Tolidjian** (USA)

СОДЕРЖАНИЕ

Историография

и теоретические вопросы изучения истории архитектуры

- Ш. М. Шукуров.* Пропедевтика храма. Теменологическая рефлексия на Книгу Бытия 9
- С. С. Ванеян.* Эрик Форссман: постклассическая иконология архитектуры 19
- С. В. Тарханова.* Классификация синагог святой земли позднеантичного периода (III–VII вв.). Часть I. Историография вопроса 36
- Е. С. Лаврентьева.* Архитектура Храма Гроба Господня: методы изучения в XX в. 58

Архитектура Античности и Средневековья

- И. А. Бондаренко.* Древнеримский военный лагерь как универсальная модель города 75
- А. Ю. Казарян.* Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития 87
- Р. Г. Мурадов.* К вопросу о форме покрытия мавзолея в Аргаванде (Армения) 117
- П. В. Коротчикова.* Формирование облика столицы Индии в эпоху Делийского султаната: политические, идеологические, природные факторы. 134
- Е. И. Кононенко.* Улу-джами Аксарая: между Османами и Караманом 150

Архитектура Нового времени

- А. А. Липатов, А. И. Сакса, А. М. Смирнов.* Архитектурно-археологические загадки старого кафедрального собора в Выборге. Некоторые результаты исследований 2013 г. 167
- М. Ю. Шевченко.* Строительные нормы династии Цин (XVII–XX вв.) и их интерпретация на примере главного зала храма Вэньмяо в Куньмине 190
- И. В. Белинцева.* Архитектура курортов острова Рюген (Германия) XIX — первой половины XX в.: от аристократического отдыха к массовому туризму. 206
- О. С. Шурыгина.* Автомобильный гараж как новый тип здания в архитектуре начала XX в. (на примере стран Западной Европы и США) 223

Рецензии

- Л. Г. Хрушкова.* Рецензия: Olof Brandt. La croce e il capitello. Le chiese paleocristiane e la monumentalità. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 2016 (Sussidi allo studio delle antichità cristiane, 28). ISBN 978-88-85991-64-4. 148 p., 109 il. 241
- Ю. Г. Клименко.* Рецензия: Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. Париж; СПб.: Европейский дом, 2017. 496 с., илл. (Versailles et Marly: Les jardins de Louis XIV. Les Albums offerts par le duc d'Antin à Pierre Ier en 1717. Éditeurs: Dmitri Gouzévitch, Irina Gouzévitch, Bruno Bentz. Paris; Saint-Pétersbourg, 2017. 496 p., ill.). 245
- Сведения об авторах 250
- About the authors 253
- Авторам статей и рецензентам 256

CONTENTS

Historiography and theoretical questions of the history of architecture

- Sh. M. Shukurov.* Propaedeutics of the temple. Temenological reflection on the Book of Genesis ... 9
- S. S. Vaneyan.* Erik Forssman: post-classical iconology of architecture 19
- S. V. Tarkhanova.* The classification of the late antique synagogues of the Holy Land
(3rd–7th centuries CE). Part I. Historiography of the problem 36
- E. S. Lavrentyeva.* The architecture of the church of the Holy Sepulchre: study methods in 20th
century 58

Ancient and medieval architecture

- I. A. Bondarenko.* Ancient roman legion camp as a universal model of the town 75
- A. Yu. Kazaryan.* Metropolitan school of armenian architecture of the Bagratid period. A new
surway of the development 87
- Ruslan Muradov.* Toward the question of form regarding the covering on the Argavand
mausoleum, Armenia 117
- P. V. Korotchikova.* Formation of the capital of India during the Delhi sultanate era: political,
ideological, natural factors. 134
- E. I. Kononenko.* Ulu-cami of Aksaray: between ottomans and Karamanids 150

Architecture of modern age

- A. A. Lipatov, A. I. Saksa, A. M. Smirnov.* Archaeological and architectural puzzle of the old
catherdral in Vyborg. Some results of examination in 2013. 167
- M. Yu. Shevchenko.* Building regulation of the Qing dynasty (17th–20th centuries) and its
interpretation illustrated by the Confucius temple Wenmiao in Kunming. 190
- I. V. Belintseva.* Resort architecture of the island of Rügen (Germany) of the 19th — the first
half of the 20th century: from aristocratic relaxation to mass scale tourism 206
- O. S. Shurygina.* Motor car's garage as a new type of building in the architecture of the
beginning of the 20th century (as per example of Western Europe and the USA) 223

Reviews

- L. G. Khrushkova.* Review: Olof Brandt. La croce e il capitello. Le chiese paleocristiane e la
monumentalità. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 2016
(Sussidi allo studio delle antichità cristiane, 28). ISBN 978-88-85991-64-4. 148 p., 109 il. 241
- Ju. G. Klimenko.* Review: Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные
Петру I герцогом д'Антеном в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц.
Париж; СПб.: Европейский дом, 2017. 496 с., илл. (Versailles et Marly: Les jardins de
Louis XIV. Les Albums offerts par le duc d'Antin à Pierre Ier en 1717. Éditeurs: Dmitri
Gouzévitch, Irina Gouzévitch, Bruno Bentz. Paris; Saint-Petersbourg, 2017. 496 p., ill.). 245

- About the authors 253
- For authors and reviewers 256

ИСТОРИОГРАФИЯ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

Ш. М. Шукуров

ПРОПЕДЕВТИКА ХРАМА. ТЕМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НА КНИГУ БЫТИЯ

Под пропедевтикой Храма мы понимаем процесс зарождения храмового сознания и собственно идеи Храма. Мы обращаемся к формированию храмового сознания и идеи Храма в дохрамовый период становления этно-религиозных особенностей раннего библейского повествования. Храмовая пропедевтика является важнейшей частью храмового сознания, именно она устанавливает столь важный набор правил и вещей, необходимых для возведения Храма. По этой причине было бы логичным создание набора тем и мотивов, которые составили бы необходимые правила, семантические узлы и концепты пропедевтики Храма. Огромное значение в процессе становления идеи Храма приобретает патриарх Авраам — на своем пути в Ханаан он строит жертвенники. Строительству жертвенников сопутствует динамическое начало, что в совокупности преподносит пример зарождения идеи Храма и, соответственно, формирования храмового сознания. Этот процесс с течением времени будет охватывать все большее количество реалий библейского повествования и апокрифов. Жертвенники и жертвенные деревья оказываются мнемоническим механизмом припоминания, запоминания, оставления на память себе и потомкам имени и образа Бога.

Мотив «обретения города», на который обращает внимание Эхуд Бензви, связывается не только с городом, но и с Храмом. От Салима Мельхиседека до Иерусалима царей Давида и Соломона и вплоть до наших дней город всегда оставался Градом-Храмом. Сначала в христианскую, а затем в мусульманскую эпохи Иерусалим предстал не просто семантическим, а поистине метафизическим центром единения трех религий авраамического круга. Пропедевтика Храма предусматривает неуклонность составления перечня пред-храмово-архитектурных вещей, как например, жертвенники, которые устраивали патриархи или, например, царь Давид, «лестница» Иакова, скиния Моисея.

Ключевые слова: пропедевтика храма, Книга Бытия, патриарх Авраам, жертвенник, Иерусалим

Sh. M. Shukurov

PROPAEDEUTICS OF THE TEMPLE. TEMENOLOGICAL REFLECTION ON THE BOOK OF GENESIS

By "the propaedeutic of the Temple", we mean the process of the birth of the temple consciousness and the actual idea of the Temple. We turn to the formation of the temple consciousness and the idea of the Temple in the period of the formation of ethno-religious features of the early biblical narrative. Temple propaedeutic is an important part of the temple consciousness, it establishes such an important set of rules and things necessary for the erection of the Temple. For this reason, it would be logical to create a set of themes and motives that would make up the necessary rules, semantic knots and concepts of the propaedeutic of the Temple. In the process of becoming the idea of the Temple, great importance is acquired by the patriarch Abraham — on his way to Canaan he builds altars. The construction of the altars is accompanied by a dynamic beginning, which together provides an example of the origin of the idea of the Temple and, accordingly, the formation of the temple consciousness. This process over time will encompass an increasing number of realities of the biblical narrative and apocrypha. The altars and sacrificial trees are a mnemonic mechanism for remembering the name and image of God for ourselves and our descendants.

The motive for "finding the city", which Ehud Benzvi draws attention to, is associated not only with the city, but also with the Temple. From Salim of Melchizedek to Jerusalem during the reign of the kings David and Solomon and up to our days, the city has always remained a City-Temple. First, in the Christian, and then in the Muslim era, Jerusalem greatly deepened its temple horizon of the city. The propaedeutic of the Temple provides for the precondition of pre-temple and architectural motifs, such as the altars that the patriarchs built, for example, the one built by King David, Jacob's ladder, the Moses tabernacle.

Key words: propaedeutic of the Temple, Book of Genesis, patriarch Abraham, altar, Jerusalem

В Книге Бытия (17: 5) из божественных уст звучит обетование: Авраам окажется прародителем многих народов. Иисус Христос, «сын Давида», также ведет свое происхождение (по материнской линии) от Авраама. Сын Авраама по имени Исмаил стал прародителем арабов и прямым предком пророка Мухаммада. Мы обращаемся к фигуре Авраама как провозвестнику не только «многих народов», но и идеи Храма как такового — общего для иудеев, христиан, мусульман.

Задачей нашей статьи является уточнение принципов формирования храмовой идеологии — храмового сознания и идеи Храма — так, как это формулируется в Книге Бытия. Эту задачу мы называем «пропедевтикой Храма», то есть введением в начала терминологии, началами выведения идей, имен, образов, форм, топосов, которые все вместе вели к созданию Храма и его *temenos'a*. Мы обращаемся к формированию храмового сознания и идеи Храма в дохрамовый период становления этнорелигиозных особенностей раннего библейского повествования. Храмовая пропедевтика является важнейшей частью храмового сознания, именно она устанавливает набор правил и вещей, семантических узлов и терминологических концептов, столь необходимых для теории и практики пропедевтики Храма.

О домостроительстве Авраама

Итак, мы начинаем с рождения Авраама. Как отмечает один из авторов сборника с предисловием известного исследователя Карена Армстронга, Авра(а)м вырос на окраине вавилонской империи, но внутри «ее культурных рамок» (Waskow 2006: 4). Он родился в месо-

потамском городе Ур¹ (Халдейском), откуда его отец с семьей отправился в Ханаан, но по пути умер. Вслед за этим Авраам, согласно Книге Бытия, слышит божественный Глас:

И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую я укажу тебе / И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение / Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные (Быт. 12: 1–3).

Мы не намерены пересказывать библейское повествование, наша задача остается исключительно в аналитической сфере его структурирования. Нам будет интересно не то, что происходит, скажем, в Книге Бытия, а как, каким образом строится нарратив рассказа о деяниях Авраама и его потомков.

Авра(а)м отправляется в путь к Ханану, строя по пути жертвенники Богу. Другими словами, он вовлекается в динамический процесс, который мы относим к начальным характеристикам храмового сознания. Этому способствует еще одно обстоятельство. Строительство жертвенников не есть единствен-

¹ Город-государство Ур существовал с IV тыс. до н. э. до IV в. до н. э. Располагался он на западном берегу, недалеко от дельты реки Евфрат. Город был разрушен амореями и эламитами в начале III тыс. до н. э. Именно к этому времени относятся многочисленные «плачи» по разрушенным городам и в том числе знаменитый сейчас «Плач по Уру». Оплакиваются стены разрушенного Ура, что повторилось позже во время разрушения Иерусалима Вавилоном. Ср.: «О, кирпичная кладка Ура» и «О, стена дочери Сиона» (*Ветхий Завет* 1998: 98). Стена в этих случаях является метонимическим образом города-храма. Вместе с тем образ стен разрушенного города-храма входит в число других образов, составляющих идею Храма на Ближнем Востоке.

ное и главное обстоятельство вовлечения Авраама в будущую храмовую доктрину. Вслед за воздвижением жертвенников последовало обетование Бога отдать эту землю (земля обетованная) потомству Авраама (Быт. 12: 7).

Строительство жертвенников вовлечено в динамический процесс, что в совокупности преподносит пример зарождения идеи Храма и, соответственно, формирования храмового сознания. Этот процесс с течением времени будет охватывать все большее количество реалий библейского повествования и апокрифов.

Воздвижение жертвенников Авраамом сравнимо с насаждением культовых или памятных деревьев и кустарников с инвокацией божественного Имени. Таков был тамариск в Беэр-Шева в Книге Бытия (21: 33) — южной оконечности данных ему Богом земель (*Alter* 1996: 102; *Umbarger* 2012)². В этой же связи немедленно приходит на память дубрава Мамре (Быт. 13–18) и мамврийский дуб, под которым Авраам принимал Бога в виде трех путников. Если, посадив тамариск, Авраам взывает к имени Бога, то в дубраве Мамре Бог является пред ним Самолично. Деревья оказываются мнемоническим механизмом припоминания, запоминания, оставления на память себе и потомкам имени и образа Бога. Недавно появилось и еще одно мнение, считающее упоминание деревьев в тексте Библии обычной пространственной вехой (*landmark* в английском переводе с датского) (*Westermann* 2004: 158)³.

² Добавим к сказанному следующее: Исаак, сын Авраама, приходит в Беэр-Шева, и в эту же ночь ему явился «Бог Авраама» с заверениями в покровительстве. Исаак немедленно устраивает жертвенник с инвокацией имени Господа. Мы сталкиваемся с зеркальной ситуацией, аналогично в этом же месте поступил и Авраам.

³ Про множественное обустройство жертвенников, включая жертвенник царя Давида в Джебусе (Иерусалиме), см.: (*Ackroy* 1970: 69).

Не менее важно и еще одно обстоятельство: строительство святилищ и постепенное очерчивание будущих границ Авраамом суть организация сакральных и этнотерриториальных сил владычества грядущего иерусалимского Храма. Сакрализация территории обитания за счет строительства жертвенников и насаждения культовой растительности входит в проявление сил храмового сознания. Близкая и далекая периферия должны быть освящены, дабы дать возможность взрастить главный Храм.

В качестве святилища или храма может выступать еще и целый город, примеров тому в Библии предостаточно. Вефиль Иакова (Быт. 28: 11–22) и гора Мория, где Авраам был готов принести в жертву Исаака. Камень в изголовье Иакова и жертвенник на горе Мория — это образы будущих городов, хотя мы знаем, что Салим с храмами уже существовал при Мельхиседеке (о нем см. ниже). Предвидение Града-Храма — особая тема для библейского повествования, а также немаловажный мотив в формировании храмового сознания и идеи Храма. Города возникают по разным причинам, например, когда с Иаковом столкнулся в борьбе Некто, имя которому по синодальному переводу Бог, и Ангел в Торе⁴. Бог назвал Иакова Израилем за то, что тот боролся с Ним. И нарек Иаков имя тому месту Пенуэл (Пынуэл), «ибо я видел Бога (вар. Ангела) лицом к лицу» (Быт. 32: 24–31).

Мотив «обретения города», на который обращает внимание Бенцви (*Zvi* 2014: 8), как мы видим, связывается не только с городом, но и с Храмом. От Салима Мельхиседека до Иерусалима царей Давида и Соломона и вплоть до наших дней город всегда оставался

⁴ Пять книг Торы, текст сверен с рукописью и масорой Кэтр Арам Цевы и сходных с ней рукописей Мордыхаем Броером (*Кук* 1975: 42).

Градом-Храмом. Сначала в христианскую, а затем в мусульманскую эпохи Иерусалим как город значительно углубил свой храмовый горизонт.

Бенцви приходит к умозаключению: «Подобно тому, как Израиль включает в себя Иакова, Авраам, Исаак и Иаков вполне включены в Авраама» (Zvi 2014: 7). В состав храмового сознания так, как оно видится на примере триады патриархов, органично подключается еще один режим: это теменологический состав главных персон Книги Бытия — Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, цари Давид и Соломон.

Становление Храма никогда не связывается с отдельным, сколь угодно значимым локусом. Рассыпанные в этнопространстве Ханаана и в его городах жертвенники являются знаменем грядущего Храма — еще одно свидетельство динамичной составляющей храмового сознания и идеи будущего Храма. Явление Храма как жилища Бога невозможно без прославления его Имени посредством возведения святилищ и макрожилища в случае с городами и даже странами. Еще раз заметим, что библейское повествование рассказывает не только об истинных (назовем их так) жертвенниках и Храмах, но и о ложных. Например, в городах Вифлеем и Дан были установлены храмы с золотыми тельцами.

Все это принципиальный аспект храмового сознания, который распространяется не только на строительно-архитектурные приуготовления к возведению Храма, но и на этнопространственную организацию. Например, во времена Иисуса Христа в Иерусалиме существовало женское ювелирное украшение, называвшееся «золотым городом» (*ṭr šel zāhāb*), и оно же именовалось «золотым Иерусалимом». Головное украшение служило своеобразным „corona

muralis“, архитектурным образом «золотого города» (*Jeremias* 1962: 9).

Фигура Авраама так, как она описана в Книге Бытия, есть ярчайшее проявление домостроительства, инспирированного Всевышним. В данном случае под термином «домостроительство» мы понимаем физические и духовные усилия Авраама по обустройству данного ему мира. В христианском богословии для понятия «домостроительство» используются слова из книги притчей Соломоновых: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его» (Притч 9: 1). Домостроительство Авраама создает существенные предпосылки для появления нового для Ближнего Востока храмового сознания, которое было противопоставлено им храмовой доктрине Нимрода. Как окажется много позднее, домостроительство Авраама в общем и в его частностях окажет громадную услугу для христианства и ислама. Приведенные выше строительно-архитектурные коннотации притчи также входят в ментальное пространство храмового сознания и собственно строительства как во времена Соломона, так и много позднее у христиан Византии и Руси.

Итак, божественные наставления и обетования направлены в грядущее, что делает фигуру Авра(а)ма предельно значимой не только для всего еврейства и иудаизма, но и для будущего цикла авраамических религий и их значения в прошлой, настоящей и будущей истории земной культуры. Родившийся в пределах вавилонской империи, вавилонской башни и искусственных храмов-зиккуратов, библейский образ Авра(а)ма наделяется, как мы говорили выше, отчетливыми чертами экстенсивно-динамического начала. Бог ведет его на юг к принципиально новым свершениям.

Другими словами, Господь принуждает Авра(а)ма начать движение.

На наш взгляд, Авраам был проводником божественной идеи, которая заключалась во внедрении храмового сознания в объединенной Авраамом еврейской среде. Больше того, эта идея с самого начала была экстенсивной, напомним: «...и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12: 3). Вот почему идея храмовой доктрины добывается только в экстенсивном движении. Мельхиседек — царь и священник Салима — прекрасно понимал, на кого Господь возложил ответственность за начертания «дорожной карты» — «от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата» (Быт. 15: 18) — не просто еврейских племен, а единого и религиозно скрепленного этноса, верующего в единого Бога, к чему его вел через жизненные терния Авраам, первый и неистовый сторонник монотеизма и «друг Бога».

В этой связи заметим, что после Адама в раю только Авраам знал единственного Бога. Это обстоятельство проливает свет на истинные границы монотеизма, берущего свое начало именно в Эдеме. В отличие от Адама, Авраам укрепил свой завет с Богом, более того, именно через его посредство была значительно укреплена идея Храма, что незамедлительно закрепил его сын Исаак.

Образ Авраама так, как он выведен в Книге Бытия, не может быть полным без близкого, хотя и краткого соседства с ним образа Мельхиседека. Именно в связи с Авраамом пристало говорить о царе и священнике Салима, будущего Иерусалима царя Давида. Мы всегда помним, что динамика нашего повествования непременно связана с идеей Храма и храмовым сознанием, и рассказ о Мельхиседеке не исключение.

Авраам и Мельхиседек

Энигматичный образ Мельхиседека (Bodinger 1994)⁵ интересует нас в связи с разработкой пропедевтики Храма и, конечно же, начала храмового сознания в авраамических религиях. Одним из важнейших обстоятельств связи образа Мельхиседека и Храма являются упоминания об этом Иосифа Флавия в «Иудейской войне»:

Первым, кто основал (Иерусалим), был властитель Ханаанеян, который на языке наших предков был назван праведным царем, и он действительно был таковым. В силу этого он первый стал священником Бога, первый построил святилище, назвал город, прежде называвшийся Салимом, Иерусалимом (VI, 10) (пер. И. Д. Амузина).

Мельхиседек — священник Эль Элиона (Всевышнего Бога) — своей святостью и особым положением в среде пророков и царей знаменует собой величие и святость Салима — всего, что связано с городом во все времена его существования. Местопребыванием Мельхиседека в Салиме является гора Сион (Rusche 1955: 231). Много позже, во времена существования Амарны при Эхнатоне и Аменхотепе, в письмах на глиняных табличках на аккадском языке, найденных во многих местах Ближнего Востока, а также в Ханаане, многожды упоминается город с названием Урус(ш)алим (U-ru-ša-lim) (Rainey 1996: 74; Dassow 2004), где слово Уру является шумерским обозначением города (Rusche 1955: 231)⁶.

Исследователи спорят о ранней или соответствующей тексту Книги Бытия инкорпорации строк (14: 18–20), упоминающих выход Мельхиседека к Авра(а)му с благословением хлебом

⁵ Автор присоединяется к тем, кто считает Мельхиседека исторической фигурой.

⁶ Позже аналогичные таблички были найдены в Иерусалиме (Rollston 2017).

и вином. Авра(а)м с каждой добычи платил Салиму и, соответственно, Мельхиседеку десятину, более того, Салим, как священный и светский центр, получал десятину от всего Израиля, а высочайшее сакральное положение Иерусалима отмечается всегда (*Astour* 1966: 74). Обращается также внимание на раннее происхождение строк о Мельхиседеке, взятых из предшествующих песенных жанров (*Causse* 1926). Также отмечается восточное происхождение не только избранных стихов, но и всей 14-й главы Книги Бытия: на передний план главы выступают древнейшие государства Ближнего Востока: Вавилония, Ассирия, Элам, Хатти (*Astour* 1966: 78, 100–101). Скотовод Авра(а)м не может войти в Иерусалим по причине привязанности к другому пространству. Строенность семем — раннего урбанизма, сакрального пространства и антропологического начала — рождает святость Салима. Сказанное является лишь первым, не столь углубленным взглядом на смысл встречи Авраама и Мельхиседека.

Существует еще одна возможность интерпретации этой встречи. Для этого нам следует обратиться к тексту «Плача Иеремии», а точнее к семантическим особенностям древнееврейского языка и его лексики (*Ветхий Завет* 1998: 122–123). Сначала удостоверимся в том, что время написания плача совпадает с разрушением Иерусалима 586 г. до н. э. и приблизительно со временем инкорпорации строк о Мельхиседеке в Книгу Бытия. В комментариях к русскому переводу «Плача Иеремии» обращается внимание на слово, производное от *nāwā (пастбище), оказывается синонимично однокоренному слову nāwā, «которое, кроме пастбища может значить „обитель, место проживания“ в целом ряде приведенных случаев» (*Там же*).

Таким образом, взаимоотношение между пастбищем, олицетворением которого мы выводим Авраама, и городом Мельхиседека, вполне может быть иным. Слова «пастбище» и «город» — однокоренные, и, надо думать, что позиции Авраама и Мельхиседека могут быть сближены в смысле равнодостоинства двух фигур библейского повествования. Мельхиседек встречает избранника, друга Бога, а не просто скотовода Авраама. Войти в Салим надлежит не Аврааму, а его потомку царю Давиду, который, победоносно войдя в город, немедленно приступил к оформлению идеи Храма. Возвести Храм надлежало уже его сыну — царю Соломону. Однако для Авраама встреча у ворот города — это знак его приобщенности к идее Храма.

Вынесение Мельхиседеком хлеба и вина как жест своеобразного «причащения» Авраама и его ответный дар десятиной от своей добычи напоминает ритуал жертвоприношения. Напомним, Мельхиседек является князем Салима и «священником Бога», а потому этот ритуал носит очевидно храмовый характер, в силу необходимости вынесенный за пределы города–Храма. Итак, ритуал жертвоприношения проходит в храмовом пространстве или *temenos'e* Града-Храма на горе Сион. Складывается впечатление, что «земля обетованная» является *temenos'ом* по определению. Когда же Авраам приносит очередное жертвоприношение на горе Мориа, это пространство оказывается также *temenos'ом* по отношению к Салиму и к горе Сион. Наступит время, когда Храмовая гора, она же гора Мориа, и она же символически гора Сион, окажутся истинным *temenos'ом* для авраамических религий.

Встреча Авраама и Мельхиседека — это встреча двух взглядов. Обмен взглядами, сопровождаемый выносом хлеба

и вина, служит для Авраама «благословенным» актом инициации:

И благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога всевышнего, владыки неба и земли (Быт. 14: 19).

Для формирования храмового сознания и Храма нельзя обойтись без идеи видения, усмотрения непременно значительного для текста Библии, культуры иудаизма. Вот знаменательный пример тому: Аврааму снизошло повеление принести в жертву Исаака, но рука патриарха была остановлена и вместо сына был выбран овен, Господь оценил намерение Авраама, его веру в Него. На горе Мориа, на месте жертвоприношения, Авраам воздвиг жертвенник и дал ему имя Иегова-ире, что означает 'Господь усмотрит' (Быт. 22: 8, 14). И вновь: Авраам наделяет жертвенник инициационным именем, ибо взгляд Господа обладает животворящей силой.

Мотив неизменной раскрытости Очей Господних постоянно встречается в Ветхом и Новом Заветах. Вот яркий пример, взятый из эпизода в построенном Храме царя Соломона: его молитва о необходимости присутствия ангела в Храме сопровождается следующими словами: «Боже мой! да будут очи Твои открыты и уши Твои внимательны к молитве на месте сем» (2Пар. 6: 40).

Скажем вновь: храмовое сознание и, как мы видели, идея Храма и собственно Храм в раннем иудаизме формируются при активном использовании идеи видения, мотива разверстых очей.

К проблеме феноменологии Иерусалима

Один из исследователей отмечает, что Иерусалим является для всего комплекса представлений о Мельхиседеке Heimat'ом (слово немецкого происхо-

ждения⁷), т.е. отношением непременно человеческого существа с каким-либо пространством, а не просто с отечеством (*Gammie* 1971: 386). Сказанное мы сближаем с ветхозаветной историей Авраама, важны не просто его деяния, а их отношение к пространству Хаанаана. Не менее существенным является пространство силы воздействия будущего Храма или даже его места, который через много тысячелетий окажется Heimat'ом для многих людей на земном шаре.

Немецкое слово „Heimat“ мы концептуализируем, придавая ему свойства понятия, идеи, другими словами, наделяя это слово внутренним измерением. Такой концепт должен обладать своей структурой, о чем мы говорили чуть выше, отмечая троичную структуру Иерусалима как Heimat'a.

Духовное измерение Иерусалима является Geistliche Heimat для Мельхиседека, царей Давида и Соломона, но, как мы увидим ниже, даже и для Авраама. Heimat в нашем случае — пространство особой, семантически напряженной, сгущенной, насыщенной памятью духовной атмосферы Иерусалима (*Zvi* 2014a; *Zvi* 2014b)⁸. По этой причине Heimat

⁷ См., например: (*Astour* 1966: 66). Вот данные этимологического словаря немецкого языка на слово „Heimat“: «Ort, Land, wo man geboren, wo man zu Hause ist. Vaterland» ('место, страна, где человек родился, где ощущает себя дома, отечество') (*Etymologisches Wörterbuch* 1993: 86). Ощущение себя дома — это значение интересует нас в первую очередь. При обращении к слову „Heimat“ непременно следует обратить внимание на широту и глубину использования слова у Хайдеггера и Гадамера (*Young* 2011).

⁸ Мы глубоко благодарны автору этих статей, который не только снабдил своими книгами и статьями, но еще и открыл для нас громадный спектр современной литературы, так или иначе касающейся наших ближайших и отдаленных интересов по современной библейской аналитике. Для нас особенно полезно

является одним из важнейших концептов в пространственном измерении Иерусалимского храма. Существование Heimat'a невозможно без антропологической составляющей, Heimat'a не существует без человека.

Все те, кому надлежит или посчастливится войти в сакральный Иерусалим-Heimat с особой духовной миссией, органично входят в пропедевтику Храма или в собственно его макроконцепцию. Иерусалим в этом случае становится энергетически-духовным пространством, второй родиной такого человека. Немецкие слова «патриотизм» (Heimatliebe) и постоянная мысль о родине (Heimatgedanke) по отношению к Иерусалиму обретают понятийное значение, подразумевающее особого рода притяжение к Иерограду, неотвязное присутствие, наконец, постоянный или временный анкоринг в Иерусалиме. Geistliche Heimat и анкоринг являются синонимичными концептами по отношению к Иерусалиму. Для примера достаточно вспомнить вход Иисуса Христа в Иерусалим («Ты священник веков по чину Мелхиседека» (Пс 109: 4), и ночной полет пророка Мухаммада на Храмовую площадь Иерусалима.

Определенным образом пророк Мухаммад вошел или влетел на Бураке в пространство духовного и реального Heimat'a. Более того, он опустился на Храмовой площади на месте Иерусалимского храма. Таким образом, иудео-христианский Heimat вошел в реальность метаропространственного ареала Храмовой площади.

Каждый из тех, кто унаследовал единую авраамическую традицию царствования, священства и строительства Храма, непременно сталкивался с мо- и приятно, что работы Эхуда Бенцви перекликаются с нашим подходом к библейской истории и персонологии.

нументальной фигурой Мельхиседека. И, как следствие, организовывался новый хронотоп. Вот небольшой пример тому из византийского опыта освоения образа Мельхиседека. Византийский император Константин — строитель храмов — сравнивался с царем Соломоном. А Евсевий восхвалял Константина за его роль первосвященника, которую он получил от Всевышнего. Он был, продолжает Евсевий, подобен Аарону и Мельхиседеку. П. Магдалино замечает, что этот случай упоминания Мельхиседека как царя и священника далеко не единственный (Rapp 2010: 193). Именная структура приведенного примера является собой хронотоп, составленный из образов людей, живших в разное время. Но привязаны все они так или иначе к Иерусалимскому храму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ветхий Завет* — Ветхий Завет. Плач Иеремии, Плач Иеремии. Экклезиаст. Песнь песней. М.: РГГУ, 1998.
- Кук 1975 — Кук М. А. Иерушалаим. Merkaz Zalman Shazar letoldot Israel, 1975.
- Ackroy 1970 — Ackroy P. R. The Old Testament in the making // The Cambridge History of the Bible. V. 1. From the beginnings to Jerome / Eds. J. C. Paget, J. Schaper. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 67–112.
- Alter 2012 — Alter R. Genesis: Translation and Commentary. New York: Norton and Company, 1996.
- Astour 1966 — Astour M. Political and Cosmic Symbolism in Genesis 14 and in Its Babylonian Source // Biblical Motifs: Origins and Transformation (Brandeis University Studies and Texts, vol. 3) / Ed. A. Altmann Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. P. 65–112.
- Bodinger 1994 — Bodinger M. L'énigme de Melkisédeq // Revue de l'histoire des religions. 1994. Vol. 211. No. 3. P. 297–333.
- Causse 1926 — Causse A. Les plus vieux chants de la Bible (Etudes d'histoire et de philosophie religieuses publiées par la Faculté de

- théologie protes tante de l'Université de Strasbourg, 14). Paris: Alcan, 1926.
- Dassow 2004 — Dassow E. Canaanite in Cuneiform // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 124. No. 4. 2004. P. 641–674.
- Etymologisches Wörterbuch* 1993 — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1993.
- Gammie 1971 — Gammie J. Loci of the Melchizedek Tradition of Genesis 14: 18–20 // *Journal of Biblical Literature*. 1971. No. 90. P. 385–396.
- Jeremias 1962 — Jeremias J. *Jerusalem zur Zeit Jesu; eine kulturgeschichtliche Untersuchung zur neutestamentlichen Zeitgeschichte*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962.
- Rainey 1996 — Rainey A. E. Canaanite in the Amarna Tablets: a Linguistic Analysis of the Mixed Dialect Used by the Scribes from Canaan. V. 1. Leiden: Brill, 1996.
- Rapp 2010 — Rapp C. Old Testament Models for Emperors in Early Byzantium // *The Old Testament in Byzantium* / Ed. P. Magdalino, R. Nelson. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Trustees for Harvard University, 2010. P. 175–198.
- Rollston 2017 — Rollston Ch. Jerusalem in the Amarna Letters. URL: <https://www.bibleodyssey.org/443/places/related-articles/jerusalem-in-the-amarna-letters> (дата обращения: 29.06.2017).
- Rusche 1955 — Rusche H. Die Gestalt des Melchisedek // *Münchener Theologische Zeitschrift*. 1955. No. 6. P. 230–252.
- Umbarger 2012 — Umbarger M. Abraham's Tamarisk // *Journal for the Evangelical Study of the Old Testament*. 2012. No. 1.2. P. 189–200.
- Waskow 2006 — Waskow R. A. Abraham's Journey in the Bible and the Jewish Midrash // *The tent of Abraham: stories of hope and peace for Jews, Christians, and Muslims* / Eds. J. Chittister, M. S. Sh. Chishti, R. A. Waskow. Boston: Beacon Press, 2006. P. 3–17.
- Westermann 2004 — Westermann C. *Genesis* / trans. D. E. Green; London: T&T Clark, Clark International, 2004.
- Young 2011 — Young J. Heidegger's Heimat // *International Journal of Philosophical Studies*. Vol. 19(2). 2011. P. 285–293.
- Zvi 2014a — Zvi E. B. Exploring Jerusalem as a Site of Memory in the Late Persian and Early Hellenistic Periods // *Memory and the City in Ancient Israel* / Eds. D. Edelman, E. B. Zvi. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2014. P. 197–218.
- Zvi 2014b — Zvi E. B. Proofs of Remembering Pre-Israelite Jerusalem in Late Persian Yehud: Mnemonic Preferences, Memories and Social Imagination // *Urban Dreams and Realities in Antiquity: Remains and Representations of the Ancient City* / Ed. A. Kemezis. Leiden: Brill, 2014. P. 413–437.

REFERENCES

- Kuk M. A. *Ierushalaim*. Merkaz Zalman Shazar letoldot Israel, 1975 (in Russian).
- Ackroy P. R. The Old Testament in the making. *The Cambridge History of the Bible. Vol. 1. From the beginnings to Jerome*. Eds. J. C. Paget, J. Schaper. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1970, pp. 67–112.
- Alter R. *Genesis: Translation and Commentary*. New York: Norton and Company Publ., 1996.
- Astour M. Political and Cosmic Symbolism in Genesis 14 and in Its Babylonian Source. *Biblical Motifs: Origins and Transformation* (Brandeis University Studies and Texts, vol. 3). Ed. A. Altmann. Cambridge, MA: Harvard University Press Publ., 1966, pp. 65–112.
- Bodinger M. L'énigme de Melkisédeq. *Revue de l'histoire des religions*, 1994, vol. 211, no. 3, pp. 297–333.
- Causse A. *Les plus vieux chants de la Bible* (Etudes d'histoire et de philosophie religieuses publiées par la Faculté de théologie protes tante de l'Université de Strasbourg, 14). Paris: Alcan Publ., 1926.
- Dassow E. Canaanite in Cuneiform. *Journal of the American Oriental Society*, 2004, vol. 124, no. 4, pp. 641–674.
- Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Berlin: Akademie-Verlag Publ., 1993.
- Gammie J. Loci of the Melchizedek Tradition of Genesis 14: 18–20. *Journal of Biblical Literature*, 1971, no. 90, pp. 385–396.
- Jeremias J. *Jerusalem zur Zeit Jesu; eine kulturgeschichtliche Untersuchung zur neutestamentlichen Zeitgeschichte*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1962.

- Rainey A.E. *Canaanite in the Amarna Tablets: a Linguistic Analysis of the Mixed Dialect Used by the Scribes from Canaan*, vol. 1. Leiden: Brill Publ., 1996.
- Rapp C. Old Testament Models for Emperors in Early Byzantium. *The Old Testament in Byzantium*. Eds. P. Magdalino, R. Nelson. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Trustees for Harvard University Publ., 2010, pp. 175–198.
- Rollston Ch. *Jerusalem in the Amarna Letters*. URL: <https://www.bibleodyssey.org:443/places/related-articles/jerusalem-in-the-amarna-letters>.
- Rusche H. Die Gestalt des Melchisedek. *Münchener Theologische Zeitschrift*, 1955, no. 6, pp. 230–252.
- Umbarger M. Abraham's Tamarisk. *Journal for the Evangelical Study of the Old Testament*, 2012, no. 1.2, pp. 189–200.
- Waskow R.A. Abraham's Journey in the Bible and the Jewish Midrash. *The tent of Abraham: stories of hope and peace for Jews, Christians, and Muslims* / Boston: Beacon Press, 2006. *The tent of Abraham: stories of hope and peace for Jews, Christians, and Muslims*. Eds. J. Chittister, M.S.Sh. Chishti, R.A. Waskow. Boston: Beacon Press Publ., 2006, pp. 3–17.
- Westermann Cl. *Genesis*. Ed. David E. Green; London: T&T Clark, Clark International Publ., 2004.
- Young J. Heidegger's Heimat. *International Journal of Philosophical Studies*, vol. 19(2), 2011, pp. 285–293.
- Zvi E. B. Exploring Jerusalem as a Site of Memory in the Late Persian and Early Hellenistic Periods. *Memory and the City in Ancient Israel*. Eds. D. Edelman, E. B. Zvi. Ind.: Eisenbrauns, Winona Lake Publ., 2014, pp. 197–218.
- Zvi E. B. Proofs of Remembering Pre-Israelite Jerusalem in Late Persian Yehud: Mnemonic Preferences, Memories and Social Imagination. *Urban Dreams and Realities in Antiquity: Remains and Representations of the Ancient City*. Ed. A. Kemezis. Leiden: Brill Publ., 2014, pp. 413–437.

С. С. Ванеян

ЭРИК ФОРССМАН: ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ИКОНОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Анализ в лице Эрика Форссмана классических архитектурно-теоретических текстов уточняет связь между текстом и архитектурным памятником: аналитика движется вслед за практикой, практика — вслед за теорией. Система ордеров, понятая как средство эмоционального воздействия на пользователя, предполагает и характерологию — своего рода габитус архитектурной активности — в аспекте и проектирования, и строительства, и последующего пользования (в том числе и в виде интерпретации). Каждый из ордеров определяет свое отношение к смыслу. Возможно как аллегорическое отношение (литературно-отвлеченный подход — иконография), так и касающееся прямой экспрессии жизненных обстоятельств: архитектора, и заказчика, и толкователя (иконология). Одно подразумевает документ, другое — монумент. Разложение самого ордерного мышления в XVIII в. дает уже в XX в. примеры искусственной реанимации монументального, понятого как суггестивно-колоссальное (все тоталитарные режимы). Прямое усвоение ордерной системы — в прямом понимании ответственности перед оживающей и умирающей историей.

Ключевые слова: архитектура, иконография, иконология, Панофский, Форссман, классический ордер, характерология, колоссальное, тоталитарное

S. S. Vaneyan

ERIK FORSSMAN: POST-CLASSICAL ICONOLOGY OF ARCHITECTURE

The analysis of classical architectural and theoretical texts in the person of Eric Forssman clarifies the relationship between the text and the architectural monument: the analytics follow the practice, the practice follows the theory. The system of the order, understood as a means of emotional impact on the user, presupposes characterology as well — a kind of habit of architectonic activity: in the aspect of design, construction, and subsequent use (including the interpretation). Each of the orders designates its relation to the meaning. It is probably an allegorical attitude (iconography), or it reflected the expression of vital circumstances, — of the architect, the patron, and the interpreter (iconology). One means a document, the other is a monument. The contamination of the order's thinking in the 18th century already gives examples of artificial resuscitation of the monumentality in the 20th century, understood as suggestive-colossal (all totalitarian regimes). The direct assimilation of the order system belongs in the direct sense of responsibility before the reviving and dying history.

Keywords: architecture, iconography, iconology, Panofsky, Forssmann, classical order, characterology, colossal, totalitarian

...ordini представляются не просто порядками колонн, а сущностными modi архитектуры.

Эрик Форссман

1

...Представим себе ситуацию: памятник ренессансной архитектуры Германии — Университетская церковь в Вюрцбурге, превращенная в руины во время

Второй мировой войны и ставшая предметом упоминания у Эрика Форссмана, исследователя ордерной архитектурной системы, взятой в ее теории и практике. Этой церкви дается весьма удачное определение: «Колизей вовнутрь» (Forssmann 1961, 36). Ибо дело в том, что это пример применения принципа суперпозиции (ярусного, поэтажного

использования колонн всех трех основных ордеров), но в интерьере: именно беспощадное физическое, материальное разрушение сблизило данный довольно скромный памятник немецкого ренессанса с величайшим памятником Античности не только на уровне архитектурной практики как реализации всей той же теории, но и на уровне какой-то иной практики — и дематериализации искусства (война), и идеализации ее последствий (история искусства). Ведь та же судьба — у собственно произведений античного строительного искусства, уже ко времени Ренессанса давно ставших тем же, чем упомянутая церковь — только в середине XX столетия. Внешнее посягательство на материальное тело постройки выявило парадоксальным образом ее внутреннюю монументальную душу, ее культурно-исторический статус чего-то подобного античному памятнику. Оказывается, она внутри себя хранила Колизей, будучи возведенной когда-то, чтобы сохранить и само намерение воспроизвести некоторый памятник, возведя ему реплику, ставшую документом своего времени с его северным витрувианством!

Но все это не лишает ее и иного, не менее важного и более актуального статуса — документального свидетельства антикультуры, исполняющего меморативные функции напоминания, то есть чего-то, нацеленного на будущее, где предполагается неповторение того, что творилось в недавнем прошлом. Как, где и почему соперничают друг с другом монументальность и документальность, политика и патетика? Как эти смысловые зоны, уровни, топоры и поля накладываются и подвергаются то ли референции, то ли интерференции? Ответ очевиден буквально: в тексте историка искусства, который собирает разбросанные камни и разрозненные смыслы, и если

он со своими текстами следует за текстами классическими, ориентированными на классические памятники, то уже на уровне сугубо дискурсивной логики его тексты оказываются постклассическими.

В связи с этим следует заметить, что, по всей видимости, аналитическая модель иконологии, предложенная Эрвином Панофским, — это попытка не просто нейтрализации и рационализации «мнемического пато-пафоса» Варбурга, а выведение в зону логической и структурной прозрачности всякого художественного творения, религиозного и не совсем, христианского и языческого — сакрального в любом случае, если этот случай — творчество. Существенно то, что оно при этом помещено в пространство исторического свершения (что означает, что оно само должно быть событием, открытым всякой динамике, в том числе и динамике становления и трансформации внутри себя).

По весьма же тонкому и точному мнению того же Форссмана (*Forssmann* 1966/1979: 270), знаменитая трехчастная, или трехслойная, или трехуровневая (как угодно!) структура произведения — со всеми ее инструментальными и методологическими импликациями типов (и уровней) значения — на самом деле попытка выбраться из оппозиции как раз монумента (памятника) и документа, — оппозиции, скрывающей в себе противостояние (мало осознаваемое) объективистски отстраненного (документ) и субъективистски вовлеченного (монумент) отношения к произведению-творению, понимаемому поэтому или как автономное и замкнутое в себе или, наоборот, принципиально гетерономное и открытое за пределы себя явление, горизонтное именно в страстном и мучительном в силу недостижимости желаний — обрести идеальный предел-лимес.

Остановимся подробнее на этой дилемме внутри, казалось бы, столь продуманной аналитики, каковой на самом деле является иконология Панофского¹. Тем более, что это вроде бы противоречие (так кажется не одному Форссману) оказывается прекрасным поводом к расширению иконологического подхода и обогащению его эвристической перспективы в сторону, несомненно и непременно, архитектуры. И тем более полезен окажется историк архитектуры Форссман, в лице которого у нас будет возможность познакомиться не столько с иным вариантом иконологии, сколько с ее приложением к архитектуре.

Заметим сразу, что Форссман прежде всего довольно оригинально описывает и истолковывает ступени-уровни иконологического анализа. И это лишний раз доказывает, что иконология — это интерпретационная система по преимуществу, стимулирующая и почти провоцирующая ответную интерпретацию почти на инстинктивном, каком-то первичном уровне обязательной, почти невольной и почти цепной реакции, порождая тем самым в некотором роде новые уровни и ступени толкования — уже через себя или даже изнутри себя, что не исключает и вариант — вопреки себе. Форссманом это именуется интеграцией и дезинтеграцией иконологического метода.

Сразу обращается внимание на то, что уже первый уровень «феноменального смысла», где выделяются, напомним, «вещный» и «выразительный» смыслы,

¹ Напомним, что существует по крайней мере два варианта иконологии Эрвина Панофского, один немецкоязычный 1932 г., другой англоязычный 1939 г. Оба равным образом оформлены в виде таблицы и оба перепечатаны в сборнике 1979 г. (*Panofsky 1979a; Panofsky 1979b*). О разных редакциях иконологии, помимо бесконечной литературы о Панофском вообще и иконологии в частности, в том числе см.: *Ванеян 2013*.

задает проблему. Если это уровень самого первого и непосредственного взгляда на произведение, то, строго говоря, что обеспечивает достоверность этого первого контакта? Достаточно сказать, вслед за Форссманом, что не совсем понятно, что делает этот опыт «непосредственно понятным». По большому счету, это как раз и есть самая фундаментальная проблема: удостоверение неискаженности результатов подобного первого знакомства с произведением. Ведь на самом деле это не есть даже знакомство с просто вещью, где можно допустить, вслед за Расселом, наличие «объектов знакомства»². Ведь разве можно к ним свести такое комплексное явление, как художественное творение?

Второй уровень «значимого смысла» предполагает уже инстанцию личности, например того же художника, так как на этом уровне речь идет о смысле как результате некоторого мыслительного процесса, происходившего или происходящего в сознании и фиксируемого посредством языка. Так что вновь — очередные трудности, связанные со всей спецификой языкового сообщения (высказывания), коммуникации, интендированного значения — и всех иных типов значения и их функций.

Наконец, третья ступень «сущностно-го значения» охватывает первые две и выглядит скорее диалектическим снятием первых двух, которые, в свою очередь, не что иное, как воплощение стандартной мыслительной схемы «формы и содержания» в контексте *Geistesgeschichte* и *Weltanschauung*, хотя это может

² См., например: *Аналитическая философия 2006*: 116–117. Впрочем, напомним, для Рассела этими первичными универсалиями, составляющими ни к чему не сводимое и неопределяемое «знакомое знание», являются отношения, в которые входит как один из элементов и сознание.

создать и иллюзию поступательной интерпретации-поиска, движения то снаружи внутрь, то от частного к общему, от низшего к высшему, от элементарного — к сложному.

В целом же возникает картина, во-первых, соответствия трех ступеней трем модусам постижения (форма/смысл/духовная история), а во-вторых, двум или состояниям произведения искусства, или позициям по отношению к нему: первые две ступени — это произведение как «монумент» (самодостаточное целое, познаваемое изнутри себя согласно имманентной организации и законосообразности), тогда как третья — уже как «документ» (выражение других смысловых инстанций или регионов, или онтологий).

Принципиально то, что монументу как самостоятельному бытию соответствует первый уровень смысла, то есть самый ответственный, ибо первичный. Если он предполагает непосредственное свое усвоение как постижение вещи через ее «чистую форму» — именно из-за своей очевидности, то, спрашивается, не обеспечивает ли он сразу доступ к наиглавнейшему смыслу — и как раз сущностному, делая дополнительные процедуры необязательными или даже тавтологичными? Во всяком случае, если, как предполагает Панофский (так его истолковывает, по всей видимости, Форссман), всегда осуществляется переход от символов восприятия и символов изображения к воспринятому и, соответственно, изображенному (то есть их следует интерпретировать, именно перетолковывать, переложить из мира феноменов в мир смысла), то получается, что чистая форма не имеет собственного смысла и, например, нефигуративное искусство в таком случае — бессмысленно. Но следует сильно откорректировать такого рода понима-

ние уже самого процесса восприятия: он не есть пассивная позиция психики и не просто интеллектуальная обработка рассудком воспринятых или изображенных предметов (содержаний), а активное воздействие гештальтов, которые «обеспечивают определенность произведения искусства как его первичный смысловой слой» (Forssmann 1979: 271), который, между прочим, именно в силу своей первичности и безусловности как раз таки и неопределенен, и неопределим, и просто не совсем передаваем словесно (Форссман убедительно ссылается на Бодлера, узревшего эти качества в живописи Делакруа). Но это есть то самое, что в качестве некоторого характера (цвета, линии, пространства и т.д.) именно переживается — в своей исконной и первозаданной достоверности.

Такого рода замечания, говорит Форссман, означают не незнание иконологией элементарных аспектов восприятия и формообразования, а просто игнорирование их как не релевантных ее интересам, что, однако, не позволяет этому методу претендовать на всеохватывающий характер. Фактически, говорит Форссман, уже первый уровень содержит в себе все «имманентное искусствознание», внутри которого иконологии просто не находится места (Там же: 272).

Но не меньше, а больше сложностей с тем же первым уровнем возникает по поводу понятия стиля, где следует учитывать то обстоятельство, что стиль — это категория, он не то, что воспринимается непосредственно, стилистические характеристики связаны с категориальными проблемами и предполагают сознательную или нет, но предварительную осведомленность в характеристиках стиля, то есть теоретическое знание тех или иных «основных понятий». Иначе говоря, уже прелю-

дия анализа не просто предвосхищает, а буквально содержит в себе его конец и совершенно в кантовском духе заведомо полагает автоматический переход с уровня на уровень.

Новые проблемы возникают на следующем, иконографическом уровне, который выглядит непосредственно литературным значением и предполагает равенство разнокачественных произведений, ведь главное — это выраженность определенного значения. И подобное игнорирование художественного, то есть творческого аспекта, связано не только с проблемой эстетической, но и с сугубо семантической, точнее говоря, иконографической. Ведь творчество предполагает известную свободу и индивидуальное отношение в том числе и к иконографическим схемам (пример — Рембрандт), хотя возможна и ситуация прямо противоположная: ведь не только могут возникать шедевры, но, наоборот, что-то случайное и не совсем жизнеспособное. Так что от иконографа требуется уже и разбираться в диагностировании тех или иных признаков жизни, а это не в его компетенции и возможностях, так как предполагает знание и понимание «жизненных сил», заключенных в произведении, хотя, как отмечает Форссман, уже Винкельман знал, что не всякое творение нуждается в диагнозе (а может, заметим мы, само быть инструментом диагностирования), а Гёте очень хорошо представлял, что содержание формы включает и то, как с этой формой обходятся (Forssman 1979: 277). А это и есть поэтика стиля, вновь добавим мы от себя. Поэтому так важно, что оказывается предметом «диагностирования», понятого как реализация совершенно особой «духовной потребности», нацеленной на столь же специфические «сущностные тенденции человеческого духа», они же — «культурные симпто-

мы» или «символы». Это позиция как раз Панофского, именно так описывающего третий уровень интерпретации (Panofsky 1979b: 220–221). Но для Форссмана существует и проблема этого самого «сущностного смысла». Она состоит в том, что все, на предыдущем уровне изъятые из произведения как монумента искусства, помещается в «миросозерцательную протоситуацию» (Forssman 1979: 279) интерпретатора, но контролируется «всеобщей духовной историей» (Там же), где и форма, и уже и содержание — только символы духовных процессов, так что само произведение оказывается именно «документом», то есть «вторичным материалом» (Там же). И его оказывается возможным использовать в традиционных упражнениях в духе «истории искусства как истории духа», характерный признак которых — процедура параллелизмов. Все отличие «новой» иконологии заключается в том, что делаются попытки определить духовные корни художественного явления на уровне личности (Микеланджело как носитель неоплатонического сознания или как выразитель неоплатонического духа своего времени, а не как «духовная манифестация эпохи»). Форссман замечает, что при таком позитивистском подходе тем не менее сохраняется допущение, что художественные явления — это попытка на эстетическом уровне решить задачи иных уровней. Но такая «монокаузальность» присуща скорее неомарксизму с его догмой детерминизма, чем, говорит Форссман (Там же), Панофскому, для которого «мир» и «созерцание» значат нечто весьма глубокое, хотя не столь однозначное, как, например, для Зедльмайра. Последнему, кстати говоря, проблема истории духа мыслилась со всей отчетливостью как проблема отношений человеческой души с Богом (в том числе и негативных).

И только после этих достаточно скрупулезных рассуждений и разъяснений Форссман переходит к положительной части своего проекта, что связано с пониманием произведения искусства как события — со всеми темпоральными структурами, делающими художественное творение историческим явлением и как раз таки открытым для языка, то есть приспособленным к повествованию-рассказу, к излагаемой истории. Но на самом-то деле проблема состоит именно в том, что категории даже стилистической истории искусства остаются априорными понятиями, то есть вневременными структурами, и их связь с историческими процессами, точнее говоря, с исторически обусловленными «системами отношений» (*Bezugssysteme*) определить практически невозможно (они, основные понятия, одни и те же для всех времен, но не могут быть решением проблем для всех времен). И если формальная эстетика в лице Вёльфлина и Ригля с их понятийными системами выглядит слишком ответственной и чересчур претендующей на сущности искусства и творчества, то что говорить об иконологии с ее притязаниями на самые фундаментальные истины человеческого существования?

С точки зрения Форссмана, тот же Вёльфлин не столько решает эту проблему, сколько уклоняется от нее, выбирая в качестве исходного материала для своих понятийных пар именно переходные явления, имея тем самым свое обоснование и свое оправдание именно в предполагаемой возможности объяснения ссылкой на смену одного стиля другим. Но это видимое обоснование: данные пары объясняют всякий формальный переход, и потому они вне истории и времени. Другой путь — у Э. Винда, для которого погружение иконологии в историю — тоже момент принципиаль-

ный, им описываемый как воздействие предхудожественного фактора, то есть исторической ситуации, задающей задачи для универсального формообразования, которое априорно, но способно задавать гештальт и наглядность для исходной, повторыем, ситуации, где есть и материальное, и идеальное, но нет визуального (*Forssmann* 1979: 281).

Но кто сказал, что все то, что предшествует произведению, вне гештальта и не предполагает наряду с «что» и «как»? «Вневременные основные понятия помогают сформулировать вопрос о бытии художественного творения — что может значить очень многое, — но не может ответить на вопрос об основаниях становления», — так определяет проблему «вневременности» Форссман (*Там же*: 282). Иными словами, а точнее говоря, словами самого Панофского это выглядит как соприсутствие в произведении и временного, и вневременного, ведь оно — «порождение формонаделяющего духа», которому присуще действие и в потоке исторического (со всеми пространственно-временными связями), и в идеальной точке абсолютного и, соответственно, вневременного разрешения поставленных проблем, что дает именно надысторическую значимость [*Geltung*] (ср. *Panofsky* 1979a: 200–201). Так — согласно Панофскому, но Форссман замечает, что, получается, внеисторическим характером обладает только сама проблема (пусть и художественная, но укорененная в априорности), процесс же образного порождения открывается в самом произведении (когда оно, в свою очередь, открывается созерцанию, становится предметом рассмотрения) в пространственно-временной обусловленности. Выходит, как удачно выражается Форссман, что художественное проскальзывает между методологическими ячейками, не бу-

дучи ни исторически обусловленным, ни надвременно значащим (*Forssmann* 1979: 283).

И самое существенное состоит в том, что подобные моменты связаны еще с одним — решающим — обстоятельством: мы имеем право обсуждать проблематику исторического и вневременного лишь в контексте произведения искусства в самом высоком смысле слова, то есть произведения высшего уровня, обладающего предельными характеристиками, а главное — уникальностью. Последнее качество напрямую связано с историчностью и одновременно с вневременностью: это то, что связано с оригинальностью конкретного произведения. Если в нем есть нечто от предыдущей традиции, то оно — внутри истории (хотя бы отчасти), если оно предельно оригинально и самостоятельно в своем бытии — оно внеисторично (хотя бы отчасти).

Форссман для подобных моментов темпоральности вводит понятия «преджизнь» и «послежизнь» произведения. То и другое могут быть весьма пролонгированными явлениями, но в любом случае в произведении не остается места для полной и чистой вневременности. Уровень произведения как раз таки и определяется этими, так сказать, историческими ретенциями и протенциями: первое ставит вопрос об уровне, второе на него отвечает. Можно сказать, что подлинное (а значит и значимое, и определяющее, и показательное, и истинное) произведение имеет богатую и развитую жизнь до и после своей материальности, помимо вещной бытийственности.

Совсем отчетливо это выглядит именно на уровне иконографии: произведение искусства и просто художественное изделие разнятся именно производимым художественным эффектом

и значимостью, ведь иконографически интересными могут быть совсем тривиальные вещи. Это и есть разница между монументом (подлинным произведением с единством гештальта и того, что он в себе содержит) и документом — источником фактических сведений и не более того. Идеальный или просто показательный случай совпадения иконографического и художественного — это нидерландский XV в., где новый натурализм, в том числе и в пространственных структурах, ставших единой средой, порождает и новый символизм, именуемый или «скрытым», или «облаченным» (в смысле имеющего облик реальных вещей, буквально облаченного, одетого, наряженного в вещи: так сказать, костюмированный бал символов, предметный их маскарад). Прежнее расположение символов на плоскости и их прямое узнавание заменяется на узнавание косвенное, связанное с расшифровкой того значения, что располагается позади внешней формы, которая, таким образом, обретает дополнительный смысл, будучи значимой именно в сокрытом за ней или внутри нее смыслом. Поэтому можно сказать, что подлинная художественность — это именно произведенность, то есть именно творческая сделанность и, главное, единство самого процесса делания, где форму и материал можно различать исключительно методически, но не реально. Стоит помнить о синтаксисе пространственных отношений, с присущим им сквозным и объединяющим символизмом дистанций, близости, достижимости и — наоборот.

Так что подлинная историчность заключена именно в творческих актах, в художественности как системе усилий, действий-свершений, которая прямо переходит или, вернее сказать, и формирует историческую событийность — уже через одни лишь творческие акты.

Отдельно взятое произведение — это и есть пренатальная «преджизнь» и одновременно «богатая на последствия после-жизнь», она включает в себя в том числе и такое явление, как «художественная встреча», предполагающая и взаимовлияние художников-современников, и вообще творческие реакции на творческий материал и опыт, предшествующий во времени (берется в качестве иллюстрации случай многочисленного воспроизведения Рембрандтом «Тайной вечери» Леонардо, где, как выясняется, объект внимания и одновременно искомый образ — это тип «откровения окончательного суда», по выражению Гантнера (*Forssmann* 1979: 286)³.

Проблема, связанная с включением архитектуры в сферу иконологической деятельности, заключается, по мнению Форссмана, в том, что архитектурные гештальты не суть изображения-представления чего-то «внехудожественно данного». Иконология архитектуры — это своего рода оборотная сторона формально-стилистического анализа все той же архитектуры в рамках вельфлинговской парадигмы, предполагающей в архитектуре только зримое.

Тем не менее иконология способна и обязана иметь дело с архитектурой хотя бы по причине своих «всеохватывающих» эпистемологических притязаний. Может показаться, что с уровнем I («феноменальный смысл») все обстоит почти что очевидно: постройка как воплощение вполне вещественной цели, то есть как предмет со своими функциями (можно сказать, как некоторый инструмент-машина, почти что в духе Ле Корбюзье). Столь же, на первый взгляд, непосредственно выглядит место архитектуры и на уровне III («сущностный смысл»): именно благодаря своей пря-

мой функциональной, прагматической включенности в жизнь как таковую и в силу своей заодно средовой функции (так сказать, «средообразующей» сущности, предполагающей именно построение пространства-включения), архитектура прямо конституирует место и пространство проявления-манифестации, вмещения-обнаружения всех духовных и вообще идеальных процессов (можно сказать, что эпоха себя проявляет и политически, и религиозно, и архитектурно).

Но это все как раз таки сугубо архитектурно-реалистические моменты-аспекты архитектуры. Как же дело обстоит с собственно иконографическим уровнем II, предполагающим в архитектуре хотя бы элементы изобразительности наряду с пространством, пластикой и прочее?

Принципиальная идея Форссмана заключена именно в том, что архитектура есть исключительно монумент («действительное произведение искусства») по самой своей природе, в ней документ в силу ее вещественности и предметности отделен напрямую от монумента, представляя собой литературный (вербальный) источник как таковой. Это, можно сказать, иконография в чистом (методологически!) виде, что и отличает архитектуру от той же живописи, где одно и то же изображение может быть и монументом, и документом (методологически это непростая проблема различения). В архитектуре значение полностью передается формой, переходит в форму, архитектура оказывается поэтому чистым «иконографическим высказыванием», и только с учетом этого обстоятельства мы можем говорить о понимании архитектуры как произведения: в реальной архитектуре подразумеваемое, желаемое, замысленное призвано именно реализовываться, значе-

³ Имеется в виду: *Gantner* 1964.

ние в архитектуре — это то, что она есть («значит-что»), и то, для чего она предназначена («значит-для»). Иными словами, благодаря исконному разделению смысла и формы, архитектура самым прямым образом обнаруживает свою художественность, когда мы призваны анализировать именно осуществленность той или иной семантики, реально и буквально выстроенную идею. Так что иконография архитектуры не только возможна, но и необходима.

Другое дело — что подлежит иконографическому анализу, каков объект и какие качества архитектуры реально и иконографичны. Быть может, стоит предположить, что это — архитектурные типы, подобные типам собственно иконографическим в той же живописи. Такая сугубо архитектурная семантика — это «строительные задачи», то есть некоторая цель, и это один полюс архитектурного творения, тогда как собственно гештальтные свойства, то есть художественная составляющая, — это полюс иной. Совокупность всех возможных моментов в пределах этого диапазона представляет собой, так сказать, запас префигураций, последовательно во времени реализуемых в соответствии и со своей внутренней логикой, и в связи с логикой исторической событийности и контекстуальности. Своего рода архитектурно-тектонический горизонт.

Как бы то ни было, за тремя ступенями интерпретации стоит возможность выбора, то есть свобода самого интерпретатора, в связи с чем эти три уровня тоже можно подвергнуть интерпретации, во всяком случае — переформулированию и модификации, с учетом того, что априорный уровень следует переместить в «сущностный смысл», где больше свободы выбора, а иконографию (II уровень) сделать ядром подобной системы значений, которая присуща всякому творению,

чье собственное единство только и оказывается условием единства и смыслов, и подходов.

Итак, мы имеем следующее:

«1. Феноменальный смысл. Переживание и описание гештальта без углубленного обоснования предположительно наличного вербального значения. Большая близость с художественным творением, чистое настоящее такового. Выявление художественного качества, поле деятельности, в том числе и знатков.

2. Значимый смысл. Объяснение всего поддающегося объяснению в пределах отдельного творения (соответственно, группы творений или жизненного творчества). Источниковедческие изыскания. Введение исторических моментов благодаря исследованию преджизни и после-жизни в качестве типа, то есть иконографического материала как материала, наделенного гештальтом. Выявление собственного стиля и определение его ранга.

3. Сущностный смысл. Понимание творения как бессознательного порождающего процесса. Воздействие стиля эпохи. Утверждение такового во всеобщей духовной истории, где только возможно — посредством основных понятий, которые могут быть получены или априорно, или эмпирически. Проявление эпохи, определение ее значения внутри универсальной истории искусства» (Forssmann 1979: 297–298).

II

В своей, вероятно, главной работе, обладающей с трудом переводимым названием (что-то вроде «Дорично, ионично, коринфично») и имеющей типично иконологический подзаголовок: «Исследование употребления колонных ордеров в архитектуре XVI–XVIII веков»

(Forssmann 1961)⁴, Форссман весьма удачно и наглядно различает переход от иконографии к иконологии — применительно ко все той же архитектуре, выявляя существенную меморативность последней, если иметь в виду ее постсредневековую, то есть классическую судьбу.

Чуть опережая события, заметим сразу, что принципиальность выбранного материала — ордерной системы — состоит в том, что, будучи заранее нагруженной многоуровневой и готовой семантикой, эта система *ordini* выступает материалом для последующих действий-манипуляций, связанных с ее применением, приложением к той или иной ситуации — не только сугубо архитектурной. То, как обращаются с этими специфическими сущностями, выявляет и характер, поэтику и стилистику этой активности, именуемой архитектурной планировкой.

Естественно, ссылаясь на Витрувия, автор «Дорично, ионично, коринфично» вполне логично начинает разговор о семантике с напоминания о соответствии архитектурных ордеров греческим богам: определенному типу или классу божеств соответствует тот или иной ордер. Соответствие устанавливается — это крайне важно — по характеру ордера и по нраву божества, хотя, наверное, главный критерий — это культовая семантика, то есть применение ордеров к сакральным постройкам, которые имеют соответствующее посвящение и должны соответствовать в буквальном смысле тому, кому служат — они и в них. Божество — точнее, его образ — есть адресат сообщения под названием «ордер», а декор — это буквально приемлемость, способ подачи архитектуры как

приношения божеству и форма представления, своего рода упаковка.

Как всегда, вопрос имеет лишь историкокультурное затруднение: эта семантика принадлежит тексту (в данном случае — Витрувию) или уже постройке? И если второе верно, то как происходит этот перенос смысла? Или существует некоторое дополнительное передаточное звено в виде или дополнительного (желательно — архитектурного или просто визуального) посредника, например археологический материал (если речь идет уже о Ренессансе), или его зарисовка, или опубликованный проект. Или этим посредником выступает уже величина прямо гетерономная, например пользователь — во всех своих разновидностях, ипостасях и состояниях (вкпе с интенциями), от заказчика-пользователя до того же зрителя-посетителя, не минуя, так сказать, зарисовщика-производителя — автора архитектурного произведения?

Второе, так сказать, семантическое множество в уравнении «иконаграфия = архитектура» связано с не менее важной и известной символикой человеческого тела. Этот, если так можно сказать, гендерный параметр определяет связь двух важных вещей: 1) символизма универсально-теологического и одновременно — инструментального (сакральная архитектура как функциональный атрибут соответствующего божества с присущими ему характерологическими качествами, то есть с поведенчески-теофаническими чертами); 2) пользовательские параметры постройки, то есть ее рецепцию, где человеческий фактор существенен уже на уровне переживания сооружения в его как формальных, так и смысловых аспектах. Наличие как раз телесных эквивалентов — условие живого восприятия как практически опыта вчувствования и актуализации, оживле-

⁴ Упомянем, кстати, другие важные тексты Форссмана: *Forssmann* 1981; *Forssmann* 1999; *Forssmann* 2005a; *Forssmann* 2005b; *Forssmann* 2011.

ния сооружения, хотя нельзя забывать о, вероятно, и более фундаментальной рецепции — собственно Античности и витрувианства Ренессансом, хотя за этим стоит и нечто более исходное — рецепция греческого эллинистического наследия римской культурой и архитектурной теорией в лице того же Витрувия.

Именно эта вторичная уже, так сказать, метарецепция ордерной системы и ордерной символики, вернее — аллегии, и есть то место, где можно проследить переход от иконографии к иконологии, то есть от объективизирующе отстраненного восприятия архитектуры и вообще обращения с ней, к подчеркнуто субъективному, личному, ориентированному на использование архитектуры, а значит — и на смысл этих пользовательских практик. В последнем случае важна и проблема христианизации витрувианского-языческого наследия: только через отсылку к живой вере во Христа и законности переноса сакральной архитектурной практики древних в настоящее можно оправдать оживление тех опять же древних и почти забытых архитектурных религиозных символов, которыми являются известные ордерные элементы, прежде всего — колонны, зримо-пластические персонификации пробудившихся богов и визуально-телесная персонализация возбудившихся (в хорошем смысле слова) дискурсивных кругов, в которые включены как отдельно взятые личности, так и тексты, и постройки, а равно и аналитические установки.

Интересно и значимо то обстоятельство, что эта переходность «иконаграфия — иконология» проявляется и в переходности сугубо образной, вернее — медиальной, где принципиальна трансформация непосредственно опыта, например изучения античного наследия, явленного, между прочим,

в виде руин, в опыт реконструкции через текстуальное посредничество того же Витрувия. Фактически живой археологический материал оказывается *exemplar* витрувианской если не мифологии, то идеологии. В результате практически любая новая постройка становится иллюстрацией и, следовательно, иконографическим изводом соответствующей идеи Витрувия, правда с одним-единственным, но бесконечно существенным исключением: ордер воспроизводит и изображает не только свойства богов или Бога, не только свойства человеческих тел, не только, кстати, социальный статус заказчика (это все параметры сугубо иконографические), но свойства форм, присущих природе, созерцание которой как раз и дает непосредственность переживания (характерно для Палладио с точки зрения Форссмана, хотя для Серлио, например, принципиальна разница между *opera di natura*, что есть, соответственно, *rustica*, и *opera di mano*, то есть собственно *ordini* (Forssmann 1961: 38).

Вернее сказать, эта соотносительность и есть способ перехода к иконологии и есть способ перехода к иконологии как семантике живого и актуального опыта — как проектирования, так и последующего пользования. Повторяем: если задана меморативная инстанция смысла, то задана и обязательная иконология, как обращение к сознанию, причем созерцающему: памятник заведомо и эксплицитно задает свое толкование в расширительно-ассоциативном, активно-обогатительном ключе.

Этот переход имеет и сугубо исполнительский характер и в том смысле, что имеется и переход от предзаданной архитектурной формы к реализованному гештальту архитектурного произведения. Эта латентная перформативность — еще один повод к иконологии, но уже (или еще?) имманентной самому

творению (архитектура — «иконология в камне» или «окаменевшая риторика», то есть всегда — памятник).

Можно сказать, что в таком случае любая ренессансная и вообще ордерная постройка — это замещающая реконструкция античного памятника-руины, который в таком контексте оказывается подлинным имаго (если это слово здесь применимо), переходя тем самым в ведение уже имагологии — вкупе, например, с медиалогией. Символизм утраты, возобновления-обретения и мемориализации этого сознательного или бессознательного достижения — вот смысл всякой постройки, украшенной ордером и обреченной на толкование и разоблачение (позволим себе подобное истолкование Форссмана).

Сам характер употребления ордеров, особенно дорического, как первичного, выдает имитативно-меморативные отношения между виртуальной системой ордеров, зафиксированных в текстах, проектах и раскопках, и реальной и конкретной постройкой, приобретающей заведомо характер памятника: если в дорике экспрессивно-характерологически зафиксированы *первичность, сила и простота*, то это дает наглядную символику той же *простоты, постоянства, идентичности*. Дорика — как присутствующая скрытым образом инварианта этой системы, ее мемориальный гештальт, напоминание об основе (ордер — в цоколе!). Это единственный случай, когда на поверхность (земли!) проступает своего рода внутренняя монументальность. Особенно это заметно в сочетании с другими ордерами в ситуации суперпозиции: фасад здания — наглядная смысловая структура-архитектоника, где типология ордерная обеспечивает и обосновывает, вернее, реализует многоуровневую семантику (Forssmann 1961: 74).

Но есть ли это смысл самой постройки или расширенное и продолженное действие аллегорического, то есть иконографического, а значит, декоративного, внешнего значения? И когда и как оно трансформируется в имманентный смысл самой архитектуры, в «феноменальный образ данного в гештальте значения» (*Там же*: 86)?

Отдельный аспект — использование исконно сакральных ордерных форм в светской архитектуре, в первую очередь — в жилой, где тем паче активизируется социально-психологическая составляющая архитектурного творчества и императив толкования — формулировка уже субъектных, субъективных и интерсубъективных связей и значений. Примечательно, что светская постройка соединяет социально-психологически начало и концы: архитектор-проектировщик — тоже светский фактор, и его поведенческие особенности и душевные качества прямо присутствуют в его постройке, если он их отслеживал и выводил наружу в акте хотя бы проектной экспрессии. А если он — заказчик собственного дома (случай Браманте, который намеревался жить, получается, в памятнике, посвященном дорике)?

Поэтому характерологическое — вот то самое, что оказывается условием и основанием истолкования: присутствие темперамента (достаточно вспомнить Санмикеле) на уровне свойств постройки зацепляет и зрителя-толкователя (*Там же*: 40). Это то общее основание, которое объединяет исходную и конечную инстанцию (ср. свойства дорики — как самого близкого и к основанию здания, и к уровню пользователя). Только где Ausdruck, там и Eindruck.

В этом смысле показательна даже не дорика со своей сдержанностью и некоторой недоступностью (притом,

что она совсем рядом, на том же уровне, что и зритель), а ионика, предполагающая чуть большую свободу по отношению к себе, одно из следствий которой — податливость к аллегорезе. Тем более что срединное положение ордера между простотой дорики и пышностью коринфской стилистики предполагало достаточно тонкий вкус — истинного знатока и ценителя, склонного к деталям и спокойной рассудительности, в том числе и в вопросах толкования. Поэтому, строго говоря, ионика фактически лишена собственного значения: все в ней направлено вовне, и в ней нет «значения, обретающего свой гештальт в феноменальном образе [keine im Erscheinungsbild gestaltende Bedeutung]» (Forssmann 1961: 87). Аллегория — вместо архитектурного значения, даже вместо визуального вообще, то есть образованного и явленного соответствующим гешталтом (у архитектуры он только архитектурный). Сами же ордерные элементы — это «намеренные средства наделения гешталтом» (Там же), что подразумевает сознательное использование ордерной системы как инструмента выявления, «проступания» этого самого гештальта, который — образ действий (модус) и — габитус, так сказать, архитектурной конститутивности. То, что получается в результате именно этих актов-операций и манипуляций с элементами ордерной системы, со стихиями той или иной архитектурной реальности, то и будет значимо и обязательно к последующей и оценке, и аналитике, так как содержит и являет свой специфический и сущностный смысл, то есть значение всех подобных модальностей и связей с самой архитектурой, с миром, человеком, Богом. Следует еще раз подчеркнуть, что эта ситуация определяется и обуславливается ордерной системой как таковой,

где, повторяем, ее элементы — это прямые аспекты, непосредственные индексы тех или иных положений дел, состояний умов и, быть может, инструменты или медиумы их прагматики.

Еще более тонкий случай — характер коринфского ордера как воплощения женского начала. Именно потому он требует к себе деликатного отношения, что усугубляется и соответствующей легендой о происхождении коринфской капители с гробницы юной девы: смерть, память, приношение к гробнице и органическая природа в своей непосредственной витальности и невольной мемориальности — вот что формирует характер коринфского ордера и оформляет всякие способы с ним обращения. Ведь так и есть: превращение девы в женщину — и дань природе, и жертва прежним состоянием. Переходность — аспект смертности, тем более в прерывании естественного порядка (смерть преждевременная, нежданная, незаконная или насильственная). В этом коренится, кстати говоря, возможность как продолжать ордерную систему в композитном ордере, у которого совсем особая роль, связанная с трансмутацией самого ордерного принципа, так и венчать коринфским ордером ордерную систему в качестве ее завершения. Он — «венец архитектуры», согласно Скамоцци (Там же: 91). Но скрыто он выступает и в качестве ее исчерпания-умирания, на что обратил внимание классицизм XVIII в., отказавший, между прочим, в легитимности тому же композитному ордере. Именно коринфская колонна выдерживает всевозможные метафоры высоты, выражая, например, «возвышение души» или «величие высших существ», если верить опять же Скамоцци. Именно в коринфском ордере топика архитектурная почти органически трансформируется

в топосы аллегорические. Сама капитель благодаря своей наглядной изобразительности, своей способности соединять органические формы и символические содержания — уже одновременно и средство, и результат переноса. И весь ордер без труда выполняет соответствующие практически мета-архитектурные функции: объединяет постройку в единое целое, наделяя ее «целостным габитусом» (Там же: 94), причем в интерьере (базилика Св. Петра), соотносит и опять же объединяет исторические места и времена, визуализируя виртуальные стили («соломонов ордер» в исполнении, например, Бернини), попросту резюмирует историческую судьбу самого витрувианства, «метаморфозы архитектурного» с его «упорядочивающей силой» (Там же: 103) — в том же композитном ордере, где капитель — уже прямо собирательное место самых разных предметов («ингредиентов» ордерной системы (например, черепов). В результате, подобно тому, как коринфская капитель — виртуальное надгробие, так композитная — реальный монумент самих архитектурных элементов, вознесенный и возвышенный наглядный знак-индекс архитектурной композиции, буквально квинтэссенция классической архитектуры. Капитель — это только наиболее выразительный элемент и самое действенное средство в тех архитектурных процессах, что формируют «силовое поле» (Там же: 99), внутри которого каждый вариант находит себе место в диапазоне от «строгой связанности с античным прообразом» до «разумной свободы в формальном» (Там же: 99). Ни строгая дорика, ни сдержанная ионика на такую практически бесконечную вариативность были не способны, и потому-то коринфски-композитная система и завершает «эпоху витрувианства»,

достигнув предела барочной «дикости» (с точки зрения классицистов XVIII века), реализовав ей «присущие самые крайние возможности, не переступив, однако, границы, положенные и духом, и буквой» (Там же: 103).

Радикальные, то есть коренные перемены совершаются с витрувианством, тем не менее, только в эпоху классицизма — в сочетании с сентиментализмом и с преодолением его, то есть все того же сенсуализма, тогда как классицизм — не что иное, как археологизм со всеми его признаками и последствиями. Старение и изнеможение витрувианства, усталость традиции заставляют искать древность, подлинную и простую в своей непосредственности (Винкельман), что увенчалось открытием Пестума (Там же: 120). Таким образом, руины и погребения становятся образцом, документом-свидетельством оригинальности. Складывается «новый формально-содержательный комплекс», для которого архитектура — инструмент непосредственного воспроизведения реальной ситуации, а не архитектурное «истечение» некоторых «идей, свободно и независимо носящихся в воздухе» (Там же: 119).

Архитектурная истина теперь напрямую открывается, и отрывается — в землю и как археологическая правда, связанная с землей, природой и стихийностью, в которую буквально надо погрузиться и которой отдаться, — и на рациональном, и на эмоциональном уровне. Так рождается и утверждается культ погребения, умирания как условия обновления и обретения подлинности и свободы — как свободы чувства и переживания, так и, что еще более существенно, — воздействия.

Монумент (архаический — то есть оригинальный, исходный — храм) становится ферментом, средством разло-

жения (Forssmann 1961: 120) и трансмутации ордерной (в том числе) архитектурной системы: ордер отныне лишается собственной характерологии и оказывается инструментом для характерного поведения архитектуры как таковой, обретающей теперь характер языкового высказывания, становящейся с этого момента говорящей. А так как земля, почва — до-архитектурная стихия, являющая в первую очередь свою материальность (это даже не тело), массивность и, в связи с этим, бесформенность и безмерность, то, как следствие, рождается архитектура утопическая и революционная, то есть чисто проективная и чисто суггестивная. Архитектура как атрибут бумажной поверхности, как все то же письмо, если не плакат, где в условности рисунка развязаны руки: архитектура легко в подобном неподлинном (это после поисков подлинности!) модусе «впадает в культ колоссального», которое отличается от монументального своей, казалось бы, непосредственной данностью, то, что, согласно этимологии, находится при колоссе — например, императорском, вблизи прямого обнаружения власти, а не действует на рассудок, на память, как это присуще монументальному. Этот метафоризм, превосходящий саму архитектуру (Там же: 123), у того же Булле приобретает уже не только погребальный, потусторонний, но и прямо запредельный характер: чтобы исполнить зрителя, созерцающего погребальный монумент, мыслями о смерти, сама архитектура должна быть отчасти погребенной, погруженной в стихию земли, причем начиная со своих пропорций: свидетельство того, что архитектура перестает изображать архитектурные качества. Если витрувианство реалистично, то классицистическая археологичность натуралистична и своей массивностью

предполагает массивность воздействия, массовость как форму и массы как адресат «сообщения». Способ же действия — «через чувства на восприимчивость — открыто, осязаемо, по-ораторски» (Там же: 124). Более того: для XX в., увы, «гигантомания революционной архитектуры» становится предметом особого интереса из-за своей «неопределенной формы как адекватного выражения такого общества, у которого более нет твердого оформления» (Там же). Никакие украшенные колоннами фасады не могли выглядеть убедительными уже в XIX в., тем более в XX, хотя «политические системы, в которых, несмотря ни на что, оказалось возможным повернуть вспять колесо истории и вернуться к абсолютистским порядкам, в силах были пытаться — вопреки своему времени — являть свою волю и выражать свои властные притязания при помощи колонн» (Там же).

Но главный вывод Форссмана — далеко идущий с точки зрения и истории, и метода — звучит следующим образом: «и в эпоху Ренессанса, и в эпоху маньеризма, и барокко каждый раз в своем роде архитектура оставалась говорящей» (Там же: 125). Иначе говоря, важен не тот факт, что архитектура говорит, а важно то, о чем она ведет свои речи, и тот, чей глас слышится за этими и риторикой (это еще, в лучшем случае, иконография архитектуры), и патетикой (уже, по крайней мере, ее иконология). В любом случае, на эти речи стоит реагировать, не молчать, а стараться понять и отвечать — своими речами, выстроенными уже по иным правилам и настроенными на иные ответы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аналитическая философия 2006 — Аналитическая философия. Учебное пособие / Под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка.

- М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006.
- Ванеян 2013 — Ванеян С. С. Панофский, Гомбрих и смысл значения в иконологии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. Вып. 1 (10). С. 21–43.
- Forssmann 1961 — Forssmann E. Dorisch, Jonisch, Korinthisch. Studien über den Gebrauch der Säulenordnungen in der Architektur des 16. bis 18. Jahrhunderts. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1961 (Переиздание: Wiesbaden: Vieweg+Teubner Verlag, 1984).
- Forssmann 1979 — Forssmann E. Ikonologie und allgemeine Kunstgeschichte // Kaemmerling Ekkehard (Hrsg.). Bildende Kunst als Zeichensystem. Bd. I. Ikonographie und Ikonologie. Theorien — Entwicklung — Probleme. Köln: DuMont, 1979, pp. 257–300. (Первое издание в: Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft 11 (1966). S. 132–169).
- Forssmann 1981 — Forssmann E. Karl Friedrich Schinkel: Bauwerke und Bagedanken. München: Schnell & Steiner, 1981.
- Forssmann 1999 — Forssmann E. Goethezeit: Über die Entstehung des bürgerlichen Kunstverständnisses. München/Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1999.
- Forssmann 2005a — Forssmann E. Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Stil: Goethes kunstgeschichtliche Grundbegriffe. Freiburg im Breisgau: Rombach Verlag, 2005.
- Forssmann 2005b — Forssmann E. Kunst und Architektur im neuzeitlichen Europa: Ausgewählte Beiträge, herausgegeben von Hermann Reidle. Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 2005.
- Forssmann 2011 — Forssmann E. Edle Einfalt, stille Größe: Winckelmanns Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerei und Bildhauerkunst von 1755. Freiburg im Breisgau: Rombach Verlag, 2011.
- Gantner 1964 — Gantner J. Rembrand und Verwandlung klassischer Formen. Bern: Francke, 1964.
- Panofsky 1979a — Panofsky E. Zum Problem der Beschreibung und Inhaltsdeutung von Werken der bildenden Kunst // Kaemmerling Ekkehard (Hrsg.). Bildende Kunst als Zeichensystem. Bd. I. Ikonographie und Ikonologie. Theorien — Entwicklung — Probleme. Köln: DuMont, 1979, pp. 185–206 (Первое издание в: Logos. 1932. No. 21. S. 103–119).
- Panofsky 1979b — Panofsky E. Iconography and Iconology: An Introduction to the Study in the Visual Arts // Kaemmerling Ekkehard (Hrsg.). Bildende Kunst als Zeichensystem. Bd. I. Ikonographie und Ikonologie. Theorien — Entwicklung — Probleme. Köln: DuMont, 1979, pp. 207–225 (Первое издание в: Studies in Iconology. N.Y., 1939).

REFERENCES

Analiticheskaja filosofija. Uchebnoe posobie (Analytical Philosophy. Handbook). Eds. M.V. Lebedev, A.Z. Cherniak. Moscow: Peoples Friendship University of Russia Publ., 2006 (in Russian).

Vaneyan S.S. Panofsky, Gombrich i smysl znachenii v iconologii (Panofsky, Gombrich and the Sense of Meaning in Iconology). *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seria 5. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva (The Bulletin of Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University. Seria V. Questions of History and Theory of Christian Art)*, 2013, no. 1 (10), pp. 21–43 (In Russian).

Forssmann E. *Dorisch, Jonisch, Korinthisch. Studien über den Gebrauch der Säulenordnungen in der Architektur des 16. bis 18. Jahrhunderts*. Stockholm: Almqvist & Wiksell Publ., 1961 (Reprint: Wiesbaden: Vieweg+Teubner Verlag Publ., 1984).

Forssmann E. Ikonologie und allgemeine Kunstgeschichte. *Kaemmerling Ekkehard (Hrsg.). Bildende Kunst als Zeichensystem. Bd. I. Ikonographie und Ikonologie. Theorien — Entwicklung — Probleme*. Köln: DuMont Publ., 1979, pp. 257–300. (First edition in: *Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*, 1966, no. 11, pp. 132–169).

Forssmann E. *Karl Friedrich Schinkel: Bauwerke und Bagedanken*. München: Schnell & Steiner Publ., 1981.

Forssmann E. *Goethezeit: Über die Entstehung des bürgerlichen Kunstverständnisses*. Mün-

- chen/Berlin: Deutscher Kunstverlag Publ., 1999.
- Forssmann E. *Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Stil: Goethes kunstgeschichtliche Grundbegriffe*. Freiburg im Breisgau: Rombach Verlag Publ., 2005.
- Forssmann E. *Kunst und Architektur im neuzeitlichen Europa: Ausgewählte Beiträge, herausgegeben von Hermann Reidle*. Hildesheim; Zürich; New York: Olms Publ., 2005.
- Forssmann E. *Edle Einfalt, stille Größe: Winckelmanns Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerei und Bildhauerkunst von 1755*. Freiburg im Breisgau: Rombach Verlag Publ., 2011.
- Gantner J. *Rembrandt und Verwandlung klassischer Formen*. Bern: Francke Publ., 1964.
- Panofsky E. Zum Problem der Beschreibung und Inhaltsdeutung von Werken der bildenden Kunst. Kaemmerling Ekkehard (Hrsg.). *Bildende Kunst als Zeichensystem. Bd. I. Ikonographie und Ikonologie. Theorien — Entwicklung — Probleme*. Köln: DuMont Publ., 1979, pp. 185–206 (First edition in: Logos, 1932, no. 21, pp. 103–119).
- Panofsky E. Iconography and Iconology: An Introduction to the Study in the Visual Arts. Kaemmerling Ekkehard (Hrsg.). *Bildende Kunst als Zeichensystem. Bd. I. Ikonographie und Ikonologie. Theorien — Entwicklung — Probleme*. Köln: DuMont, 1979, pp. 207–225 (First edition in: Studies in Iconology. New York, 1939).

С. В. Тарханова

КЛАССИФИКАЦИЯ СИНАГОГ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ПЕРИОДА (III–VII ВВ.).

Часть I. Historiografia вопроса

В данной статье впервые анализируются существующие системы и принципы классификации синагог. Первоначальная эволюционная система, состоявшая из трех групп («галилейская», «византийская», «промежуточная»), постепенно разрушалась в результате новых открытий и передатировок отдельных синагог. Появлялись новые системы, сначала независимые от хронологической последовательности, но придерживающиеся прежних групп; затем региональные (Э. Мейерс), статистические (М. Чиаи), просто хронологические, без каких-либо типологий (Д. Милсон). Параллельно этим предлагалось выделить дополнительные группы «голанских» синагог с подгруппами, но поскольку их выделение основывалось на декоративных признаках, подобное решение еще больше запутывало архитектурную классификацию. Очевидно, что происходил постепенный отказ от архитектурных принципов и все большее смешение их с декоративными, региональными и статистическими, что привело к исчезновению границ между группами и отсутствию единой классификации.

Ключевые слова: Палестина, поздняя античность, архитектура синагог, традиционная классификация, «раннегалилейский», «голанский», «византийский», «промежуточный» типы

S. V. Tarkhanova

THE CLASSIFICATION OF THE LATE ANTIQUE SYNAGOGUES OF THE HOLY LAND (3rd–7th CENTURIES CE).

Part I. Historiography of the problem

In the present article the existing principles of classification of Late Antique synagogues of the Holy Land are systematically analyzed. The initial evolutionary system, that appeared in the very beginning of the 20th century and consisted of three and later four groups ("Early-Galilean", "Golan", "Byzantine", "Transitional"), has been neglecting the step-by-step process, as a result of new discoveries, and new dating of some already known synagogues. New systems were proposed: at first, the same three groups but independent from the chronological sequence; then the other systems appeared sequentially: regional (E. Meyers), statistical (M. Chiat), just chronological ones, without any typology (D. Milson). In parallel, it was supposed to mark out additional groups of the 'Golan' synagogues with subgroups (Z. Ma'oz), but because their classification was based on decorative features, such a decision made architectural classification even more complicated. It is obvious that gradually a refusal of architectural principles took place; parallel to that was the mixing of architectural principles with the decorative, regional and statistical features. This led to the disappearance or blurring of the borders between the groups and absence of common classification.

Keywords: Palestine, Late Antique, architecture of synagogues, traditional classification, "Early-Galilean", "Golan", "Byzantine", "Transitional" types

История классификаций синагог почти так же продолжительна, как и история их археологических открытий, то есть с конца XIX в. и до наших дней. За давностью этого вопроса уже не заметны противоречия различных тео-

рий, возникавших в историографии. При близком соприкосновении с данным вопросом становится очевидно, что до сих пор не выработана единая и бесспорная система, хотя их существует несколько. В данной статье будут затронуты основ-

ные из них, вслед за чем будет предложена новая, авторская классификация синагог Святой Земли.

В последнее время синагоги позднеантичного периода стали анализироваться в русскоязычной научной литературе. Затрагиваются и вопросы их классификации. В монографии Л.А. Беляева и Н.Я. Мерперта (*Беляев, Мерперт* 2007: 167–168) несколько страниц посвящено этому вопросу, в самых общих чертах, с краткими ссылками на основные труды Л. Левина, С. Файна, Р. Хахлили, Э. Мейерса. Более подробно классификация синагог раскрывается в монографии Л.С. Чаковской (*Чаковская* 2011: 113–116), в связи с вопросами периодизации по Д. Гроу (*Groh* 1988: 80–96). Российские авторы упоминают только самую основную систему, отмечая ее слом в результате археологических открытий конца XX в. Но не упоминаются альтернативные системы классификаций, возникшие в конце XX в. и в начале XXI в. Также в работе Л.С. Чаковской упоминается о том, что представление о последовательном хронологическом развитии синагог более недействительно из-за множественных передатировок наиболее значительных памятников, однако при описании их автор ссылается именно на старые датировки.

В традиционные классификационные системы попали только позднеантичные синагоги (III–VII вв.), в то время как их массовому строительству в этот период предшествовало некоторое количество синагог рубежа эпох (т.н. синагоги периода Второго Храма). Самая ранняя синагога, идентифицированная археологически, находится на о. Делос и датируется I в. до н. э.¹ Из археологически известных синагог периода Вто-

рого Храма обычно выделялись четыре: две на севере Палестины в Гамле и в Магдале, две на юге — в Иродионе, Масаде. Уже в публикации Л. Левина (*Levine* 1999: 42–73) эти относительно точно идентифицируемые синагоги были дополнены постройками в Кириат Сефере, Эт-Тувани, Иерихоне, Модиине, Хорват-Этри, Кумране, Хорват-Бурнате, Капернауме (под поздней синагогой), Хоразине (утрачена), Хирбет-Кане (*Edwards* 2002: 101–132; *Edwards* 2009: 219–236) и другими, а в обобщающей публикации последних лет их насчитывают уже 16 (*Hachlili* 2013: 23–54). При этом особенно подчеркивается тот факт, что три из них (Гамла, Масада, Иродион) были изначально общественными зданиями и превращены в синагоги во время еврейского восстания против римлян в 68–70 гг. Недавно У. Либнером была открыта синагога в Вади Хамам, в которой выделяется несколько строительных фаз. Первичная относится к эпохе Второго Храма (*Leibner* 2011: 200–218). Именно эта первая синагога была наиболее стилистически выдержанной; следующая, построенная в III–IV вв., была построена уже более небрежно, с использованием деталей предыдущей.

Обычно синагоги периода Второго Храма рассматриваются отдельно от более поздних синагог, прототипами которых они были. Это происходит не только по причине хронологического разрыва между ними, но еще и потому, что четкой уверенности в том, что это были именно синагоги, — нет (*Foerster* 1981: 24–29). Не обнаружено никаких деталей, которые могли бы твердо свидетельствовать об их религиозном характере или о существовании Ниши Торы, вимы или престолов, хотя по письменным источникам известно, что они, несомненно, были (*Fine* 1997: 32). Исключение составляет необычная находка в синагоге

¹ Вопрос идентификации остается спорным (*Pummer* 2005: 121; *Matassa* 2007: 81–116).

Ил. 1. Общий вид синагоги в Магдале (50 г. до н. э. — 100 г. н. э.). Фото С. Тархановой, 2016

в Магдале, где был обнаружен каменный стол с рельефными украшениями, среди которых встречается и изображение Меноры (*Hachlili* 2013: 40; *Aviam* 2013: 205–220) (ил. 1–2).

Точные временные рамки перерыва между строительством синагог периода Второго Храма и новым строительным этапом уже в позднеримский период неизвестны. Также неясны причины данного перерыва. С. Швартц утверждает, что синагоги во II–III вв. существовали, так как они упоминаются в Мишне и Тосефте (*Schwartz* 2001: 226–227). Но этому противоречат скудные археологические свидетельства. Л. Левин предположил, что после войн с Римом все синагоги периода Второго Храма были уничтожены (*Levine* 2000: 171). По другой версии, ранние синагоги было сложно отличить от простых светских или бытовых построек, как

и христианские *domus ecclesiae* от простых домов (*Там же*: 185). Также ранние синагоги могли быть перестроены или даже уничтожены при возведении более поздних на их месте (*Там же*: 171), как это произошло, например, в Набретейне (ил. 3), что подтверждается раскопками Мейерса (*Meyers, Meyers* 2009). Помимо Набретейна локализуют еще несколько ранних синагог периода после 70 г., как правило, перестроенных впоследствии: Айн-Геди (первый строительный этап, конец II — начало III в.), Эштемоя (II — начало III в.), Хамат-Тверия В IIb (первая половина III в.), Хорват-Риммон (середина III в.), Бейт-Шеарим (вторая половина III в.), Кафр-Миср (начало III в.), Хорват-Амудим (конец III в.), Хорват-Шема (первый строительный этап, конец III в.), Мейрон (конец III в.), первая синагога в Гуш-Халав (первый строительный этап, конец III в.).

Ил. 2. Стол с изображением Меноры из синагоги в Магдале (50 г. до н. э. — 100 г. н. э.). Гипсовая копия. Фото С. Тархановой

Ил. 3. Общий вид синагоги в Набретейне после реставрации. Три синагоги были построены на одном и том же месте: синагога 1 (135–250 гг. н. э.), синагога 2 (250–306 гг. н. э.; 306–363 гг. н. э.) и синагога 3 (564–700 гг. н. э.). Фото С. Тархановой

У. Либнер, открывший синагогу в Вади Хамам, предполагает, что перемены в строительстве синагог был незначительным. На примере Вади Хамам он показал, что ранняя синагога I в. продолжала использоваться до середины II в., а следующая на этом месте была построена уже в III в. Эти наблюдения позволяют, на мой взгляд, объединить синагоги обоих основных периодов при составлении классификации.

Синагоги Святой Земли поражают своим архитектурным многообразием. Конечно, смелость их композиционных решений не может конкурировать со святилищами эллинистической и римской эпохи, с христианскими храмами ранневизантийской эпохи. Но при условии, что все археологически известные синагоги имеют форму базилики², вариации одной этой формы на протяжении всего лишь семи веков не кажутся столь уж однообразными. Важная особенность синагогальной архитектуры, которая создает сложности для классификации памятников, — это варьирование тех деталей, которые в языческой или христианской архитектуре чаще всего оставались неизменными: ориентация постройки, положение сакрального центра, деление пространства на зоны. Это создает новые условия их классификации и лишь частично позволяет воспользоваться уже разработанным материалом в других архитектурных сферах.

Большая часть римских и позднеантичных синагог находится в северной Палестине: 62 синагоги из 80 локали-

зованных и из 173 известных по незначительным остаткам или упоминаниям. Именно на севере Палестины зарождались оригинальные творческие идеи, своеобразия которых никогда не достигали синагоги Диаспоры.

Хотя для классификации синагог раннехристианского периода в израильской историографии существует несколько основных систем, ныне принято говорить о трех (иногда четырех) типах синагог. Как правило, делается оговорка, что изначально существовало представление об их хронологически последовательном развитии, но затем, в 1970-х годах, в результате важных археологических находок от подобного представления отказались. Но само становление этой классификации значительно более противоречивое и имеет интересное историографическое развитие.

Основная традиционная классификация появилась в начале XX в., когда первые исследования важнейших мест Палестины были предприняты Германским восточным обществом. В 1905 и 1907 г. Г. Коль и К. Ватцингер исследовали 9 галилейских и 2 голанских памятника, предполагая, что это синагоги (*Kohl, Watzinger* 1916). В 1916 г. появились первые планы этих зданий с описанием и зарисовками деталей.

Краеугольным камнем их теории стала Капернаумская синагога, открытая Э. Робинсоном в 1838 г. Затем С. Андерсоном были проведены краткие археологические раскопки в 1856 г., возобновленные в следующем году тем же Робинсоном (*Aviam* 2004: 148). В 1866 г. капитан Ч. Вилсон идентифицировал ее как новозаветную синагогу центуриона и датировал I в. В 1875 г. В. Гёрен также исследовал синагогу в Капернауме, наряду с Арбелем и Хоразином, и повторил датировку своего предшественника (*Guérin* 1880: 229). Долгое время эта датировка серьез-

² Существует единственное упоминание у Епифания Кипрского о самаритянской синагоге в виде открытого амфитеатра в Малой Азии (*Ephraim. Adv. haer. [Panarion] 80, I, 6*). Также в проповедях против иудеев Иоанн Златоуст сравнивает синагогу с театром (Иоанн Златоуст 1991: Слово Первое. 6).

ным образом не оспаривалась и служила основой для других теорий.

Исследование Капернаума, продолженное Г. Колем и Г. Ватцингером, и их другие наблюдения легли в основу теории эволюционного развития синагог³. Теория заключалась в том, что синагоги, в которых обнаружилось большое количество черт, схожих со святилищами Южной Сирии и самой Палестины (Кедеш), по аналогии с ними, были датированы II–III вв. Коль и Ватцингер заключили, что «галилейские» синагоги были построены во времена процветания еврейских общин во II–III вв.

С 1920-х годов раскопки древних синагог были продолжены, и они принесли новые сенсационные открытия. В 1921 г. Винсент опубликовал синагогу в Нааране (Иерихон), которая представляла собой трехнефную постройку с апсидой по южной стороне и с мозаичным полом, чем напоминала ранне-византийскую церковь (*Werlin* 2015: 70–90). В 1928 г. была обнаружена вторая аналогичная синагога в Бейт-Альфе. Благодаря надписи синагога была датирована довольно точно началом VI в. Вскоре еще одна подобная постройка была открыта в Хамат-Гадере. Пытаясь объединить эти находки 1920-х годов с синагогами, которые были открыты раньше, Э. Сукеник издал монографию, где разделил известные на тот момент памятники на две группы: раннюю, которая уже имела название «галилейской», и более позднюю, которую условно назвали «византийской» (*Sukenik* 1934).

Вскоре была обнаружена необычная синагога на юге от Иерусалима в Эштомоа. Она была открыта экспедицией Еврейского Университета под руковод-

ством Г. Мейр (G. Mayer) и Ф. М. Райфенберга (F. M. Reifenberg). Синагога сильно отличалась от всех, известных к этому моменту. В ней не было фасада с тройным входом, обращенным в сторону Иерусалима, не было апсиды. Вместо этого в ней было три входа по короткой восточной стороне и три небольшие ниши по северной стене, по направлению к Иерусалиму. Так как эта синагога не была похожа ни на одну из уже открытых, было решено выделить еще одну группу, которой нашлись и аналогии в Дура-Европос, в Наве (Сирия) и в Наро (Хамам-Лиф, Тунис), и назвать ее «промежуточной», или типом «широкого дома» (*breitraum*). Д. Милсон отмечает, что данный термин оказался ошибочным и вернее такой архитектурный тип называть типом «длинного дома» (*langbau*) (*Milson* 2007: 27). Группа строино датировалась III–IV вв. и укладывалась в промежуток времени между «галилейской» и «византийской». Ее главным отличием стало то, что Ниша Торы находилась вдоль длинной стены, а не короткой. Новая трехчастная классификация была разработана в 1930–1960-х годах классиками израильской науки — Э. Гудинафом (*Goodenough* 1953), Э. Сукеником, М. Ави-Йоной (*Avi-Yonah* 1961) и продержалась на удивление долго. Более того, ее основы, хотя и с оговорками, используются до сих пор.

Итак, постройки были поделены на три типа:

- 1) «раннегалилейский» (II–III вв.);
- 2) «промежуточный», или тип *breitraum*, «широкого дома» (III–IV вв.);
- 3) «византийский» (V–VIII вв.).

Сомнения в хронологической последовательности развития синагог появились после сенсационных находок В. Корбо и С. Лоффреды в 70-х годах XX в. в Капернаумской синагоге (*Loffreda* 1993: 291–295; *Loffreda* 1997: 223–244), которая

³ По замечанию Д. Милсона (*Milson* 2007: 18), эволюционные теории стали особенно популярны под влиянием опубликованного «Происхождения видов» Ч. Дарвина (1859 г.).

считалась наиболее древней и характерной для ранней «галилейской» группы. Но после того как в фундаменте были найдены монеты конца V в., ее уже невозможно отнести ни к III, ни к IV в. Еще одно хронологическое противоречие возникло благодаря обнаруженной на дверной перемычке в синагоге в Набратайне (третий строительный этап) надписи. По своему греко-римскому стилю синагога относилась к группе ранних «галилейских» синагог, но по дате, указанной в надписи, она была построена в 564 г.⁴

Несмотря на столь очевидные доказательства, многие ученые придерживались старых датировок и предпочитали воспринимать позднюю датировку отдельных синагог как исключение или ошибку⁵. Например, Й. Тсаффрир в 1995 г. писал, что «лучше поддерживать общепринятую концепцию и искать объяснение противоречиям, которые существуют между новыми фактами и общей идеей, так чтобы новая информация не уничтожила старую структуру» (*Tsafrir* 1995: 151–161).

В эти же годы (1970–1972 гг.) появились сомнения в том, что «промежуточные» синагоги появились только после галилейских. Раскопки в Хорват-Шеме, где была найдена одна из наиболее типичных синагог «промежуточного» типа, показали, что построек было две. По наблюдениям Э. Мейерса, первая синагога появилась в III в., была разрушена во время землетрясения в 306 г.; вторая синагога погибла во время землетрясе-

ния 419 г. (*Meyers* 1981: 70–74). Аналогичные заключения были сделаны Мейерсом по другим синагогам, которые относились к «галилейской» группе: Мейрон, Гуш-Халав (*Meyers* 2001: 49–70), Набратайн в Верхней Галилее (*Meyers, Meyers* 2009). Первоначальные фазы этих построек по стратиграфическим данным относились к II (Набратайн) и III в. (остальные), и их датировка соответствовала их римскому стилю. Таким образом, доказывалось, что «промежуточные» синагоги существовали одновременно с «галилейскими».

В 1980-х годах Мейерс предложил разделить синагоги по группам только в соответствии с их планировками, без хронологической последовательности развития:

- 1) базиликальный, т. н. «галилейский» тип;
- 2) промежуточный тип (тип «широкого дома»);
- 3) апсидальный тип здания (*Meyers* 1980: 97–108).

Однако в 1990-е годы пересмотр данных раскопок в Хорват-Шеме позволил Дж. Магнесс сделать вывод о том, что здание синагоги не перестраивалось и т. н. Синагога II была единственной и появилась лишь в конце IV в. (*Magness* 1997: 211–220), что вновь восстанавливало представление о последовательном появлении типов синагог в соответствии с эволюционной теорией их развития. В настоящее время ее датировка и выводы принимаются не всеми исследователями и встречают критику. Детальное изучение постройки подтверждает скорее теорию Мейерса, чем Магнесс.

Проблема заключается в том, что передатировка большей части синагог из римского (II–III вв.) в ранневизантийский период (IV–VI вв.) противоречит историческим данным. Эпоха Северов, которая считалась наиболее благоприят-

⁴ «В году 494 после разрушения Храма, [эта синагога] была построена во время правления Ханины сына Лизара и Лилиана сына Иуды» (Перевод с английского мой. — С. Т.) (*Avigad* 1960: 49–56; *Levine* 2000: 298).

⁵ Дискуссия вокруг датировки Капернаумской синагоги освещена в отдельных публикациях автора (*Тарханова* 2012: 533–543; *Тарханова* 2015: 2–7).

ной для расцвета иудаизма, иудейского Патриархата, литературного творчества (Чаковская 2007: 116–118), как раз должна была предоставить условия для наиболее интенсивного строительства синагог (Levine 2000: 196; Milson 2007: 23–34). Долгое время именно это историческое обстоятельство подкрепляло раннюю датировку. Ранневизантийский же период был наименее благоприятным для иудаизма, и, как отмечал Либнер (Leibner 2011: 202–203), неясно, каким образом в это время, в V–VI вв., могло появиться наибольшее их количество. В то же время Сафрай убедительно показал, что основные фазы строительства синагог и церквей все же не совпадают (Safrai 1998).

В чем же заключаются главные особенности каждого типа синагог?

1) «Раннегалилейский» тип (ил. 4) и изначально входивший в эту же группу «голанский» (III–IV вв.) (ил. 5) ближе остальных синагог к общему греко-римскому стилю. Синагоги этой группы наиболее уникальны из всех остальных и характеризуются несколькими признаками (ил. 6–7):

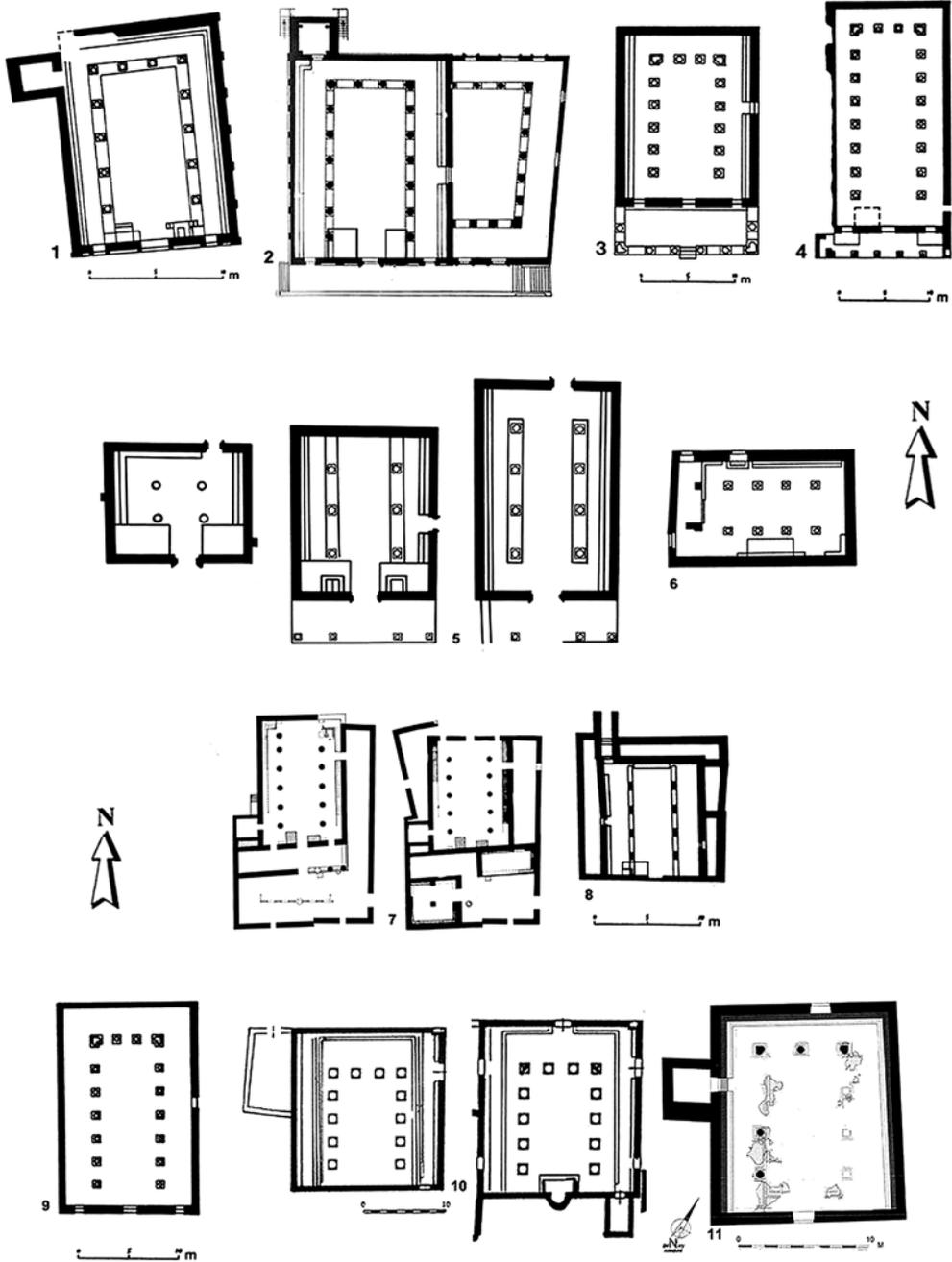
- простой базиликальный план, вытянутый по оси «юг-север», без выступающих снаружи апсид;
- высокий подиум;
- репрезентативный фасад с тройным входом, обращенный в сторону Иерусалима (на юг);
- разделение внутреннего пространства на три продольных и один поперечный неф колоннадами в виде буквы «П» (план греческого, или египетского ойкуса);
- устройство колонн на стилобатах и пьедесталах;
- расположение сидений вдоль стен;
- перемещаемая внутри здания Ниша Торы;
- пышный скульптурный декор и каменная облицовка полов;

- акцент на открытой фактуре каменной кладки из хорошо отполированных квадров.

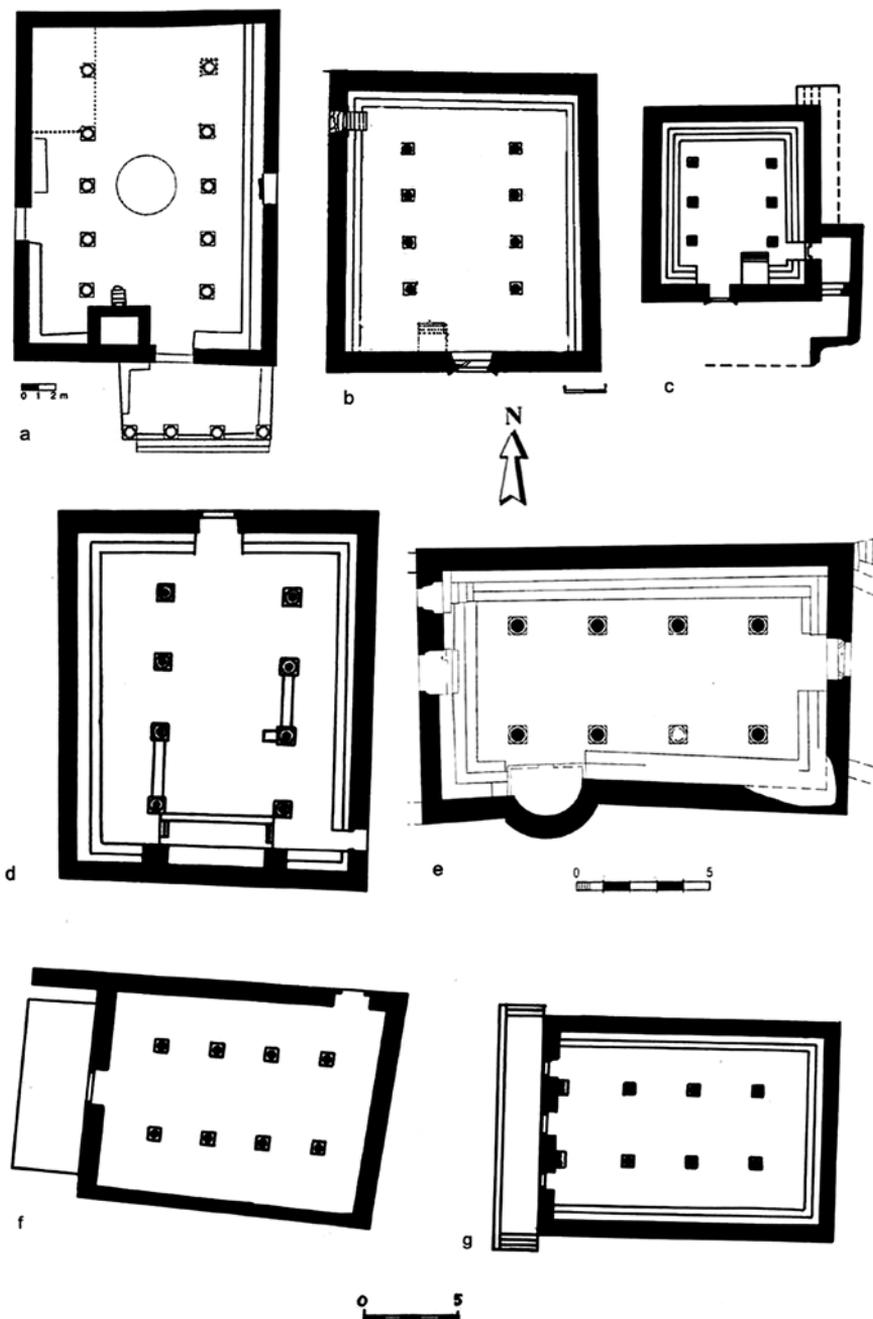
Проблема состоит в том, что все упомянутые признаки встречаются только в пяти синагогах: в Хорват-Амудиме, Мейроне, Капернауэ, Хоразине, Бараме. Они считаются наиболее классическими примерами из этого ряда. Но в «галилейскую» группу обычно относят еще около 20 синагог, в каждой из которых появляется хотя бы одна из характеристик. Г. Коль и Г. Ватцингер насчитывали в группе до 12 синагог (Kohl, Watzinger 1916: 32), Гудинаф соглашался с этим числом, но предполагал еще 25 возможных (Goodenough 1953: 176–263). По подсчетам М. Хиат, в галилейской группе 9 основных синагог, но в ее статистике выделяются в отдельную группу голанские (6 синагог) (Chiat 1982: 36). Д. Милсон и Э. Сукеник не дают количественных показателей, останавливаясь на анализе архитектурных признаков.

Из общего числа «галилейских» синагог З. Маоз в 1980-х годах на основе декоративных особенностей выделил «голанские», разделив их еще на три подгруппы (Ma'oz 1981: 98–115). Такое же выделение М. Хиат и с тех пор поддерживается большей частью исследователей. Но если следовать принципу выделения на основе декоративных отличий, то одну только «галилейскую» группу можно раздробить на большее число подгрупп.

Если опираться на те признаки, которые выделяются учеными, то по моим подсчетам получается, что «галилейских» синагог может быть 12 (Арбель, Барам, Гуш-Халав, Капернауэ, Маоз-Хаим, Марус, Мейрон, Мерот, Набретейн, Шура, Хоразин, Хорват-Амудим), столько же «голанских» (Ассалийех, Даббура, Дабийя, э-Дикке, Дир-Азиз, Зумимра, Канеф, Кацрин,

Ил. 4. Планы синагог «раннегалилейского» типа: 1. Korazim; 2. Capernaum; 3. Bar`am; 4. Meiron; 5. Nabratein I, II, III; 6. H. Shem`a; 7. Meroth I, II; 8. Gush Halav; 9. H. `Amudim; 10. Arbel I, II; 11. Wadi Hamam (Hachlili 2013: 57, Figure III-1)

Ил. 5. Планы синагог «голанского» тина: а. Umm el-Qanatir; б. Dabiyye; в. 'En Nashut; д. Qasrin; е. Deir 'Aziz; ф. Kanaf; г. Ed Dikke (Hachlili 2013: 112, Figure III-33)

*Ил. 6. Общий вид наиболее характерной «раннегалилейской» синагоги в Капернауме.
Фото С. Тархановой*

*Ил. 7. Общий вид наиболее характерной «раннегалилейской» синагоги в Хоразине.
Фото С. Тархановой*

Ил. 8. Общий вид наиболее характерной «голанской» синагоги в Кацрине. Фото С. Тархановой

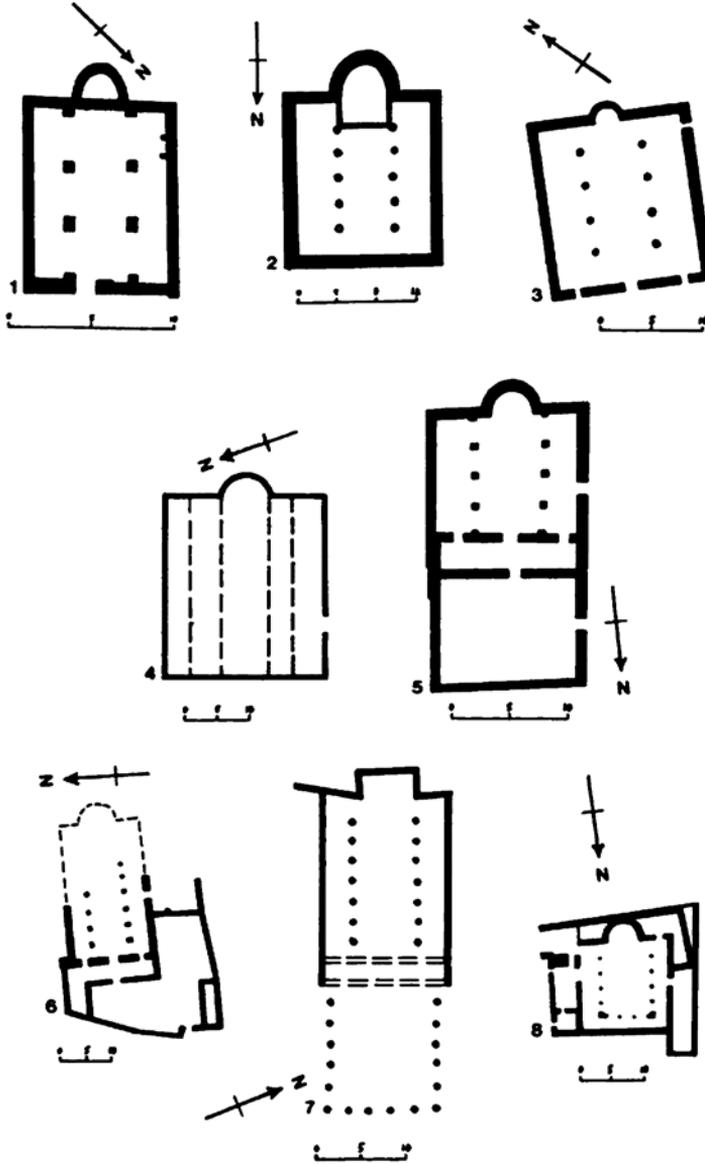
Нава, Пик, Умм-эль-Канатир, Эн-Нешут), а в совокупности 24 постройки.

Данный архитектурный тип воспроизводился длительное время: с III по VI в., что М. Авиам объяснял существованием консервативной школы архитектуры (*Aviam* 2004: 139–146). С V в. синагоги всех групп сосуществовали друг с другом, но именно «галилейско-голанская» группа наиболее близка самым ранним синагогам периода Второго Храма.

2) «Византийский» тип (V–VIII вв.) (ил. 8) представлен трехнефной базиликой с апсидой, обращенной в сторону Иерусалима, хотя данное правило могло нарушаться. Апсида либо выступает за пределы стены, либо, находясь между пастофориями, не выявлена во внешней композиции. Также для синагог этого типа характерно наличие системы мозаичного декора полов и иногда фрескового декора стен (ил. 9).

Классических примеров для данной группы немного. К «византийской» группе синагог на территории Северной Палестины относятся синагоги в Бейт-Альфе, Хамат-Гадере, Бейт-Шеане («самаритянская»), Бейт-Йерахе, Маоз-Хаиме, Сепфорисе, Рехове и Бейт-Шеариме (8 синагог)⁶. Поскольку отдельные памятники, близкие к этой группе, не имеют апсид, принимались альтернативные, более общие названия для них. Э. Гудинаф называл их «синагогами с мозаиками» (*Chiat* 1982: 757), Э. Сукеник — просто новым типом, который появился после «галилейского» и «промежуточного» (*Sukenik* 1934: 26). Э. Мейерс выделял в эту группу синагоги с апсидами, Г. Фостер называл их «базиликальными с апсидами» (*Foerster*

⁶ В Южной Палестине — синагоги в Нааране и Айн Дюке (утрачена).

Ил. 9. Планы «византийских» синагог (с апсидами): 1. Иерихон (Jericho); 2. Маоз Хаим (Ma'oz Hayim); 3. Маон (Ma'on); 4. Газа (Gaza); 5. Бейт-Альфе (Beth Alpha); 6. Нааран (Na'aran); 7. Гераса (Gerasa); 8. Хамат Гадер (Hammath Gader) (Hachlili 1988: 147, Fig. 4)

1994: 89), К. Краэлинг — просто «базиликальными» (Kraeling 1956: 21). А. Клонер среди синагог с мозаиками, в которые вошли все византийские, выделял северную и южную группы построек (Kloner 1981: 15–18).

Главным признаком группы считается близость к архитектуре и декору ранневизантийских базилик. Но в данных синагогах воспроизведенные черты ранневизантийских базилик отличаются по пропорциям, качеству и общим плани-

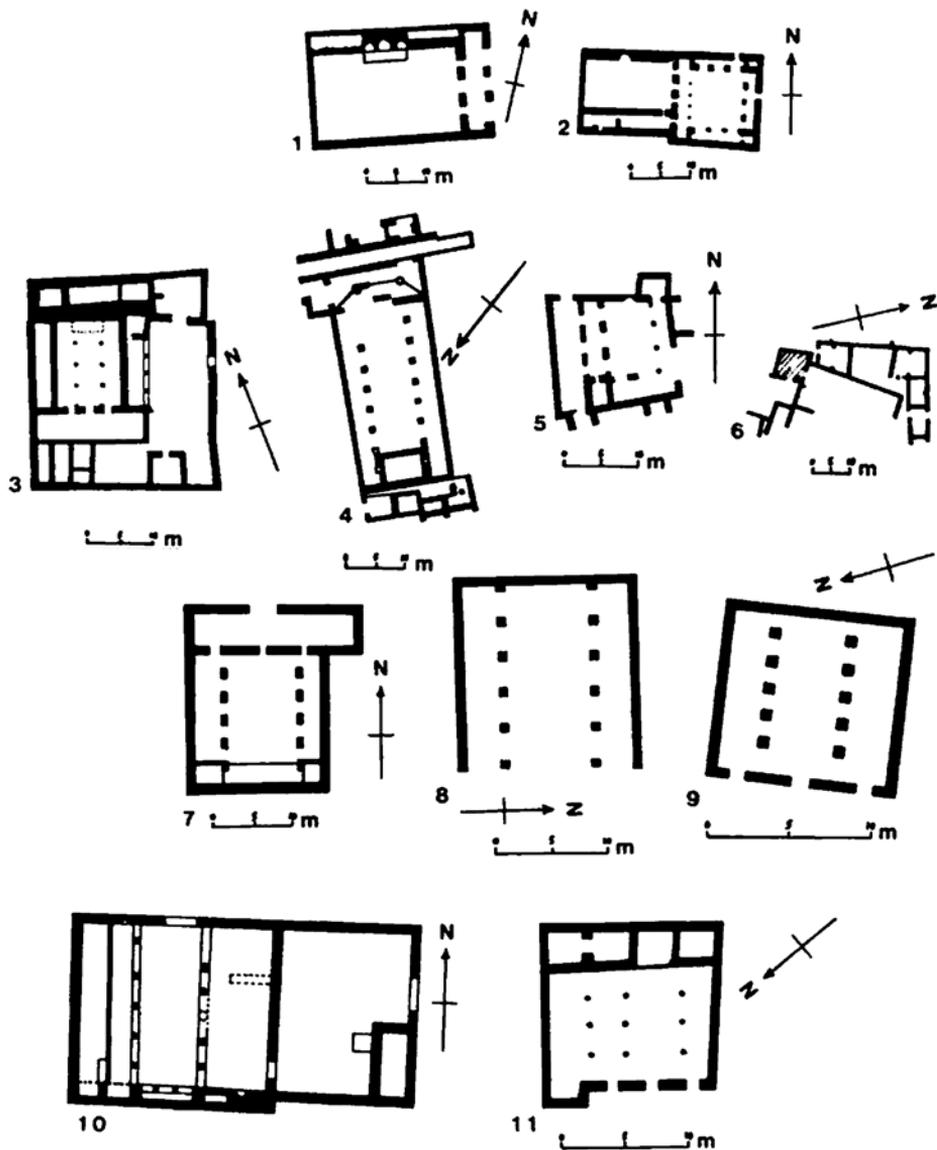
Ил. 10. Общий вид наиболее характерной «византийской» синагоги в Бейт-Альфе.
Фото С. Тархановой

ровичным принципам, а декор обладает собственной оригинальной структурой, которая не встречается ни в одном христианском храме. Также в них часто воспроизводятся черты, характерные для других групп синагог (П-образные колоннады и тройные входы из «галилейской» группы, квадратные планировки, внутренние ниши). Возникает сложная ситуация, когда к этой группе примыкают отдельные памятники только по декоративным признакам, то есть по наличию мозаичного и фрескового декора, при этом архитектурные признаки отличаются, и, таким образом, они теряют свою значимость в системе классификации.

3) «Промежуточный» тип синагог, или тип «широкого дома» (IV–V вв.) (ил. 7) наиболее дискуссионный. В первую очередь, его характеризуют такие признаки, как поперечная ориентация базилики

за счет наличия фиксированной Ниши Торы по длинной стене и наличия входов на противоположной стороне, а также постепенная замена скульптурного декора мозаичным. Впервые открытые в 1930-х годах синагоги с поперечной ориентацией в Элефтерополисе, Сусийе и Эштомоа вызвали большую сенсацию, так как, во-первых, о синагогах на юге страны ничего известно не было, во-вторых, они не соответствовали известным на то время архитектурным типам.

Э. Гудинаф включал в эту группу четыре здания, в том числе Дура-Европос, самую раннюю в этом ряду (середина III в.) (Chiat 1982: 758–786). М. Ави-Йона выделял в «промежуточную» группу уже семь синагог (Бейт-Шеарим, Эштомоа, Хамат-Тверии А и В, Хусифа, Яфия, Кесария Палестинская), среди которых были не только поперечно, но и продольно

Ил. 11. Планы синагог с нишей («промежуточный» тип): 1. Эштемоя ('Eshtemo'a); 2. Сусийя (Susiya); 3. Риммон (Rimmon); 4. Бейт Шеарим (Beth She'arim); 5. Айн-Геди ('En-Gedi); 6. Бейт-Шеан (Beth She'an B); 7. Рехов (Rehov); 8. Яфийя (Japhi'a); 9. Хусейфа (Huseifa); 10. Хамат Тверия А (Hammath Tiberias A); 11. Хамат Тверия Б (Hammath Tiberias B) (Hachlili 1988: 146, Fig. 3)

ориентированные, но без достаточного количества для «галилейской» группы черт, а также с наличием мозаик. Р. Хах-

лили определяет данную группу как «синагоги с нишами» и включает в них помимо этих же памятников также Сусийю,

Хорват-Риммон, Эн-Геди, Бейт-Шеан В (Леонтиос), Рехов (всего 11 памятников) (*Hachlili* 1988: 146, il. 3).

Среди упомянутых авторами синагог только три имеют поперечную ориентацию (Дура-Европос, Эштомоа, Сусия), в других случаях за поперечную ориентацию была принята ориентация базилика на запад или северо-запад (Саза, Яфия, Бейт-Шеарим, Хамат-Тверия). В то же время упущены из внимания поперечно ориентированные синагоги с колоннадами в Хорват-Шеме и Хорват-Сумаке. Создается впечатление, что синагоги были выделены в данную группу потому, что они не вписались в две остальные. Но основная проблема возникает по причине игнорирования архитектурных признаков и смешивания с ними декоративных.

Всего в эту большую группу, по моим подсчетам, попадает двадцать памятников: из них четырнадцать расположены в Северной Палестине (Бейт-Шеарим, Йесод Хамаалах, Кесария Палестинская, Кафр-Ханнаня, Кафр-Миср, Саза, Сепфорис, Хамат-Тверия А и В, Хорват-Шема, Хорват-Натур, Хорват-Сумака, Хусейфа, Яфия), семь — в Южной (Маон-Нирим, Сусийя, Хорват-Аним, Хорват-Маон, Хорват-Риммон, Эштомоа, Айн-Геди). Но необходимо пересмотр оценки их архитектурных особенностей и распределение по другим группам.

Также выделяется группа самаритянских синагог по такому признаку, как ориентация в сторону храма на горе Гаризим (построен при Иоанне Гиркане в 114–111 гг. до н. э.). Долгое время они были известны только по литературным и эпиграфическим источникам, которые включают упоминания у христианских авторов и эпиграфические надписи на колоннах или панелях (Рим, Сиракузы в Италии, Тарс в Малой Азии, Фессалоники и Делос в Греции) (*Pummer* 2005:

105–142). Но в 1948 г. в Шаалвим (рядом с Иерусалимом) был обнаружен первый самаритянский памятник (*Sukenik* 1949: 28). Вслед за этой синагогой были открыты также культовые места самаритян в Тель-Касиле, Бейт-Шеане, на горе Гаризим, в Наблусе (Хаззан Йакоб), Кефар-Фаме, Зур-Натане (Хирбет-Маждал), в Хирбет-Самре (Дейр-Серур), эль-Хирбе.

Конечно, проблемы классификации не оставались незамеченными. Признавалось, что разнообразие синагог слишком велико, чтобы было возможно вместить их только в три-четыре группы. Д. Милсон считал, что трехфазовая классификация являлась голой академической схемой, которую можно было построить только на малом числе памятников, известных в самом начале (*Milson* 2007: 28). На фоне противоречий возникали различные альтернативные классификационные системы. Еще в 1970-х годах Э. Мейерс (*Meyers* 1976: 93–101) предложил распределить синагоги в соответствии с региональным делением Палестины на три большие области: Иудея, Самария, Галилея. В то же время синагоги в Нижней и Верхней Галилее значительно отличаются друг от друга: Верхняя представлялась более консервативной. Э. Мейерс отмечал, что в тех поселениях, которые находились в непосредственной близости к эллинистическим городам или римским дорогам, к запрету на изображения население относилось либерально, в регионах же удаленных от очагов греко-римской культуры общество придерживалось давних традиций и создавались только геометрические или растительные орнаменты.

М. Хиат подошла к классификации еще более критически и предложила гибкую систему классификации синагог. 173 синагоги она делит на следующие группы: 1) «validated» («подтвержденные», 40 синагог), это здания

Ил. 12. Общий вид наиболее характерной «промежуточной» синагоги в Хорват-Шеме. Вход оформлен двумя пилястрами. Напротив — вима для несохранившейся Ниши Торы. Фото С. Тархановой

Ил. 13. Общий вид наиболее характерной «промежуточной» синагоги в Сусийе. С левой стороны — вима для Ниши Торы. По центру — вход вдоль короткой стены. Фото С. Тархановой

с еврейскими надписями или мотивами; 2) «attested» («засвидетельствованные», 57), по находкам декоративных элементов, происходящих из синагог, точное местонахождение которых неизвестно; 3) «disputed» («спорные», 76), в группу которых включены памятники со спорной идентификацией их как синагог; 4) «unknown» («неизвестные»), в которую вошли синагоги, известные только по упоминаниям паломников или по историографии XIX — начала XX в. В своей работе Хиаг придерживается регионального принципа изложения материала (Chiat 1982: 1–3). Д. Милсон справедливо критикует данную классификацию (Milson 2007: 31), так как она не касается вопросов планировки, но для общей научной картины она необходима. Сам Д. Милсон группирует синагоги по датировкам. Те, что имеют точные хронологические рамки, делятся на три группы, каждая из которых относится к IV, V или VI в. К четвертой группе он относит все синагоги без четких датировок.

В одной из последних обобщающих работ Р. Хахлили (Hachlili 2013) синагоги подразделяются по географическому и хронологическому признакам. Но в монографии данного автора сделан важный шаг на пути к группировке синагог по архитектурным признакам. Таким архитектурным явлениям, как тройной вход по фасаду, галереи, скульптурный или мозаичный декор и другие, посвящены разделы для самостоятельного исследования, вне вопросов классификации.

Данный обзор представлений о классификации синагог показывает, насколько противоречивы и изменчивы решения по этому вопросу. Очевидно, что происходил постепенный отказ от архитектурных принципов и все большее смешение их с декоративными, региональными и статистическими, что привело к исчезновению границ между группами и отсут-

ствию единой классификации. Во второй статье о классификации рассмотренных синагог из всех иных художественных признаков будут выделены лишь архитектурные, характеризующие планы и объемно-пространственные композиции. На основе этого будет предложена новая классификация этих построек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Иоанн Златоуст 1991 — Иоанн Златоуст, свят. Против иудеев. Слово Первое. 6 // Полное собрание сочинений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Т. I. Кн. 2. СПб.: С.-Петербургская Духовная Академия, 1898 (репр.: М.: Православная книга, 1991).
- Eiphanius 1859–1861 — Eiphanius. Corpus haeresiologicum / Ed. F. Oehler. T. II–III. Berlin, 1859–1861.
- Беляев, Мерперт 2007 — Беляев Л. А., Мерперт Н. Я. От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007.
- Тарханова 2012 — Тарханова С. В., Коротков П. А., Неклюдов К. В. Капернаум // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 30. М., 2012. С. 533–543.
- Тарханова 2015 — Тарханова С. В. Капернаум: архитектурные загадки // Лехаим. Май. М.: Книжники, 2015. С. 2–7.
- Чаковская 2011 — Чаковская Л. С. Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III–VI вв. н. э. М.: Индрик, 2011.
- Avi-Yonah 1961 — Avi-Yonah M. Synagogue Architecture in the Classical Period // Jewish Art / Ed. C. Roth. New York: McGraw-Hill, 1961. P. 157–190.
- Aviam 2004 — Aviam M. Jews, Pagans and Christians in the Galilee. University of Rochester: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods, 2004.
- Aviam 2013 — Aviam M. The Decorated Stone from the Synagogue at Migdal A Holistic

- Interpretation and a Glimpse into the Life of Galilean Jews at the Time of Jesus // *Novum Testamentum*. Vol. 55. 2013. P. 205–220.
- Avigad* 1960 — *Avigad N.* A Dated Lintel-inscription from the Ancient Synagogue of Nabratein // *Bulletin of the Louis M. Rabinowitz Fund*, III, 1960. P. 49–56.
- Chiat* 1982 — *Chiat M. J. S.* Handbook of Synagogue Architecture. Vol. I–IV. Brown University: Scholars Press, 1982.
- Edwards* 2002 — *Edwards D. R.* Khirbet Qana: From Jewish Village to Christian Pilgrim Site // *The Roman and Byzantine Near East*. Vol. 3: Some Recent Archaeological Research / Ed. J. H. Humphrey. Ann Arbor, Michigan: Journal of Roman Archeology, 2002. P. 101–132.
- Edwards* 2009 — *Edwards D. R.* Walking the Roman Landscape in Lower Galilee: Sepphoris, Jotapata, and Khirbet Qana // *A Wandering Galilean: Essays in Honour of S. Freyene* / Eds. Z. Rodgers, M. Daly-Denton, A. Fitzpatrick-McKinney. Leiden; New York; Köln: Brill, 2009. P. 219–236.
- Fine* 1997 — *Fine S.* This Holy Place: On the Sanctity of Synagogues during the Greco-Roman Period. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1997.
- Foerster* 1981 — *Foerster G.* The Synagogues at Masada and Herodium // *Ancient Synagogues Revealed* / Ed. L. Levine. Jerusalem, 1981. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1981. P. 24–29.
- Foerster* 1994 — *Foerster G.* Dating Synagogues with a «Basilical» Plan and an Apse // *Ancient Synagogues Historical Analysis and Archaeological Discovery* / Eds. D. Urman, P. V. M. Flesher. Leiden; New York; Köln: Brill, 1994.
- Goodenough* 1953 — *Goodenough E.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. Vol. I. New York: Pantheon Books Publ., 1953.
- Groh* 2011 — *Groh D.* Jews and Christians in Late Roman Palestine: toward a New Chronology // *Biblical Archaeologist*. Vol. 51. No. 2. 1988. P. 80–96.
- Guérin* 1880 — *Guérin V.* Description géographique, historique et archéologique de la Palestine: Galilée, I. Vol. I–III. Paris: L'Imprimerie nationale, 1880.
- Hachlili* 1988 — *Hachlili R.* Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel. Leiden; New York; Köln: Brill, 1988.
- Hachlili* 2013 — *Hachlili R.* Ancient Synagogues — Archaeology and Art: New Discoveries and Current Research. Leiden; New York; Köln: Brill, 2013.
- Kraeling* 1956 — *Kraeling C. H.* The Synagogue. The Excavations at Dura-Europos Final Report VIII. Part I. New Haven; London: Yale University Press, 1956.
- Kloner* 1981 — *Kloner A.* Ancient Synagogues in Israel: An Archaeological Survey // *Ancient Synagogues Revealed* / Ed. L. Levine. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1981. P. 11–18.
- Kohl, Watzinger* 1916 — *Kohl H., Watzinger C.* Antike Synagogen in Galilaea (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, vol. 2). Leipzig: Hinrichs, 1916.
- Lagrange* 1921 — *Lagrange M.-J.* Fouilles des P. Vincent et Carrière près de Jéricho // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Vol. 65. 1921. No. 2. P. 141–142.
- Leibner* 2011 — *Leibner U.* Excavations at Khirbet Wadi Hamam (Lower Galilee): the synagogue and the settlement // *Journal of Roman Archaeology*. 2011. No. 23. P. 200–218.
- Levine* 2000 — *Levine L.* The Ancient Synagogue. The First Thousand Years. New Haven and London: Yale University Press, 2000.
- Loffreda* 1993 — *Loffreda S.* Capernaum // *New Encyclopedia of the Archaeological Excavations at the Holy Land* / Ed. E. Stern. 1993. Vol. I. Jerusalem: Israel Exploration Society. P. 291–295.
- Loffreda* 1997 — *Loffreda S.* Coins from the synagogue of Capernaum // *Liber Annuus*. Vol. 47. 1997. P. 223–244.
- Ma'oz* 1981 — *Ma'oz Z.* The Art and Architecture of the Synagogues of the Golan // *Ancient Synagogues Revealed* / Ed. E. Levine. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1981. P. 98–115.
- Magness* 1997 — *Magness J.* Synagogue Typology and Earthquake Chronology at Khirbet Shema', Israel // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 24. 1997. No. 2. P. 211–220.

- Matassa* 2007 — *Matassa L.* Unravelling the Myth of the Synagogue on Delos // Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society. Vol. 25. 2007. P. 81–116.
- Meyers, Meyers* 2009 — *Meyers E. M., Meyers C. L.* Excavations at Ancient Nabratein: Synagogue and Environs. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2009.
- Meyers* 1976 — *Meyers E. M.* Galilean Regionalism as a Factor in Reconstruction // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Vol. 221. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1976. P. 93–101.
- Meyers* 1980 — *Meyers E. M.* Ancient Synagogues in Galilee: Their Religious and Cultural Setting // Biblical Archaeologist. Vol. 43. 1980. No. 2. Spring. P. 97–108.
- Meyers* 1981 — *Meyers E. M.* The Synagogue at Horvat Shema // Ancient Synagogues Revealed / Ed. L. Levine. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1981. P. 70–74.
- Meyers* 2001 — *Meyers E. M.* The Dating of the Gush Halav Synagogue: a Response to Jodi Magness // Judaism in Late Antiquity. Where We Stand: Issues and Debates in Ancient Judaism. The Special Problem of the Synagogue / Eds. A. J. Avery-Peck, J. Neusner. Part 3. Vol. 4. Leiden; New York; Köln: Brill, 2001. P. 49–70.
- Milson* 2007 — *Milson D.* Art and Architecture of the Synagogue in Late Antique Palestine. In the Shadow of the Church. Leiden; New York; Köln: Brill, 2007.
- Pummer* 2005 — *Pummer R.* Samaritan Synagogues and Jewish Synagogues. Similarities and differences // Jews, Christians, and Polytheists in the Ancient Synagogue. Cultural interaction during the Greco-Roman period / Ed. S. Fine. London; New York, 2005. P. 105–142.
- Safrai* 1998 — *Safrai Z.* The Missing Century. Palestine in the Fifth Century: Growth and Decline. Bondgenotenlaan: Peeters, 1998.
- Schwartz* 2001 — *Schwartz S.* Imperialism and Jewish Society, 200 B.C.E. to 640 C.E. Princeton and Oxford, 2001.
- Sukenik* 1934 — *Sukenik E.* Ancient Synagogues in Palestine and Greece. The Schweich Lectures on Biblical Archaeology. London: Humphrey Milford, 1934.
- Sukenik* 1949 — *Sukenik E. L.* The Samaritan Synagogue at Salbit: Preliminary Report // Bulletin of the Louis M. Rabinowitz Fund for the Exploration of Ancient Synagogues. Vol. I. 1949. P. 25–30.
- Tsafirir* 1995 — *Tsafirir Y.* The Synagogue at Capernaum and Meroth and the Dating of the Galilean Synagogue // The Roman and Byzantine Near East. Vol. 2: Some Recent Archaeological Research / Ed. J. H. Humphrey. Ann Arbor, Michigan: Journal of Roman Archaeology, 1995. P. 151–161.
- Urman* 1995 — *Urman D.* The Golan Jewish Public Structures: Typology and Chronology // Ancient Synagogues. Historical Analysis and Archaeological Discovery / Eds. D. Urman, P. V. M. Flesher. Vol. II. (Studia Post-Biblica, 47). Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. P. 612–613.
- Werlin* 2015 — *Werlin S.* The Late Ancient Synagogues of Southern Palestine. Leiden: Brill, 2015.
- Wilkinson* 1978 — *Wilkinson J.* The Beit Alpha Synagogue Mosaic: Towards an Interpretation // Journal of Jewish Archaeology. Vol. 5. 1978. P. 16–28.

REFERENCES

- Belyaev L.A., Merpert N.Y. *Ot bibleiskikh drevnostei k khristianskim. Ocherki arkheologii epokhi formirovaniya iydaizma I khristianstva (From Bible Antiquities to Christian Ones. Archaeological Sketches on the epoch of Formation of Judaism and Christianity)*. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of st. Thomas Publ., 2007 (in Russian).
- Tarkhanova S.V., Korotkov P.A., Nekludov K.V. Kapernaum (Capernaum). *Pravoslavnyaya Entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)*. Ed. Moscow and Russian Patriarch Kirill, vol. 30. Moscow, 2012, pp. 533–543 (in Russian).
- Tarkhanova S.V. Kapernaum: arkhitekturnye zagadki (Capernaum: Architectural Mysteries). *Lekhaim (LeChaim)*, May. Moscow: Knizhniki Publ., 2015, pp. 2–7 (in Russian).
- Chakovskaya L.S. *Voplowennaya pamyat o Khrame: khudozhestvennyi mir sinagog Svyatoi Zemli 3-6 vv. N.e. (The Memory of the Temple Embodied: The Artistic Realm of the Holy Land Synagogues of the 3rd–6th*

- Centuries CE). Moscow: Indrik Publ., 2011 (in Russian).
- Avi-Yonah M. Synagogue Architecture in the Classical Period. *Jewish Art*. Ed. C. Roth. New York: McGraw-Hill Publ., 1961, pp. 157–190.
- Aviam M. *Jews, Pagans and Christians in the Galilee*. University of Rochester: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods, 2004.
- Aviam M. The Decorated Stone from the Synagogue at Migdal. A Holistic Interpretation and a Glimpse into the Life of Galilean Jews at the Time of Jesus. *Novum Testamentum*, vol. 55, 2013, pp. 205–220.
- Avigad N. A Dated Lintel-inscription from the Ancient Synagogue of Nabratein. *Bulletin of the Louis M. Rabinowitz Fund*, vol. III, 1960, pp. 49–56.
- Chiat M. J. S. *Handbook of Synagogue Architecture*. Vol. I–IV. Thesis. Brown University: Scholars Press Publ., 1982.
- Edwards D. R. Khirbet Qana: From Jewish Village to Christian Pilgrim Site. *The Roman and Byzantine Near East*. Vol. 3: *Some Recent Archaeological Research*. Ed. J. H. Humphrey. Ann Arbor, Michigan: Journal of Roman Archaeology Publ., 2002, pp. 101–132.
- Edwards D. R. Walking the Roman Landscape in Lower Galilee: Sepphoris, Jotapata, and Khirbet Qana. *A Wandering Galilean: Essays in Honour of S. Freyene*. Eds. Z. Rodgers, M. Daly-Denton, A. Fitzpatrick-McKinney. Leiden; New York; Köln: Brill Publ., 2009, pp. 219–236.
- Fine S. *This Holy Place: On the Sanctity of Synagogues during the Greco-Roman Period*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press Publ., 1997.
- Foerster G. The Synagogues at Masada and Herodium. *Ancient Synagogues Revealed*. L. Levine ed. Jerusalem: Israel Exploration Society Publ., 1981, pp. 24–29.
- Foerster G. Dating Synagogues with a «Basilical» Plan and an Apse. *Ancient Synagogues Historical Analysis and Archaeological Discovery*. Eds. D. Urman, P. V. M. Flesher. Leiden; New York; Köln: Brill Publ., 1994.
- Goodenough E. *Jewish Symbols in the Greco-Roman Period*, vol. I. New York: Pantheon Books Publ., 1953.
- Groh D. Jews and Christians in Late Roman Palestine: toward a New Chronology. *Biblical Archaeologist*, vol. 51, no. 2, 1988, pp. 80–96.
- Guérin V. *Description géographique, historique et archéologique de la Palestine: Galilée, I*, vol. I–III. Paris: L'Imprimerie nationale Publ., 1880.
- Hachlili R. *Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel*. Leiden; New York; Köln: Brill Publ., 1988.
- Hachlili R. *Ancient Synagogues — Archaeology and Art: New Discoveries and Current Research*. Leiden; New York; Köln: Brill Publ., 2013.
- Kraeling C. H. *The Synagogue*. The Excavations at Dura-Europos Final Report VIII, Part I, New Haven, London: Yale University Press Publ., 1956.
- Kloner A. Ancient Synagogues in Israel: An Archaeological Survey. *Ancient Synagogues Revealed*. L. Levine ed. Jerusalem: The Israel Exploration Society Publ., 1981, pp. 11–18.
- Kohl H., Watzinger C. *Antike Synagogen in Galilaea* (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, vol. 29). Leipzig: Hinrichs Publ., 1916.
- Lagrange M.-J. Fouilles des PP. Vincent et Carrière près de Jéricho. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, vol. 65, no. 2, 1921, pp. 141–142.
- Leibner U. Excavations at Khirbet Wadi Hamam (Lower Galilee): the synagogue and the settlement. *Journal of Roman Archaeology*, vol. 23, 2011, pp. 200–218.
- Levine L. *The Ancient Synagogue. The First Thousand Years*. New Haven and London: Yale University Press Publ., 2000.
- Loffreda S. Capernaum. *New Encyclopedia of the Archaeological Excavations at the Holy Land*. E. Stern ed., vol. I, 1993, Jerusalem: Israel Exploration Society Publ., pp. 291–295.
- Loffreda S. Coins from the synagogue of Capernaum. *Liber Annuus*, vol. 47, 1997, pp. 223–244.
- Ma'oz Z. The Art and Architecture of the Synagogues of the Golan. *Ancient Synagogues Revealed*. L. Levine ed. Jerusalem: The Israel Exploration Society Publ., 1981, pp. 98–115.
- Magness J. Synagogue Typology and Earthquake Chronology at Khirbet Shema', Israel. *Journal of Field Archaeology*, vol. 24, no. 2, 1997, pp. 211–220.

- Matassa L. Unravelling the Myth of the Synagogue on Delos. *Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society*, vol. 25, 2007, pp. 81–116.
- Meyers E. M., Meyers C. L. *Excavations at Ancient Nabratein: Synagogue and Environs*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns Publ., 2009.
- Meyers E. M. Galilean Regionalism as a Factor in Reconstruction. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, vol. 221, Jerusalem: Israel Exploration Society Publ., 1976, pp. 93–101.
- Meyers E. M. Ancient Synagogues in Galilee: Their Religious and Cultural Setting. *Biblical Archaeologist*, vol. 43, no. 2, 1980, pp. 97–108.
- Meyers E. M. The Synagogue at Horvat Shema. *Ancient Synagogues Revealed*. Ed. L. Levine. Jerusalem: The Israel Exploration Society Publ., 1981, pp. 70–74.
- Meyers E. M. The Dating of the Gush Halav Synagogue: a Response to Jodi Magness. *Judaism in Late Antiquity. Where We Stand: Issues and Debates in Ancient Judaism. The Special Problem of the Synagogue*. Eds. A. J. Avery-Peck, J. Neusner, part 3, vol. 4, Leiden; New York; Köln: Brill Publ., 2001, pp. 49–70.
- Milson D. *Art and Architecture of the Synagogue in Late Antique Palestine. In the Shadow of the Church*. Leiden; New York; Köln: Brill Publ., 2007.
- Pummer R. Samaritan Synagogues and Jewish Synagogues. Similarities and differences. *Jews, Christians, and Polytheists in the Ancient Synagogue. Cultural interaction during the Greco-Roman period*. Ed. S. Fine. London; New York, 2005, pp. 105–142.
- Safrai Z. *The Missing Century. Palestine in the Fifth Century: Growth and Decline*. Bondgenotenlaan: Peeters Publ., 1998.
- Schwartz S. *Imperialism and Jewish Society, 200 B.C.E. to 640 C.E.* Princeton and Oxford: Princeton University Press Publ., 2001.
- Sukenik E. *Ancient Synagogues in Palestine and Greece. The Schweich Lectures on Biblical Archaeology*. London: Humphrey Milford Publ., 1934.
- Sukenik E. L. The Samaritan Synagogue at Salbit: Preliminary Report. *Bulletin of the Louis M. Rabinowitz Fund for the Exploration of Ancient Synagogues*, vol. I, 1949, pp. 25–30.
- Tsafir Y. The Synagogue at Capernaum and Meroth and the Dating of the Galilean Synagogue. *The Roman and Byzantine Near East, Vol. 2: Some Recent Archaeological Research*. Ed. J. H. Humphrey. Ann Arbor, Michigan: Journal of Roman Archeology Publ., suppl. series no. 14, 1995, pp. 151–161.
- Urman D. The Golan Jewish Public Structures: Typology and Chronology. *Ancient Synagogues. Historical Analysis and Archaeological Discovery*. Vol. II. Eds. D. Urman, P. V. M. Flesher (Studia Post-Biblica, 47). Leiden; New York; Köln: Brill Publ., 1995. P. 612–613.
- Werlin S. *The Late Ancient Synagogues of Southern Palestine*. Leiden: Brill Publ., 2015.
- Wilkinson J. The Beit Alpha Synagogue Mosaic: Towards an Interpretation. *Journal of Jewish Archaeology*, vol. V, 1978, pp. 16–28.

Е. С. Лаврентьева

АРХИТЕКТУРА ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ В XX в.

Храм Гроба Господня в Иерусалиме — один из самых известных памятников мировой архитектуры и культуры. Историография, посвященная ему, чрезвычайно богата и разнообразна. Однако комплекс исследований включает в себя множество статей и монографий, которые подчас частично дублируют друг друга. Актуальным представляется обращение к методам изучения Храма Гроба Господня. Вопрос очень важный, так как он сводится к полемике, возникшей из-за различия в подходах реставрационных работ XIX и XX вв., нацеленных на воссоздание подлинного облика Храма XII в., утраченного при пожаре 1808 г. В данной статье освещаются основные этапы изучения Храма Воскресения в XX в.

Ключевые слова: Храм Гроба Господня, Иерусалим, архитектурная реставрация, реконструкция, Л.-Ю. Венсан, К. Шмальц, В. Харвей, В. Корбо

E. S. Lavrentyeva

THE ARCHITECTURE OF THE CHURCH OF THE HOLY SEPULCHRE: STUDY METHODS IN 20th CENTURY

The Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem is one of the most known monuments of world architecture and culture. The historiography devoted to the question of its architecture is extremely rich and various. But the complex of researches includes a set of articles and monographs which sometimes partially duplicate each other. The appeal to methods of studying of the Church of the Holy Sepulchre is submitted urgent. The question is very important as it comes down to the polemic which has arisen because of distinction in approaches of restoration works of the 19th and 20th centuries aimed at a reconstruction of original image of the medieval Church lost at the fire of 1808. The main stages of the monument studying during the 20th century are considered in this article.

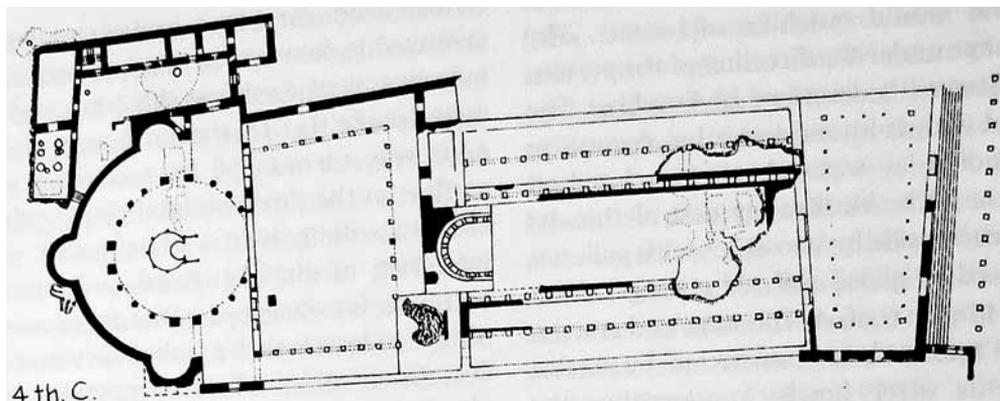
Key words: the Church of the Holy Sepulchre, Jerusalem, architectural restoration, reconstruction, L.-H. Vincent, K. Schmaltz, W. Harvey, V. Corbo

Храм Гроба Господня был создан в IV в. (после 325 г.) при правлении императора Константина. По предположениям современных исследователей, это был комплекс, который состоял из Ротонды Воскресения, базилики Константина (Мартирий), внутреннего двора между ними, где находилась Голгофа, атрия, прилегающего к базилике с восточной стороны, и нескольких вспомогательных построек, включая баптистерий и резиденцию патриарха (ил. 1).

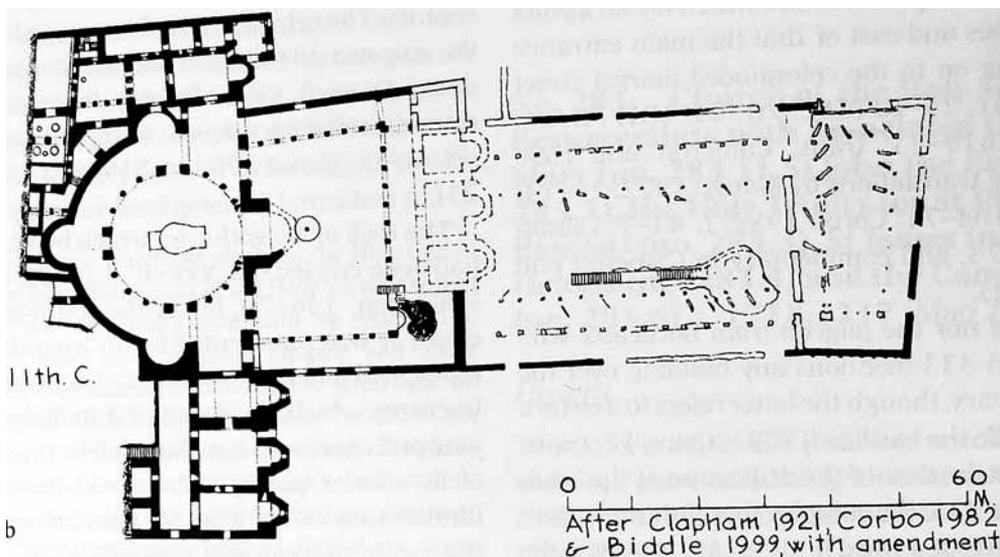
Предположительно в своем первоначальном виде храмовый комплекс существовал следующие три столетия до момента его разрушения персами в 614 г.

Была сожжена Ротонда, базилика Константина была разграблена, Животворящий Крест был увезен в Персию. Работу по восстановлению христианских церквей в Иерусалиме возглавил патриарх Модест в 615–617 гг., и комплекс Храма Гроба был возведен заново на фундаментах Константиновского.

В своем новом облики Храма Воскресения простоял до начала XI в. В 1008 (1009) г. он был разрушен по приказу халифа аль-Хакима. Согласно анализу письменных источников, святыня восстанавливалась в два этапа под покровительством нескольких императоров Византийской империи (с 1012 по 1023 г.; с 1036

Ил. 1. Д. Прингл. План Храма Гроба Господня IV в. (после А. Клэпхэма 1921, В. Корбо 1982 и М. Биддла 1999) (Pringle 2007: fig. 1)

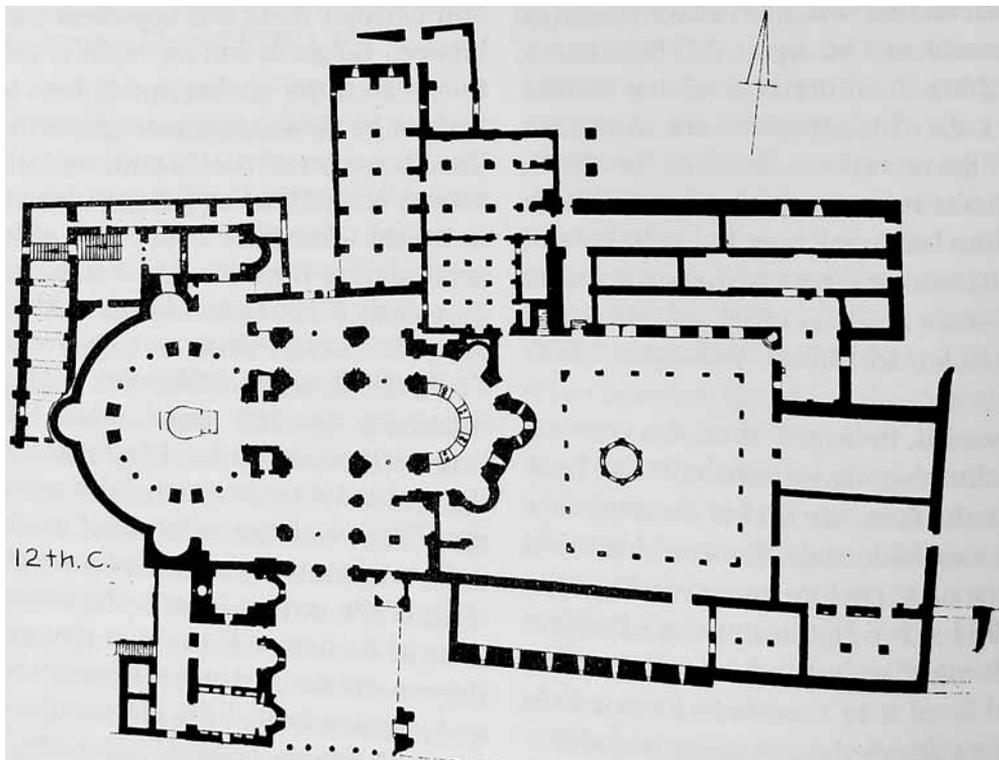

Ил. 2. Д. Прингл. План Храма Гроба Господня XI в. (после А. Клэпхэма 1921, В. Корбо 1982 и М. Биддла 1999) (Pringle 2007: fig. 1)

по 1047 г.). Сведений о внешнем облике и внутреннем устройстве Храма Гроба Господня сохранилось совсем мало (ил. 2).

Возведенное здание Ротонды просуществовало менее столетия, так как в начале XII в. его восточная часть была полностью перестроена, однако Ротонда, построенная византийцами, была сохранена и включена в новое здание (ил. 3).

Все эти сведения узнавались постепенно, по мере изучения памятника. И XX век открыл много нового. Важным событием стало разрешение в 1960-х годах провести раскопки и вскрыть пол Храма Гроба Господня, что позволило частично узнать о фундаментах предыдущих построек. Однако этой сенсации предшествовал целый

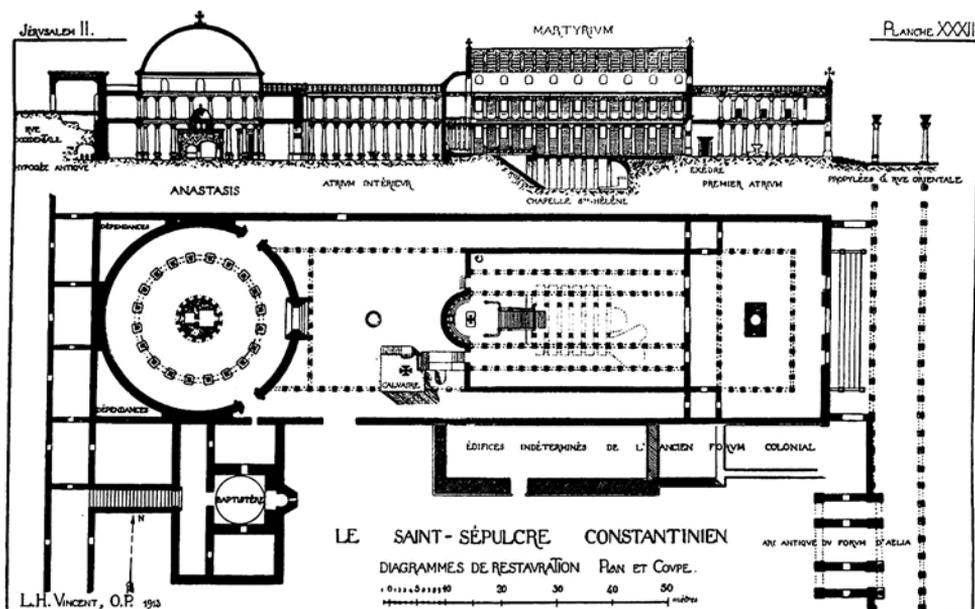
Ил. 3. Д. Прингл. План Храма Гроба Господня XII в. (после А. Клэпхэма 1921, В. Корбо 1982 и М. Биддла 1999) (Pringle 2007: fig. 1)

ряд исторических событий, связанных со святыней и подготовивших основу для столь важного мероприятия, как проведение археологических раскопок.

В 1901 г. Йозеф Стриговский в своей знаменитой книге «Восток или Рим» вывел тему Храма Гроба Господня из локального «палестиноведения», включив ее в широкий круг европейских искусствоведческих и историко-культурных проблем (Strzygowski 1901; Хрушкова 2013). С его работами связан и вопрос о русском вкладе в палестинскую проблематику в изучении святыни: позиция Д. В. Айналова, ученика Н. П. Кондакова, была близка взглядам Й. Стриговского (Айналов 1901; Khrushkova 2015).

Вереница предположений о первоначальном облике Храма Гроба Господня, получившая свое развитие еще в XIX в., завершилась фундаментальным трудом 1914 г. Л.-Ю. Венсана, Ф.-М. Абея и М. де Вогюэ, в котором Венсан предложил свой вариант объемно-планировочной реконструкции (Vincent, Abel, Vogüé 1914: Pl. XXXIII) (ил. 4). Согласно его рассуждениям, в IV в. святыня представляла собой комплекс из нескольких зданий, расположенных на одной оси, ориентированной с востока на запад.

На западе располагался Гроб Господень, погребальная камера, высеченная в скале и окруженная сначала колоннами, затем стеной, которая находилась под куполом. С восточной стороны к ней

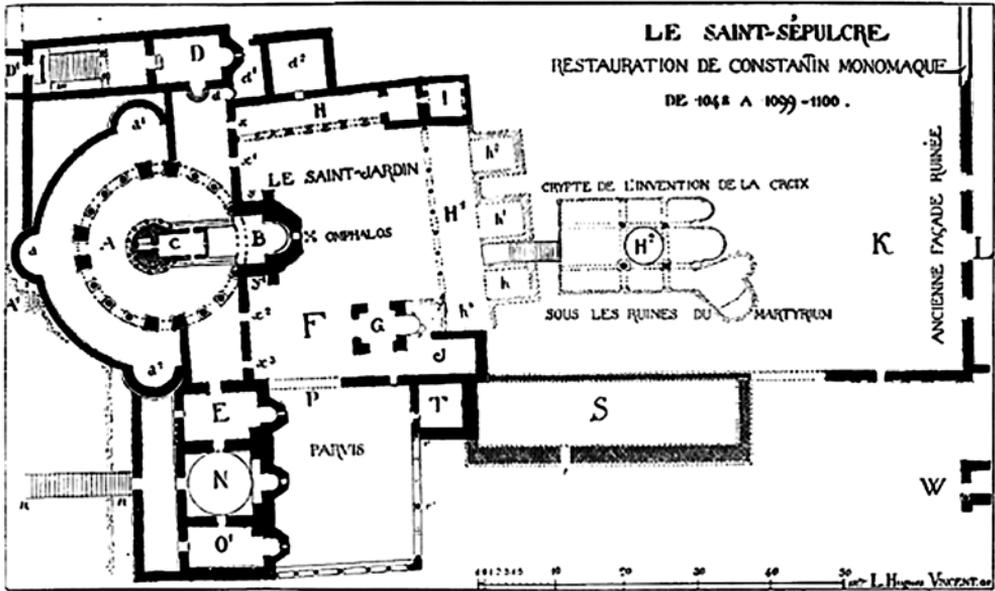
Ил. 4. Л.-Ю. Венсан. План Храма Гроба Господня IV в. (Vincent, Abel, Vogüé 1914: pl. XXXIII)

примыкал открытый двор, огороженный с трех других сторон крытой колоннадой, в юго-восточную часть которой была включена Голгофа. Далее располагалась базилика Константина, Мартирий, возведенная над Гротом обретения Животворящего Креста. Вход в базилику располагался с востока и был оформлен пропилеями.

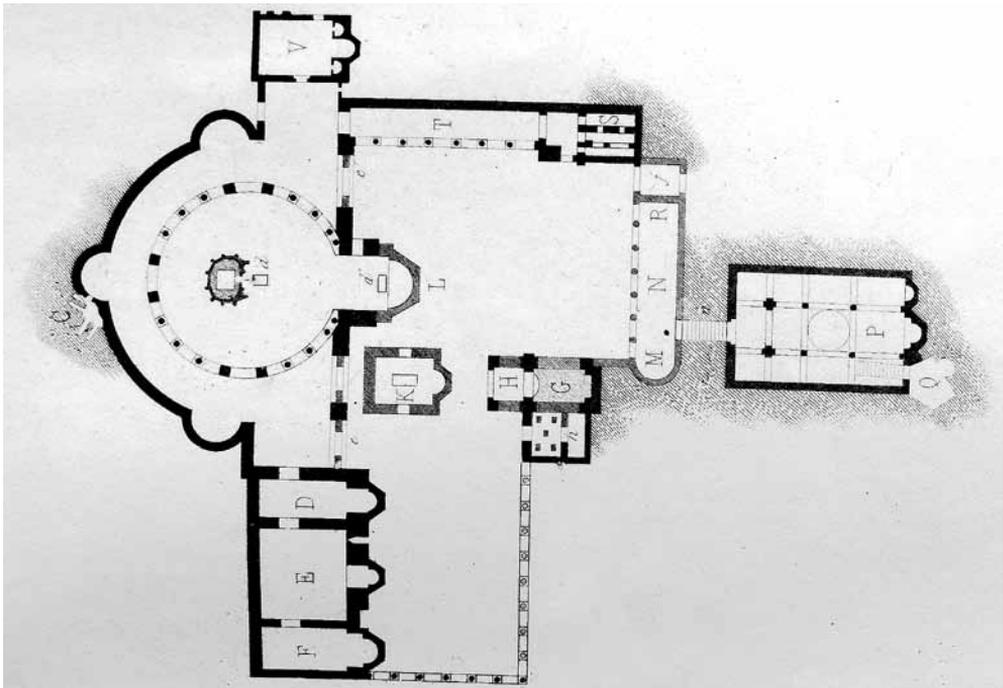
Венсан предложил свое мнение о плане Храма Гроба Господня XI в., следуя реконструкции М. де Вогюэ, опубликованной в 1859 г., пересмотрев в ней только восточную часть двора, где находилась Голгофа (ил. 5, 6). Согласно его представлениям, полностью совпавшим с мнением де Вогюэ, кувуклия Гроба Господня находилась в центре круглой колоннады, которая на востоке завершалась апсидой, читавшейся в экстерьере. С западной стороны колоннаду окружала полукруглая стена с тремя апсидами,

вырубленная в скале. С востока к святыне примыкал открытый двор, содержащий в себе все те памятные места Евангелия, которые в XII в. были включены в пространство кафоликона: Голгофа, Камень Миропомзания, Темница Христа, три часовни, посвященные Терновому Венцу, Разделению Риз, Лонгину Сотнику (*de Vogüé* 1859: 137).

Ученик Ж.М. Лагранжа, основателя Эколь Библик в Иерусалиме (*École Biblique et Archéologique française de Jérusalem*), Л.-Ю. Венсан прибыл в Иерусалим в 1892 г., где занялся научной деятельностью, связанной с изучением христианского наследия Святой Земли. Реконструкции разных этапов строительства Храма Гроба Господня (1913 г.) он создал, уже имея к тому моменту накопленные сведения о памятниках Иерусалима, с которыми была связана его основная археологическая деятельность

Ил. 5. Л.-Ю. Венсан. План Храма Гроба Господня XI в. (Vincent, Abel, Vogüé 1914 : fig. 123)

Ил. 6. М. де Вогюз. План Храма Гроба Господня XI в. (de Vogüé 1859 : pl. VIII, 3)

(Vincent 1911; Vincent 1912). В качестве реконструкции Храма IV в. Венсан предложил компоновку нескольких видов архитектурных сооружений, следовавших одно за другим и расположенных на одной оси «запад — восток».

Л.-Ю. Венсан был включен в состав комитета по выработке стандартной археологической хронологии и периодизации Палестины в 1922 г. (Беляев 2009: 658–659). Его непрерывная работа, посвященная изучению архитектуры святых мест, нашла свое выражение и в более позднее время, в книге, ставшей предложением по реконструкции Храма Гроба Господня, написанной в соавторстве с Д. Балди, Л. Марангони и А. Барлуцци (Vincent et al. 1949). Обращение современных исследователей именно к венсановской реконструкции обусловлено тем, что после выхода в свет его работы интерес к предположениям его предшественников был утерян.

Несколькими годами позже, в 1918 г., вышла работа К. Шмальца „Mater Ecclesiarum“, в которой облик Храма Гроба Господня строился по варианту, предложенному Л.-Ю. Венсаном (Ротонда — Атриум — Базилика). В своей работе он не только анализирует упоминания святыни в письменных источниках, но и проводит очень интересные параллели с западноевропейской архитектурой. Например, по его предположению базилика Мартирий эпохи Константина была купольной. Купол располагался над средокрестием. Этот же прием, по мнению автора, был впоследствии воспроизведен в мечети ал-‘Акса, а также сохранен в Храме Гроба Господня во время перестройки здания в XII в. (имеется в виду современный малый купол, расположенный над «центром мира»). Предположение автора о влиянии европейской традиции на формирование облика архитектуры Ближнего Востока стало твер-

дым убеждением (Schmaltz 1918: 189–197).

К. Шмальц рассматривал восточную часть нынешнего Храма Воскресения (кафоликон) в качестве отдельного здания, созданного по европейскому образцу. Он сравнил святыню с двумя соборами, Сент-Фуа в Конке (завершен к 1120 г.) и Сен-Сернен в Тулузе (1080 — ок. 1150). Восточная зона этих базиликальных в плане зданий созвучна плану Храма Гроба Господня благодаря наличию «венца капелл» и куполу, расположенному над средокрестием (пересечением основного нефа и трансепта) (Там же: Pl. II, VII).

Такое разделение сооружения на древнюю Ротонду и новый купольный храм позволило исследователям говорить о прямом влиянии западно-европейской архитектурной традиции на формирование восточного завершения Храма Гроба Господня XII в. (Coüasnon 1974; Corbo 1969; Pringle 2007). Данной точки зрения о создании Храма Гроба Господня по западному образцу придерживаются до сих пор.

Отсюда же берет свое начало и путаница в терминологии. Дело в том, что в научной литературе кафоликonom принято называть главный соборный храм монастыря, но никак не часть церковного здания, как это принято в случае с Храмом Гроба Господня. В литературе, посвященной святыне, можно встретить два варианта употребления данного слова. В первом случае «кафоликон» означает пространство, которое находится под малым куполом и ограничивается главной апсидой. Оно огорожено с юга и севера высокими стенами, возведенными в 1809 г. Н.К. Комниносом, придворным архитектором Османской империи греческого происхождения, в целях улучшения условий совершения литургии, что усилило восприятие этого

пространства в качестве «центрально-го нефа». Во втором случае, распространённом более широко, под «кафоликонном» понимается все пространство, расположенное к востоку от Ротонды Анастасис.

В. Харвей, руководитель реставрационных работ в 1934–1935 гг., писал, что крестоносцы возвели новый Храм Гроба Господня, который объединил все уцелевшие святыни под одной крышей (Harvey 1935: 5). С его деятельностью, проходившей во время правления Британского Мандата, в научной среде начинает расти интерес к последнему крупному восстановлению Храма в Средние века.

Приводя в качестве архитектурной аналогии Кентерберийский собор, возведённый на 30 лет позже иерусалимского Храма Воскресения, автор отмечает, что архитектурное исполнение изобилует вариативностью стилей. План и композиционные приемы относятся к романике, использование крестовых сводов и стрельчатых арок — к готике, и все сопровождается использованием византийских капителей, классических карнизов, а также мозаик, отсылающих к мусульманскому искусству (Harvey 1938: 157). Необходимо заметить, что в современной литературе данные утверждения пересмотрены, и теперь считается, что многие капители, находящиеся в интерьере Храма Гроба Господня, относятся к периоду правления династии Аббасидов, а напольные мозаики были выполнены в XI в. византийскими мастерами (Pringle 2007: 27). Намного позже, в своей книге 1995 г., Ярослав Фолда вновь поднимет тему соединения разных стилиевых приемов в архитектуре XII в. на Ближнем Востоке и назовет данное явление «стилем крестоносцев» (Folda 1995: 14).

По итогам реставрационных работ и после тщательного изучения памят-

ника Харвей первым опубликовал реконструкцию внешнего облика Храма Гроба Господня XII в. Многие высказанные им утверждения легли в основу рассуждений последующих поколений исследователей. Среди современных ему исследователей возрастал интерес к отношениям, сложившимся между государствами Европы и Святой Землей в эпоху Крестовых походов.

В XX в. были высказаны и предложения по обновлению облика Храма Гроба Господня, которые не имели ничего общего с реальным положением дел. В послевоенное время была предложена архитектурная модель святыни, согласно которой ее можно было бы обновить (Vincent et al. 1949) (ил. 7). Д. Прингл назвал ее «спорным предложением Римской католической церкви по тотальному переустройству Храма Гроба Господня» (Pringle 2007: 38). Вымышленный облик святыни не мог быть реализован хотя бы по той причине, что настоящий Храм Гроба Господня фактически скрыт от глаз паломников. Все, что может увидеть человек, пришедший к Храму Воскресения, — это часть его южного фасада. Остальное спрятано за многочисленными постройками, которыми «обрастало» здание начиная с самого своего основания. Предложенный же вариант реконструкции требовал огромного пространства, которое Старый Иерусалим не мог и не может предоставить. Однако, несмотря на то, что идея обновить (или даже перестроить) здание заведомо была обречена на провал, мысль об изменении его облика получила свою реализацию во второй половине XX в.

По отношению к Храму Гроба Господня вторая половина XX в. была богатой на события, публикации и сенсации. К 1954 г. была создана «комиссия архитекторов, организованная Кустоди-

Ил. 7. Л. Марангони, А. Барлуцци. Проект Храма Гроба Господня (Vincent et al. 1949: fig. 1)

ей Святой Земли по реставрации Храма Гроба Господня»¹. Ее цель заключалась в выявлении и сохранении фрагментов, относившихся к строительству XI в., а также определении степени сохранности здания (*Le Saint-Sépulcre* 1956: 7).

В течение двух лет (1954–1956 гг.) комиссией были продиагностированы купол Анастасиса и его опоры, кувуклия, а также малый купол «над средокрестием» кафоликона, восточная апсида, «южный рукав трансепта», южный и северный фасады. Например, Ф. Форлати предложил использовать древние ко-

лонны, наравне с современными, в качестве несущих частей Ротонды; В. Туннисен предложил покрыть малый купол кафоликона водостойким раствором и пр. (*Там же*: 30, 31).

По итогам исследований были опубликованы отчеты трехсторонней комиссии, в состав которой входили П. Параскевопулос, А. Кокотсакис, М. Алтонян, Ш. Куанон; а также отчеты комиссии архитекторов Кустодии. Модели обновленного здания, предложенные Ф. Форлати, А. Барлуцци, А. Лакостом, требовали большого пространства, которым Иерусалим не располагает (ил. 7, 8, 9, 10). Идея создать гипертрофированный облик главной христианской святыни отчасти считается реакцией на Вторую мировую и холодную войну (*Cohen* 2008: 64–80), которая совпала с давним желанием

¹ „La commission d’architectes réunis par la Custodie de Terre Sainte pour la restauration du Saint Sépulcre“; участники: А. Лакост (Бельгия), М. Фисак (Испания), Б. Бауманн (США), Ж. Трувело (Франция), Д. Стокс (Великобритания), В. Тунниссен (Голландия), Ф. Форлати (Италия).

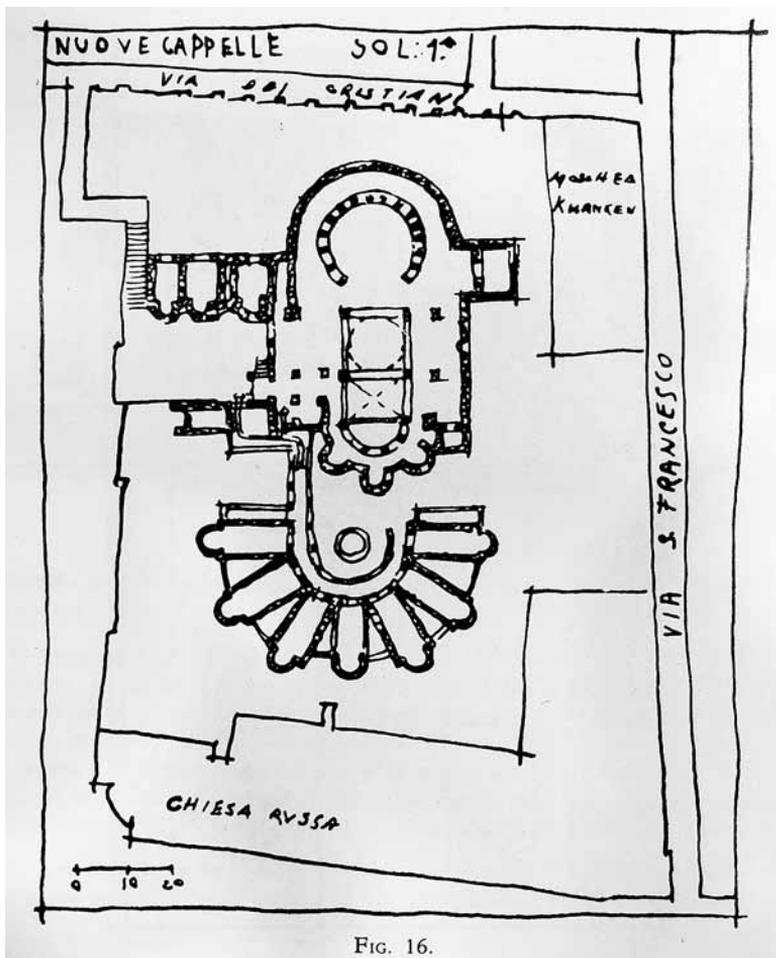

FIG. 16.

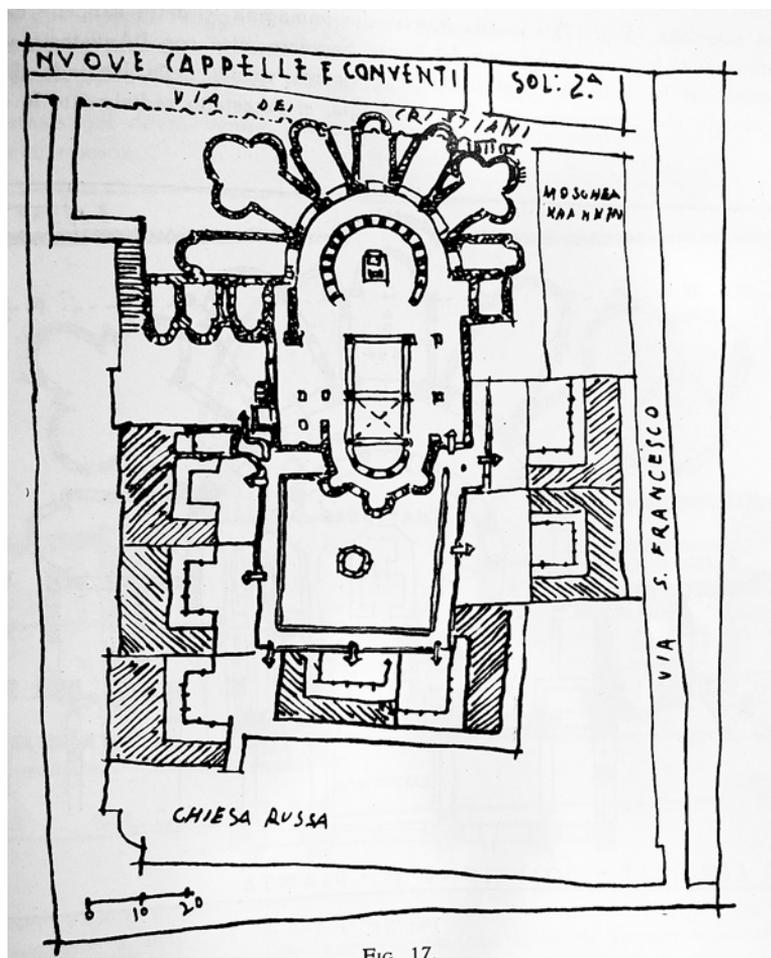
Ил. 8. Ф. Форлати.
Проект Храма
Гроба Господня
(Le Saint-Sépulcre
1956: fig. 16)

обновить облик Храма Гроба Господня, выраженным в работах многих исследователей: М. де Вогюэ, Л.-Ю. Венсана и Ф.-М. Абея, П. Балди, Содара де Во и др.

Все началось со старта археологических раскопок в 1960 г., которые длились около 20 лет. Под руководством францисканца В. Корбо (с 1963 г.) поэтапно в разных частях здания был вскрыт пол и найдены фундаменты предыдущих построек, а также строительный материал разных эпох. По мере нахождения новых сведений о святыне публиковались

статьи, в которых приводились фотоматериалы раскопок, проекты архитектурных моделей, чертежи и реконструкции строительных этапов здания (Corbo 1962: 221–304; Corbo 1964: 293–338; Corbo 1965: 318–366; Coïasnon 1966: 573–574; Corbo 1969: 65–144; Coïasnon 1969: 447–463; Coïasnon 1971: 153–160; Coïasnon 1973: 10–18).

По итогам длительной работы (более десяти лет) в 1974 г. Ш. Куанон выпустил долгожданный фундаментальный труд, посвященный истории строительства

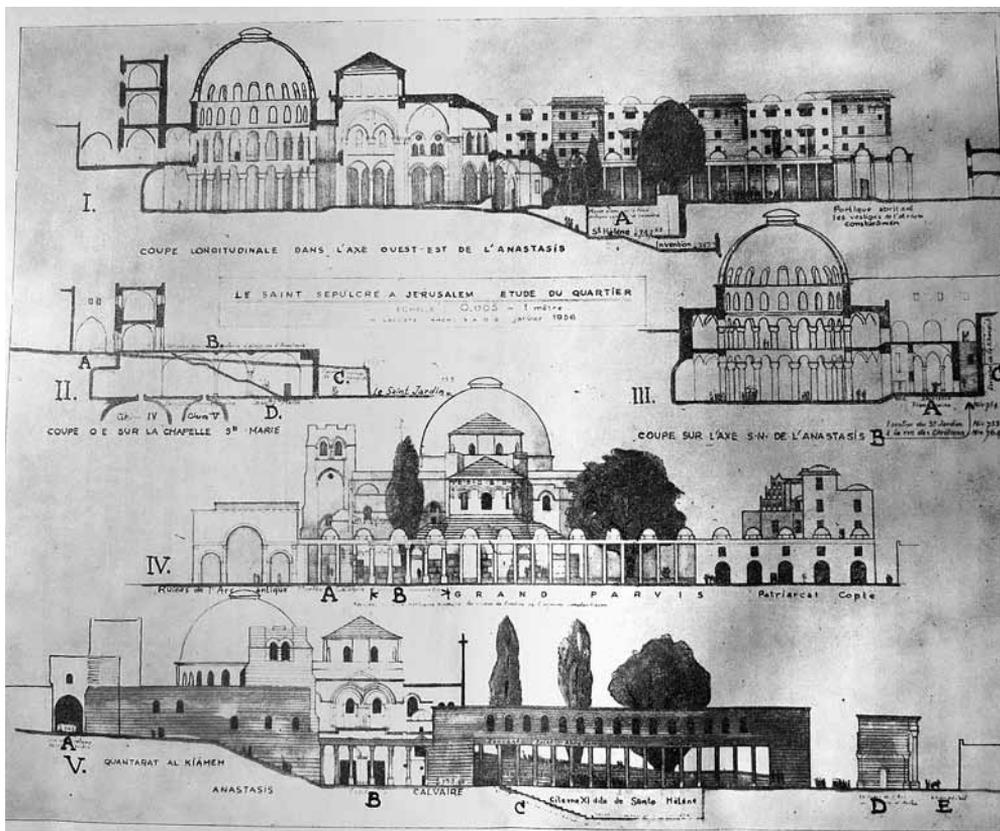
Ил. 9. Ф. Форлати.
Проект Храма
Гроба Господня
(Le Saint-Sépulchre
1956: fig. 17)

Fig. 17.

Храма Гроба Господня, разбив процесс возведения здания на три этапа. Куанон был первым, кто предложил объемную реконструкцию византийского Храма Гроба Господня XI в. А в 1982 г., после завершения работы археологической экспедиции, В. Корбо издает трехтомник, в котором он окончательно зафиксировал мнение о трех строительных этапах здания.

Однако уже в 1990-х годах М. Биддл, представитель современной протестантской традиции, замечает, что в си-

стеме трехэтапного строительства памятника, принятой в научном обществе, есть некоторые нестыковки. Это, например, указание на то, что строительство Храма в XI в. осуществлялось при Константине Мономахе, в то время как письменные источники указывают на другие имена: Романа III Аргира и Михаила IV Пафлагона (Biddle 1999: 74–81). Надо отметить, что в предложенном трехэтапном строительстве Храма в первую очередь исследователем волновал первоначальный облик

Ил. 10. А. Лакост. Проект Храма Гроба Господня (Le Saint-Sépulcre 1956: fig. 21)

Храма, созданный в IV в.; во вторую — облик современный, основа которого была заложена в первой половине XII в. А век одиннадцатый воспринимался как передаточное звено от одной концепции Храма к другой. Объяснить, почему при крестоносцах Ротонда была сохранена, а пространство двора преобразовано в купольную церковь, удалось как раз благодаря введению в научный оборот строительного этапа XI в. и выдвиганию предположения о том, что на этом этапе базилика Мартирий не восстанавливалась.

Благодаря данному промежуточному строительному этапу объясняется, на-

пример, и появление венца из трех капелл, окружающих восточную апсиду кафоликона, которые взяли на себя функцию не сохранившихся трех часовен XI в., расположенных в восточной зоне трипортика. Однако интересно заметить другое: реконструкция строительного этапа VII в., которая была предложена де Вогюэ и от которой впоследствии исследователи отказались, предлагает такое же трехчастное завершение восточной части Ротонды Воскресения. По его мнению, у Ротонды VII в. было шесть апсид: три на восточной стороне и три на западной, только расположение их было несимметричным по отноше-

нию друг к другу. Данное мнение ни Куанон, ни Корбо не учитывалось. Придерживаясь утверждения о сохранении архитектурного облика святыни при повторном возведении Храма Гроба Господня, нельзя ли предположить, что «венец капелл» Храма эпохи крестоносцев восходит не к какому-то западноевропейскому образцу, а наследует архитектурную идею от предшествовавшего ему Храма XI или VII в., а быть может, и более раннего времени.

Таким образом, первая половина XX в. характеризуется развитием интереса европейской культуры к наследию Святой Земли. Во-первых, Венсаном, представлявшим доминиканцев, создается непоколебимое мнение о подлинном облике святыни эпохи Константина. Во-вторых, Шмальцем предлагается рассматривать восточную часть Храма Воскресения (кафоликон) в качестве отдельного здания, созданного по европейскому образцу. В-третьих, после реставрационных работ Харвей проводит параллели между средневековым Храмом Гроба Господня с европейскими соборами той же эпохи.

Интерес к первоначальному облику Храма стал возрастать после пожара 1808 г. Во время восстановительных работ под руководством Н.К. Комниноса некоторые вещи были изменены, например, не были восстановлены захоронения латинских королей, а внутренний облик Ротонды стал не таким, каким он был до пожара.

Интенсивное изучение на протяжении XX столетия, направленное на выявление подлинного облика Храма Гроба Господня в его разные строительные периоды, было реакцией на современный исследователям облик памятника, который, по их мнению, имел неверную, то есть не соответствующую его изначальным вариантам структуру. Во-

прос подлинности был закрыт после реставрационных работ, проведенных параллельно с археологическими раскопками в период с 1960 по 1981 г. С согласия всех христианских конфессий интерьеру Ротонды и кафоликона был «возвращен» облик, который был в интерьере Храма до пожара 1808 г. Куанон доказывал неправильность восстановления Ротонды, ссылаясь на гравюры де Брюйна с изображениями ее интерьера. Однако сама реставрация не была предана огласке. Так как она проходила в тени археологических раскопок, в печать выходили новости, связанные с археологическими мероприятиями, а не с реставрационными. Таким образом, уже в 1980–1990-е годы новое поколение исследователей вновь пыталось осмыслить богатейший материал, увидевший свет благодаря деятельности В. Корбо.

После раскопок XX в. сформировалось мнение о том, что именно крестоносцы, восстанавливая Храм Гроба Господня в начале XII в., полностью изменили концепцию здания, и оно приобрело ту форму, какую имеет сейчас, созданную по европейскому образцу. В литературе приняли условное разделение Храма на две части: Анастасис, основание которого относится к IV в., и Кафоликон, основание которого относится к XII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Айналов* 1901 — *Айналов Д. В.* Эллинистические основы византийского искусства // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. XII. Вып. 3, 4. СПб., 1901. С. 1–224.
- Беляев* 2009 — *Беляев Л. А.* Венсан Л. Ю. // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2009. С. 658–659.
- Введение* 2015 — Введение в историю Церкви. Часть 2: Обзор историографии по общей

- истории Церкви / Под ред. В. В. Симонова. СПб.: Алетейя, 2015. С. 445–686.
- Хрушкова* 2013 — *Хрушкова Л. Г.* Йозеф Стриговский и Йозеф Вильперт в России: идеи, дискуссии, сотрудничество // Византия в контексте мировой культуры / Под ред. В. Н. Залесской. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. С. 544–585.
- Biddle* 1999 — *Biddle M.* The Tomb of Christ. Stroud Phoenix Mill: Alan Sutton, 1999.
- Cohen* 2008 — *Cohen R.* Saving the Holy Sepulchre: How Rival Christians Came Together to Rescue Their Holiest Shrine. Oxford: Oxford University Press Publ., 2008.
- Corbo* 1962 — *Corbo V.* Gli edifici della santa Anastasia a Gerusalemme (1962) // *Liber Annuus*. 1961–1962. No. 12. P. 221–304.
- Corbo* 1969 — *Corbo V.* La basilica del S. Sepolcro a Gerusalemme. Rassegna archeologica delle strutture degli edifici nel 1969 // *Liber Annuus*. 1969. No. 19. P. 65–144.
- Corbo* 1964 — *Corbo V. C.* Nouve scoperte archeologiche nella basilica del A. Sepolcro (1964) // *Liber Annuus*. 1963–1964. No. 14. P. 293–338.
- Corbo* 1965 — *Corbo V. C.* Scavo della Cappella dell'Invenzione della S. Croce e nuovi reperti archeologici nella Basilica del S. Sepolcro a Gerusalemme (1965) // *Liber Annuus*. 1965. No. 15. P. 318–366.
- Coüasnon* 1969 — *Coüasnon Ch.* Analyse des éléments du IV siècle conservés dans la Basilique du S. Sépulcre à Jérusalem // *Akten des VII. Internationalen Kongresses für Christliche Archäologie*. Roma: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 1969. P. 447–463.
- Coüasnon* 1966 — *Coüasnon Ch.* Chronique archéologique: Jérusalem — *Ecce Homo* // *Revue biblique*. 1966. Vol. 73. P. 573–574.
- Coüasnon* 1971 — *Coüasnon Ch.* Découverte de l'abside du Martyrium // *Terre Sainte*. 1971. Vol. 1971. P. 153–160.
- Coüasnon* 1973 — *Coüasnon Ch.* Le Golgotha: Maquette du sol naturel // *Bible et Terre Sainte: Le Golgotha du procès de Jésus-Christ au Calvaire*. 1973. Vol. 149 (Mars). P. 10–18.
- Folda* 1995 — *Folda J.* The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098–1187. Cambridge: Cambridge University press, 1995.
- Harvey* 1938 — *Harvey W., Harvey J. H.* The Structural Decay of the Church of the Holy Sepulchre // *Palestine Exploration Quarterly*, 1938. Vol. 70. P. 156–161.
- Harvey* 1935 — *Harvey W., Richmond E. T.* Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem: Structural Survey Final Report. Londres Walton Street: Oxford University Press, 1935.
- Khrushkova* 2015 — *Khrushkova L. G.* Josef Strzygowski, Joseph Wilpert and the Russian School of Byzantine Studies // *Cahiers Archéologiques*. T. 56. 2015. P. 173–189.
- Le Saint-Sépulcre* 1956 — *Le Saint-Sépulcre: Études et projets de restauration (7 Juillet 1954 — 20 Août 1956)* / Eds. J. Trouvelot, F. Forlati, H. Lacoste et al. Jérusalem: Tipografia dei Padri Francescani, 1956.
- Pringle* 2007 — *Pringle D.* The churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: a corpus. Vol. 3: The City of Jerusalem. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Strzygowski* 1901 — *Strzygowski J.* Orient oder Rom: Beiträge zur Geschichte der Spätantiken und frühchristlichen Kunst. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung Publ., 1901.
- Vincent et al.* 1949 — *Vincent L.-H., Baldi D., Marangoni L., Barluzzi A., Testa G.* Il Santo Sepolcro di Gerusalemme: Splendori — Miserie — Speranze / Eds. L.-H. Vincent, D. Baldi, L. Marangoni, A. Barluzzi, G. Testa. Jerusalem: Edizioni Custodia di Terra Santa, 1949.
- Vincent* 1911 — *Vincent L.-H.* Jérusalem sous terre: les récentes fouilles d'Ophel: avec illustrations, plans, cartes, et planches en couleurs. Vol. 1. London: Horace Cox, 1911.
- Vincent* 1912 — *Vincent L.-H.* Jérusalem, recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire. T. 1 Jérusalem antique. Fascicule I, Topographie. Paris: J. Gabalda et Cie, 1912.
- Vincent, Abel, Vogüé* 1914 — *Vincent L.-H., Abel F. M., Vogüé Ch.-J. M. de.* Jérusalem, recherche de topographie, d'archéologie et d'histoire. T. 2. Jérusalem nouvelle. Fascicule I et II: Aelia Capitolina — Le Saint-Sépulcre — Les sanctuaires du mont des Oliviers. Paris: J. Gabalda et Compagnie, 1914.
- de Vogüé* 1859 — *de Vogüé Ch.-J. M.* Les Églises de la Terre Sainte: Fragments d'un voyage en Orient. Paris: Librairie de Victor Didron Publ., 1859.

REFERENCES

- Ainalov D.V. Ellinisticheskie osnovy vizantiiskogo iskusstva (The Hellenistic Foundations of Byzantine Art). *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva (Notes of the Imperial Russian Archaeological Society)*, vol. XII, no. 3–4. Saint-Petersburg: Imperial Russian Archaeological Society Publ., 1901, pp. 1–224 (in Russian).
- Beliaev L.A. Vincent L.-H. *Pravoslavnaia Entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*, vol. 7. Moscow: Orthodox Encyclopedia Publ., 2009, pp. 658–659 (in Russian).
- Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Chast' 2: Obzor istoriografii po obshchei istorii Tserkvi (Introduction to the Church history. Part 2: A Review of Historiography on the General History of the Church). Eds. V.V. Simonov et al. Saint-Petersburg: Aleteia Publ., 2015, pp. 445–686 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Josef Strzygowski i Joseph Wilpert v Rossii: idei, diskussii, sotrudnichestvo (Josef Strzygowski and Joseph Wilpert in Russia: ideas, discussions, cooperation). *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the context of world culture)*. Saint-Petersburg: Hermitage Museum Publ., 2013, pp. 544–585 (in Russian).
- Biddle M. *The Tomb of Christ*. Stroud Phoenix Mill: Alan Sutton Publ., 1999.
- Cohen R. *Saving the Holy Sepulchre: How Rival Christians Came Together to Rescue Their Holiest Shrine*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2008.
- Corbo V. Gli edificie della santa Anastasis a Gerusalemme (1962). *Liber Annuus*, vol. 12, 1961–1962, pp. 221–304.
- Corbo V. La basilica del S. Sepolcro a Gerusalemme. Rassegna archeologica delle strutture degli edificie nel 1969. *Liber Annuus*, vol. 19, 1969, pp. 65–144.
- Corbo V.C. Nouve scoperte archeologiche nella basilica del A. Sepolcro (1964). *Liber Annuus*, vol. 14, 1963–1964, pp. 293–338.
- Corbo V.C. Scavo della Cappella dell'Invenzione della S. Croce e nuovi reperti archeologici nella Basilica del S. Sepolcro a Gerusalemme (1965). *Liber Annuus*, vol. 15, 1965, pp. 318–366.
- Coüasnon Ch. Analyse des éléments du IVe siècle conservés dans la Basilique du S. Sépulcre à Jérusalem. *Akten des VII. Internationalen Kongresses für Christliche Archäologie*. Roma: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana Publ., 1969, pp. 447–463.
- Coüasnon Ch. Chronique archéologique: Jérusalem — Ecce Homo. *Revue biblique*, vol. 73, no. 1–4, 1966, pp. 573–574.
- Coüasnon Ch. Découverte de l'abside du Martyrium. *Terre Sainte*, 1971, pp. 153–160.
- Coüasnon Ch. Le Golgotha: Maquette du sol naturel. *Bible et Terre Sainte: Le Golgotha du procès de Jésus-Christ au Calvaire*, vol. 149 (mars), 1973, pp. 10–18.
- Folda J. *The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098–1187*. Cambridge: Cambridge University press Publ., 1995.
- Harvey W., Harvey J.H. The Structural Decay of the Church of the Holy Sepulchre. *Palestine Exploration Quarterly*, vol. 70, 1938, pp. 156–161.
- Harvey W., Richmond E.T. *Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem: Structural Survey Final Report*. Londres Walton Street: Oxford University Press Publ., 1935.
- Khrushkova L.G. Josef Strzygowski, Joseph Wilpert and the Russian School of Byzantine Studies. *Cahiers Archéologiques*, vol. 56, 2015, pp. 173–189.
- Le Saint-Sépulcre: Études et projets de restauration (7 Juillet 1954 — 20 Août 1956)*. Eds. J. Trouvelot, F. Forlati, H. Lacoste et al. Jérusalem: Tipografia dei Padri Francescani Publ., 1956.
- Pringle D. *The churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: a corpus. Vol. 3: The City of Jerusalem*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2007.
- Strzygowski J. *Orient oder Rom: Beiträge zur Geschichte der Spätantiken and frühchristlichen Kunst*. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung Publ., 1901.
- Vincent L.-H. et al. *Il Santo Sepolcro di Gerusalemme: Splendori — Miserie — Speranze*. Eds. L.-H. Vincent, D. Baldi, L. Marangoni, A. Barluzzi, G. Testa. Jerusalem: Edizioni Custodia di Terra Santa Publ., 1949.
- Vincent L.-H. *Jérusalem sous terre: les récentes fouilles d'Ophel: avec illustrations, plans, cartes, et planches en couleurs*. Vol. 1. London: Horace Cox Publ., 1911.
- Vincent L.-H. *Jérusalem, recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire. T. 1.*

- Jérusalem antique*. Fascicule, Topographie. Paris: J. Gabalda et Cie Publ., 1912.
- Vincent L.-H., Abel F. M., Vogüé Ch.-J. M. de. *Jérusalem, recherche de topographie, d'archéologie et d'histoire*. T. 2. *Jérusalem nouvelle*. Fascicule I et II : Aelia Capitolina — Le Saint-Sépulcre — Les sanctuaires du mont des Oliviers. Paris: J. Gabalda et Compagnie Publ., 1914.
- de Vogüé Ch.-J.M. *Les Églises de la Terre Sainte: Fragments d'un voyage en Orient*. Paris: Librairie de Victor Didron Publ., 1859.

АРХИТЕКТУРА АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И. А. Бондаренко

ДРЕВНЕРИМСКИЙ ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГОРОДА

Разбивка планов древнеримских городов по типу военного лагеря, описанная Полибием, отличалась не только ортогональностью, но и установлением четкой субординации территориальных зон. Пересечение кардо и декумануса, отмечавшееся тетрапиллом, формировало не нейтральную срединную точку, а преддверие главной/головной части города с форумом (изначально резиденцией главнокомандующего) и жилищами офицеров. Фигура Тау-креста в плане структурировала зону расселения рядового состава. Аналогом этой зоны можно считать бург или посад средневекового города. А расположенную над перекладиной креста — декуманусом — главенствующую зону позволительно соотнести с замком или русским кремлем (детинцем).

Та же трехчастная структура с Тау-крестом посередине продолжила свое существование в новом значении и в христианских базиликах и крестово-купольных храмах. Знаменательно, что подобным образом структурировались и средневековые карты Земли. Все это свидетельствует о глубоких космологических основаниях рассматриваемой планировочной традиции.

Ключевые слова: древнеримский военный лагерь, градостроительство, античная архитектура, модель мира, тетрапил

I. A. Bondarenko

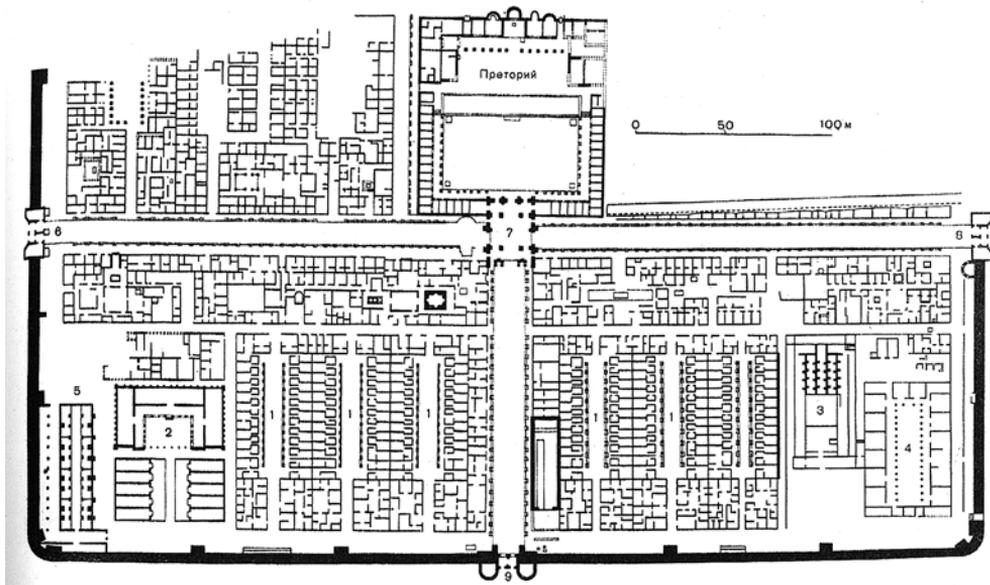
ANCIENT ROMAN LEGION CAMP AS A UNIVERSAL MODEL OF THE TOWN

The breakdown of the plans of ancient Roman cities by military camp type, described by Polybius, differed not only in its orthogonality, but also in the establishment of a clear subordination of territorial zones. The crossing of the cardo and decumanus, noted by the tetrapyl, formed not the neutral midpoint, but the threshold of the main / main part of the city with the forum (originally the residence of the commander-in-chief) and the dwellings of the officers. The figure of the Tau-cross in the plan structured the zone of settlement of the rank-and-file members. An analogue of this zone can be considered a burg or a settlement of a medieval city. The main zone located above the crossbar — decumanus can be attributed to the castle or the Russian Kremlin (detinets). The same three-part structure with the Tau-cross in the middle continued its existence in a new meaning and in Christian basilicas and cross-domed temples. Significantly, the medieval maps of the Earth were structured in a similar way. All this testifies to the deep cosmological foundations of the planning tradition under consideration.

Key words: Roman military camp, town-planning, classical architecture, universe model, tetrapylon

Многие европейские города, обязанные своим происхождением древнеримской военной экспансии, сохранили в своих центрах участки с ортогональной планировкой, до сих пор четко читаемой, хотя и подвергшейся за давностью лет своего рода эрозии. Это места расположения первых военных лагерей или городков, построенных по типу лагерей, которые служили опорными пунк-

тами на стратегических направлениях продвижения римской армии. Наиболее наглядные примеры тому дают планы Флоренции, Болоньи, Милана, Вены. Есть античные города лагерного типа, раскопанные археологами: Аоста, Ламбезис, Тимгад и др. (ил. 1). Все, кто пишут об этих городах, подчеркивают правильность разбивки их уличной сети и выделение в ней центрального перекрестка.

Ил. 1. Ламбезис. План раскопанной части города II в. (Саваренская 1984: 119)

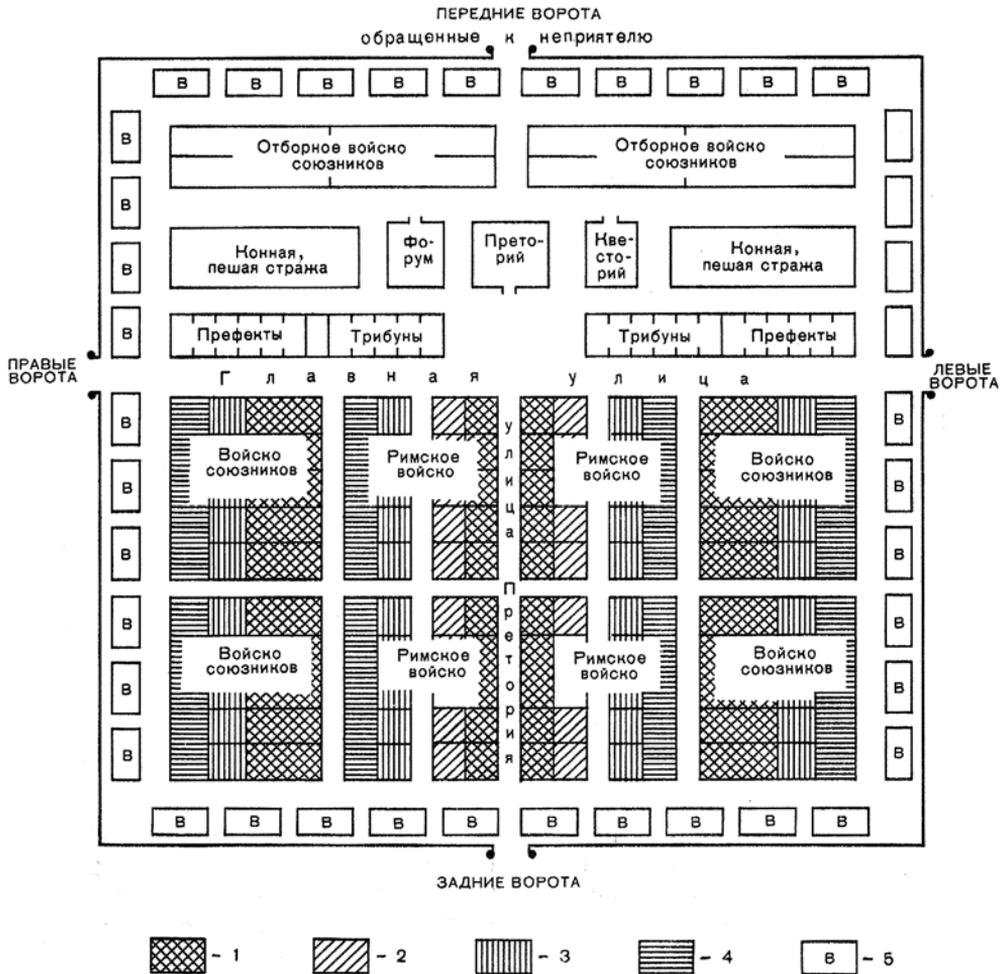
Далее обращается внимание на всевозможные особенности конкретных планировок, которые так или иначе варьировали схему построения лагеря, описанную Полибием — современником Пунических войн II в. до н. э. (Самохина 1995; Мирзаев 1986).

Дошло до нас описание римского лагеря и другого автора — Гигина, относящееся уже ко времени императора Траяна (II в.). Судя по нему, на смену квадратным очертаниям лагерей республиканской эпохи пришли прямоугольные с соотношением сторон 1:3. Это соотнобразовывалось с построением войска из трех легионов, тогда как у Полибия речь шла о размещении в лагере только двух легионов. Известны также отдельные указания о том, как должны быть устроены лагеря Цезаря, Ливия и Тацита. Под влиянием целого ряда военных реформ их планировка, естественно, корректировалась, но принципиальная схема оставалась все той же.

В целом в историко-архитектурной литературе господствует общее мнение об особой приверженности древних римлян к столь близкой нам абстрактно-геометрической, «шашечной» планировке новых городов, строившихся по единому плану (Всеобщая история архитектуры 1973).

Я вижу свою задачу в том, чтобы уйти от упрощения представлений об этой шашечной планировке и найти в ней осмысленный структурообразующий принцип. При ближайшем рассмотрении выясняется, что в лагере должна была быть обеспечена не только геометрическая четкость и равномерность нарезки кварталов, но вместе с тем и совершенно определенная субординация крупных территориальных зон.

По одну сторону от главной улицы, которую в последующем стало принято называть «декуманус максимус», размещался командный состав, а по другую — солдаты разных категорий (ил. 2). Меньшая

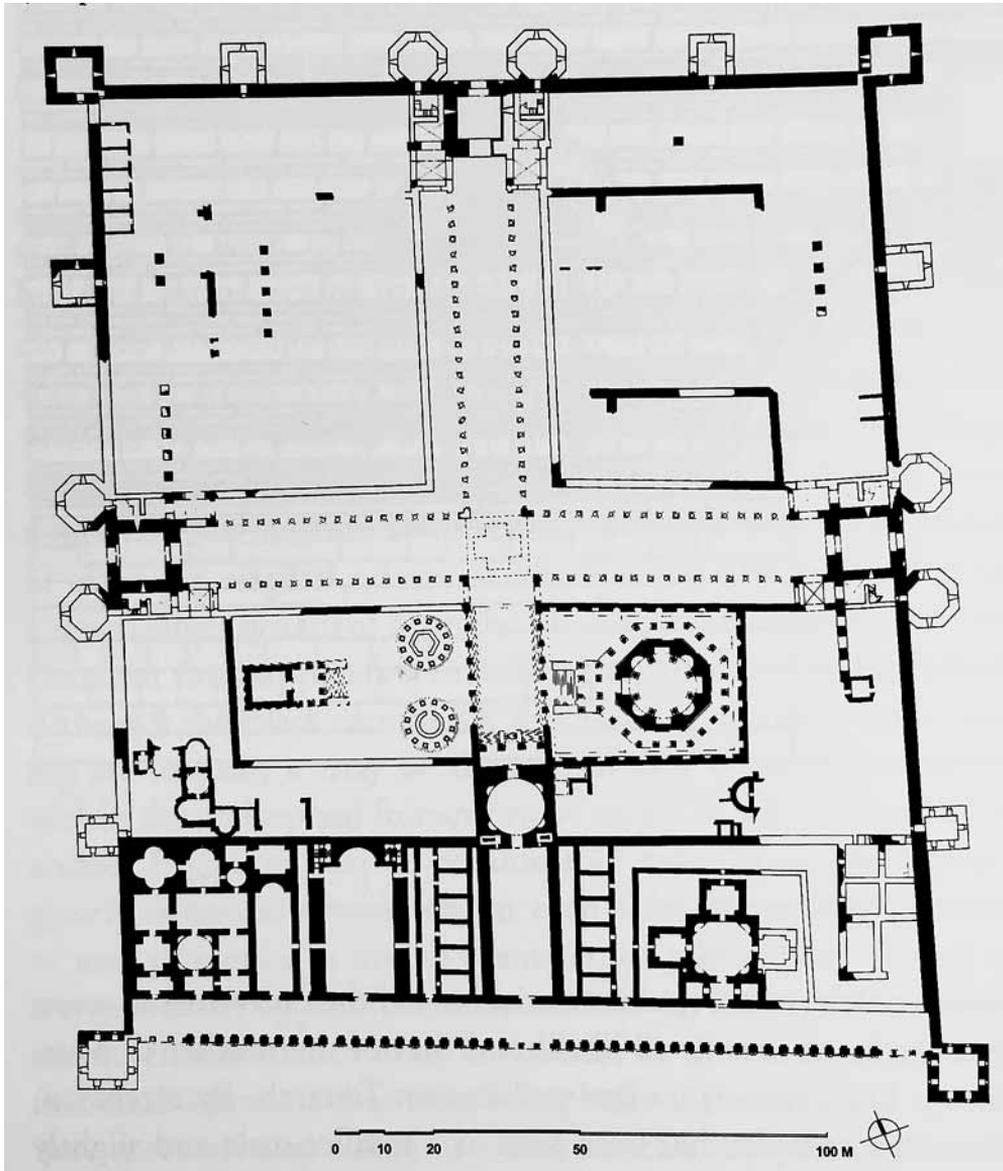
Ил. 2. Схема разбивки римского военного лагеря по Полибию (Саваренская 1984: 99)

1 — конница римлян и их союзников; 2 — триархи — лучшие солдаты, занимающие третий резервный ряд во время походов; 3 — принцепсы — солдаты, занимающие в строю первые ряды; 4 — гастаты (копьемосцы); 5 — велиты — легковооруженные воины

по значимости, но бóльшая по площади территория разделялась надвое перпендикулярной к декуманусу улицей «кардо», которую Полибий называл «улицей претория». На продолжении ее оси за перекрестком располагалась палатка претора (позже консула) — главнокомандующего армией. По одну сторону от нее ставилась палатка квестора (казначей) —

квесторий, а по другую — палатка двух легатов — помощников претора, место которой называлось форумом.

В дальнейшем форумы в римских городах превратились в парадно оформленные общественные пространства. Например, в Ламбезисе, построенном в Северной Африке во II в., форум был трактован как прямоугольная площадь,

Ил. 3. План укрепленной резиденции Диоклетиана в Сплите (Ćurčić 2010: il. 14)

обнесенная с трех сторон колоннадой и предваряющая преторий, растянувшийся во всю ее длину (ил. 1). Вход на форум осуществлялся через «тетрапил» — кубическое по общим пропорциям массивное четырехпролетное сооружение, эффек-

но фиксировавшее главный перекресток города. Улица кардо в данном случае была шире, чем декуманус, хотя, согласно Полибию, надо было делать наоборот.

Расположенные за преторием и обращенные к неприятелю ворота лаге-

ря считались передними, а противоположные — задними, то есть тыльными. Это логично, ибо сюда подходили пути из освоенных римских земель и самого Рима. Выдвинутый вперед преторий был тем не менее повернут главным фасадом внутрь лагеря, то есть в тыл и к задним воротам. Именно так — спиной к врагу и лицом к легионерам — вставал на претории жрец-авгур для проведения церемонии разбивки лагеря. Пространство перед ним называлось фронтом. Весьма показательно в этом отношении наименование боковых ворот на концах главной поперечной улицы (декуманус максимус) правыми и левыми, исходя из такого взгляда от претория на лагерь. К сказанному надо добавить, что непосредственно перед фасадом претория специально оставляли свободное пространство — принципий. Оно служило для установки алтарей, знамен и кафедры для ораторов, называвшейся трибуналом.

Вполне понятно, что командиру негоже было отворачиваться от своих подчиненных. Поэтому, занимая место во главе внутренней структуры лагеря, он обращался спиной или затылком к врагу. Глядя отсюда от передних ворот, он сидел, можно сказать, задом наперед. Хотя в момент выступления (а оно осуществлялось как раз через передние ворота) он разворачивался и вел войско за собой, становясь предводителем. Перед ним, судя по схеме Полибия, оказывались легковооруженные воины (защищавшие лагерь по всему периметру) и отборные войска союзников, по флангам — конная и пешая стража, следом по обе стороны шли трибуны (главные военачальники) и префекты (начальники-смотрители) и только потом возглавляемые ими конные и пешие солдаты, составлявшие римское войско — в центре и войско союзников — по краям.

Реальные построения римских легионов во время боевых действий, ко-

нечно, были не совсем такими (Коннолли 2000). В частности, существовали специальные категории солдат — «принципов», занимавших в строю первые ряды, и «триархов», которые считались лучшими и потому помещались в третий, резервный ряд. Но в символическом плане описанная расстановка военных сил в лагере имела весьма существенное значение, ибо показывала, что главные герои всегда впереди и в то же время подчиненные находятся под их началом и бдительным оком.

Возникает все же вопрос: насколько правомерны приведенные определения задних и передних ворот? Ответ получается положительным, поскольку местоположение первого лица в удалении от входа, в глубине участка и в глубине дома, равно как и храма, было присуще глубокой и едва ли не общечеловеческой традиции. Значимость мест последовательно убывала по мере приближения ко входу. В допетровской Руси существовало специальное наименование должностной субординации, определявшей в том числе и рассаживание бояр в разной степени близости от государя и от двери, — «местничество» (Исаев 2004; Ключевский 1992).

Главный вход с улицы в дом пролегал через парадный подъезд, вестибюль, гостиную, а главный вход в храм — через паперть и нартекс. Проход же за спиной хозяина, ведущий во внутренние покои, в сад или к потайным путям, если он был, представляется задним, его хочется назвать черным ходом. Древние однокамерные жилища, мегароны и храмы, освещавшиеся только через дверные проемы, смотревшие на дневную сторону горизонта, весьма наглядно иллюстрируют сказанное.

Однако место в глубине от главного входа было первостепенным и в этом смысле передним. А у входа

места оставались последними, то есть хвостовыми, задними. Западный портал христианского храма обрамляет его главный вход, но перед храма на востоке — там, где алтарь.

Если бы в апсиде существовала дверь на улицу, можно было бы называть ее передней? Она была бы задней для священнослужителей, задней по отношению к царским вратам алтаря. Но она же могла быть понята как передняя для посещающего храм Господа.

В этой связи надо обратить внимание на один фрагмент из ветхозаветной книги пророка Иезекииля, где говорится о правилах создания святилища: «И привел он меня обратно ко внешним воротам святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены. Что до князя, он, как князь, сядет в них, чтобы есть хлеб перед Господом; войдет путем притвора этих ворот, и тем же путем выйдет» (Иез. 44: 1–3).

Этот текст проливает свет на известные факты ограничения входа в главные — «святые» ворота монастырей и городов. Обращенные к Елеонской горе и Вифании восточные ворота Иерусалима, через которые входил в Неделю ваий Иисус Христос, очевидно, недаром были впоследствии наглухо замурованы (Eliyahu 1988: 32). Существует поверье, что камни отпадут и ворота откроются, когда явится Мессия.

Вернемся к римскому лагерю. Передними воротами Полибий назвал те, которые обращены в сторону врага. Раз так, то они должны были иметь наиболее мощную защиту и уж точно — не стоять нараспашку. Как в христианские, так и в языческие времена люди рассчитывали прежде всего на божественную защиту.

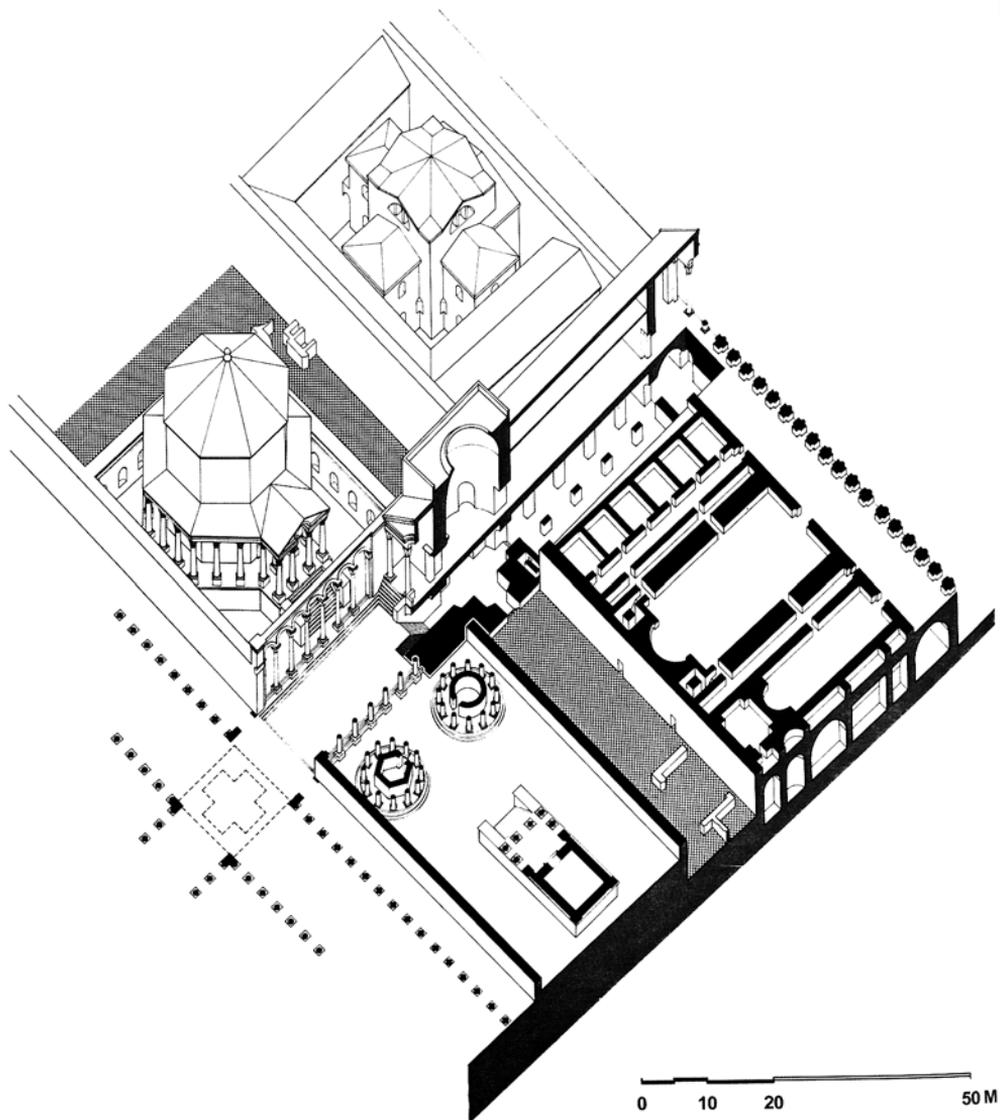
Это значит, что у этих преторианских ворот было главное культовое место. Выше уже упоминались алтари богам и знамена, устанавливавшиеся возле претория. Следует заметить, что для легионеров знамя было великой святыней, которую надо было защищать до последней капли крови.

В Ламбезисе преторий включал в себя святилище, в Тимгаде к форуму примыкал храм Фортуны. Форум в Остии, пересекавшийся широким декуманусом, с одной из сторон замыкался большим храмом на высоком подиуме, посвященном сразу трем главным небесным богам: Юпитеру, Юноне и Минерве. Такое сооружение, типичное для многих римских городов, было принято называть Капитолием (*Там же*: 32). Напротив, по другую сторону декумануса, стоял храм Рому и Августа, символизировавший земную государственность. Тем самым утверждался опять-таки принцип субординации городских пространств по разные стороны от декумануса максимуса, хотя и другими средствами.

Крестообразное пересечение двух главных улиц определяет планировку особого города — укрепленной резиденции императора Диоклетиана на его родине в Сплите (ил. 3–4). Здесь тоже выделяется главная половина, включающая храм, мавзолей и жилые покои, примыкающие к галерее, обращенной на море (Ćurčić 2010: 26–28). С этой внешней стороны ворот не было вовсе.

Отмеченный факт разделения города на две неравноценные, но взаимосвязанные зоны позволяет проводить параллели между регулярными римскими лагерями и внешне совсем непохожими на них средневековыми бургами и замками, а в русском варианте — посадами и детинцами (кремлями).

На Руси еще существовал термин «предградье», относившийся к посаду,

Ил. 4. Сплит. Перистильный двор и окружающая застройка укрепленного города. Аксонометрия (Ćurčić 2010: il. 22)

непосредственно примыкавшему к укрепленному детинцу (городу в узком смысле этого слова) с напольной, или приступной, как ее называли, стороны. Города ставились чаще всего на береговых кручах у слияния двух рек, что

обеспечивало естественную защиту их мысовой части с двух сторон. Третья же сторона получалась широкой и наиболее уязвимой, но зато удобной для хозяйственного освоения. С этой стороны нужно было прокапывать рвы, насыпать

валы и ставить стены, защищающие подступы к городскому ядру.

В слове «предградье» содержится указание на обращенность города лицом к посаду. Самым ярким подтверждением тому служит старинное наименование укреплений псковского детинца — Крома (как он здесь называется) со стороны предградья, Довмонтова города, — «Персями», то есть грудью города (*Pannonopt* 1956: 56). В то же время нельзя не заметить, что мыс, занятый Кромом, своим острым передом вдаётся в место впадения реки Псковы в реку Великую. Возникает та же проблема с различением переда и зада города, что и в римском лагере.

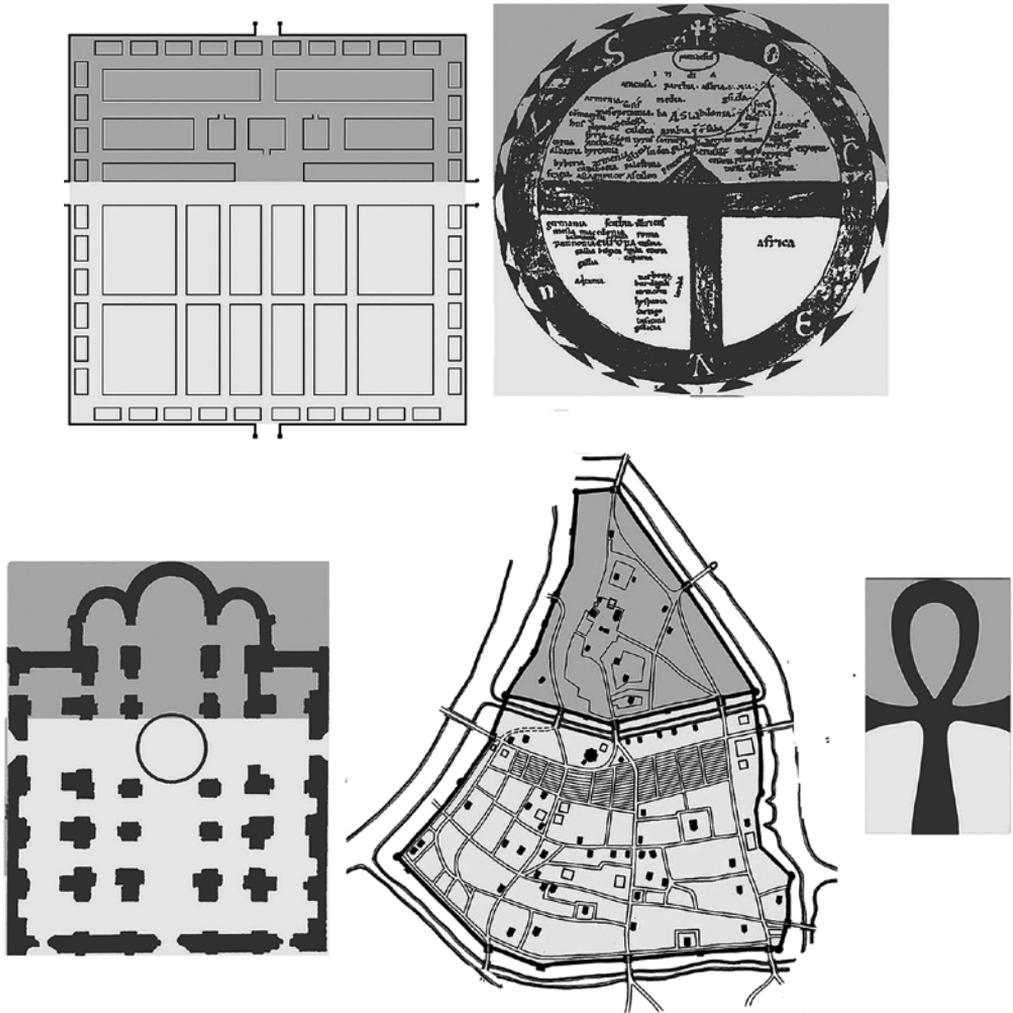
Передними или задними следует считать Боровицкие ворота Московского Кремля, стоящие на самом мысу? Конечно, задними, если смотреть со стороны Великого посада — Китай-города и главных кремлевских Спасских ворот. В то же время достаточно очевидно, что перед кремлевского треугольника занят дворцовым комплексом, примыкающим как раз к Боровицким воротам, которые служат главным, передним въездом в этот комплекс. При таком взгляде Спасские ворота оказываются задними. Они действительно обращены в тыл города (ил. 5).

Древние города мысового типа все не имели ворот на мысах. В малых городах делались только одни ворота с напольной стороны. А мыс оставался самой изолированной, потаенной и тупиковой частью города. Мыс — это самый край, конец, нос, а значит и глава того массива земли, который вычленяется между побережьями ближайших рек. Город, поставленный на нем, запирает вход на защищаемую им территорию и тем самым служит замком и в прямом, и в переносном смысле этого слова (*Бондаренко* 2012: 45–50).

Таким образом, город имел два лица: одно — приветливое и гостеприимное — для своих и друзей, совершенно другое — замкнутое, суровое, воинственное — для чужих и опасных пришельцев. Первым он обращался к тем, кто находился в тылу, под его прикрытием, вторым угрожал враждебному внешнему миру. Устройство римского лагеря, оказываясь, было принципиально таким же.

Другое дело, что при разрастании городов их первоначальные ядра окружались поселениями со всех сторон и теряли указанную ясность ориентации. Сложилась даже известная теория закономерного превращения города мысового типа в моноцентрический, радиально-кольцевой (*Тверской* 1953: 36–37, 124). И все же, надо признать, что и в таком случае крепостное ядро и ближайшее предградье сохраняли признаки своей исходной асимметрии (*Бондаренко* 2007: 48–57).

Выясняется, что незастроенная пространственная полоса («гласис» в терминологии Нового времени) перед фортификациями на приступе, то есть со стороны посада, была аналогом декумануса максимуса, а улица, проходившая по водоразделу от посадских ворот к главным воротам города, — кардо. Главный перекресток у главных ворот всегда акцентировался тем или иным способом. В древнеримские времена здесь возводились тетрапилы или хотя бы монументальные столбы по четырем углам. В христианских городах строились надвратные храмы, а также церкви и часовни перед воротами для их духовной защиты. В Москве XVI в. перед восточной кремлевской стеной и Алевизовым рвом сформировался протяженный ансамбль Красной площади с уникальной центральной архитектурной доминантой — храмом Покрова на Рву, да еще со специально выделенным Лобным местом.

Ил. 5. Универсальные основы пространственного зонирования: римский лагерь, средневековая карта мира, план христианского храма, кремль и посад древнерусского города, древнеегипетский Анх. Схема автора

Планировка и зонирование римского лагеря помогают увидеть единую схему в построении очень разных архитектурных объектов. Сердцевину этой схемы образует фигура Тау-креста, в которой стойка соответствует кардо, а перекладина — декуманусу максимуму. Над перекладиной как бы голова города,

а под ней — туловище или тело, разделяющееся на правую и левую половины.

Удивительно, но факт, что та же схема весьма определенно прочитывается в планах христианских базилик и крестово-купольных храмов. Римский декуманус максимум оказывается сопоставимым с главным поперечным

нефом — трансептом, а кардо — с главным продольным нефом, ведущим в храме прямо от входа к алтарю. Самое замечательное, что в храмовом средокрестии над амвоном и перед алтарными (царскими) вратами мы встречаем не что иное, как конструкцию римского тетрапила: купол на четырех опорах. Он отмечает пространственный центр, но, как и в лагере, остается все же за пределами священного участка.

В этой связи особый интерес представляет наблюдение А. Ю. Казаряна, касающееся непосредственной преемственной связи купола кафедрального собора Сурб Эчмиадзин с античным римским тетрапилом (или тетрапилоном), стоявшим на том же самом месте, а именно в середине прямоугольной цитадели Вагаршапата, где в конце II в. был расквартирован римский легион. Здесь пересекались две главные дороги, шедшие из Арташата и от Мецаморского моста (Казарян 2007: 34–35).

В заключение надо напомнить о традиционном для средневековой картографии трехчастном структурировании земной суши, состоявшей из Азиатского, Европейского и Африканского континентов, разделенных Средиземным морем и великими реками Нилом и Танаисом (Доном). Схематизируясь на картах, указанные реки изображались в качестве перекладины Тау-креста, а море — его стойки (Чекин 1999: 22–66). В средокрестии или чуть выше помещался Иерусалим, а на дальнем восточном краю Азии — покинутый людьми рай (ил. 5). Планы христианских храмов символически воспроизводили такое представление о структуре Земли, чему я посвятил специальную статью (Бондаренко 2015). Теперь сюда можно добавить и планы древних городских центров.

Предвижу возможное недоумение по поводу правомерности сопоставле-

ния схемы римского лагеря с планами средневековых городов и храмов, а также с картами земли, вызываемые тем, что, по Полибию, главная осевая улица, ведущая к преторию, должна была иметь меридиональное направление, а поперечная — широтное. Однако, надо заметить, что на практике римские города лагерного типа отнюдь не выдерживали данное правило. Этого просто не могло быть, коль скоро требовалось изначально ставить их передом к врагу, а тылом к римским владениям. Возможно, Полибий обобщал ранний опыт продвижения римских войск с юга на север при захвате Этрурии и Галлии. Но по другим направлениям, да и вообще в реальных топографических условиях, не могла не возникать необходимость разворачивать оси городов совсем иначе, смотря по месту.

И все же в схеме Полибия угадывается некая универсальная символическая основа, стоявшая за конкретно-исторической прагматикой. Тыл обращен к югу — светлой, дающей жизнь стороне, а перед с преторием — к северу, к враждебному царству ночи и смерти. И в то же время — к вечности, куда устремлена ось мира. Кстати, по такому же принципу планировались древние китайские города с их осевыми императорскими резиденциями, смещавшимися, в большинстве своем, к северу и обращавшимися на полуденную сторону горизонта. Своей ортогональной планировкой они невольно напоминают римские города-лагери. Другое дело, что по масштабам своим это совершенно несопоставимые объекты.

Алтарные части христианских храмов выдвинуты, как известно, не на север, а на восток, в сторону рая, откуда были изгнаны люди и куда они мечтают вернуться. Тут нет речи о войне, но есть истовая устремленность и душевная

борьба. При этом и в том, и в другом случаях из главенствующего и сакрализованного пространства на подопечных нисходит свет разума и сила духа.

Какой-то великий секрет таит в себе фигура Т-образного креста, а особенно креста с закругленным навершием, характерным для древнеегипетского священного знака, именуемого «Анх». Этот знак считается символом жизни, ее возрождения и процветания, ключом, открывающим путь к высшему знанию (*Традиционное искусство Востока* 1997: 93). В нем угадываются и антропоморфные черты, о чем свидетельствует целый ряд похожих по силуэту на Анх надгробных памятников (*Толстой* 1995: 206–212) (ил. 5). Знаменательно, что некоторые из средневековых карт проецировались на фоне человеческой фигуры с распростертыми руками (*Чекин* 1999: 137). Распятие человека на кресте, несомненно, было осмыслено как особо значимый символический и мистический акт задолго до наступления христианской эры. Это дает основание считать, что у рассмотренной планировочной традиции имелись глубокие идейно-символические и космологические основания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бондаренко* 2007 — *Бондаренко И.А.* Естественное и искусственное в планировке Москвы // *Архитектурное наследство*. Вып. 48. М.: Коло, 2007. С. 48–57.
- Бондаренко* 2012 — *Бондаренко И.А.* Концы древнерусских городов и города на концах земель // *Архитектурное наследство*. Вып. 57. М.: Коло, 2012. С. 45–50.
- Бондаренко* 2015 — *Бондаренко И.А.* Базиликальные храмы и средневековые карты Земли // *ACADEMIA*. Архитектура и строительство. 2015. № 2. С. 32–37.
- Всеобщая история архитектуры* 1973 — *Всеобщая история архитектуры*. В 12 т. Т. 2: Архитектура античного мира (Греция и Рим) / Под ред. В.Ф. Маркузона и др. М.: Изд-во литературы по строительству, 1973.
- Исаев* 2004 — *Исаев И.А.* История государства и права России. М.: Юристъ, 2004.
- Казарян* 2007 — *Казарян А.Ю.* Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточно-христианское зодчество IV–VII веков. М.: Locus Standi, 2007.
- Ключевский* 1992 — *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. М.: Рассвет, 1992.
- Коннолли* 2000 — *Коннолли П.* Греция и Рим: энциклопедия военной истории. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- Мирзаев* 1986 — *Мирзаев С.Б.* Полибий. М.: Юридическая литература, 1986.
- Раппопорт* 1956 — *Раппопорт П.А.* Персидского Крома // *Краткие сообщения института истории материальной культуры*. Вып. 62 / Под ред. Д. Удальцова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 56–58.
- Саваренская* 1984 — *Саваренская Т.Ф.* История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. М.: Стройиздат, 1984.
- Самохина* 1995 — *Самохина Г.С.* Полибий: эпоха, судьба, труд. Дис. ... д. и. н. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995.
- Тверской* 1953 — *Тверской Л.М.* Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов. Л.; М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953.
- Толстой* 1995 — *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Традиционное искусство Востока* 1997 — *Традиционное искусство Востока*. Терминологический словарь / Под ред. Т.П. Каптеревой и др. М.: Эллис Лак, 1997.
- Чекин* 1999 — *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 1999.
- Ćurčić* 2010 — *Ćurčić S.* Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven: Yale University Press, 2010.

Eliyahu 1988 — *Eliyahu W.* Illustrated guide to Jerusalem. Jerusalem: The Jerusalem Publishing House, 1988.

REFERENCES

- Bondarenko I. A. Estestvennoe i iskusstvennoe v planirovke Moskvy (Natural and artificial in the layout of Moscow). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, vol. 48, ed. I. A. Bondarenko. Moscow: Kolo Publ., 2007, pp. 48–57.
- Bondarenko I. A. Kontsy drevnerusskikh gorodov i goroda na kotsakh zemel' (The ends of ancient Russian cities and cities on the lands' ends). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, vol. 57, ed. I. A. Bondarenko. Moscow: Kolo Publ., 2012, pp. 45–50.
- Bondarenko I. A. Bazilikal'nye khramy i srednevekove karty Zemli (Basilica type churches and medieval maps of the Earth). *ACADEMIA. Arkhitektura i stroitel'stvo (Architecture and Construction)*, no. 2, 2015, pp. 32–37.
- Vseobshchaia istoriia arkhitektury v 12 tomah (History of World Architecture in 12 volumes)*. Vol. 2. Arkhitektura antichnogo mira (Gretsiia i Rim). Eds. V. F. Markuzon and others. Moscow: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu Publ., 1973.
- Isaev I. A. *Istoriia gosudarstva i prava Rossii (History of the state and law of Russia)*. Moscow: Iurist Publ., 2004.
- Kazaryan A. Yu. *Kafedral'nyi sobor Surb Echmiadzin i vostochno-khristianskoe zodchestvo IV–VII vekov (The Cathedral of Holy Ejmiacin and the Eastern Christian Architecture of the 4th — 7th Centuries)*. Moscow: Locus Standi Publ., 2007.
- Klyuchevsky V. O. *Kratkoe posobie po russkoi istorii (A short guide to Russian history)*. Moscow: Rassvet Publ., 1992.
- Connolly P. *Gretsiia i Rim: entsiklopediia voennoi istorii (Greece and Rome: encyclopedia of military history)*. Moscow: Eksmo-Press Publ., 2000.
- Mirzaev S. B. *Polibii (Polybius)*. Moscow: Iuridicheskaia literatura Publ., 1986.
- Rappoport P. A. *Persi pskovskogo Kroma (Persi of Pskov's Krom)*. *Kratkie soobshcheniia instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture)*, vol. 62. Ed. D. Udaltsova. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 56–58.
- Savarenskaia T. F. *Istoriia gradostroitel'nogo iskusstva. Rabovladel'cheskii i feodal'nyi periody (History of the town-planning art. Slave-owning and feudal periods)*. Moscow: Stroizdat Publ., 1984.
- Samokhina G. S. *Polybius: epokha, sud'ba, trud. Dis. ...d. i. n. (Polybius: the epoch, the destiny, the work. Dis. ...d. i. n.)*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1995.
- Tverskoi L. M. *Russkoe gradostroitel'stvo do kontsa XVII veka. Planirovka i zastroyka russkikh gorodov*. Leningrad; Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture Publ., 1953.
- Tolstoi N. I. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike (Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics)*. Moscow: Indrik Publ., 1995.
- Traditsionnoe iskusstvo Vostoka. Terminologicheskii slovar' (Traditional art of the East. Terminological dictionary)*. Eds. T. P. Kaptereva et al. Moscow: Ellis Lak Publ., 1997.
- Chekin L. S. *Kartografiia khristianskogo srednevekov'ia VIII–XIII vv. Teksty, perevod, komentarii. (Cartography of the Christian Middle Ages VIII–XIII centuries. Texts, translation, comment)*. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 1999.
- Ćurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent*. New Haven: Yale University Press Publ., 2010.
- Eliyahu W.* *Illustrated guide to Jerusalem*. Jerusalem: The Jerusalem Publishing House Publ., 1988.

А. Ю. Казарян

СТОЛИЧНАЯ ШКОЛА АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЭПОХИ БАГРАТИДОВ. НОВЫЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ

Анализ одного из самых значительных явлений средневековой архитектуры — анийской, или столичной, школы армянского зодчества эпохи Багратидов, основанный на подведении итогов исследований автора последних полутора десятилетий, позволил выдвинуть новую хронологию ее развития. Материал, часть которого обогащена натурными исследованиями автора, систематизирован на новом уровне. Впервые особенности и самобытный язык столичной школы представлены в их развитии, и внутри единой эпохи расцвета архитектуры Ани (970–1040-е годы) определены три ее важнейших этапа. Каждый из них длился четверть века и был связан личностями трех царей династии. Ведущим мастером первого и второго этапов являлся Трдат, которого следует считать создателем основ анийской школы. Для каждого этапа сформулированы приоритеты развития и области приложения основной строительной деятельности.

Ключевые слова: армянская архитектура, столичная школа зодчества, Ани, Багратиды, архитектор Трдат, периодизация, интерпретация Античности

A. Yu. Kazaryan

METROPOLITAN SCHOOL OF ARMENIAN ARCHITECTURE OF THE BAGRATID PERIOD. A NEW SURWAY OF THE DEVELOPMENT

The examination of one of the most interesting phenomena of medieval architecture, Ani, or the metropolitan school of Armenian architecture, allows the possibility to propose a new chronology for its development. The material, part of which has been enriched by the author's field studies, has been systematized on a new level. For the first time, the features and unique language of the metropolitan school are represented in the successive stages of the school's development. Within the framework of the unified epoch of major flourishing of Ani architecture (970–1040's), its three epochs are determined. Each of them lasted a quarter of a century, and they were connected with the persons of three kings of the reigning dynasty. The lead master of the first two epochs was Trdat, and we must consider him as the founder of the Ani school. For each epoch priority developments were formulated.

Keywords: Armenian architecture, metropolitan school of architecture, Ani, Bagratids, architect Trdat, periodization, interpretation of classical Antiquity

Великий расцвет архитектуры Армении, произошедший в VII в., на закате эпохи поздней Античности (по другому определению, в эпоху раннего Средневековья), был прерван двухвековой арабской оккупацией, после которой, с конца IX столетия, началось возрождение христианского культового зодчества и активное развитие городов и крепостного строительства, чему сопутствовало возвышение некоторых княжеских родов, среди которых наивысшего успе-

ха достигают Багратуни, или Багратиды. Именно им в итоге к середине X в. удалось консолидировать национальные политические силы и создать царство с центром в Ани¹. На основе этой древней крепости у реки Ахурян, посреди исторического Ширака, развился город, который за два-три десятилетия после коронации там в 961 г. Ашота

¹ Ани с 1920 г. находится на территории Турции, примыкая к границе с Арменией.

Ил. 1. Панорама городища Ани. Вид с юго-запада. Фото А. Казаряна, 2012

Милостивого Багратуни (953–977) превратился в роскошную столицу (ил. 1). Ани стал главным центром развития средневековой армянской культуры, причем как в эпоху правления Багратидов, продлившуюся до захвата страны византийцами в 1045 г., так и позже, вплоть до середины XIV в.

Градостроительным особенностям армянской столицы, ее величественному собору, отдельным монастырям и храмам посвящены серьезные исследования (Март 1934; Токарский 1973; Арутюнян 1964; Мнацаканян 1969), в основе которых лежат достижения экспедиций Императорской археологической комиссии 1892–1893 и 1904–1917 гг., когда территория Ани и всей Карской области состояла в пределах России (Казарян 2016). В книге Паоло

Кунео и основанной на собственных натуральных наблюдениях, выдвинута мысль о существовании особой Анийской архитектурной школы (Cuneo 1977; Cuneo 1988). Развитие ее присутствует в других работах (Donabédian 1987), а сам труд Кунео явился одним из первых в ряду исследований региональных школ армянской архитектуры. При этом очевидным оставался обзорный характер работы Кунео, отсутствие в ней решения острых вопросов датировок памятников, генезиса их композиций и принципов складывания монастырских ансамблей. Этот круг вопросов не получил развития и впоследствии, а глубина фактологических исследований неуклонно снижалась. По счастью, спустя почти 100 лет после Первой мировой войны, появилась возможность проведения планомерных

натурных исследований в Ани и окрестных монастырях. Материал, собранный мной в индивидуальных поездках начиная с 2001 г. в составе международных экспедиций по уточнению состояния памятников, а также во время посещения Ани с целью научного консультирования работ по консервации средневековых построек, послужил основой моих исследований в НИИТИАГ² и ряда статей последних лет (*Казарян 2013; Казарян 2015b; Казарян 2017; Kazaryan 2014; Kazaryan 2015a; Kazaryan 2016b*). Эта работа продолжается, постоянно открывая перспективы дальнейших исследований, но ее результаты уже сейчас требуют обобщений, что и сделано

² Последняя из них — научно-исследовательская работа «Композиции и стиль армянской архитектуры начала XI века. Особенности обращения к античному наследию», 2014–2015 гг.

в рамках настоящей статьи, носящей характер аналитического обзора анийской архитектурной школы.

Первым обзором архитектуры самого Ани можно считать работу И. А. Орбели, осуществленную на начальном этапе изучения городища (*Орбели 1910; Орбели 1911*). В дальнейшем анийская архитектура освещалась в статьях и в разделах разных монографий, а последний обзор ее развития представлен М. М. Асратяном (*Асратян 2012*). Настоящая статья впервые выявляет особенности развития столичной школы армянской архитектуры эпохи Багратидов, от рождения ее яркого, самобытного языка до падения царской династии. Предваряя анализ, следует отметить, что на новом уровне удалось систематизировать материал и вычленить в пределах ранее воспринимавшейся единой эпохи расцвета архитектуры Ани три ее

важнейших этапа, каждый длиной в четверть века.

Первый этап — эпоха шахиншаха Смбата II Багратуни (977–990) и начала правления Гагика Багратуни — ознаменован строительством армянской столицы, с созданием структуры Нового города, его фортификаций, сооружением архитектором Трдатом кафедральных соборов в Аргине (973–985)³ и Ани (985–989, 992–1001)⁴. Это этап сложения характерных особенностей столичной школы. Ему предшествовал так называемый доанийский период развития архитектуры, когда, после длительного арабского порабощения и замирания церковного строительства, происходило его возрождение параллельно в нескольких вновь образованных армянских царствах. После середины X в. Багратиды становятся главными претендентами на общеармянское правление. После объявления Ани стольным городом в пределы их царства переезжает католикос (сначала в Аргину, потом в Ани), они предпринимают самое масштабное строительство, притягивая для его осуществления творческие силы со всей страны. Впервые происходит концентрация архитекторов и мастеров в столице — активно разрастающемся городе развитого ремесленного производства, — что приводит к качественным изменениям в строительстве

³ Согласно сообщению Степаноса Таронаци, Асохика (историограф конца X — начала XI в.), архитектор Трдат при католикосе Хачике Аршаруни (973–992) построил в Аргине кафедральный собор, три другие церкви и дворец католикоса (*Степанос Таронский* 1864: 3, XI, 128–129, 130).

⁴ О строительстве собора Трдатом при царе Смбате: (*Степанос Таронский* 1864: 3, XI, 128–129, 130). О завершении строительства царицей Катрамиде см.: (XXX, 184). Традиционная датировка Анийского собора 988–1001 гг. пересмотрена (*Гулян* 2005: 29–30).

и архитектуре. Уже через два десятилетия после начала строительства Ани инженерные идеи его ведущего мастера, зодчего Трдата, оказываются вне конкуренции на пространстве восточнохристианского мира, о чем свидетельствует порученное ему восстановление купола Константинопольской Софии, рухнувшего к тому времени в результате землетрясения⁵. Событие это совпало с перерывом в строительстве Анийского собора по причине смерти царя Смбата, то есть произошло в исторический момент, когда анийцы уже обрели свою архитектуру, имеющую собственное конструктивное исполнение и собственную стилистику. При этом, в отличие от мастеров эпохи расцвета армянской архитектуры в VII в., анийцы не изобретали новых типов церквей, а, наследуя старую типологию, активно преобразовывали ее конструкции и формы, что приводило к созданию новых образов.

Многие черты, характеризующие постройки этой столичной школы, появились в храмах, непосредственно предшествовавших возведению Анийского собора. В наиболее ранней церкви центрального плана в Новом городе — Сурб Григор, вошедшей в научную литературу под названием Аbugамренц (построил сын Апугамра, Григор Пахлавуни, ум. в 982 г.), — традиционная с VII в. шестиконечная структура приобрела компактность за счет укорачивания рукавов и благодаря вытянутым по вертикали пропорциям (*Халпахчян* 1975: 106) (ил. 2). Для понимания этих изменений достаточно сравнить постройку не только с церковью 640-х годов у станции Арагац в Армении (последнее исследование — *Kazaryan* 2016a), но и с цер-

⁵ Об этом сообщается в: (*Степанос Таронский* 1864: 3, XXVII, 180). О характере работы Трдата в Константинополе см.: (*Маранчи* 2006; *Maranci* 2011).

ковью у цитадели Ани (*Карпетян* 2011: 94–102), построенной, вероятно, в первой половине X в. Известные по другим памятникам формы, такие как горизонтальный пояс или обрамление окон, получили в храме Аbugамренц необычное развитие в сторону большей элегантности и изящества. В этой церкви присутствуют элегантные формы и орнаменты, которые станут типичными для наступавшего времени расцвета анийской архитектуры (*Тораманян* 2012: 91–92). Архивольт одного из окон опирается на спаренные тонкие полуколонки, между которыми присутствует остроугольный вертикальный элемент. Тип этого окна повторен в алтаре Анийского собора и на многих других постройках эпохи (ил. 3а, б). В интерьере церкви Аbugамренц привлекает внимание другое нововведение: капители с рядом балюстр, оформленных на фронтальной стороне концентрическими кольцами (*Там же*: ил. 32), как это сделано в соборе Аргины, первом известном произведении Трдата, и во многих последующих армянских постройках. Именно на основе сравнения архитектурных деталей церкви Аbugамренц с известными произведениями Трдата О.Х. Халпахчьян солидаризируется с версией А. Оракяна о строительстве этой церкви тем же архитектором, благодаря чему он мог заслужить известность и покровительство заказчиков больших соборов (*Халпахчьян* 1975: 103). Подтверждая вероятность изложенной версии, можно добавить, что, возможно, в этом произведении великий зодчий впервые реализовал идею создания особо устремленного ввысь пространства, с большим, чем практиковалось ранее, доминированием широкого купола⁶.

⁶ Т. Тораманян считал этот памятник промежуточным между периодом постепенного возрождения армянской архитектуры в послерабскую эпоху и расцветом анийского зодчества.

Ил. 2. Церковь Сурб Григор рода Аbugамренц в Ани. Интерьер. Фото А. Казаряна, 2017

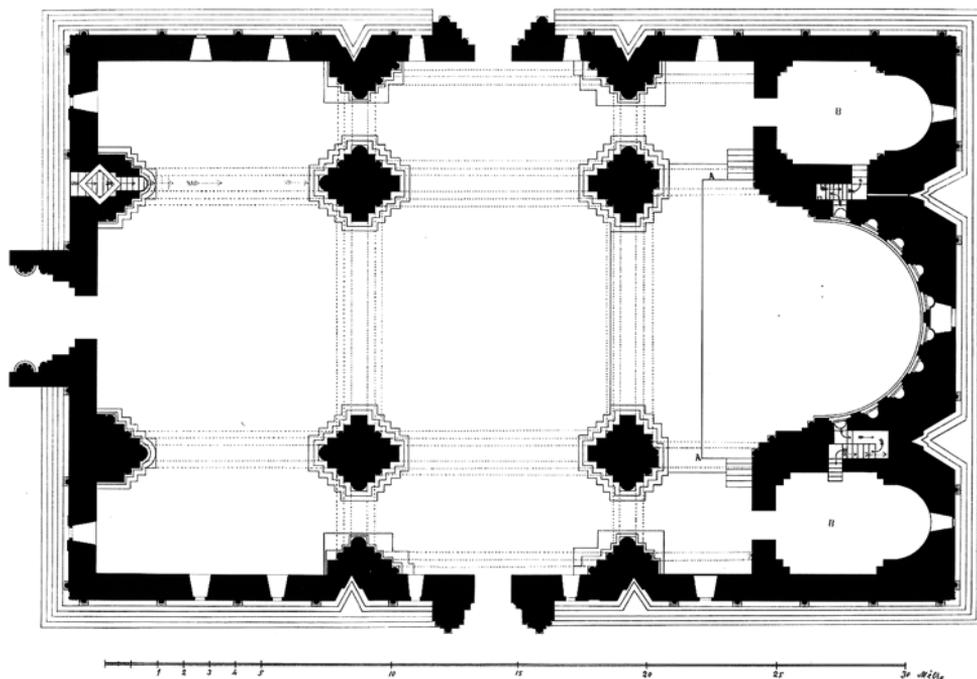
Собор в Аргине, как и предыдущий патриарший собор в Еразгаворсе (Ширакаван), относился к известному по образцам VII в. типу купольных залов (оба храма, расположенные вблизи границы с Арменией, уничтожены в 1950–1960-е годы). Но, если Еразгаворсская церковь своей композицией почти повторяла собор в Аруче, построенный правящим князем Армении Григором Мамиконяном в 669 г., то в Аргинской существенно меняются пропорции и принципиально по-новому трактуются подкупольные пилоны. Они превращены в пучковые опоры с округлыми членениями и с выразительными, украшенными орнаментами базами и капителями.

Следующий, особо величественный и торжественный, Анийский кафедральный собор оказался не только не менее

Ил. 3. Спаренные полуколонки с вертикальной остроугольной тягой на анийских храмах последней четверти X в.: а) в обрамлении окна церкви Абугамренци; б, с) на алтарном окне и на аркатуре барабана кафедрального собора. Фото А. Казаряна, 2015, 2017

новаторским, но и по многим качествам непревзойденным произведением (ил. 4–5). При основании храма выбран был другой архитектурный тип — четырехстолпный крестовокупольный, который известен по нескольким храмам V–VII вв., но представлен в архитектуре Багратидской Армении только этим собором. Основной новацией его композиции по сравнению с раннесредневековыми аналогами является расшире-

Ил. 4. Кафедральный собор в Ани. План по обмеру Т. Тораманяна (Тораманян 2008: ил. 1)

ние купольного квадрата по отношению к боковым нефам и увеличение вертикальных членений опор и соответствующих членений арок (Халпахчян 1995: 98; Maranci 2011). Верно было замечено, что пропорции зон интерьера и присутствие при внешних стенах мощных членящихся пилонов, соединенных арками с подкупольными столбами, выявляет ориентацию Трдата не только на однотипные храмы, но и на тип купольного зала (Гулян 2005: 26–39). Можно также предположить, что зодчий вдохновлялся конкретными образцами: соборами VII в. в Мрене и Аруче, наиболее сходными с Анийским и масштабом, и качествами интерьера. Строительство каждого из них прославленными первенствующими князьями Армении, Давидом Сааруни и Григором Мамиконяном, позволяет ду-

мать о роли заказчика в возведении собора в Ани, царя Смбата Багратуни, в выборе исходных образцов. Присутствует в соборе и явная цитата из интерьера Эчмиадзинского храма, начальное возведение которого связано с деятельностью царя Трдата Аршакуни и Григора Лусаворича (Просветителя). Это симметричные, «точечные» столбы с двойными базами, поставленными одна на другую. В Эчмиадзине они появились вследствие установки при перестройке его в конце V в. новых баз на базы замененных столбов IV в.⁷ В Ани такая форма, как представляется, могла возникнуть только при желании

⁷ В Эчмиадзине скрытые под настилом пола нижние базы IV в. были выявлены под базами конца V в. при раскопках 1950-х годов. Но в X в., полагаю, оба ряда последовательно сложенных баз выступали над уровнем настила.

Ил. 5. Кафедральный собор в Ани. Интерьер, вид на восток. Фото А. Казаряна, 2013

воспроизвести именно эчмиадзинские базы. Масштаб, необыкновенная высота нового собора (14,5 м до начала арок; 20 м до начала подкупольного карниза) и изрезанность опор в плане позволяли сделать это, избегнув архаизирующей массивности 90-сантиметровых в высоту двойных баз. Снаружи им вторил многоступенчатый цоколь, возможно восходящий к архаичным позднеантичным образцам V в. (Эчмиадзин, Ереруйк, Текор). Исключительно высокий, с узкими, словно прижатými к стене ступенями, он начинался с уровня пола и служил скорее визуальной, чем реальной физической опорой стен.

Структура Анийского собора, при всем обилии членящихся форм, ясна и лаконична. Необыкновенное равно-

весие в образ интерьера вносит центральное место и величие подкупольного пространства, осенявшегося высокой главой на светлом цилиндрическом барабане и парусах. Эти чистые формы и гладкие своды рукавов противопоставлены вертикальному динамическому ритму опор и арок. Это то, что отличает образ интерьера собора от готического храма, с которым так часто и небезосновательно сравнивался этот армянский памятник (Lynch 1901: 371–373; Линч 1910: 475–478; Strzигowski 1918: 187; Халпахчян 1995: 101–102; Тораманян 2008: 80). Возведенный за пару столетий до начала формирования готического стиля в Западной Европе, Анийский собор демонстрирует возможности передачи динамического, вертикально устремленного образа членением форм каменной конструкции, доводя ее до эффекта дематериализации. Большие в сечении столбы имеют узкие фронтальные пилястры и вереницу еще более узких угловых, что «разрушает» изначальную идею крестообразной опоры, превращая ее план, если обобщить все формы пучка пилястр, в диагонально развернутый квадрат, — к такому представлению столбов впоследствии придут и мастера готики. Применен здесь также принцип каркасной конструктивной системы, известный по византийским храмам задолго до расцвета западноевропейского зодчества и блестяще реализованный в Армении еще при возведении Аручского собора в 669 г. (Kazarian 2001; Казарян 2002). Однако, в отличие от готического интерьера, в здании Трдата очень слабо подчеркнута продольная ось и сделано все, чтобы преодолеть удлиненность четырехстолпных храмов типа Мренского собора и купольных залов. План наоса приближен к квадрату, а предапсидное пространство (вима) предельно сокращено, преобразовано в арочный уступ.

Ил. 6. Кафедральный собор в Ани. Общий вид с юго-запада. Фото А. Казаряна, 2015

Последняя черта — из наследия купольных залов, умело примененная Трдатом.

Внешние формы собора просты и на первый взгляд обычны для армянского храма. Прямоугольный в плане основной объем (21,9 × 34,3 м) с приподнятыми двускатными рукавами крестообразной композиции возносил над собой высокий барабан с, вероятно, коническим покрытием купола (ил. 6). Традиционные парные ниши, врезанные в восточную и продольные стены, структурируют их и намекают на распределение внутрен-

них зон, но не нарушают глади идеально выложенных плоскостей каждого фасада. Не нарушает их монументального облика и вся богатая резная декорация, основным мотивом которой служит аркатура или слепая аркада, опирающаяся на одинарные, необыкновенно узкие при их высоте полуколонны. Подчинением плоскости стены объясняется и характер оконных бровок и рам, в основном плоских, сплошь покрытых кружевным орнаментом (ил. 7–8). Даже карнизы, необычно узкие для столь высокого здания,

Ил. 7. Собор в Ани. Фрагмент южной стены. Фото А. Казаряна, 2017

Ил. 8. Собор в Ани. Окно в западной части южного фасада. Фото А. Казаряна, 2017

служат той же цели линейного графического подчеркивания архитектурных форм. Единственными контрастно выступающими и скульптурно трактованными элементами являются порталы. Разные по формам, все они раскрывали идею характерного для готики так называемого перспективного проема. Она же очень деликатно и уплощенно обыграна на некоторых окнах, например алтарном, и на окулусе по оси западного фасада.

Высокая и широкая купольная глава также была украшена аркатурой. Сохранились фрагменты ее пилястр. В них, как и на обрамлении алтарного окна, заметна уже отмеченная в связи с церковью Абугамренц деталь: узкая острая вертикальная полоса, разделяющая полуколонны (ил. 3с).

Классический тип армянской аркатуры с архивольтами на изящных парных колонках, своеобразный средневековый ордер, не являлся изобретением этой эпохи, а был воспринят от архитектурной традиции VII в., в рамках которой он применялся по периметру ротондальных зданий (Звартноц, Банак, Иринд), на граненых экседрах и барабанах (Талин, Сисаван и др.). Но только в следующую эпоху развития зодчества этот мотив появляется на плоской поверхности, возможно, впервые над апсидой церкви Сурб Ованнес в Бюракане (нач. X в.)⁸. Если в монастыр-

⁸ О генезисе аркатуры на храмах VII в., преобразованиях мотива на соборах X–XI вв. см.: (Казарян 2004; Казарян 2011; Казарян 2011; Казарян 2012: 450–458).

ских соборах 960–970-х годов Ошк-ванка и Санаина аркатура имеет лишь тенденцию к огибанию прямоугольного периметра здания, то в Анийском соборе такая идея реализована в полной мере. Возможно, ею выражалось стремление придать формам соборного храма, именуемого в армянских источниках Катохике и связанного с идеей «Майр екехеци» (матери-церкви), образной характеристики Сионской церкви (Казарян 2009а). Но главное, что было достигнуто Трдатом при создании аркатуры, — это ее преобразование в ажурную декорацию при сохранении основных характеристик ордерности: наличия баз и капителей у регулярных по высоте полуколонн, сохранения арок в виде профильных архивольтов. Необыкновенно стройные колонки; новая пластика архивольтов, слегка стрельчатых и расширяющихся в сечении к их вершинам (ил. 9); ритм этих арок в сочетании с вписанными в некоторые из них нишами, с декоративными горизонтальными планками и окулусами; а также тонкая, напоминающая кружевоплетение резьба деталей аркатуры и обрамлений окон и ниш, покрытие некоторых капителей росписью, — все это в сочетании с кладкой из крупных блоков превосходной тёски выводит рассматриваемое произведение за рамки архитектуры второй половины X в., несмотря на признанный за ней стандарт высокого качества. Анийский собор вообще является одним из памятников узкого круга, относимых к мировым шедеврам, и, по оценке Линча, «...носит отпечаток того неподдающегося определению качества, которое мы называем красотой, и едва ли кто-нибудь может смотреть на него без радостного трепета»; и далее: «Впечатление, которое мы выносим из осмотра этого здания, убеждает нас в том, что мы видели памятник высшей

Ил. 9. Собор в Ани. Фрагмент восточного фасада. Фото А. Казаряна, 2017

художественной ценности, указывающей на уровень культуры, намного опередившей современную ему цивилизацию на Западе» (Линч 1910: 477–478).

Учитывая разнообразие монументальной архитектуры в период, предшествовавший расцвету Ани, существование в рамках этого периода не только рядовых произведений, но и неординарных, например церкви Св. Креста на острове Ахтамар (915–921), естественно предполагать, что в потоке архитектурных идей, сопровождавшем интенсивную строительную деятельность в последние десятилетия X в., в соперничество между собой вступали проявления разных художественных вкусов и разных воззрений на образ храма. Единство, которым обладала совокупность

этих проявлений, заключалось, пожалуй, в исключительной изысканности господствующего эстетического начала, в устремленности к бесконечному совершенствованию форм, пропорций, линий, а вместе с тем и к совершенствованию технических достижений. Несомненно великой была и роль заказчиков, высокообразованных и предоставлявших возможность творчества исключительно высококлассным зодчим. В своем стремлении к идеальным архитектурным формам они быстро освоили основы архитектуры VII в. (во многом качественно превзойдя ее). Тем самым они восстановили связь с позднеантичной классической традицией и были готовы к качественному цитированию античных форм и их интерпретации (Казарян 2013; Казарян 2017).

Предрасположенностью к античным основам тектоники можно объяснить удержание Трдатом аркатуры Анийского собора в рамках архитектурного ордера, несмотря на очевидные преобразования образности храма, несмотря на новую эмоциональность в структурировании форм интерьера и объемной композиции. Та же предрасположенность зодчего сказалась в применении в орнаментальном убранстве античных мотивов. Одновременно мастер пробует развивать новейшие тенденции, перекликающиеся с развитием иранской архитектуры второй половины X в. в Хорасане. Попытка создания арочных порталов, вписанных в прямоугольную раму, на западном и северном фасадах Анийского собора и в Араб Ата в городе Тим (977–978) свидетельствует о сохранении и, возможно, возрождении единого передневносточного пространства развития художественной культуры (Казарян, Шукуров 2015). Однако следующая четверть века, с одной стороны, стала временем совершенствова-

ния основных достижений архитектуры Анийского собора (в основном, самим Трдатом), а с другой, — эпохой развития антикизирующего начала. Именно это последнее обстоятельство позволяет рассматривать период строительства двух следующих за собором храмов — церковей Гагкашен и Апостолов в Ани — как эпоху утверждения греко-римской антикизирующей стилистики⁹.

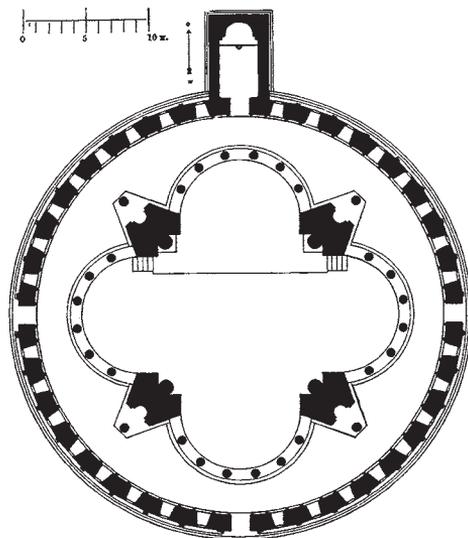
Согласно современнику событий Асохику, храм Св. Григора Лусаворича (Просветителя) был основан в Ани в первый год нового тысячелетия царем Гагиком Багратуни (990–1020) (отсюда происходит название храма — Гагкашен), и, что самое примечательное, историограф сообщает о возведении новой церкви по подобию «разрушенной и разоренной огромной церкви Сурб Григор в Кахакадаште» (*Степанос Таронский* 1864: 3, XLVII, 204; *Самуэл Анеци* 1893: 104), известной также под названием Звартноц (641–661). Если не обращать внимания на стилистические новации, композиция большого тетраконха, окруженного амбулаторием, буквально воспроизводит знаменитый образец¹⁰. Его выбор в 1001 г., кажется, был обусловлен желанием иметь в столице реплику храма, стоявшего на месте легендарной встречи царя Трдата с Григорием Просветителем — судьбоносного сближения светской и церковной власти, столь перекликающегося с актом соединения двух начал средневекового государства в Ани. Но, возможно, это строительство имело целью воспроизведение редко-

⁹ Об антикизирующем течении в эпоху Багратидов, без конкретизации времени его расцвета и стадий развития, см., в частности: (Азатян 1972; Арутюнян 1983; Казарян 2013; Kazaryan 2014: 6–11).

¹⁰ Об архитектуре Гагкашена и его сравнении с композицией Звартноца, в частности, см.: (Мнацаканян 1971: 70–75; Тораманян 1984).

го, адаптированного армянской архитектурной традицией образа Нового Иерусалима, каковым, по оценке исследователей, являлся Звартноц, того образа, который совмещал в своей структуре особенности композиций Ротонды Воскресения и Эчмиадзинского собора (Казарян 2009b: 529–530; Казарян 2012: 442). Раскопанный в 1905–1906 гг. экспедицией Н.Я. Марра и реконструированный тогда же Т. Тораманяном (ил. 10), храм этот, как и кафедральный собор, отличался от образца особо расширенным купольным квадратом. Экседры оказались менее глубокими, а кольцевой обход сузился (Maranci 2011: 101–126). Однако уменьшились в сечении также стены и колонны, а высота колонн выросла, и все это придало гораздо большую, чем в Звартноце, вертикальную динамику (ил. 11). Мастера продемонстрировали предельные возможности работы конструктивной системы и использованного материала. Риск, оправдывавшийся приданием архитектурному образу легкости и динамической активности, обошелся в скором времени вынужденной реконструкцией Гагкашена путем устройства дополнительных пилонов в его интерьере. Руинированность храма не позволяет во всей полноте почувствовать силу его первоначального образа. Но даже то, что сохранилось, включая детали колонн, порталов, окон, аркатуры, восхищает сочетанием масштаба храма и легкости и элегантности его форм. Это роднит постройку с кафедральным собором при всей очевидной их разнице.

Собор Апостолов был основан, вероятно, вскоре после завершения строительства Гагкашена, и датировать его следует двумя первыми десятилетиями XI в. по причине стилистической близости архитектурных форм и орнаментации этих двух храмов, а также очевидных

Ил. 10. Храм Гагкашен в Ани.
План по Т. Тораманяну (Strzigowski 191)

Ил. 11. Храм Гагкашен в Ани. Колонна внутренней аркады, сохранившаяся в массиве более позднего пилона. Фото А. Казаряна, 2015

отличий в исполнении деталей от памятников 1020-х годов¹¹. Если Церковь Апостолов и была возведена еще в правление Гагика Багратуни, то заказчиком столь большого и нарядного сооружения, каким она является, впервые за многие десятилетия выступил представитель княжеского рода — влиятельной фамилии Пахлавуни. Храм являлся городским собором, кафедру которого традиционно возглавляли выходцы из этого рода¹². Развалины храма раскапывались в 1909 г. той же российской экспедицией (*Марр* 1934: 75–76; *Орбели* 1910), и, как и в случае с Гагкашеном, графически реконструировал памятник Т. Тораманян (*Тораманян* 2012)¹³.

Композиция Собора Апостолов генетически восходит к большой и разнообразной группе армянских тетраконов, чем в некотором смысле перекликалась с Гагкашеном. Несомненно, восходя к одному из ранних образцов (как полагали некоторые ученые, к структуре Эчмиадзина, основываясь на его слабо обоснованной реконструкции Т. Тораманяна), Собор Апостолов, в отличие от Гагкашена и даже кафедрального собора, являлся значительно более необычным сооружением, выделяющимся на фоне всей архитектуры эпохи. Композиция представляла собой вписанный в прямоугольный периметр стен

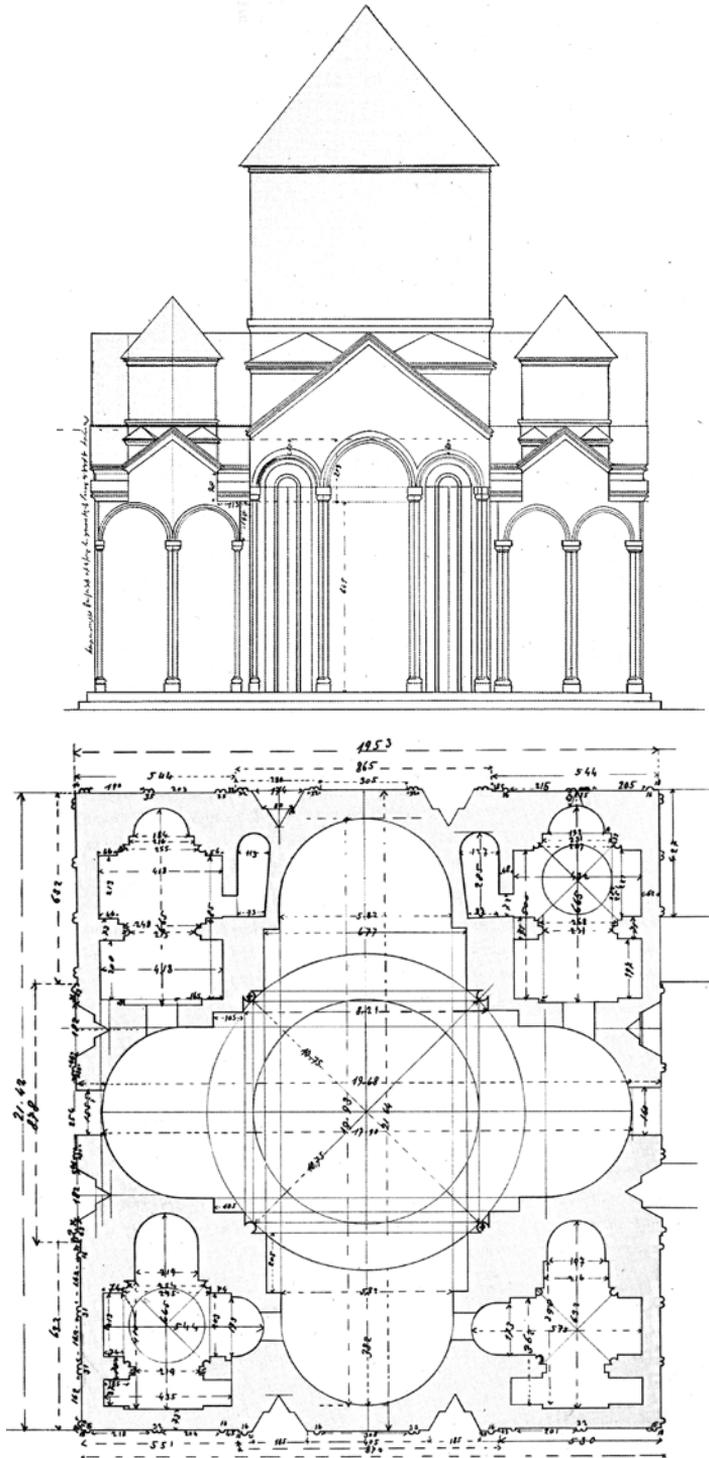
большой тетраконх с четырьмя приделами по углам, имеющим высокие, увенчанные куполами пространства (ил. 12). Это наиболее раннее из сохранившихся пятикупольных зданий с расположением малых куполов над угловыми зонами композиции, что вскоре становится одной из распространенных основ структуры средневизантийского крестовокупольного храма (*Марутян* 1981).

Оформление фасадов нишами и аркатурой может показаться стандартным, но оно имеет свои особенности. Рассмотрение реконструкции храма допускает предположение о последовательной трансляции идеи триединства посредством структуры аркатурного оформления. Аркатура на каждом фасаде трехчастна, буквально разбита на три отрезка, средний из которых, возвышаясь над остальными и занимая поле рукава тетраконха, состоит из трех звеньев. Средняя аркатура заключила под сень своих крайних арок фасадные ниши. Центральное поле (интерколумний) значительно шире соседних и, следовательно, средний архивольт возносится выше боковых. Таким способом было достигнуто трехступенчатое повышение аркатурного оформления на каждом фасаде. При этом каждая из этих коротких аркатур, в соответствии с армянской традицией, имеет единую высоту рельефно выступающих колонн. Выявленный в ходе раскопок 1909 г. план и крупные фрагменты кладки, один из которых включает трюмп ниши, вписанный под арку, и соседний ей архивольт, позволяют не сомневаться в верности реконструкции аркатуры, предложенной Тораманяном. Одинарные и спаренные полуколонны соседствуют друг с другом. Это вызвано художественными задачами создания гармоничной композиции, и благодаря этому удалось избежать однообразия вертикальных членений

¹¹ Наиболее ранняя из датированных надписей на постройке относится к 1031 г.

¹² Об истории и архитектуре церкви Апостолов см.: (*Токарский* 1961: 200–206; *Матевосян* 1997: 165 и др.). К. Матевосян относит строительство храма к концу X — началу XI в., а Н. М. Токарский — к двадцатым годам XI в. Учитывая промежуточное положение стилистических черт между Гагкашеном и церковью Сурб Саргис в Хцконке (1024), памятник следует датировать примерно вторым десятилетием XI в.

¹³ Реконструкцию развил Н. М. Токарский: (*Токарский* 1961: 204–205, рис. 68). Об архитектуре храма также см.: (*Казарян* 2015а).

Ил. 12. Собор
Апостолов в Ани.
План и реконструкция
по Т. Тораманяну
(Тораманян 2012: ил. 1–2)

на отдельных участках. Градация шага опор и разный уровень завершения отдельных частей и отдельных арок не distraивают зрителя на восприятие подобного оформления как строго нормированного ордера. Представляется, что эта особенность не может свидетельствовать о желании зодчего кардинально отойти от принципов античной тектоники, длительное время сохранявших свою роль в армянской архитектуре и периодически возрождавшихся на новом уровне. Детали аркатуры, порталов и других форм Гагкашена и Церкви Апостолов свидетельствуют как раз о возрастающем интересе к античной архитектуре и, надо полагать, культуре в целом (Kazaryan 2017).

Уже в первом храме, Гагкашене, по сравнению с кафедральным собором, преобразуются капители: под их шаровидным тором появляется профилированный обод со скоцией и валом. Встречаются и образцы, в которых выше спаренных шаровидных эхинов присутствуют установленные в ряд четыре воллюты, стилизованные в виде концентрических колец (Тораманян 1984: ил. 34). Не формы ли внутренних колонн, развивающие аналогичные детали колонн Звартноца, отразились в таком классицизированном представлении капителей аркатуры? Капители Церкви Апостолов близки гагкашенским и, несомненно, созданы одними и теми же мастерами. Тут также имеются капители с рядами концентрических дисков между эхином и абаксом (ил. 13). По сути, это ряд из плотно уложенных балюстр, напоминающих скрученные свитки. Среди орнаментальных мотивов обоих храмов большое место занимают антикизирующего характера ряды дентикул, побегов аканта, бус.

Те же орнаменты присутствуют на порталах совершенно нового для средневековой Армении, эллинизиро-

ванного типа (ил. 14). Их формы обгрызают прямоугольный проем и имеют довольно плоский характер. Выше обрамления порталы содержат широкий сандрик и горизонтальный карниз (Азатян 1972; Казарян 2017). Такие порталы вплотную были вписаны в поле аркатуры и, являясь цитатой из зодчества отдаленной эпохи, выглядят исключительно органичными в контексте внешнего образа церкви. Безусловно, в Ани мы не встречаем совершенно классических образцов, но пропорции, исполнение общих форм и орнаментов достаточно близки к эллинистическим порталам, а живой пластический характер высоких листьев аканфа словно спорит со средневековым предпочтением плоскостной резьбы объемному рельефу. Великолепный, изысканно проработанный аканф присутствовал (до разрушения) на портале небольшой церкви под цитаделью Ани; этот памятник, как и расположенную неподалеку от него церковь Каримадина, учитывая формы ее аркатуры, можно отнести именно к первым двум десятилетиям XI в.¹⁴

Упрощение, а вместе с тем и поиск оригинальной стилизации отмеченных форм аркатуры, порталов, внутренних форм храмов отличают архитектуру следующих двух-трех десятилетий. Этот период, в основном совпадающий с правлением царя Ованнеса Смбата (1020–1041), характеризуется, с одной стороны, упрощением форм и тенденцией к минимализации декора при сохранении его выразительности в несколько огрубленном варианте, а с другой, — рождением новых решений не только в оформлении интерьеров и фасадов, но, что представляется более интересным, в композиционном творчестве: в сложении архитек-

¹⁴ Ранее церковь Каримадина относилась Н. Я. Марром и А. Гуляном к X в. (Марр 1913: 14–29; Гулян 2005: 35–36).

Ил. 13. Собор Апостолов в Ани. Капитель аркатуры южной стены. Фото А. Казаряна, 2005

Ил. 14. Собор Апостолов в Ани. Северный портал. Фото А. Казаряна, 2013

турных ансамблей и создании новых типов зданий. Что касается антиквизации архитектуры, то следует заметить, что цитируемые из греко-римского арсенала детали и орнаменты активно импровизируются, а зодчих все более волнуют внутренние принципы античной тектоники и пространственного структурирования.

Говоря о пристрастии к античным мотивам в анийской архитектурной школе, нельзя не отметить устойчивое применение ротондальных композиций. Многогранный периметр стен сочетается в них с внутренним тетраконхом, восьмиконхом или структурой из шести рукавов. Три ротонды — церкви Сурб Саргис в Хцконке (1024) (ил. 15) и Сурб Пркич (Спасителя) в Ани (1035) (ил. 16) и круглая церковь в Мармашене — демонстрируют суть изменений в оформлении храмов. Дробность

Ил. 15. Церковь Сурб Саргис монастыря Хцконк. Общий вид. Фото А. Казаряна, 2006

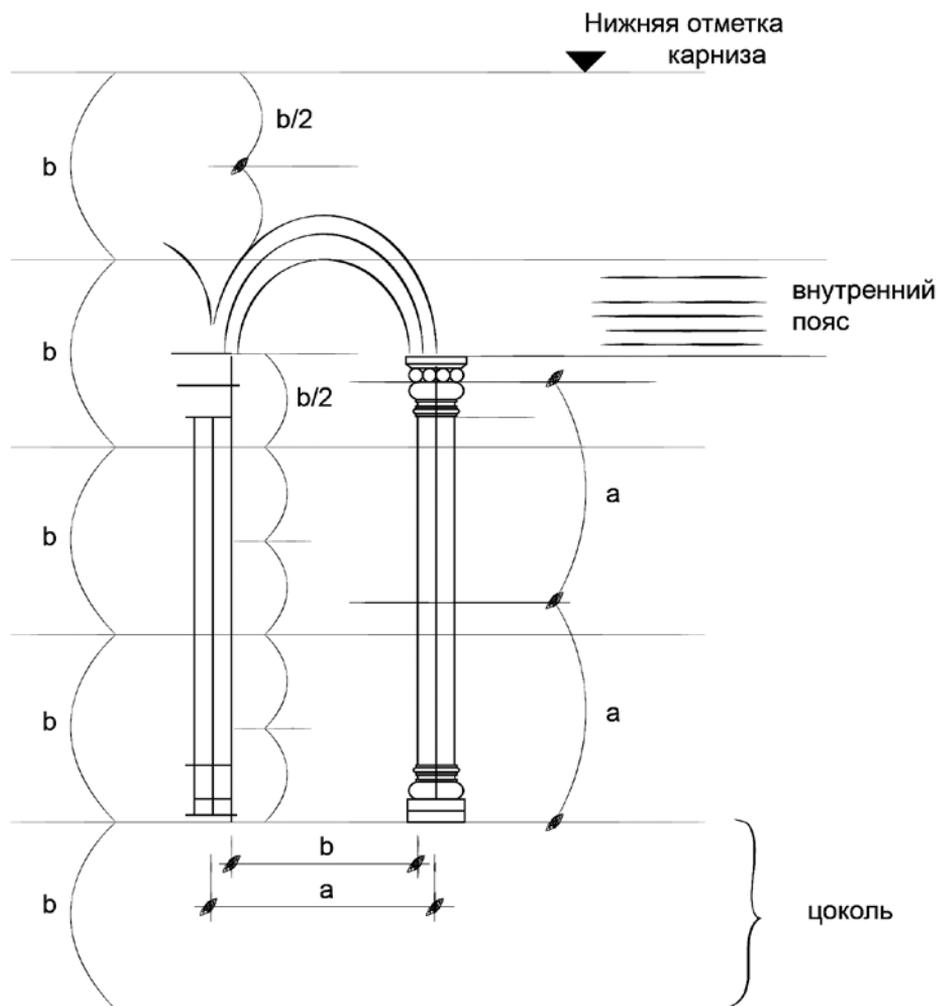

Ил. 16. Церковь Сурб Пркчи в Ани.
Фото А. Казаряна, 2011

форм в интерьере исчезает: крупным членениям опор соответствуют широкие арки, по основанию которых проходит ранее не применявшийся широкий профилированный пояс. Снаружи в основе этих ротонд появляется высокий цоколь, на котором, словно на пьедестале, устроена аркатура, опоясывающая многогранный основной объем. Интересно необычное устройство цоколя выше пола в храме и с заглублением посреди пояса по отношению к периметру стен ротонды. Слабая выдвинутость верхней кромки цоколя (в случае церкви Спасителя — карниза) по отношению к стенам и легкий выступ колонн аркатуры за его линию создают впечатление вознесения ротонды над разделяющим ее от земли кольцом, в двух из отмеченных трех образцов имеющих профилировку. Решение это совершенно оригинальное. Но оно заставляет вспомнить некоторые античные цоколи (в том числе в Гарнийском храме I–II вв. н. э. в Армении) и одновременно восхищает проявлением удивительной свободы в интерпретации античных по происхождению форм в каж-

дой из отмеченных церквей (Kazaryan 2015b).

Аркатуры Хцконка и церкви Спасителя строго тектоничны, и важнейшие элементы их внутренней композиции тесно связаны с высотными отметками внутренней композиции этих храмов. Уже это заставляет вспомнить характеристики, которыми обладали античные ордерные системы, и ощутить разницу между этими и предшествующими армянскими постройками анийской школы. В новых храмах элементы аркатуры выглядят более материальными, строже выдерживается одинаковая высота арок и вся структура подчинена определенной (в каждом из памятников) пропорциональной системе (ил. 17). Так, в Хцконкской церкви одна пятая высоты основного яруса определила размер цоколя и три пятые — высоту аркатуры до нижней точки вершины каждой из арок. К той же одной пятой была приравнена величина интерколумниев (около 1,70 м). Как и в античной архитектуре, велика здесь роль расстояния между осями пилястр в высотном построении ордера. Другая интереснейшая особенность также свидетельствует о трактовке аркатуры этого храма как ордерной системы. Высота ряда кладки составляет шестую часть высоты аркатурного поля и пятую часть пилястры (Kazaryan 2015b; Kazaryan 2016b). При этом все ряды имеют почти равную высоту, что кажется невероятным для средневековой строительной практики. Столь четкая соразмерность форм и строгая регламентация рядов кладки основного яруса и, что еще важнее, зависимость высоты ряда от размера ордерного элемента, возможно, впервые разрабатывается при строительстве этой церкви, и этот принцип закрепляется в ближайшие годы за столичной, то есть анийской традицией. Отныне аркатура перестает быть как бы наложен-

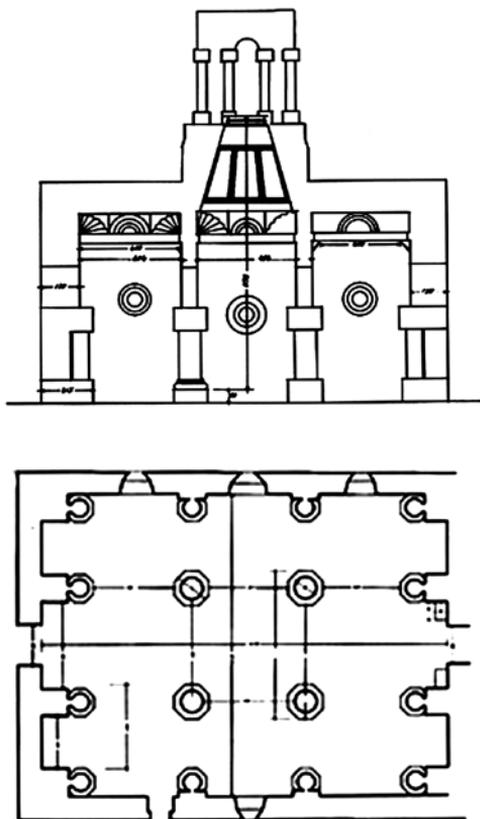

Ил. 17. Пропорции аркатуры церкви Сурб Саргис монастыря Хцконк, по А. Казаряну

ным на стену декором; она возвращает себе роль структуры, тесно связанной со стеной и важнейшими уровнями композиции храма, — роль, какую она играла на армянских образцах VII в. Недаром это столетие часто относят к эпохе поздней Античности.

Эпоха Ованнеса-Смбата — это время, когда строительная деятельность пере-

мещается из Ани в соседние монастыри и крепости. При этом заказчиками монументальных сооружений по-прежнему являются царь и представители самых влиятельных княжеских родов, благодаря чему строительство, надо полагать, осуществляется артелями столичных мастеров и столичными зодчими. Это и время зарождения первых развитых

Ил. 18. Жаматун церкви Сурб Ованнес монастыря Оромос. Обмер Т. Тораманяна (Baladian, Thierry 2002: pl. 39, 42)

ансамблей монастырей, в которых обращение к античным культовым комплексам в сочетании с решением новых функциональных задач откровенно выражено. Исследование этого процесса, отчасти начатое (Kazaryan 2015a: 55–61), требует серьезного развития. В настоящей статье хочется обратиться только к одному аспекту монастырского строительства эпохи Ованнеса-Смбата — появлению в этих комплексах зданий с новыми функциями, что стимулирует разработку новых архитектурных композиций. Некоторые из них легли в ос-

нову архитектурных типов, получивших развитие в следующие века.

Таким новым зданием явился жаматун церкви Сурб Ованнес в монастыре Оромос — месте упокоения анийских Багратидов. Возведенный, согласно строительной надписи, в 1038 г. вместе с церковью, жаматун предположительно служил усыпальницей Ованнеса-Смбата, что позволило по-новому оценить происхождение его архитектуры (Kazaryan 2014; Kazaryan 2015a: 127–158). Шестнадцать круглых колонн — четыре в центре и двенадцать по периметру — структурируют пространство прямоугольного зала жаматуна (12,40 × 18,80 м), а перекинутые между ними арки несут на себе ячейки перекрытия (ил. 18–19). Центральное из них представляет собой шатер, а созданные на том же уровне периферийные — низкие разнообразные своды и плоские потолки. Исследование генезиса этого сооружения привело к выводу о создании композиции на схематической основе традиционных дворцовых залов с деревянным перекрытием путем синтеза в ней идей, содержащихся в знаковых произведениях раннего христианства — как местных храмов, так и общехристианской святыни — Ротонды Анастасис в Иерусалиме. И тот, и другой источники обязаны своим применением мемориальной функции зала. Очевидно обращение зодчего жаматуна к планировке Эчмиадзинского собора и к идее применения круглых колонн наподобие колонн Звартноца. С интерпретацией формы перекрытия иерусалимской Ротонды могло быть связано создание высокого восьмигранного шатра, завершенного окулусом. Функции зала, скорее всего, обязано появление необычных уплощенных сводов и плоских потолков, форма которых является не чем иным, как новаторским воспроизведением классических потолков

Ил. 19. Жаматун церкви Сурб Ованнес монастыря Оромос. Интерьер. Фото А. Казаряна, 2013

античной эпохи, с пересекающимися балками и заполнением ячеек квадратными плитами, причем в этом зале балки и плиты в единой плоскости благодаря конструктивным изыскам. Необычно и применение орнаментов. Они сплошным ковром покрывают потолки и грани шатра и практически отсутствуют в других местах интерьера и снаружи. Мистическое освещение, скользящее по орнаментированным поверхностям «неба», осуществлено окулузом шатра и круглыми окнами, расположенными в стенах зала почти у перекрытий. Жаматун Оросома — единственное сооружение эпохи подобной композиции, но именно его структура легла в основу десятков подобных зданий, созданных в армянских монастырях в XII–XIII вв.

Другим уникальным не только для Армении, но и за ее пределами сооружением явилась триумфальная арка, возве-

денная в Оромосе, вероятно, сразу после отмеченного жаматуна и, несомненно, до 1045 г., когда пало Анийское царство¹⁵. Установленная на въезде на монастырскую территорию по пути из Ани широкая проездная арка фланкировалась двумя пилонами, глухими в нижнем ярусе, с лестницей в одном из них, и представленными изящными купольными часовнями в верхнем. Эти часовни общались между собой посредством открытого прохода над широкой аркой. Существуют изображения XIX в. и архивные фотографии памятника, почти разрушившегося в XX в. (*Brosset 1860–1861: 60–61,*

¹⁵ Арка упоминается в литературе (*Тораманян 1942: 299; Якобсон 1946: 37; Токарский 1961: 279; Арутюнян 1992: 237–239, рис. 65*). Однако этому сооружению посвящены лишь две опубликованные статьи, в которых, в частности, уточняется его датировка (*Матевосян 1982; Казарян 2015b*).

рл. XXIX; *Башинджагян* 2011: 24, 117). Это редчайший образец обращения к композиции римской триумфальной арки, с ее преобразованием и приспособлением к новой функции и содержанию. Присутствие в структуре сооружения часовен подтверждает его глубоко церковный характер и адаптацию идеи триумфальной арки в средневековой культуре. Обращение к римской архитектурной идее как единственной основе собственной творческой концепции предпринимается анийскими мастерами впервые, но это обращение вполне укладывается в русло основного антикизирующего течения армянской архитектуры (*Казарян* 2015b). Несмотря на то, что триумфальная арка Оромоса не имела повторений, ее образ повлиял не только на некоторые монастырские сооружения, как например, на надвратную церковь в Татеве (1087), жаматун в монастыре Тегер (1232), башнеобразные колокольни, но и отразился в изображении врат Иерусалима на миниатюре Ахпатского Евангелия (1211; Матенадаран, 6288, л. 166), созданной художником Маргаре (*Матевосян* 1982: 146–149; *Матевосян* 1997: 18; *Казарян* 2015b: 65–66, 71).

То, что первая половина XI в. являлась временем активного формотворчества, словно возрождающего такую традицию VII в. (а не только композиции храмов той эпохи), подтверждается и возведением так называемой Пастушьей церкви в пригороде Ани, на плато напротив Смбатовых стен. Маленьких размеров, эта абсолютно центрическая постройка интересна тремя особенностями своей композиции: 1) созданием на основе шестиэкседровой композиции постройки со звездообразным периметром стен: в виде шестиконечной звезды изнутри и двенадцатиконечной снаружи; 2) организацией внутренних пространств в два яруса и трехступенчатой внешней

структурой, которая названа Тораманяном миниатюрным воплощением Звартноца и Гагкашена (*Тораманян* 1942: 338); 3) изобретением свода на шести скрещивающихся арках с нависанием замкового камня над пространством; этот свод служил основой верхней купольной часовни. Минимализм, проявленный в декоре, как и цоколь, завершенный карнизом, напоминают художественные принципы, воплощенные в церкви Спасителя, что позволяет отнести Пастушью церковь к 30–40-м годам XI в. Тораманян, обмеривший ее планы, разрез и фасады, считал постройку венцом средневековой армянской архитектуры и уникальной во всей истории зодчества (*Там же*).

К середине XI в. нарастает агрессивное давление Византии, и Армянское царство с центром в Ани аннексируется империей в 1045 г., что подрывает национальный дух. Рассмотрение армянской архитектуры эпохи Багратидов стоит распространить и на период, заключенный между падением их власти и окончательным замиранием церковного строительства в стране в 1070-е гг. Это этап развития школы анийских мастеров и распространения их идей «после Анийского царства». Он никогда прежде не рассматривался в качестве отдельного явления, и его изучение предполагает новые открытия и заслуживает отдельной работы.

Таким образом, осуществленное новое обращение к столичной школе армянской архитектуры эпохи Багратидов позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Впервые предложена периодизация развития этой школы, в которой на основе архитектурного анализа выявлены три ее важнейших этапа: 1) середина 970-х — конец X в., соответствующий правлению шахиншаха Смбаата II Багратуни (977–990) и началу правления

Гагика I Багратуни; 2) около 1000 г. — начало 1020-х годов, ограниченный строительной деятельностью при царе Гагике I; 3) середина 1020-х — 1045 г., время правления Ованнеса Смбата и Гагика II — последнего шахиншаха из прославленной династии. Развитие школы в период 1045 — ок. 1080 гг. предложено рассматривать в виде отдельного этапа, когда армянская архитектура, унаследовав основы анийской школы, еще создавала интересные и заслуживающие внимания произведения.

2. Все три изученных периода отличаются высоким уровнем развития архитектуры, несомненно поддерживавшимся расцветшей культурой столицы и техническим совершенством армянских мастеров, позволявшим реализовывать смелые архитектурные идеи. Эти периоды характеризуются не поэтапной эволюцией, а качественными изменениями, предположительно связанными с обновлениями представлений, мировосприятия, с ощущением собственного места заказчиков армянских храмов в развитии истории и всеобщей культуры.

3. Первые два периода имеют много общего в методе совершенствования и синтезирования композиций, наследованных от традиции VII в., в успешных попытках создания новой, столичной стилистики на основе творческих преобразований пропорций, архитектурных форм и мотивов декора. Ведущим мастером первого и второго периодов являлся Трдат, которого следует считать создателем основ анийской школы. В отличие от третьего периода, оба первых характеризуются строительством особо крупных храмов, что, несомненно, было связано с требованием времени и стремлением придать новый масштаб армянской столице.

4. Одной из главных черт столичной школы зодчества было обращение

к формам и принципам античной традиции, что ярко и разнообразно проявилось во второй период развития, когда применяется эллинистический тип прямоугольного портала и орнаменты греко-римского происхождения, а аркатура приобретает черты ордера.

5. Постройки третьего периода меньшего размера, но более строгой тектоники. Внешняя аркатура их основного объема и барабана выглядит более монументальной, чем на прежних храмах, имеет четкие пропорции и высотные отметки, связанные с формами внутренней композиции. Поэтому можно вести речь о сложении нового ордера средневекового типа. В интерьере присутствуют вертикальные ордерные элементы и профилированные горизонтальные пояса. В третий период имела место новая, более активная интерпретация античных мотивов: как уже известных, так и новых. Третий этап также характеризуется кладкой стен и потолков особо крупными блоками, ограничением использования орнаментов, применением нового типа упрощенного и не содержащего орнаментов карниза.

6. Более строгий, чем прежде, учет хронологии памятников позволяет утверждать о перетекании с 1020-х годов основного развития монументальной архитектуры в сферу монастырской, что дало толчок в формотворчестве, выявившемся в создании архитектурных ансамблей и функционально, и композиционно различных типов зданий.

Кроме того, проведенное исследование выявило множество нюансов развития монументальной архитектуры Ани и соседних монастырей и обозначило пути развития ее изучения. В частности, только после такого упорядочения станет возможным проведение углубленного сравнительного анализа армянской и грузинской архитектуры эпохи Багратидов,

а также изучение связей архитектурной школы Ани с одновременной византийской архитектурой и с памятниками раннероманского зодчества на территории Италии, что представляется важным для понимания взаимодействия традиций христианского Востока и Запада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Степанос Таронский 1864 — Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Перевод с армянского и объяснения Н. Эмина. М.: Лазаревский институт восточных языков, 1864.
- Самуэл Анеци 1893 — Սամուել քահանայի Անեցու շաքրվոնք ի գոց ցատվագրաց (Собрание исторических хроник Самуэла Анеци). Вагаршапат, 1893.
- Азатян 1972 — Азатян Ш. Р. Армянские порталы с элементами античной декорации // Лрабер (Вестник общественных наук АН Армении). 1972. № 4. С. 39–43.
- Арутюнян 1964 — Հարությունյան Վ. Մ. Անի քաղաքը (Город Ани). Ереван: Айпетрат, 1964.
- Арутюнян 1983 — Հարությունյան Վ., Անտիկ ավանդույթների ժառանգությունը միջնադարյան հայ ճարտարապետության մեջ (Арутюнян В. Наследование античных традиций в средневековой армянской архитектуре) // Историко-филологический журнал. 1983. № 4. С. 18–21.
- Арутюнян 1992 — Հարությունյան Վ. Հայկական ճարտարապետության ցատվություն (Арутюнян В. История армянской архитектуры). Ереван: Луйс, 1992.
- Асратян 2000 — Асратян М. Армянская архитектура раннего христианства. М.: Инкомбук, 2000.
- Асратян 2012 — Հալաթյան Մ. Անիի ճարտարապետությունը (Асратян М. Архитектура Ани) // International Conference „Ani as Political and Civilizational Centre of Medieval Armenia“, Yerevan, November 15–17, 2011. Yerevan: Gitutian, 2012. P. 32–47.
- Башинджагян 2011 — Башинджагян Н. Геворг Башинджагян (1857–1925). История жизни в картинах и документах. М.: Фортуна ЭЛ, 2011.
- Гулян 2005 — Гулян А. Ղուլան Ա. Անիի Մայր տաճարի հազարամյա խորհուրդը (1001–2001 թթ.) (Гулян А. Тысячелетняя тайна кафедрального собора Ани (1001–2001)) // Հուշարձան (Памятник). Вып. 3. Ереван, 2005. С. 29–30.
- Казарян 2002 — Казарян А. Ю. Собор в Аруче и купольные залы Армении VII в. К вопросу о византийском влиянии // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения В. Н. Лазарева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 54–78.
- Казарян 2004 — Казарян А. Ю. Фасадная аркатура армянских и грузинских церквей VII–XI вв. Структурные отличия и взаимосвязь традиций // Armenian Studies Today and Development Perspectives. International Congress. Yerevan, September 15–20, 2003. Collection of papers. Yerevan: Yerevan University, 2004. P. 453–463.
- Казарян 2009а — Казарян А. Ю. Образы «Майр екелеци» (Матери-церкви) в армянской архитектуре // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства / Ред.-сост. А. Л. Баталов, Э. С. Смирнова. М.: Северный паломник, 2009. С. 9–28.
- Казарян 2009б — Казарян А. Ю. «Новый Иерусалим» в пространственных концепциях и архитектурных формах средневековой Армении // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2009. С. 520–543.
- Казарян 2009–2010 — Казарян А. Ю. Поперечное развитие композиций византийских храмов и монастырских ансамблей: к особенностям столичной школы // Лазаревские чтения: Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2009 г. М.: Издательство Московского университета, 2009–2010. С. 15–35.

- Казарян 2011 — Казарян А. Ю. Фасадная архитектура в средневековом зодчестве Армении и других стран Востока // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 3. М.; СПб., 2011. С. 27–59.
- Казарян 2012 — Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции: В 4 т. Т. 2. М.: Locus Standi, 2012.
- Казарян 2013 — Казарян А. Античное наследие в армянской архитектуре конца X — начала XI века. К проблеме «ренессансов» в средневековой культуре // Архитектура. Сборник научных трудов Белорусского национального технического университета. 2013. № 6. С. 21–26.
- Казарян 2015a — Казарян А. Ю. Анийский археологический институт и его деятельность на примере работы на ансамбле собора Апостолов XI–XIII веков // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2014 году. М.; Курск, 2015. С. 65–70.
- Казарян 2015b — Казарян А. Ю. Уникальный памятник в Оромосе. Создание средневековой триумфальной арки // Сборник в честь А. Л. Баталова. М.: Арткитчен, 2015. С. 49–72.
- Казарян 2016 — Казарян А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 7. М.; СПб., 2016. С. 9–27.
- Казарян 2017 — Казарян А. Ю. Цитирование античности. Порталы эллинистического типа в армянской архитектуре XI века // Даниловские чтения. Сборник докладов. М.: РГУ, 2017 (в печати).
- Казарян, Шукуров 2015 — Казарян А. Ю., Шукуров Ш. М. Идея ирано-армянской архитектурной общности // Хан-Магомедовские чтения / Под ред. И. А. Бондаренко, Ю. П. Волчка, А. Н. Селивановой. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 353–360.
- Карпетян 2011 — Карпетян С. Ани — 1050. Иллюстрированный альбом. Ереван: Фонд изучения армянской архитектуры, 2011. (На арм., англ. и русском яз.).
- Линч 1910 — Линч Х. Ф. Армения, путевые очерки и этюды. Тифлис: торг. дом «И. Е. Питоев и К.», 1910 (Оригинальное изд.: Lynch H. F. B. Armenia. Travels and Studies. London, New York: Longmans, Green, 1901).
- Маранчи 2006 — Маранчи К. Архитектор Трдат и купол Святой Софии // Анив. 2006. № 5(8). С. 31–36.
- Марр 1913 — Марр Н. Я. XI-я Анийская археологическая кампания. СПб., 1913. С. 14–29.
- Марр 1934 — Марр Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
- Марутян 1981 — Марутян Т. О пятикупольной композиции Аванского кафедрального собора // II Междунар. симпозиум по армянскому искусству. Сборник докладов. Т. II. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1981. С. 61–65.
- Марутян 1989 — Марутян Т. Архитектурные памятники: Звартноц, Аван, собор Анийской Богоматери и другие. Ереван: Хорурдаин грох, 1989.
- Матевосян 1982 — Մաթևոսյան, Շ. Ս. Հորոմոս—Անի ճանապարհին գտնվող կամարը (Матевосян К. А. Арка, находящаяся на дороге Оромос—Ани) // Историко-филологический журнал. 1982. № 1. С. 143–149.
- Матевосян 1997 — Մաթևոսյան Շ. Անի, եկեղեցական կամարը և ձեռագրական ժառանգությունը (Матевосян К. Ани, церковная жизнь и рукописное наследие). Эчмиадзин: Св. Эчмиадзин, 1997.
- Мнацаканян 1969 — Մնացականյան Ս. Խ. Նիկողայոս Մարր և հայկական ճարտարապետությունը (Мнацаканян С. Х. Николай Марр и армянская архитектура). Ереван: Айастан, 1969.
- Мнацаканян 1971 — Мнацаканян С. Х. Звартноц. Памятник армянского зодчества VI–VII веков. М.: Искусство, 1971.
- Орбели 1910 — Орбели И. А. Краткий путеводитель по городищу Ани (Анийская серия, 4). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1910.
- Орбели 1911 — Орбели И. А. Развалины Ани: История, современное состояние, раскопки. СПб.: Изд. журнала «Нева», 1911.

- Токарский* 1961 — *Токарский Н.М.* Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван: Армгосиздат, 1961.
- Токарский* 1973 — *Токарский Н.М.* По страницам истории армянской архитектуры. Ереван: Айастан, 1973.
- Тораманян* 1942 — Թորամանյան Թ. Նյութեր հայկական ճարտարապետության ցառմունքային (Тораманян Т. Материалы по истории армянской архитектуры). Т. 1. Ереван: АРМФАН, 1942.
- Тораманян* 1984 — Թորամանյան Թ. Զվարթնոց, Գազկաշեն (Тораманян Т. Звартноц, Гагкашен). Ереван: Советакан грох, 1984.
- Тораманян* 2008 — *Тораманян Т.* Кафедральный собор в Ани. Ереван: Служба историко-архитектурных музеев-заповедников и охраны исторической среды, 2008. (На арм., рус. и англ. языках).
- Тораманян* 2012 — *Тораманян Т.* Ани. Церкви рода Пахлавуни. Ереван: Служба историко-архитектурных музеев-заповедников и охраны исторической среды, 2012. (На арм., рус. и англ. языках).
- Халпахчян* 1975 — *Халпахчян О.Х.* Церковь Григория рода Абугамренц в Ани и ее место в истории закавказского зодчества // Архитектурное наследство. Вып. 23. М.: Стройиздат, 1975. С. 100–118.
- Халпахчян* 1995 — *Халпахчян О.Х.* Значение творчества Трдата в формировании архитектуры Закавказья и Западной Европы // Архитектура мира. Вып. 4: Материалы конференции «Запад–Восток: Личность в истории архитектуры» / Ред.-сост. Н. Смолина. М.: Architectura, 1995. С. 97–102.
- Якобсон* 1946 — *Якобсон А.Л.* Из истории армянского средневекового зодчества // Краткие сообщения института истории материальной культуры Академии наук СССР. Вып. XIII. 1946. С. 33–38.
- Baladian, Thierry* 2002 — *Baladian A. T., Thierry J.-M.* Le couvent de Horomos d'après les archives de Toros Toramanian. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 2002.
- Brosset* 1860–1861 — *Brosset M.-F.* Les ruines d'Ani, Capitale de l'Armésous les rois Bagratides. St. Petersburg, 1860–1861.
- Cuneo* 1977 — *Cuneo P.* L'architettura della scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale. Roma: Accademia nazionale dei lincei, 1977.
- Cuneo* 1988 — *Cuneo P.* Architettura Armena dal quarto al diciannovesimo secolo / Con testi e contribute di T. Breccia Fratadocchi, M. Hasrat'yan, M. A. Lala Comneno, A. Zarian. Vol. 1–2. Roma: De Luca Editore, 1988.
- Donabédian* 1987 — *Donabédian P.* L'école d'architecture d'Ani // Ani. Capitale de l'Arménie en l'an mil. Catalogue de l'exposition au Pavillon des Arts, 7 février — 13 mai 2001 / Ed. R. H. Kevorkian. Paris: Musées, 1987. P. 183–195.
- Kazarian* 2001 — *Kazarian (Ghazarian) A.* La «Sala con cúpula» de la iglesia Armenia de Arutch (s. VII) y sus fuentes en la tradición arquitectónica de Constantinopla // Erytheia. Revista de estudios bizantinos y neogriegos. Vol. 22. 2001. P. 65–95.
- Kazaryan* 2011 — *Kazaryan A.* The Blind Arcade in Medieval Architecture of Armenia and Georgia. Springs of Ideas and Principal Stages of Development // Professor Mine Kadiroglu festschrift / Ed. by B. Isler. Ankara: Hacettepe University, 2011. P. 1–34.
- Kazaryan* 2014 — *Kazaryan A.* The Zhamatun of Horomos: The Shaping of an Unprecedented Type of Fore-church Hall // E-journal on Visual and Art History. Sektion Funun — Transkulturelle Perspektiven. Architectural Models, Mobility, and Building Techniques: Modes of Transfer in Medieval Anatolia, Byzantium, and the Caucasus / Edit. P. Blessing. 14 p., il.: URL: <http://edoc.hu-berlin.de/kunsttexte/2014-3/kazaryan-armen-4/PDF/kazaryan.pdf> (дата обращения: 15.07.2017).
- Kazaryan* 2015a — *Kazaryan A.* The Architecture of Horomos Monastery // Horomos Monastery: Art and History / Ed. by E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015. P. 55–205.
- Kazaryan* 2015b — *Kazaryan A.* Architectural ideas and metamorphoses of technique in Ani school of Armenian architecture of Bagratid era // Against Gravity: Building Practices in the PreIndustrial World. International conference. University of Pennsylvania, Department of the History of Art (20–22 March 2015). Philadelphia, 2015. URL: <http://www.sas.upenn.edu/ancient/>

- masons/abstracts/Agudo/A-Kazaryan.html (дата обращения: 29.06.2017).
- Kazaryan 2016a — Kazaryan A. The Seventh-Century Six-foil Church of Aragats in Armenia: Origin of the Plan and its Role in the Architectural Development // *Antiquité Tardive*. T. 24. Brepols Publishers, 2016. P. 443–459.
- Kazaryan 2016b — Kazaryan A., Özkaya İ. Y., Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1: History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation // *RIHA Journal* 0144, 15 November 2016. URL: <http://www.riha-journal.org/articles/2016/0143-kazaryan-ozkaya-pontiolu> (дата обращения: 15.07.2017).
- Kazaryan 2017 — Kazaryan A. Chapter 44: „Classical“ Trend of Armenian Architectural School of Ani (10th — 11th centuries): the Greco-Roman Model and the Conversion of Medieval Art // *A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe* / Eds. Z. Martirosova Torlone; D. LaCourse Munteanu; D. Dutsch. John Wiley & Sons, 2017. P. 528–540.
- Lynch 1901 — Lynch H.F.B. Armenia. Travels and Studies. London, New York: Longmans, Green, 1901.
- Maranci 2011 — Maranci Ch. The Architect Trdat: From the Great Church at Ani to the Great Church at Constantinople // *Armenian Kars and Ani* / Ed. R.G. Hovannisian. Costa Mesa, California: Mazda publishers, 2011. P. 101–126.
- Strzигowski 1918 — Strzигowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Bd. 1–2, Wien, 1918.
- REFERENCES
- Azatian Sh. R. Armianskie portaly s elementami antichnoi dekoratsii (Armenian portals with the elements of classical decoration). *Lraber*, no. 4, 1972, pp. 39–43 (in Russian).
- Harutyunyan V. Antik avandutyunneri jarangutyune mijnadaryan hay tcartarapetutyun mej (The heritage of classical traditions in the medieval Armenian architecture). *Historical-Philological Journal*, no. 4, 1983, pp. 18–21 (in Armenian).
- Harutyunyan V. *Haikakan tcartarapetutyun patmutyun (History of Armenian architecture)*. Yerevan: Luis Publ., 1992 (in Armenian).
- Harutyunyan V. *Ani kaghake (Town of Ani)*. Yerevan: Haipethrat, 1964 (in Armenian).
- Hasratian M. *Early Christian Armenian architecture*. Moscow: Inkombook, 2000 (in Armenian, Russian and English).
- Hasratian M. Anii tcartarapetutiuny (Architecture of Ani). *International Conference „Ani as Political and Civilizational Centre of Medieval Armenia“, Yerevan, November 15–17, 2011*. Yerevan: Gitutiun, 2012, pp. 32–47 (in Armenian).
- Bashindjaghyan N. *Gevorg Bashindjaghyan (1857–1925)*. Moscow: Fortuna EL Publ., 2011 (in Russian).
- Ghulyan A. Anii Mair tatarci hazaramia khorhurdy (1001–2001) (Thousand year enigma of the Cathedral of Ani (1001–2001)). *Hushartdzan (Monument)*, 2005, vol. 3, pp. 29–30 (in Armenian).
- Kazaryan A. Yu. Sobor v Aruche i kupol'nye zaly Armenii VII v. K voprosu o vizantiiskom vliianii (The Cathedral of Arutch and the 7th-century domed halls of Armenia). *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiia, Rus', Zapadnaia Evropa: iskusstvo i kul'tura (Old Russian Art. Byzantium, Rus', Western Europe: Art and culture)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 54–78 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Fasadnaia arkatura armianskikh i gruzinskikh tserkvei VII–XI vv. Strukturnye otlichiia i vzaimosviaz' traditsij (The blind arcade of the Armenian and Georgian churches of the 7th–11th centuries. Structural differences and the relations of the traditions). *Armenian Studies Today and Development Perspectives. International Congress*. Yerevan, September 15–20, 2003. Collection of papers. Yerevan: Yerevan University, 2004, pp. 453–463 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Obrazy „Mair ekeletsi“ (Materitserkvi) v armianskoi arkhitekture (The images of „Mair ekeletsi“ (Mather-Church) in the Armenian architecture). *Drevnerusskoe iskusstvo. Ideia i obraz (Old Russian Art. Idea and Image)*. Eds. A. Batalov, E. Smirnova. Moscow: Northern Pilgrim, 2009, pp. 9–28 (in Russian).

- Kazaryan A. Yu. „Novyi Ierusalim“ v prostranstvennykh kontseptsiiakh i arkhitekturnykh formakh srednevekovoi Armenii („New Jerusalem“ in the spatial concepts and architectural forms of medieval Armenia). *Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv (New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacral spaces)*. Ed. A. M. Lidov. Moscow: Indrik Publ., 2009, pp. 520–543 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Poperechnoe razvitie kompozitsii vizantiiskikh khramov i monastyrskikh ansamblei: K osobennostiam stolichnoi shkoly (Crosswise development of compositions of Byzantine churches and monastery ensembles: To the peculiarities of the capital's school). *Lazarevskie chteniia: Iskusstvo Vizantii, Drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy. Materialy nauchnoi konferentsii 2009 goda (Lazarevsky readings: The art of Byzantium, Ancient Russia, Western Europe. The materials of the conference in 2009)*. Moscow: Moscow University Publ., 2009–2010, pp. 15–35 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Fasadnaia arkatura v srednevekovom zodchestve Armenii i drugikh stran Vostoka (Façade blind arcade in the medieval architecture of Armenia and other countries of the Orient). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the general history of architecture)*. Vol. 3. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, pp. 27–59 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church architecture of the 7th century in transcaucasian countries: Formation and development of the tradition)*. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Antichnoe nasledie v armianskoi arkhitekture kontsa X — nachala XI veka. K probleme „renessansov“ v srednevekovoi kul'ture (Ancient heritage in the Armenian architecture of the end of the 10th — beginning of the 11th century. To the problem of „renaissances“ in the medieval culture). *Arkhitektura. Sbornik nauchnykh trudov Belorusskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta (Architecture. Collection of scientific works of the Belarusian National Technical University)*, 2013, no. 6. pp. 21–26 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Aniiskii arkhelozhicheskii institut i ego deiatel'nost' na primere raboty na ansamble sobora Apostolov XI–XIII vekov (Ani Archaeological Institute and its activity on the example of work on the ensemble of the Cathedral of the Apostles of the 11th–13th centuries). *Fundamental'nye issledovaniia RAASN po nauchnomu obespecheniiu razvitiia arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noi otrasli Rossiiskoi Federatsii v 2014 godu (Fundamental researches of RAASN on scientific support of the development of architecture, town-planning and construction industry of Russian Federation in 2014)*. Moscow; Kursk, 2015, pp. 65–70 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Unikal'nyi pamiatnik v Oromose. Sozdanie srednevekovoi triumfal'noi arki (A unique monument in Horomos. Creation of a medieval triumphal arch). *Sbornik v chest' A. L. Batalova (Collection in honor of A. L. Batalov)*. Moscow: Artkitchen Publ., 2015, pp. 49–72 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu., Shukurov Sh. M. Ideia irano-armianskoi arkhitekturnoi obschnosti (The idea of Iranian-Armenian architectural intercommunity). *Khan-Magomedovskie chteniia (Khan-Magomedov conference)*. Eds. I. A. Bondarenko, Yu. P. Volchok, A. N. Selivanova. Moscow, Saint Petersburg: Kolo Publ., 2015, pp. 353–360 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Aniiskii arkhelozhicheskii institut. Diapazon deiatel'nosti i osnovy dostizheniia uspekha (Ani Archaeological Institute. Range of activities and the basis for success). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the general history of architecture)*. Vol. 7. Moscow; Saint-Petersburg, 2016, pp. 9–27 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Tsitirovanie antichnosti. Portaly ellinisticheskogo tipa v armianskoi arkhitekture XI veka (Citation of antiquity. Portals of the Hellenistic type in the 11th-century Armenian architecture). *Danilovskie chteniia. Sbornik dokladov (Danilov readings. Collection of reports)*. Moscow: RGGU Publ., 2017 (In print) (in Russian).
- Karapetyan S. *Ani — 1050. Illustrated album*. Yerevan: Research on Armenian Architecture

- Foundation Publ., 2011 (in Armenian, English and Russian).
- Maranci Ch. Arkhitektor Trdat i kupol Sviatoi Sofii (The architect Trdat and the dome of St. Sophia). *Aniv*, 2006, no. 5(8), pp. 31–36 (in Russian).
- Marr N. Ia. *XI-ia Aniiskaia arkheologicheskaia kampaniia (The 11th Ani archeological campaign)*. Saint Petersburg, 1913, pp. 14–29 (in Russian).
- Marr N. Ya. *Ani. Knizhnaia istoriia goroda i raskopki na meste gorodischa (Ani. Bookish History of the Town and the Excavations on the Site)*. Moscow; Leningrad: State Social-Economic Publ., 1934 (in Russian).
- Marutian T. O piatikupol'noi kompozitsii Avanskogo kafedral'nogo sobora (On the five-cupola composition of the Avan Cathedral). *II Mezhdunarodnyj simpozium po armianskoi arkhitekture (1978). Sbornik dokladov (II International Symposium on Armenian architecture (1978). Collection of reports)*. Vol. 2. Erevan: Armenian Academy of Sciences Publ., 1981, pp. 61–65 (in Russian).
- Marutian T. *Arkhitekturnye pamiatniki: Zvartnots, Avan, sobor Aniiskoi Bogomateri i drugie (Architectural monuments: Zvartnots, Avan, the Cathedral of the Ani Mother of God and others)*. Erevan: Khorhrdain grogh Publ., 1989 (in Russian).
- Matevosyan K.A. Horomos–Ani tcanaparhin gtnvogh kamary (The arch situates on the road Horomos–Ani). *Historical-Philological Journal*, 1982, no. 1, pp. 143–149 (in Armenian).
- Matevosyan K.A. *Ani, ekeghetsakan kianky ev dzeragrakan jarangutiuny (Ani: Ecclesiastical life and manuscript heritage)*. Echmiadzin: Holy Echmiadzin Publ., 1997 (in Armenian).
- Mnatsakanyan S. Kh. *Nikoghayos Marre ev haykakan tcartarapetutyune (Nikolai Marr and Armenian Architecture)*. Yerevan: Hayastan Publ., 1969 (in Armenian).
- Mnatsakanian S. Kh. *Zvartnots. Pamiatnik armianskogo zodchestva VI–VII vekov (Zvartnots. The monument of the Armenian architecture of the 6th–7th centuries)*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1971 (in Russian).
- Orbeli I.A. *Kratkii putevoditel' po gorodishchu Ani (Aniiskaia seriia, 4) (A short guide to Ani ancient settlement (Ani series, 4))*. Saint-Petersburg: Tipografiia imperatorskoi akademii nauk Publ., 1910 (in Russian).
- Orbeli I.A. *Razvalini Ani: Istoriia, sovremennoe sostoyanie, raskopki (The Ruins of Ani: History, Modern Condition, Excavations)*. Sankt-Petersburg: „Neva“ Journal's Publ., 1911 (in Russian).
- Tokarskii N.M. *Arkhitektura Armenii IV–XIV vv. (The Architecture of Armenia of the 4th–14th Centuries)*. Yerevan: Armgosizdat Publ., 1961 (in Russian).
- Tokarskii N.M. *Po stranitsam istorii armianskoi arkhitekтуры (On the pages of the history of Armenian architecture)*. Erevan: Haiastan Publ., 1973.
- Toramanian T. *Niuter haikakan tcartarapetutian patmutian (Materials on the history of Armenian architecture)*. Vol. 1. Yerevan: ARMFAN Publ., 1942 (in Armenian).
- Toramanian T. *Zvartnots, Gagkashen*. Yerevan: Sovetakan grogh Publ., 1984 (in Armenian).
- Toramanian T. *The Cathedral Church of Ani*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2008 (in Armenian, English and Russian).
- Toramanian T. *Ani. Pahlavuni-founded churches*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2012 (in Armenian, English and Russian).
- Khalpakhchian O. Kh. Tserkov' Grigoriia roda Abugamrents v Ani i ee mesto v istorii zakavkazskogo zodchestva (The church of Gregory of Abugamrents family and its place in the history of Transcaucasian architecture). *Arkhitekturnoe Nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 23. Moscow: Stroizdat Publ., 1975, pp. 100–118.
- Khalpakhchian O. Kh. Znachenie tvorchestva Trdata v formirovanii arkhitekтуры Zakavkaz'ia i Zapadnoi Evropy (The importance of the work by Trdat in the formation of the architecture of Transcaucasus and the Western Europe). *Arkhitektura mira. Vol. 4: Materialy konferentsii „Zapad–Vostok: Lichnost' v istorii arkhitekтуры“ (World Architecture. Vol. 4: Materials of the conference „Occident–Orient: Personality in the history of architecture“)*. Ed.

- N. Smolina. Moscow: Architectura Publ., 1995, pp. 97–102.
- Iakobson A. L. Iz istorii armianskogo sredne-vekovogo zodchestva (From the history of Armenian medieval architecture). *Kratkie soobshcheniia instituta istorii material'noi kul'tury Akademii nauk SSSR (Brief communications of the Institute of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences)*, vol. 23, 1946, pp. 33–38.
- Baladian A. T., Thierry J.-M. *Le couvent de Horomos d'après les archives de Toros Toramanian*. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres Publ., 2002.
- Brosset M.-F. *Les ruines d'Ani, Capitale de l'Armésous les rois Bagratides*. St. Petersburg, 1860–1861.
- Cuneo P. *L'architettura della scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale*. Roma: Accademia nazionale dei lincei Publ., 1977.
- Cuneo P. *Architettura Armena dal quarto al diciannovesimo secolo*. Con testi e contribute di T. Breccia Fratadocchi, M. Hasrat'yan, M. A. Lala Comneno, A. Zarian, vol. 1–2. Roma: De Luca Publ., 1988.
- Donabédian P. *L'école d'architecture d'Ani. Ani. Capitale de l'Arménie en l'an mil. Catalogue de l'exposition au Pavillon des Arts, 7 février — 13 mai 2001*. Ed. R. H. Kevorkian. Paris: Musées Publ., 1987, pp. 183–195.
- Kazarian (Ghazarian) A. La «Sala con cúpula» de la iglesia Armenia de Arutch (s. VII) y sus fuentes en la tradición arquitectónica de Constantinopla. *Erytheia. Revista de estudios bizantinos y neogriegos*, vol. 22, 2001, pp. 65–95.
- Kazaryan A. The Blind Arcade in Medieval Architecture of Armenia and Georgia. Springs of Ideas and Principal Stages of Development. *Professor Mine Kadiroglu festschrift*. Ed. B. Isler. Ankara: Hacettepe University, 2011, pp. 1–34.
- Kazaryan A. The Zhamatun of Horomos: The Shaping of an Unprecedented Type of Fore-church Hall. *kunsttexte.de 3/2014. 1. E-journal on Visual and Art History. Sektion Funun — Transkulturelle Perspektiven. Architectural Models, Mobility, and Building Techniques: Modes of Transfer in Medieval Anatolia, Byzantium, and the Caucasus*. Ed. P. Blessing, 14 p., il. URL: <http://edoc.hu-berlin.de/kunsttexte/2014-3/kazaryan-armen-4/PDF/kazaryan.pdf> (date of access: 15.07.2017).
- Kazaryan A. The Architecture of Horomos Monastery. *Horomos Monastery: Art and History*. Ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015, pp. 55–205.
- Kazaryan A. Architectural ideas and metamorphoses of technique in Ani school of Armenian architecture of Bagratid era. *Against Gravity: Building Practices in the Preindustrial World*. International conference. University of Pennsylvania, Department of the History of Art (20–22 March 2015). Philadelphia, 2015. URL: <http://www.sas.upenn.edu/ancient/masons/abstracts/Agudo/A-Kazaryan.html> (date of access: 15.07.2017).
- Kazaryan A. The Seventh-Century Six-foil Church of Aragats in Armenia: Origin of the Plan and its Role in the Architectural Development. *Antiquité Tardive*, vol. 24. Brepols Publishers, 2016, pp. 443–459.
- Kazaryan A., Özkaya İ. Y., Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1: History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation. *RIHA Journal* 0144, 15 November 2016. URL: <http://www.riha-journal.org/articles/2016/0143-kazaryan-ozkaya-pontioглу> (date of access: 15.07.2017).
- Kazaryan A. Chapter 44: „Classical“ Trend of Armenian Architectural School of Ani (10th–11th centuries): the Greco-Roman Model and the Conversion of Medieval Art. *A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe*. Eds. Z. Martirosova Torlone; D. LaCourse Munteanu; D. Dutsch. John Wiley & Sons: 2017, pp. 528–540.
- Lynch H. F. B. *Armenia. Travels and Studies*. London, New York: Longmans Publ., Green Publ., 1901.
- Maranci Ch. The Architect Trdat: From the Great Church at Ani to the Great Church at Constantinople. *Armenian Kars and Ani*. Ed. R. G. Hovannisian. Costa Mesa, California: Mazda Publ., 2011, pp. 101–126.
- Strzygowski J. *Die Baukunst der Armenier und Europa*. Bd. 1–2, Wien: Anton Schroll & co G.M.B.H. Publ., 1918.

Р. Г. Мурадов

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ПОКРЫТИЯ МАВЗОЛЕЯ В АРГАВАНДЕ (АРМЕНИЯ)

Широкое распространение в исламской архитектуре X — первой половины XIV в. получили башенные мавзолеи, локализованные в основном в Анатолии, Закавказье, Южном Прикаспии и Хорасане. В сельджукский период они обрели завершённую структурную композицию и превратились в устойчивый архитектурный тип. Среди его поздних воплощений — мавзолей в селе Аргаванд близ Еревана (1413 г.), возведённый в период существования в этом регионе туркменского государства Кара-Коюнлу и предназначенный для династии эмиров рода Саадлы, правившего непосредственно в Араратской долине. В статье подводятся итоги архитектурного обследования памятника в 2013 г. в связи с подготовкой проекта реставрации его венчания. При хорошей в целом сохранности основной каменной части мавзолея его кирпичный верх сильно руинирован, а от внешней оболочки покрытия осталось всего несколько рядов кладки. Его утраченная форма стала предметом дискуссии в ходе обсуждения проекта. По мнению автора, тщательное изучение оригинала ясно указывает на шатровую конструкцию. Былое существование двенадцатигранной пирамиды (по числу граней всего корпуса мавзолея) также соответствует морфологии ряда средневековых усыпальниц северных районов Ирана и марага-нахичеванского круга памятников.

Ключевые слова: исламская архитектура, башенные мавзолеи, шатры, Кара-Коюнлу, Армения, Аргаванд

Ruslan Muradov

TOWARD THE QUESTION OF FORM REGARDING THE COVERING ON THE ARGAVAND MAUSOLEUM, ARMENIA

The tower tombs, localized mainly in Anatolia, Transcaucasia, Southern Caspian region and Khorasan, became widespread in the Islamic architecture of the 10th and the first half of the 14th centuries. In the Seljuq period the tower tomb received the final structural composition and turned into a stable architectural type. Among its later incarnations is a mausoleum in the village of Argavand near Yerevan (1413), built during the period of the existence of the Turkmen state of Kara-Koyunlu in this region and intended for the dynasty of emirs of the Saadly family, who ruled directly in the Ararat valley. The article summarizes the architectural survey of the monument in 2013 in connection with the preparation of the restoration project of its upper part. With good overall stability of the main stone body of the mausoleum, its brick top is severely ruined, and only a few rows of masonry have remained from the outer shell. Its lost form was the subject of discussion during the consideration of the project. In this author's opinion, a careful study of the original clearly indicates the tent structure. Also, the former existence of the dodecagonal pyramid (on the number of faces of the entire body of the tomb) corresponds to the morphology of the tower tombs of the Northern Iran and the Maraga-Nakhichevan circle of monuments.

Key words: Islamic architecture, tower tombs, tents, Kara-Koyunlu, Armenia, Argavand

Широкое распространение в исламской архитектуре X — первой половины XIV в. получили башенные мавзолеи, локализованные в основном в Анатолии, Закавказье, Южном Прикаспии и Хорасане. В сельджукский период они обрели завершённую структурную композицию

и превратились в устойчивый архитектурный тип. Среди них нет единства ни в формах, ни в материале: их архитектура всегда отражала специфику культурных регионов, в которых они находятся (Бородина 1985: 159). Много лет исследователи пытаются найти истоки

и объяснить смысл и символическое значение этой многочисленной группы памятников, исходя из морфологических источников влияния вне ислама (*Saladin 1907; Diez 1917; Пугаченкова 1949; Саламзаде 1952; Pope 1965; Бретаницкий 1966; Otto-Dorn 1967; Leisten 1998*) и в контексте собственно мусульманской эсхатологической доктрины и связанного с ней погребального ритуала (*Smith 1950; Sümer 1965; Azarpay 1981; Daneshvari 1986; Hillenbarnd 1994; Michailidis 2007; Blessing 2015*). О. Грабар видел значение башенных мавзолеев в их особой социальной роли как мемориалов, башен победы или своего рода маяков, которые использовались в погребальной архитектуре по причине значимости этих доминантных структур как символов силы или святости, а вовсе не ради оформления самого погребения (*Grabar 1966: 44*). Иными словами, башенные мавзолеи самим своим присутствием в каждом конкретном месте являлись утверждением общественной и политической значимости покойных. Фактически это были послания действующей власти, направленные современникам и потомкам (*Daneshvari 1986: 8*).

Принимая во внимание то обстоятельство, что усыпальницы башенного типа с шатровой кровлей в виде конуса или многогранной пирамиды чаще всего связаны с именами светских правителей, а не духовных лидеров¹, они со временем обычно теряли свой статус и не поддерживались после того, как менялась правящая династия. Эти сооруже-

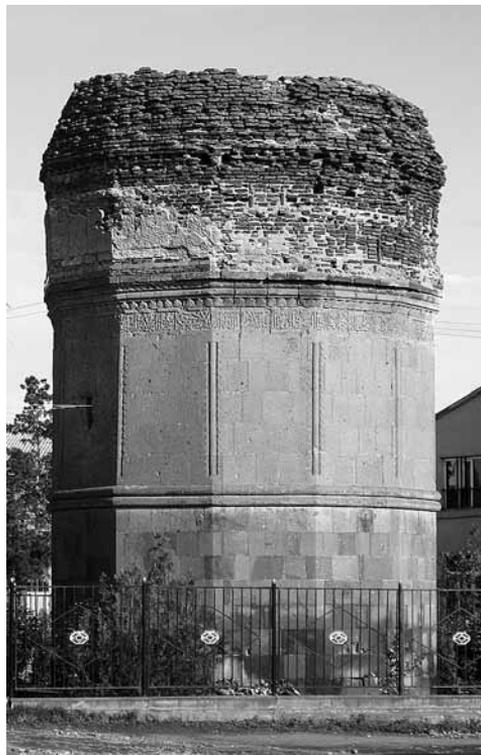
¹ Погребения и кенотафы суфийских шейхов (*имамзода*), потомков и сподвижников пророка Мухаммеда (*Kleiss 1988: 189–207*), а также прочие религиозные святыни — объекты многовекового культа. Они представляют собой, как правило, кубические структуры или восьмигранные призмы с купольными или шатровыми покрытиями.

ния никогда не становились местами паломничества мусульман. Бывшие в них захоронения повсеместно осквернены, сами постройки нередко использовались вторично и переименовывались. Для искоренения памяти о реальных персонах, которым посвящались башенные гробницы, на их стенах в большинстве случаев уничтожены все эпиграфические тексты, содержащие конкретные имена и даты, кроме абстрактных надписей с нейтральными строками из Корана и хадисов. Это, естественно, крайне затрудняет точную атрибуцию таких памятников. Обычно они носят поздние народные наименования, связанные с характерными особенностями их облика². Исследование только всей архитектурной композиции, всего комплекса конструктивных, композиционных и декоративных особенностей позволяет, хотя и с немалой долей погрешности, определить их возраст.

Среди поздних воплощений этого архитектурного типа — мавзолеев в селе Аргаванд Армавирской провинции (*марза*) близ Еревана, счастливо избежавший такого обезличивания. И хотя в местной традиции, в армянской языковой среде он долгое время был анонимным, сохранившаяся на его фасадах арабская эпиграфика ясно свидетельствует, что памятник принадлежал туркменским эмирам государства Кара-Коюнлу (Гарагоюнлы)³. Это погребаль-

² Например, «Гырмызы гумбез» и «Гунбаде Сурх» означают «Красный мавзолей», соответственно, по-туркски и по-персидски, — из-за цвета кирпичной облицовки; во многих районах есть свой «Гей-гунбад», или «Геок-гумбез» — из-за наличия облицовочных глазурованных кирпичей бирюзового цвета, либо «Ярты-гумбез» (дословно: «половина мавзолея») — применительно к сильно руинированным памятникам.

³ Под именем Кара-Коюнлу (Гарагоюнлы) в историю Среднего Востока вошел союз кочевых племен огузов во главе с туркменским пле-

Ил. 1. Мавзолей в Аргаванде. Общий вид с запада. Фото автора, 2013

Ил. 2. Мавзолей в Аргаванде. Общий вид с востока. Фото 1939 г. (Бретаницкий 1966: 112)

ное сооружение башенного типа с двойной оболочкой перекрытия и склепом (ил. 1). Впервые его обследовала группа архитекторов из Баку (Л. Бретаницкий, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Мотис) в 1939 г., тогда же были сделаны первые обмеры памятника и фотосъемка (ил. 2), однако эти материалы остались не опубликованными. Единственной научной публикацией, посвященной этому памятнику, а точнее — его эпиграфике,

менем Бахарлы, вытесненных из Средней Азии монгольским нашествием в XIII в. и первоначально расселившихся к югу от озера Ван, на северо-востоке современной Турции. Принято считать, что Кара-Коюнлу названы так по изображенному на их знамени черному барану (Петрушевский 1973: 387).

до сих пор остается статья научного сотрудника Матенадарана А.Д. Папазяна. Он отметил, что «в советские годы гробница в качестве архитектурного памятника была взята на учет Государственным комитетом по делам строительства и архитектуры при Совете Министров Армянской ССР. Однако она не привлекла внимания археологов, и долгое время находящаяся на ней арабская надпись не была прочтена и опубликована. С сообщением о наземной части гробницы выступил в свое время на студенческой научной конференции студент Ереванского политехнического института Б. Арутюнян. Подземная часть гробницы засыпана землей и ожидает археологических раскопок (Папазян 1962: 72).

Краткое описание внешнего вида мавзолея, вошедшее в статью Папазяна, взято из неопубликованного сообщения Б. Арутюняна. К сожалению, автор не сообщил никаких дат: когда именно памятник был поставлен на учет, и когда он сам обследовал и фотографировал надпись? Можно лишь предположить, что это было в 1950-е годы. Главной заслугой Папазяна стал перевод на русский язык эпиграфической надписи, широким фризом огибающей постройку под карнизом мавзолея. Впоследствии этот перевод вместе с оригинальным арабским текстом был переиздан (*Хачатрян* 1987: 50).

В 1961 г. мавзолей в Аргаванде был вновь обследован во время совместной экспедиции, организованной Институтом истории АН Азербайджана и Институтом археологии АН Армении. В составе этой экспедиции находилась М. С. Нейматова — эпиграфист, занимавшаяся изучением лапидарных письменных памятников исламского Закавказья. Много лет спустя она опубликовала свой вариант перевода надписи на аргавандском мавзолее (*Неймат* 2001: 174).

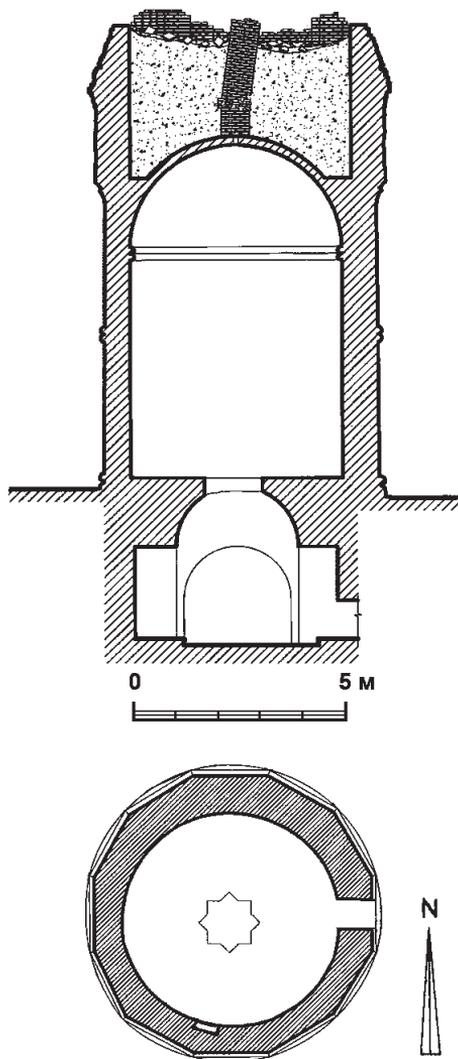
Во время официального визита в Армению в марте 1996 г. мавзолеем посетил президент Туркменистана С. Ниязов. В том же году для ознакомления с памятником из Ашхабада были направлены доктор исторических наук, археолог Е. Атагарриев и доктор архитектуры А. Эсенов. В 1998 г. сотрудники Института истории при Кабинете министров Туркменистана доктор исторических наук, археолог Х. Юсупов и кандидат исторических наук, антрополог О. Бабаков осуществили раскопки крипты, в которой не оказалось никаких следов погребений. Отчеты об этих двух командировках туркменских исследователей не опубликованы. В конце 2001 г. посольство Туркменистана в Республике Армения при со-

действии сельской администрации Аргаванда осуществило благоустройство территории мавзолея. В следующем году перед входом в мавзолей была установлена памятная плита, на церемонии открытия которой выступил католикос всех армян Гарегин II. В ноябре 2012 г. во время официального визита в Армению мавзолеем посетил президент Туркменистана Г. Бердымухамедов. По его распоряжению вскоре была организована новая экспедиция с целью изучения памятника и подготовки эскизного проекта реставрации его шатра. В ходе поездки группы специалистов Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, состоявшейся 15–22 апреля 2013 г., был составлен Акт технического состояния памятника и подготовлен эскизный проект реставрации шатра. В состав группы входили кандидат исторических наук, архитектор М. А. Мамедов, архитекторы-исследователи Р. Г. Мурадов, А. Т. Оразов и М. Чарыев. В сентябре 2014 г. проект был рассмотрен при участии авторов на заседании Научно-методического совета при Министерстве культуры Республики Армения и получил в целом положительную оценку. Однако форма главы мавзолея стала предметом дискуссии. Проблема в том, что внешняя оболочка его покрытия давно утрачена и, прежде чем обосновать вариант ее реконструкции, необходимо дать общее представление об этом памятнике (ил. 3).

Сохранившая высота его надземной части — около 12 м. Цоколь состоит из плотного туфа, который уложен в три ряда общей высотой 56 см. Первый ряд представляет собой круглый в плане плинт высотой 20 см. Второй ряд выложен в форме двенадцатигранника с откосом в верхней части высотой 20 см, венчающая часть цоколя об-

разует двенадцатигранный в плане валик радиусом 8 см, который отступает от стены на 6 см. По высоте сооружение делится на три яруса. Два нижних разделены между собой двойным валиком на почти равные звенья. Завершается средний ярус мавзолея эпитафическим фризом и ступенчатым карнизом. Выше расположен своеобразный подкупольный барабан, консольно выступающий на ширину карниза и повторяющий двенадцатигранную форму двух нижних ярусов здания. Низ этого так называемого барабана оформлен по всему периметру трехжильной лентой из глазурованных кирпичей трапециевидного сечения синего (ультрамарин), голубого (циан) и снова синего цвета, причем обе синие полосы составлены из двойного ряда более мелких плиток. «Барабан», очевидно, также завершался карнизом, облицовка которого полностью утрачена, но на земле собрано некоторое количество облицовочных глазурованных кирпичей. Частично сохранилась нижняя часть черновой кладки оболочки, венчавшей мавзолей (ил. 4).

Выше цоколя и до барабана мавзолей сложен из крупных блоков чисто отесанного красного туфа. Плоскости стен гладкие и без декора, лишь вход в восточной стене оформлен круглой аркой и украшен глубокой резьбой, образующей тройной бордюр в виде рельефного узора, состоящего из треугольных сталактитообразных фигур, валика и плоского выступа с полукружиями — все это характерные элементы армянской средневековой архитектуры (ил. 5). Выше горизонтального пояса из двойного валика угловые переходы граней смягчены тонкими полуколоннами, по сторонам которых вырезана гирлянда из полукружий. На высоте двенадцати камней от цоколя расположены два узких световых проема высотой в один

Ил. 3. Мавзолей в Аргаванде.
Разрез и план по обмерам 2013 г.

камень, ориентированных на север и на юг. Непосредственно под карнизом, который в целом повторяет мотивы декора входного проема, расположен пояс с эпитафическим фризом, сложенный из плит красноватого туфа высотой 50 см. По всей длине пояса на расстоянии 5 см от верхнего и нижнего краев

Ил. 4. Мавзолей в Аргаванде. Сохранившаяся часть черновой кладки шатра. Фото автора, 2013

Ил. 5. Мавзолей в Аргаванде. Вход. Фото автора, 2013

вырезан арабский текст почерком *наسخ*. Эта надпись содержит дату завершения строительства (816 г., 15-е число месяца раджаба, что соответствует 11 октября 1413 г.), имя донатора (Пир-Хусейн), имя усопшего, для кого, судя по всему, предназначался мавзолей (Эмир Саад, отец Пир-Хусейна), а также имя правителя государства Гарагоюнлы (Пир-Будаг-хан) и имя его отца, бывшего в тот период регентом и верховным главнокомандующим (Гара Юсуф).

Если благодаря эпиграфической надписи достоверно известен год постройки памятника и назначение (мавзолей), то об его конкретной принадлежности в разных источниках говорится по-разному. А. Д. Папазян называет его «гробницей туркменских эмиров», доктор исторических наук В. Р. Григо-

рян уточняет: «гробница семьи Саадов» (Григорян 2002), Л.С. Бретаницкий пишет еще более определенно: «мавзолей эмира Са'да» (Бретаницкий 1988: 150). М. Нейматова именует памятник мавзолеем эмиров Кара Коюнлу. Но «Википедия» и другие интернет-справочники называют этот объект мавзолеем Пир-Хусейна. Это, во-первых, ошибочное определение, так как он упомянут в надписи как строитель, а точнее — заказчик сооружения, но нет никакого намека на то, что он предназначал его для себя. Все мавзолеи мира носят имена тех, кто в них погребен, или тех, кому посвящен кенотаф. Во-вторых, в Азербайджане существует гораздо более известный и более старый мавзолей другого Пир-Хусейна, точнее — Пир-Гусейна Ширвани, великого шейха суфизма, построенный в 1285 г. на берегу реки Пир-Саад в 125 км западнее Баку. Надпись же на аргавандском мавзолее недвусмысленно называет только одно имя — «покойного и милосердного души Саада, отправившегося в объятия Наимилосерднейшего», то есть именно для своего умершего отца эмир Пир-Хусейн возвел эту усыпальницу. Конечно, не исключено, что впоследствии она могла стать местом погребения и самого Пир-Хусейна, ведь о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно, также как нет данных и о точных датах правления династии Саадлы — потомков Саада. Самые ранние сведения об утвердившейся в Араратской долине «туркменской княжеской семье Саадов» сообщает Товма Мецопеци в связи с гибелью местного старосты Мартироса в 1387 г. (Армянские первоисточники 1997: 46; Товма Мецопети 2005). Последнее же известное упоминание эмиров Са'длу относится к 1425 г. (Папазян 1962: 70). Очевидно, было бы слишком большим обобщением называть существующий

памятник мавзолеем Кара-Коюнлу. Несмотря на то, что род Саадлы входил в этот мощный племенной союз, давший название всему государству, все-таки он уступал лидерство племени Бахарлы, чей некрополь, судя по всему, располагается в Сюнике (на востоке Армении), где сохранились два совершенно уникальных мавзолея, известных как Кёр-гумбез и Мелик Аждар (Симонян 2001: 94–97). Вот почему наиболее приемлемое, на наш взгляд, название памятника в Аргаванде — мавзолей туркменских эмиров Саадлы.

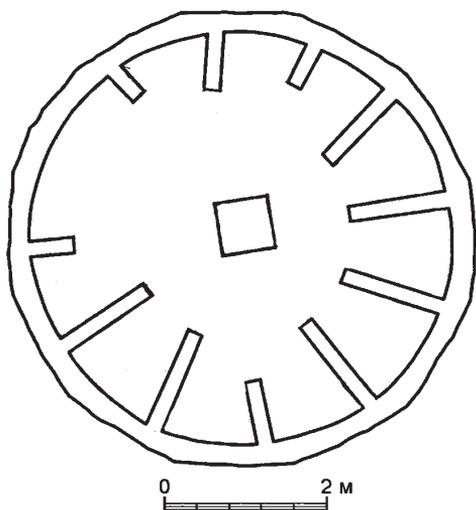
Вся верхняя часть памятника, начиная от глазурованного пояса внизу «барабана», сложена из жженого кирпича (20 × 20 × 5,5 см). Это нетипичное для средневековой архитектуры Армении и соседних стран сочетание в одном сооружении двух разных строительных материалов.

Основное помещение — *зийаратхана* (поминальная молельня) — в плане представляет собой круг. Стены так же, как на фасаде, гладкие, без декора, лишь в южной части — михраб в виде утопленной всего на 2 см ниши, вырезанной в вертикальной каменной плите и имеющей фестончатую пятилопастную арку (ил. 6). Имеются следы порчи михраба. Непосредственно над световыми проемами идет пояс в виде двойного валика, аналогичный фасадному. Сразу над ним — полуциркулярная чаша купола, сложенного из каменных блоков концентрическими кругами. В зените купола присутствует небольшое углубление, похожее на забитое круглое отверстие. Оно, несомненно, служит причиной образования высолов на полушарии потолка из-за проникновения влаги.

В мавзолее имеется подвал глубиной 4 м ниже уровня пола *зийаратханы*, служивший склепом (*гурхана*, или *макбара*). Вход в него (дромос) не раскопан,

Ил. 6. Мавзолей в Аргаванде. Микраб.
Фото автора, 2013

Ил. 7. Мавзолей в Аргаванде. Кирпичные ребра,
подпиравшие шатер. План по обмерам 2013

но имеется засыпанный дверной проем в северной стене склепа. В настоящее время спуск в склеп возможен только через пролом в потолке, сделанный в ходе благоустройства участка вокруг мавзолея в 2001 г. Этому пролому придали сверху форму восьмиконечной звезды и установили удобную металлическую лестницу вниз.

Техническое состояние памятника в целом удовлетворительное. Есть отдельные небольшие повреждения облицовочных плит туфа, в том числе в обрамлении входного проема, выпали некоторые звенья карниза под барабаном, исполненные в технике резного ганча. Лишь двенадцатигранный «барабан», как и вся кирпичная часть мавзолея, находится в аварийном состоянии. Частично утрачена или отслаивается глазурь синеголубой ленты, полностью отсутствует облицовочный слой плоских граней «барабана». На некоторых из них сохранилась очень сильно потрескавшаяся обмазка, что свидетельствует о низком качестве ганчeveго слоя, на котором могла крепиться мозаика. Это и стало, скорее всего, причиной ее полного осыпания. Не исключено, что ее вовсе не успели сделать по каким-то причинам⁴. В результате разрушения радиальных опор (ил. 7) оставшиеся нижние ряды кирпичной кладки граней шатра просели внутрь, поэтому снаружи лишь три-четыре самых нижних ряда сохранили прямолинейность граней по всему периметру.

Совершенно разрушен карниз, оформлявший переход от «барабана» к шатру. На его наличие как будто указывают консольно-выдвинутые нижние ряды кладки шатра, под которыми

⁴ Исходя из того, что нет никаких документированных следов орнамента, который должен был украшать эти панели, в проекте реставрации мавзолея решено оставить их в чистой штукатурке.

по всему периметру имеются глубокие пустые гнезда от деревянных брусьев (в некоторых сохранились и их обломки). Такие брусья из твердых пород дерева обычно служили для армирования ганчового декора (ил. 8). Черновая кладка внешнего покрытия и кирпичные ребра, на которые он опирался, больше сохранились с восточной стороны, а западная сторона верха мавзолея наиболее пострадала от времени. Состояние связей здесь крайне рыхлое. Есть многочисленные сдвиги рядов кладки, пробоины и обвалы, отдельные кирпичи держатся лишь благодаря собственному весу и грозят обрушиться вниз. Наиболее серьезная деформация всей конструкции состоит в смещении на несколько сантиметров всей массы «барабана» и остатков шатра относительно каменной части здания (ил. 9). Это могло быть следствием как изначальной ошибки в расчете строителя, так и результатом сильного землетрясения, которое произошло в 1679 г. и привело к значительным разруше-

Ил. 8. Мавзолей в Аргаванде. Нижние ряды черновой кладки шатра. Фото автора, 2013

ниям в округе, включая соседний Ереван. Именно сейсмический толчок стал причиной обрушения шатра: об этом свидетельствует характер деформации центрального столба, сложенного из кирпичей. Он опирался на каменную вершину внутреннего купола и поддерживал внешнюю оболочку.

Ил. 9. Мавзолей в Аргаванде. Смещение кирпичной части относительно каменной. Вид снизу. Фото автора, 2013

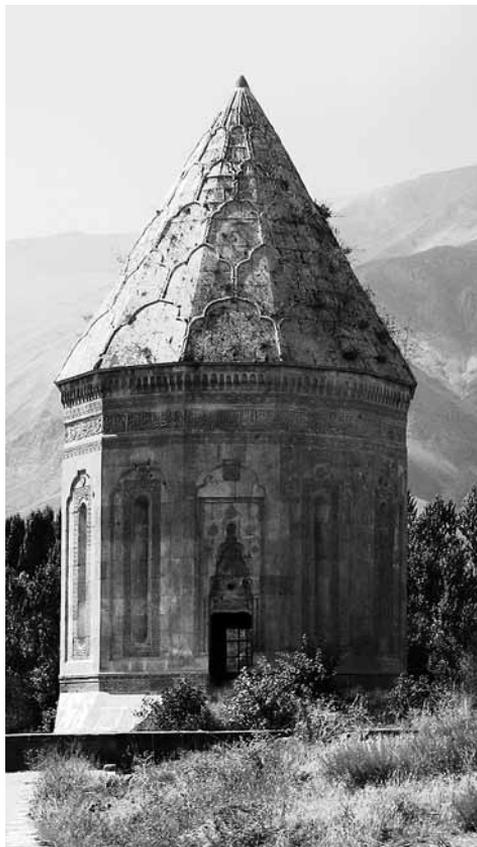
Известно, что в селе Аргаванд было еще два мавзолея такого типа, но меньшего размера и более простых форм. А. Папазян полагал, что здесь располагалось родовое кладбище эмира Саада и его наследников. Он отмечает, что «примыкающее к селу Аргаванд село Геханист в прошлом называлось Гёггюмбет (синий купол). Прежнее село Джафарабад (ныне Аргаванд) возникло позднее, отделившись от села Гёггюмбет и включив в свои пределы значительную часть земель последнего, в том числе и упомянутую гробницу с окружающей землей» (Папазян 1962: 73). Это существенное замечание, не оставляющее сомнений в том, что утраченный шатер мавзолея туркменских эмиров был облицован теми самыми глазурованными кирпичами сине-зеленого оттенка, в немалом количестве лежащими у его подножия, которые в наибольшей степени соответствуют слову *гёк* — общетюркскому обозначению синей части цветового спектра вместе с переходом к его желтой части ('зеленый') — от цвета неба до цвета травы (Севортян 1980: 67). Одноименное урочище Геокгумбет (туркм. *Gök kümmet*) есть на северо-западной окраине средневекового Мервского оазиса в Туркменистане. Там сохранились три мавзолея постмонгольского времени, купола которых также были облицованы кирпичами с сине-зеленой глазурью.

Что касается формы утраченного верха мавзолея в Аргаванде, то даже самый поверхностный сравнительный анализ мавзолеев данного типа дает вполне однозначный ответ. Отмеченное выше расслоение кирпичной кладки, которую местами просто вспучило, может создать обманчивое представление о первоначальном абрисе венчания аргавандского памятника. Поэтому, помимо остатков его конструкции, приходится опираться

на многочисленные аналоги и пропорции самого здания. Конечно, возведение шатра проще всего объяснить соображениями композиции: «Никакой другой тип покрытия не гармонирует так удачно с устремленным вверх объемом башен» (Воронина 1969: 155). Установить аналоги не столь уж сложно благодаря обилию сохранившихся коммеморативных памятников с шатровыми покрытиями и, в частности, с шатрами в виде многогранной пирамиды на таком же барабане или даже всем корпусе здания. Они находятся, прежде всего, вокруг Тебриза — от Мараги до Нахичевани — и, сформировавшись в определенный канон при Сельджуках и Хорезмшахах, продолжали воспроизводиться в эпоху господства Хулагуидов / Ильханидов и позже, при Чобанидах и Кара-Коюнлу. Многогранными башнями с пирамидальным шатром (давно утраченным) являются знаменитые нахичеванские мавзолеи Юсуф Кусейир оглы (1162 г.), Момине-хатун (1186–1187 г.), Гулистан (XIII в.), Гунбаде-и Сурх (1148 г.) и Гунбад-и Кабуд в Мараге (1197 г.). Все эти памятники марага-нахичеванского ареала входят в единый художественный круг, называемый «тебризской школой» и реже «арранской» (Бретаницкий 1966: 87–90). В Северном Иране этот же тип барабана и шатра демонстрируют мавзолей шейха Шибли в Демавенде XII в. несколько мавзолеев XV в. в прикаспийской провинции Мазендеран, среди которых выделяются усыпальница Мир Хейдара Амоли (ил. 10), Бурдж-е Курбан в Хамадане, XII в. и др., а в Средней Азии — куняургенский мавзолей хорезмшаха Иль-Арслана конца XII в. (ил. 11). В Малой Азии башенные мавзолеи XII–XIII вв. с пирамидальными шатрами относятся к другой локальной традиции: они в основном каменные, восьмигранные, с менее стройными пропорциями и иным декором.

Ил. 10. Амоль (Иран). Мавзолей Мир Хейдара Амоли. Фото автора, 2000

Ил. 12. Геваш (Турция). Мавзолей Халиме Хатун. Фото автора, 1998

Ил. 11. Куня-Ургенч (Туркменистан). Мавзолей Иль-Арслана. Фото автора, 2005

Особый интерес представляет группа так называемых ахлатских мавзолеев, сосредоточенных вокруг озера Ван. Эти каменные постройки XIII–XV вв. отличаются своей канонической композицией: очень высоким постаментом-цоколем, квадратным снизу и двенадцатигранным сверху. На нем — цилиндрический или двенадцатигранный объем, увенчанный шатром. Классическими примерами этого типа являются мавзолей Халиме Хатун в Геваше (1358 г.) (ил. 12), его точная копия — мавзолей Эрзен-хатун в Ахлате (1396–1397 гг.), а также мавзолей Кадим-паша Хатун (1458 г.) около

Эрджиша на севере озера Ван, построенный для матери Джаханашаха — эмира Кара-Коюнлу (*Aslanapa* 1971: 171–172). И.Ф. Бородина обратила внимание на то, что художественные формы ахлатских мавзолеев эпохи Кара-Коюнлу «тесно связаны с зодчеством Армении» (*Бородина* 1985: 160). Существует также явное свидетельство того, что армянские и грузинские строители активно участвовали в возведении более раннего мавзолея Газан-хана в Султании (1297–1304 гг.) (*Brambilla* 2012). Например, доказательством того, что армяне могли работать и жить в Султании — новой столице Хулагуидов, — служит большое средневековое армянское кладбище на близлежащей равнине (*Brambilla* 1980: 87–93).

Л. С. Бретаницкий, говоря об очевидном воздействии архитектурного образа нахичеванского мавзолея Моминехатун, высказал суждение о том, что «своеобразным „переводом“ Моминехатун в каменные архитектурные формы является гробница туркменского эмира Са’да, несколько позднее построенная в нынешнем селении Аргаванд, на пути из Еревана в Эчмиадзин» (*Бретаницкий* 1988: 203). Он выделяется прежде всего своеобразием архитектурной трактовки. Бретаницкий подчеркивает, что «башенность» композиции, свойственная многим мавзолеям региона, а также обилие присущей им орнаментальной эпиграфики, активно используемой как средство убранства, в его архитектурном образе органически сочетаются с формами, навеянными мотивами армянского зодчества (*Там же*: 150).

Об армянском влиянии на архитектуру мусульманских мавзолеев этого региона еще раньше писали и другие авторы (*Шуази* 1937: 97; *Буниатов, Яралов* 1950: 89). Говоря об особенностях анатолийских башенных мавзолеев, Р. Хиллен-

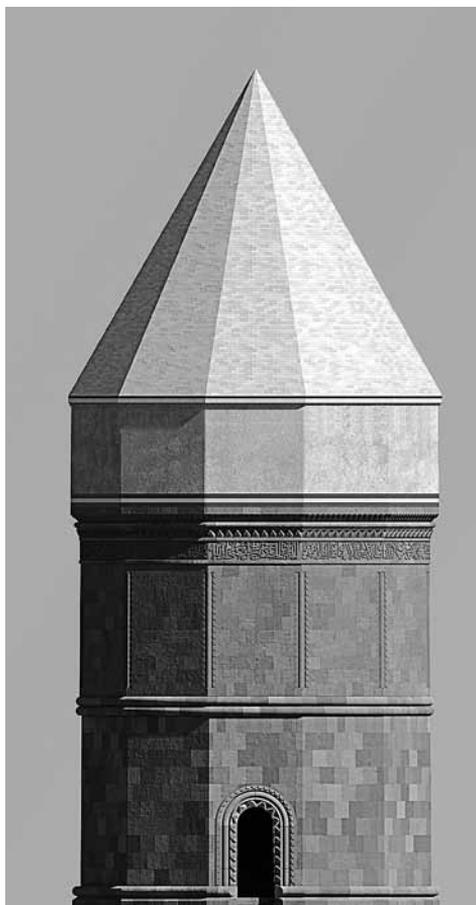
бранд отмечал, что «многие из них фактически неотличимы от верхней части стандартной современной армянской церкви с ее простой конической формой покрытия на высоком барабане» (*Hillenbrand* 1994: 307). В случае же с Аргавандом речь идет даже не о влиянии, а о непосредственном участии армянских мастеров в сооружении памятника. Об этом свидетельствует прежде всего использованный строительный материал, его обработка и скупые, но выразительные элементы декора, а также клейма на камнях с прописными буквами армянского алфавита. Конечно, этот случай вовсе не уникален: только на территории Карабаха руками армянских зодчих построен ряд мусульманских мавзолеев и других сооружений, патронируемых тюркскими заказчиками⁵. Наконец, нельзя отрицать и формальное влияние кафедрального храма Эчмиадзина, расположенного всего в 12 км от Аргаванда. Несмотря на то, что нынешний высокий двенадцатигранный шатер появился на нем лишь в результате реконструкции XVII в. вместо наиболее вероятного низкого зонтичного покрытия VII в. (*Казарян* 2007: 182), древний двенадцатигранный барабан собора, также как и аналогичные барабаны с островерхими шатрами церковей анийской школы, были, несомненно, знакомы мастерам аргавандского мавзолея. Это влияние наиболее очевидное и естественное, хотя и сугубо эмпирическое. Обращаясь же к генезису формы, можно привести еще один яркий пример.

Додекагональный объем ахлатских усыпальниц, а позже и мавзолея эмиров Саадлы мог быть вдохновлен двенадцатигранной формой упомянутого мавзо-

⁵ Те, что сохранились, представлены в фотопальбоме „The Islamic Monuments of the Armenian Architecture of Artsakh“ (Yerevan, 2010). См. также: (*Симонян* 2001).

лея Газан-хана — самого амбициозного сооружения той эпохи, начавшего разрушаться вскоре после того, как его возвели. Число «12» в архитектуре Ильханидов и особенно Кара-Коюнлу, едва ли было случайным: с одной стороны, оно связано с шиитскими представлениями о двенадцати имамах — преемниках пророка Мухаммеда, а с другой — это зодиакальный круг. Именно знаки Зодиака по преданию были изображены на каждой из двенадцати сторон огромного башенного мавзолея Газан-хана (Wilber 1969: 126; Daneshvari 1986: 30–31). Но какой бы ни была семантика этой архитектурной формы, очевидно, что призматический объем, многогранник мог быть увенчан лишь пирамидой с таким же числом граней (ил. 13). Конусы или сфероконические купола стрельчатого очертания обычно ставились на цилиндры или кубические объемы, гораздо более распространенные в мемориальном зодчестве исламского мира. Казалось бы, это вполне верифицируемый вывод, имеющий не только эмпирический, но и достаточный концептуально-теоретический базис. Есть, однако, один любопытный факт, на который могут указать оппоненты.

Среди рисунков французского художника Уильяма-Джозефа Грело, побывавшего в Ереване вместе с путешественником Жаном Шарденом во второй половине XVII в., имеется изображение некой «эриванской башни»⁶. Несомненно, это башенный мавзолей, но у него мало общего с аргавандским. Сооружений такого типа на некрополях Араратской долины было несколько, какая-то часть их разрушилась через семь лет после визита французов, во время землетрясения 1679 г. Купол, изображенный Грело

Ил. 13. Мавзолей в Аргаванде. Графическая реконструкция шатра. 2014 г.

в виде каменного полушария, вообще не находит аналогов ни в армянской, ни в тюркской архитектуре. Похоже, что это плод его фантазии или невольное искажение природы. В любом случае данное изображение ни в коем случае не может рассматриваться как документ для реконструкции верха мавзолея в Аргаванде. Натурное обследование, а также анализ его фотографий середины XX в. (ил. 2), когда сохранность верхних рядов кирпичной кладки была лучше нынешней, ясно указывают на шатровую

⁶ URL: <http://www.ancestryimages.com/prod-detail.php?prod=f6596>

форму венчания этого памятника. Кроме того, как отмечалось выше, остатки черновой конструкции сохранили плоские участки граней, по которым легко восстанавливается не только геометрическая форма покрытия, но и угол наклона шатра.

Былое существование двенадцатигранной пирамиды над мавзолеем династии Саадлы — не только строго документированный факт. Даже беглый обзор серии аналогичных построек показывает, что такое венчание соответствует морфологии усыпальниц Малой Азии, северных районов Ирана и марага-нахичеванского круга памятников, а также укладывается в тезис о том, что шатровые покрытия в мусульманском зодчестве Средневековья — один из важных типологических признаков исключительно мемориальных сооружений (Пугаченкова 1949: 60).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Армянские первоисточники* 1997 — Армянские первоисточники о туркменских государствах Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу / Пер. с древнеарм. Сост., вступ. статья и комм. В. Р. Григоряна. Ашхабад: ТМГИ, 1997.
- Бородина* 1985 — *Бородина И. Ф.* Типология среднеазиатских мавзолеев XI–XV вв. // *Архитектурное наследие*. Вып. 33. М.: Стройиздат, 1985. С. 157–164.
- Бретаницкий* 1966 — *Бретаницкий Л. С.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.: Наука, 1966.
- Бретаницкий* 1988 — *Бретаницкий Л. С.* Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма: Избранные труды. М.: Советский художник, 1988.
- Буниатов, Яралов* 1950 — *Буниатов Н. Г., Яралов Ю. С.* Архитектура Армении. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950.
- Воронина* 1969 — *Воронина В. Л.* Архитектура средневекового Ирана // *Всеобщая история архитектуры*. Т. 8. М.: Стройиздат, 1969. С. 144–182.
- Григорян* 2002 — *Григорян В. Р.* Мавзолей туркменских эмиров в Армении // *Нейтральный Туркменистан*. 2002, 19 сентября.
- Казарян* 2007 — *Казарян А. Ю.* Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М.: Locus Standi, 2007.
- Неймат* 2001 — *Неймат М. С.* Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. 3. Баку: Элм, 2001.
- Папаян* 1962 — *Папаян А. Д.* Арабская надпись на гробнице туркменских эмиров в селе Аргаванд // *Ближний и Средний Восток: Сборник статей / Под ред. А. И. Фалиной*. М.: Наука, 1962. С. 6–75.
- Петрушевский* 1973 — *Петрушевский И. П.* Кара-Коюнлу // *Большая советская энциклопедия*. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 387.
- Пугаченкова* 1949 — *Пугаченкова Г. А.* К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана // *Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции*. Вып. 1. Ашхабад: Туркм. филиал АН СССР, 1949. С. 57–77.
- Саламзаде* 1952 — *Саламзаде А.* Архитектура мавзолеев Азербайджана XII–XV вв. // *Архитектура Азербайджана*. Очерки. Баку: Изд-во АН АзССР, 1952. С. 229–336.
- Севортян* 1980 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкская и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980.
- Симонян* 2001 — *Симонян А. Е.* Два найденных мавзолея туркменских султанов Кара-Коюнлу в Армении // *Miras*. 2001. № 4. С. 94–97.
- Товма Мецопеци* 2005 — *Товма Мецопеци*. История Тимурленга и его преемников / Пер. с древнеарм., пред. и комм. К. С. Тер-Давтян. Ереван: Наири, 2005.
- Хачатрян* 1987 — *Хачатрян А. А.* Корпус арабских надписей Армении. VIII–XVI вв. Вып. 1. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987.
- Шуази* 1937 — *Шуази О.* История архитектуры. Т. 2. Пер. с франц. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1937.

- Aslanapa* 1971 — *Aslanapa O.* Turkish Art and Architecture. London: Faber&Faber Limited, 1971.
- Azarpay* 1981 — *Azarpay G.* The Islamic Tomb Tower: A Note on its Genesis and Significance // Essays in Islamic Art & Architecture in Honor of Katharina Otto-Dorn. Ed. A. Daneshvari. Malibu, CA: Undena Publications, 1981. P. 9–12.
- Blessing* 2015 — *Blessing P.* Buildings of Commemoration in Medieval Anatolia: The Funerary Complexes of Şāḥīb 'Aṭā Fakhr al-Dīn 'Alī and Māhperī Khātūn // *Al-Masāq: Journal of the Medieval Mediterranean*. Vol. 27. 2015. Issue 3. P. 225–252.
- Brambilla* 1980 — *Brambilla M.* La comunità ed il cimitero Armeno di Sultaniya // *Studia e Restauri di Architettura*, Italia; Iran. Roma, 1980. P. 87–93.
- Brambilla* 2012 — *Brambilla M.* Large Scale Building Techniques in Ilkhanid Iran // *Masons at Work*. Eds. R. Ousterhout, R. Holod, L. Haselberger. Philadelphia, University of Pennsylvania, 2012. URL: <http://www.sas.upenn.edu/ancient/masons/brambilla.pdf> (дата обращения: 05.06.2017).
- Daneshvari* 1986 — *Daneshvari A.* Medieval Tomb Towers of Iran: An Iconographic Study. Lexington, KY: Mazdā Publishers in association with Undena Publ., 1986.
- Diez* 1917 — *Diez E.* Die Kunst der islamischen Völker. Berlin, 1917.
- Grabar* 1966 — *Grabar O.* The Earliest Islamic Commemorative Structures // *Ars Orientalis*. Vol. VI. 1966. P. 7–46.
- Hillenbrand* 1994 — *Hillenbrand R.* Islamic Architecture: Form, Function & Meaning. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.
- Kleiss* 1988 — *Kleiss W.* Grabttirme und Imamzadehs in Nord-Iran // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*. Vol. 21. 1988. P. 189–207.
- Leisten* 1998 — *Leisten T.* Architektur für Tote: Bestattung in architektonischem Kontext in den Kernländern der islamischen Welt zwischen 3./9. und 6./12. Jahrhundert. Berlin, 1998.
- Michailidis* 2007 — *Michailidis M.D.* Landmarks of the Persian Renaissance: Monumental Funerary Architecture in Iran and Central Asia in the Tenth and Eleventh Centuries (Ph. D. diss.). Massachusetts Institute of Technology, 2007.
- Otto-Dorn* 1967 — *Otto-Dorn K.* L'art de l'Islam. Paris: Albin Michel, 1967.
- Pope* 1965 — *Pope A.U.* Persian Architecture. London: Thames and Hudson, 1965.
- Saladin* 1907 — *Saladin H.* Manuel d'art musulman. T. I. L'Architecture. Paris: Librairie Alphonse Picard et Fils, 1907.
- Smith* 1950 — *Smith E.B.* The Dome: A Study in the History of deas. Princeton: Princeton University Press, 1950.
- Sümer* 1965 — *Sümer F.* The Seljuk Turbehs and the Tradition of Embalming // *Atti del Secondo Congresso Internazionale di Arte Turca*. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1965. P. 245–248.
- Wilber* 1969 — *Wilber D.* The Architecture of Islamic Iran: The Il-Khanid Period. New York: Greenwood Press, 1969.

REFERENCES

- Armianskie pervoistochniki o turkmenskikh gosudarstvakh Kara-Koiunlu i Ak-Koiunlu (Armenian primary sources about the Turkmen states Kara-Koyunlu and Ak-Koyunlu)*. Ed. V.R. Grigoryan. Ashgabat: TMGI Publ., 1997 (in Russian).
- Borodina I.F.* Tipologija sredneaziatskikh mavzoleev XI–XV vv. (Typology of Central Asian Mausoleums of the 11th–15th Centuries). *Arkhitekturnoe Nasledstvo*, vol. 33. Moscow: Stroiizdat Publ., 1985, pp. 157–164 (in Russian).
- Bretanitskii L.S.* *Zodchestvo Azerbajdžana XII–XV vv. i ego mesto v arkhitecture Perednego Vostoka (Architecture of Azerbaijan of the 12th–15th Centuries and Its Place in the Architecture of the Near East)*. Moscow: Nauka Publ., 1966 (in Russian).
- Bretanitskii L.S.* *Khudozhestvennoe nasledie Perednego Vostoka epokhi feodalizma (The artistic heritage of the Near East of the Feudalistic Epoch)*. Moscow: Sovetskii Khudozhnik Publ., 1988 (in Russian).
- Buniatov N. G., Yaralov Yu. S.* *Arkhitektura Armenii (Architecture of Armenia)*. Moscow: Arkhitektury i Gradostroitelstva Publ., 1950 (in Russian).
- Voronina V.L.* *Arkhitektura srednevekovogo Irana (Architecture of the Medieval Iran)*.

- Vseobshaia istoriia arkhitektury, vol. 8. Moscow: Stroiizdat Publ., 1969, pp. 144–182 (in Russian).
- Grigoryan V. R. Mavzolei turkmenskikh emirov v Armenii (Mausoleum of Turkmen emirs in Armenia). *Neutral Turkmenistan*, 2002, 19 September (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. *Kafedralnyi sobor Surb Echmiadzin i vostochnokhristianskoe zodchestvo IV–VII vekov (The Cathedral of Holy Ejmiacin and the Eastern Christian Architecture of the 4th–7th Centuries)*. Moscow, 2007 (in Russian).
- Neymat M. S. *Korpus epigraficheskikh pamyatnikov Azerbajdzhana (The corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan)*, vol. 3. Baku, 2001 (in Russian).
- Papazyan A. D. Arabskaya nadpis na grobnitse turkmenskikh emirov v sele Argavand (Arabic inscription on the tomb of Turkmen emirs in the village of Argavand). *Blizhnii i Srednii Vostok (Near and Middle East)*. Ed. A. I. Falina. Moscow, 1962, pp. 6–75 (in Russian).
- Petrushevsky I. P. Kara-Koyunlu. *Bolshaia sovet-skaia entsiklopediia*. Vol. 11. Moscow: Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1973, p. 387 (in Russian).
- Pugachenkova G. A. K probleme vozniknoveniya „shatrovykh mavzoleev“ Horasana (To the problem of the origin of „tent mausoleums“ of Khorasan). *Materialy Yuzhno-Turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii*, vol. 1. Ashgabat, 1949, pp. 57–77 (in Russian).
- Salamzade A. Arhitektura mavzoleev Azerbajdzhana XII–XV vv. (Architecture of the mausoleums of Azerbaijan of the 12th–15th centuries). *Arhitektura Azerbajdzhana*. Baku, 1952, pp. 229–233 (in Russian).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar turkskikh iazykov. Obsheturkskie i mezhturkskie osnovy na bukvy „V“, „G“ i „D“ (Etymological dictionary of Turkic languages. Common Türkic and inter-Turkic basics on the letters „B“, „G“ and „D“)*. Moscow, 1980 (in Russian).
- Simonyan A. E. Dva novonaydennykh mavzoleya turkmenskikh sultanov Kara-Koyunlu v Armenii (Two Newly-discovered mausoleums of the Turkmen Sultans of Gara-Goyunly dynasty in Armenia). *Miras*, 2001, no. 4, pp. 94–97 (in Russian).
- Tovma Metsopetsi. *Istoriya Timurlenga i ego preemnikov (The History of Timurleng and his successors)*. Yerevan, 2005 (in Russian).
- Khachatryan A. A. *Korpus arabskikh nadpisei Armenii VIII–XVI vv. (The corpus of the Arabian inscriptions of Armenia of the 8th–16th centuries)*. Vol. 1. Yerevan, 1987 (in Russian).
- Choisy A. *Histoire De L'Architecture*. Paris: Gauthier-Villars Publ., 1899.
- Aslanapa O. *Turkish Art and Architecture*. London: Faber&Faber Limited Publ., 1971.
- Azarpay G. *The Islamic Tomb Tower: A Note on its Genesis and Significance*, in *Essays in Islamic Art & Architecture in Honor of Katharina Otto-Dorn*, ed. A. Daneshvari. Malibu, CA: Undena Publications Publ., 1981, pp. 9–12.
- Blessing P. Buildings of Commemoration in Medieval Anatolia: The Funerary Complexes of Şāḥib ‘Aṭā Fakhr al-Dīn ‘Alī and Māhperī Khātūn. *Al-Masāq: Journal of the Medieval Mediterranean*, vol. 27, 2015, no. 3, pp. 225–252.
- Brambilla M. La communita ed il cimitero Armeno di Sultaniya. *Studi e Restauri di Architettura, Italia-Iran*. Roma, 1980, pp. 87–93.
- Brambilla M. Large Scale Building Techniques in Ilkhanid Iran. *Masons at Work*. Eds. R. Ousterhout, R. Holod, L. Haselberger. Philadelphia, University of Pennsylvania, 2012. URL: <http://www.sas.upenn.edu/ancient/masons/brambilla.pdf>.
- Daneshvari A. *Medieval Tomb Towers of Iran: An Iconographic Study*. Lexington, KY: Mazda Publishers in association with Undena Publ., 1986.
- Diez E. *Die Kunst der islamischen Völker*. Berlin, 1917.
- Grabar O. The Earliest Islamic Commemorative Structures. *Ars Orientalis*, vol. VI, 1966, pp. 7–46.
- Hillenbrand R. *Islamic Architecture: Form, Function & Meaning*. Edinburgh: Edinburgh University Press Publ., 1994.
- Kleiss W. *Grabttirme und Imamzadehs in Nord-Iran*, in *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* 21, 1988, pp. 189–207.
- Leisten T. *Architektur für Tote: Bestattung in architektonischem Kontext in den Kernländern der islamischen Welt zwischen 3./9. und 6./12. Jahrhundert*. Berlin, 1998.

- Michailidis M.D. *Landmarks of the Persian Renaissance: Monumental Funerary Architecture in Iran and Central Asia in the Tenth and Eleventh Centuries* (Ph. D. diss.). Massachusetts Institute of Technology, 2007.
- Otto-Dorn K. *L'art de l'Islam*. Paris: Albin Michel Publ., 1967.
- Pope A. U. *Persian Architecture*. London: Thames and Hudson Publ., 1965.
- Saladin H. *Manuel d'art musulman, Vol. I. L'Architecture*. Paris: Librairie Alphonse Picard et Fils Publ., 1907.
- Smith E. Baldwin. *The Dome: A Study in the History of deas*. Princeton: Princeton University Press Publ., 1950.
- Sümer F. *The Seljuk Turbehs and the Tradition of Embalming*, in *Atti del Secondo Congresso Internazionale di Arte Turca*. Naples: Istituto Universitario Orientale Publ., 1965, pp. 245–248.
- Wilber D. *The Architecture of Islamic Iran: The Il-Khanid Period*. New York: Greenwood Press Publ., 1969.

П. В. Коротчикова

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА СТОЛИЦЫ ИНДИИ В ЭПОХУ ДЕЛИЙСКОГО СУЛТАНАТА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ

Современный Дели хранит память о ряде городских поселений, которые претендовали на звание столицы. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в эпоху Делийского султаната (1206–1526).

В основе стремления каждого сильного правителя возвести новый административный объект лежала совокупность различных причин. Пиетет к прошлому страны в сочетании с требованиями времени (набеги монголов, расширение границ, нехватка воды) привел к смыканию отдельных структур в «многостоличный» комплекс, ставший единым городским пространством. Задача статьи — свести воедино разрозненные факты и исследования, выстроив картину причин и следствий этого процесса. Также важно определить, все ли т. н. «столицы» могут претендовать на это громкое звание или часть из них строилась без идеи замещения предыдущего административного центра.

Ключевые слова: *Делийский султанат, градостроительство, столица, крепость, суфийская ханака*

P. V. Korotchikova

FORMATION OF THE CAPITAL OF INDIA DURING THE DELHI SULTANATE ERA: POLITICAL, IDEOLOGICAL, NATURAL FACTORS

The Modern capital of India preserves the memory of a number of urban settlements that claimed the title of the center. This tendency was most clearly manifested in the era of the Delhi Sultanate (1206–1526).

At the core of every strong ruler's desire to erect a new military-cultural object was a set of various reasons. The reverence for the past in conjunction with the demands of the time (Mongolian raids, the expansion of borders, lack of water) led to the closure of isolated structures in the „multicapital” complex, which has become a single urban space. The objective of this article is to unite the information, building a picture of the causes and consequences of this process. It is also important to determine whether all the so-called „capitals” can claim this resounding title, or part of them were built without the idea of substitution the previous administrative center.

Key words: *Delhi Sultanate, urban planning, capital, fortress, sufi khanqah*

Столица Индии, Дели, хранит память о целом ряде отдельных городских и оборонительных поселений, которые в определенный момент истории претендовали на звание центра (ил. 1). Английский инженер Гордон Рисли Хирн в 1906 г. обозначил это явление как «семь городов Дели» (Hearn 1906: 316). Количество выделенных им точек не соответствует действительности — на самом деле их намного больше, — однако сам термин стал нарицательным для

обозначения своеобразного феномена «полистоличности».

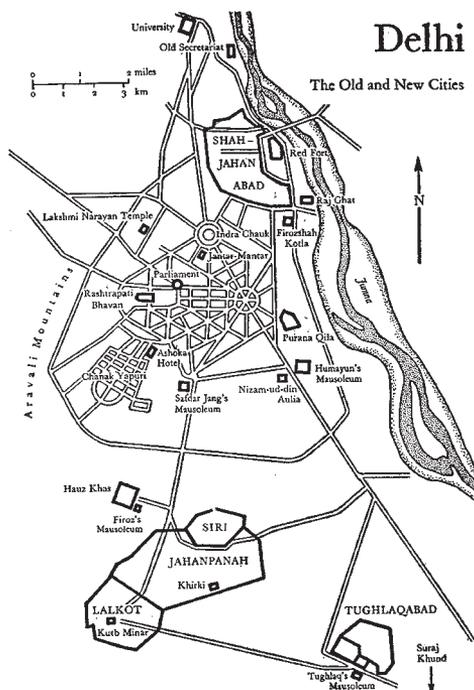
Особое отношение к городским и крепостным образованиям наиболее ярко проявилось в эпоху Делийского султаната — первого мусульманского государства на территории Индии (1206–1526). Именно в этот период возникла интересная тенденция: практически каждый сильный правитель стремился возвести новое укрепленное городское образование.

В основе их возникновения и формирования лежал комплекс факторов, которые варьировались в зависимости от конкретного султана, форсировавшего проект, и его личных представлений о своем месте в истории. Освещающие это явление немногочисленные статьи, как правило, исследуют отдельные проблемы, чаще всего останавливаясь на разрозненных причинах возведения столиц. Идеологические вопросы анализируются редко, а религиозные исследуются специалистами по суфизму и не берутся в расчет при обсуждении формирования столичных центров. Задача статьи — собрать информацию, дополнив ее собственными наблюдениями, и рассмотреть причины и следствия процесса застройки. Также немаловажно определить, все ли так называемые столицы могут полноправно претендовать на это громкое звание или часть из них строилась без идеи замещения предыдущего административного центра, с целью удовлетворения конкретных нужд.

В 1192 г. военачальник армии Гуридов Кутб уд-Дин Айбак (султан в 1206–1210 гг.) захватил город раджпутской династии Чауханов — Кила Раи Питхора, включавший в себя меньшую по размеру укрепленную цитадель Лал Кот, и положил начало династии Мамлюков, дав месту новое название — Дилли¹.

Бывшая Кила Раи Питхора находилась к юго-западу от современного Дели и была полноценным городом иранского образца, являясь идеальным местом для развития новой, уже исламской сто-

¹ Дилли не следует путать с Дели, т.к. последнее является скорее определением географической территории, на которой располагалось огромное образование, постепенно ставшее современным Дели. Аналогом названия «Дилли» в тексте статьи будет термин «Старый Дели».

Ил. 1. Схема расположения «городов» Дели (Khawaja 2012: 38)

лицы. Но правители Делийского султаната до определенного момента были «пришельцами», со своей религиозной системой и культурной традицией, крайне отличной от верований коренных жителей Индостана. И с самого начала перед ними стояла необходимость утверждения своей власти и нового духовного пространства. Поэтому город требовал определенной и срочной «доработки».

Так появился первый исламский памятник на территории Индии — комплекс мечети Куватт-уль-Ислам («мощь ислама») с минаретом Кутуб-Минар. Символично, что соборная мечеть была возведена на фундаменте индуистского храма и составлена, как конструктор, из фрагментов двадцати семи разрушенных индуистских и джайнских

Ил. 2. Интерьер мечети Куватт-уль Ислам. Начало строительства 1192. Фото П. Коротчиковой, 2013

святилищ (ил. 2). Решение «собрать» мечеть из местных храмов могло иметь практическое объяснение: новой власти и новой религии как можно быстрее нужен был свой архитектурный маркер. Постройка следует обычному для дворовых мечетей плану: прямоугольный открытый двор, обходные галереи и четырехнефный молитвенный зал. Несмотря на это сразу после постройки стало очевидно, что облик мечети вышел не соответствующим мусульманским канонам (ил. 3). Для исправления положения в 1199 г. к зданию был пристроен арочный экран (Merklinger 2005: 18), призванный отсылать к классическим постройкам исламского мира. На индийской земле экран приобрел скорее сим-

Ил. 3. Деталь интерьера Куватт-уль-Ислам. Фото П. Коротчиковой, 2014

волический, чем конструктивный смысл, скрыв «индуистский» по виду молитвенный зал, который скорее напоминал святилище местных «язычников».

Отдельно стоящий минарет Кутуб-Минар (ил. 4) был возведен в то же время. Безусловная городская доминанта, он был совершенно отдельным от мечети образованием, превратившись из объекта религиозной среды в визуальный символ политической и административной власти султана. Демонстрация новой духовной магистрали и одновременно власти султана, которой стал минарет, была «адресована» в первую очередь преобладающему местному населению. Интересно, что, по одной из точек зрения, подобного рода отдельно стоящие башни-минареты могли происходить и от индийских колонн (стамбха) (Stapp 2017: 311), что придает объекту новой исламской культуры «свой», аутентичный и понятный культурный контекст. Так или иначе, можно предположить, что подобный способ визуализации власти был знаком местному населению и воспринимался как естественный.

Ил. 4. Кутуб-Минар. Первый ярус около 1192, достраивался и поновлялся султанами вплоть до XVI века. Фото П. Коротчиковой, 2014

Ил. 5. Железная колонна. Около IV века н. э., перемещена в мечеть Куватт-уль-Ислам около 1230 г. Фото П. Коротчиковой, 2014

«Послание» Кутуб-Минара приобретает еще больше дополнительных значений, если рассматривать его вместе с настоящей стамбхой, установленной на территории комплекса. В центре двора мечети находится не бассейн для омовений, а железная колонна (ил. 5) — памятник IV в., прекрасный образец мастерства умельцев гуптской эпохи². Она стоит прямо на оси киблы, напротив входа в молитвенный зал, и увенчана тремя амалаками с ныне пустым прямоугольным пьедесталом. Скорее всего, колонна была установлена не самим Кутб-уд-Дином, а его преемником Шамс

² Колонна относится к колоннам славы (киртистамбха) или колоннам победы (джаястамбха).

ад-Дином Илтутмышем (1211–1236) около 1229 г., когда была расширена и территория мечети. Подобный ход султана исследователями трактуется не всегда однозначно. Наиболее радикальный и односторонний взгляд предполагал усматривать в этом символ «триумфа над язычеством» (Burton-Page 1965: 260). По другой версии, колонна — это военный «трофей, знаменующий победу ислама в северной Индии» (Welch 1993: 320). Ее значение, думается, может быть куда более глубоким и трактоваться как знак уважения, а не триумфа: «Илтутмыш, возможно, приспособил колонну для Куватт-уль-Ислам <...>, чтобы прославить достижения прошлых цивилизаций и чтобы подтвердить идеологические

начала исламского правления в Индии, присоединившись к доисламским государям» (*MkKibern* 1994: 113).

Колонны ассоциировались с предшествующими правителями Индии, причем не только и не столько историческими, сколько мифологическими, например с Бхимой, одним из братьев Пандавов (*Flood Finbar* 2003: 111). Таким образом, акт установки колонны может быть трактован как попытка дополнительно утвердить легитимность власти, связав генеалогию вновь пришедших мусульман с легендарными мифологическими героями Индии, став частью не просто исторического, но и религиозного поля.

Илтутмыш не только возвел железную колонну, но и вдвое расширил мечеть, включив минарет внутрь галереи, добавил арочные экраны (их оформление должно было имитировать стилистику уже существующих) и достроил ярусы Кутуб-Минара, ясно показав важность этого памятника для новой имперской идеи.

В результате мы имеем дело с первым духовным и политическим центром, сформировавшимся сообразно ясной государственной программе, в котором каждый элемент нес определенное послание. Облик мечети, сочетавшей в себе яркие черты индуистской традиции с универсальным языком мусульманской архитектуры, был неким видимым компромиссом местного и нового. Судя по всему, он не вызывал отторжения даже у коренных жителей Дилли, так как не входил в противоречие с привычной глазу картиной. С другой стороны, мечеть стала первым и поэтому важным местом и для мусульманского населения. Аналогичным «посланием», интуитивно понятным всем созерцающим, стал Кутуб-Минар, не столько выполняющий практическую религиозную

функцию, сколько символизирующий утверждение и незыблемость власти. Третьим «говорящим» элементом композиции явилась железная стамбха, которая обращалась к уже общему мифологическому прошлому, награждая комплекс мечети новым, сакральным смыслом.

Неудивительно, что территория Куватт-уль-Ислам стала для султанов местом-знаком, объединяющим в себе память о захваченной в битве власти и об утверждении новых духовных основ, неразрывной связи с историей новообретенной родины. Сюда они будут возвращаться на протяжении всей истории существования султаната, а город, в котором возведен комплекс, получит статус безусловного центра нового государства на долгие годы. Первым обозначил это отношение Илтутмыш, чья гробница (ил. 6) возведена за стеной киблы мечети и имеет декоративную программу, призванную точно имитировать стилистику оформления арочных экранов перед входом в молитвенный зал (*Khawaja* 2012: 39).

С появлением первого столичного образования проявилась еще одна тенденция, которая будет иметь развитие: каждая столица «получает» своего святого. Шейх Кутб уд-Дин Бахтияр Каки (1173–1235) пришел в Индию практически в то же время, что и завоеватели-мусульмане. С его именем связывают развитие преемственной линии ордена Чишти в Дели (*Digby* 1986: 63) и ключевую роль для развития ислама в Индии. Орден Чишти был известен и почитаем не только населением, но и представителями власти, и имел дополнительную государственную поддержку, так как первые шейхи пришли в Индию сразу после Кутб уд-Дина Айбака и стали живыми воплощениями новой веры на ее территории. Шейх Кутб уд-Дин не основал при

Ил. 6. Гробница Илтутмыша. Комплекс Кутуб. 1235 г. Фото П. Коротчиковой, 2014

жизни ханаку³, но вдумчиво выбирал место для своего захоронения, прозорливо полагая, что оно станет привлекать паломников. Выбранный участок он называл «местом, от которого исходит аромат сердец» (Digby 1986: 95), и им стала земля недалеко от комплекса Куваттуль-Ислам, что еще раз подтверждает уже высказанную мысль о духовной значимости комплекса для той эпохи. Там же Илтутмыш выкопал пруд Хауз-и-Шамси, чтобы снабдить водой разросшуюся столицу.

Вообще Дилли находился на засушливом плато, и проблема нехватки воды всегда стояла довольно остро. Муизуддин Кейкубад (умер в 1289 г.) начал строить новую столицу в районе Гиязпур (Athar Ali 1986: 36), севернее Старого Дели. Редкие исследователи упомина-

ют этот проект нового города, в то время как Кейкубад совершил то, что ранее не приходило в голову никому: первую попытку приблизиться к воде. Центром столицы стал дворец Килокхари. Султан не доверял жителям Старого Дели и требовал, чтобы подданные и приближенные переселялись в его ставку, которую назвал Шахр-и-Нау («новый город», его границы на карте современного Дели можно восстановить, ориентируясь на более позднюю крепость Пурана Кила) в противовес «старому городу» (Там же: 36). Барани отмечает, что придворные не очень-то хотели переселяться туда из-за настороженного отношения к реке и немалого расстояния от Старого Дели, требующего преодоления девяти километров, например, для пятничной молитвы (Asher 2000: 257).

Среди причин возведения второй столицы Дели на первый план вышли

³ Ханака — суфийская обитель.

экономические и социальные факторы. Но город был настолько непопулярен, что превратился в руины достаточно быстро после основания следующей столицы⁴, и лишь один немаловажный фактор, о котором будет сказано позже, способствовал сохранению важного статуса этой точки на карте Дели.

В 1303 г. Дилли чудом устоял после набега монголов. Для Ала ад-Дина Халджи (1266–1316), наиболее яркого представителя новой тюрко-афганской династии, стала очевидна необходимость мощного крепостного образования. В 1296 г. он строит город Сири, запланированный как военный лагерь, к Востоку от Дилли (*Asher* 2000: 258). Ала ад-Дин расквартировал здесь свою армию, а цитадель изначально назвал Лашкар или Лашкаргах ('военный лагерь') в противовес городу — шахр (*Athar Ali* 1986: 37). К этому времени бассейна Хуз-и-Шамси стало не хватать для снабжения территории водой, поэтому был выкопан Хуз-Кхас, на равном удалении от двух городов. Оборонительная задача была выполнена: во время своего нового набега в 1305 г. монгольские орды обошли столицу стороной (*Jackson* 1986: 20). Несмотря на то, что султан возвел около Сири великолепный дворец Хазар Сотун («Тысяча колонн»), ставший прототипом для построек других султанов, и сам переселился туда, он явно давал понять, что значение города оборонительное, и по-прежнему сосредотачивал свое основное внимание на Старом Дели, о чем

ясно свидетельствуют строительные работы в городе.

На территории Кутуба Ала ад-Дин расширил мечеть (*Там же*: 38): с трех сторон были выстроены входные ворота, самые известные из которых, южные Алаи Дарваза (ил. 7), являются прекрасным образцом архитектуры этого периода. Более того, рядом с новым двором он начал возводить еще одну башню-минарет Алаи Минар (ил. 8), столь грандиозных размеров, что реализация замысла оказалась невозможной. И, чтобы окончательно утвердиться в приверженности этому месту, на юго-западе от мечети султан возводит медресе. Считается, что средняя комната в южном крыле медресе стала его гробницей (*Sharma* 2001: 59).

Итак, Дели становится все более сложным образованием. Его крепостная часть существенно расширяется, но духовный центр по-прежнему остается в Старом Дели, выдавая приверженность султанов исторической традиции. Но что же с заброшенным Килокхари? Неужели попытка переехать к воде оказалась совершенно неудачной и не имела поддержки? Тут стоит вспомнить про еще один важный фактор, придававший месту значимость — новые святыни.

Низамуддин Ауиля (1238–1325), четвертый из шести великих суфиев ордена Чишти, обосновался в Гиязпуре, недалеко от воды и Шахр-и-Нау, скорее всего, именно в силу того, что образовавшееся поселение было прекрасным местом для создания нового духовного центра, в котором нуждались жители. Интересно, что еще при жизни святого место стало необычайно популярным как среди местного населения, так и среди живущих в Старом Дели. Низамуддин отмечает, что один из его верных почитателей, Амир Хасан Сиджзи, военный офицер, построил дом в Лашкаргах

⁴ После смерти Кейкубада лишь один правитель ненадолго обосновался там — Джалаладдин Халджи (1290–1296). Он завершил постройку дворца, построил дополнительные укрепления. Возможно, его приверженность этому месту была связана с преданностью своему умершему господину и нежеланием создавать дополнительные волнения в городе.

Ил. 7. Алаи Дарваза. Комплекс Кутуб. 1311 г. Фото П. Коротчиковой, 2014

Ил. 8. Алаи Минар. Комплекс Кутуб. Около 1311 г. Проект заброшен в 1316 г. Фото П. Коротчиковой, 2013

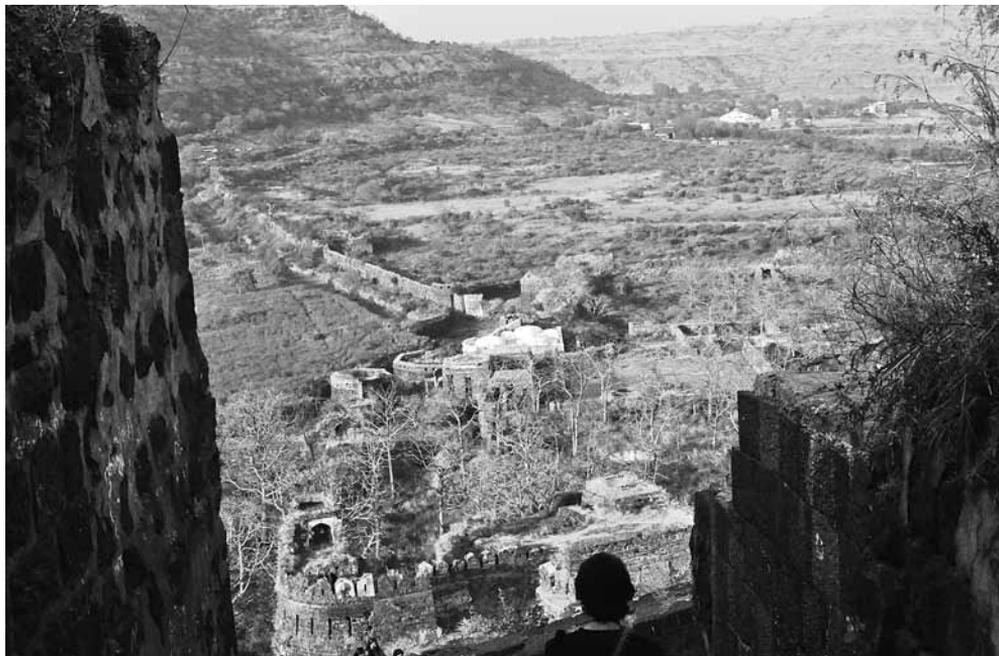
(в дальнейшем Сири), и это позволило ему посещать пятничную молитву не в Куватт-уль-Ислам, а в пятничной мечети Килокхари (*Athar Ali* 1986: 37). Личность Низамуддина была и остается самой известной в ряду индийских суфиев, и его слава наиболее ярко иллюстрирует тенденцию индийского мистического ислама превращать шейха не просто в непререкаемый авторитет, но боготворить его как живую святыню. Территория вокруг ханаки быстро начинает застраиваться: в год смерти Низамуддина сын султана Кизр Кхан строит рядом с ханакой мечеть Джама-ат-Кхана, положив начало этому процессу.

Таким образом, мы имеем уже три точки на карте Дели, вокруг которых формируются разрозненные поселения, пока связанные между собой незаселенными зонами: Старый Дели как столица, объединяющая политические и религиозные факторы, Сири как крепостное образование, и Ханака Низамуддина в Килокхари как альтернативный религиозный центр. Новые тенденции ярко проявились с приходом к власти следующей династии.

При Туглакидах (1321–1414) вектор значимости Старого Дели как главного духовного центра неуклонно снижается. Основатель династии и военный генерал Гияз уд-Дин Туглак (1321–1325) понимал значение укрепленного города в условиях постоянного расширения султаната на юг Индии и одновременно участвовавших набегов монголов. Он решает строить новую столицу, Туглакабад, к юго-востоку от Дилли и Сири, на достаточном расстоянии от обоих. Туглакабад включает в себя дворцовую зону с резиденциями султана и с выбранным им местом для гробницы. Несмотря на наличие пятничной мечети, город, судя по всему, «был дополнительным комплексом для проживания

султана, его свиты и личной охраны, но, возможно, никогда не рассматривался как замена Старому Дели» (*Там же*: 40). Султан руководствовался практическими соображениями и, не отличаясь сильной религиозностью, мало заботился о поддержании или формировании духовных центров. Поэтому в данном случае можно говорить именно о новом административном и оборонительном образовании.

Его сын Мухаммад ибн Туглак (1325–1351) пошел еще дальше, лишив Старый Дели важного духовного и политического статуса. При нем султанат расширил границы практически на весь индийский субконтинент, что создавало определенные административные проблемы. Правитель решил задачу оригинально, переносом столицы в 1328 г. за тысячу километров на юг, в бывшую крепость Деогири. Столица, которую переименовали в Даулатабад («город процветания») (ил. 9), оказалась средоточием придворной жизни и строительным центром огромной империи. Вопреки расхожему мнению о том, что султан велел полностью очистить старый город от жителей и всех насильно переселить в Даулатабад, которое подкрепляется жуткими подробностями о его зверствах в хрониках Зияуддина Барани, Старый Дели все же не опустел. Как раз в эти годы он был превращен в военный лагерь для неосуществленного Хорасанского проекта (1327–1328) (*Jackson* 2003: 25). В пользу этого свидетельствует тот факт, что Мухаммад Туглак дополнительно позаботился об укреплении старого города, объединив его с Сири посредством крепости Джаханпана (*Athar Ali* 1986: 40–41), ставшей его резиденцией, и планировал дополнительное объединение этой территории с Туглакабадом. Это оказалось невозможным в силу финансовых про-

Ил. 9. Вид на руины Даулатабада с лестницы, ведущей к вершине центрального укрепления. Стены — около 1328 г. Фото П. Коротчиковой, 2014

блем (Jackson 1986: 25), но явно продемонстрировало тенденцию к объединению и унификации пространства уже сформировавшихся центров.

Сложно суммировать факторы возникновения новой удаленной столицы — Даулатабада. Очевидно, что их нельзя сводить только к проблемам административного и политического характера: сам султан практически не жил в Даулатабаде, оставаясь в Джаханпанах, который выбрал своей ставкой. Скорее всего, таким оригинальным способом решалась проблема перенаселения, вызвавшего сложности в снабжении столицы зерном и водой, усугубленные голодом. Это предположение подтверждается и тем, что через семь лет проект был свернут, причем не из-за нехватки воды, как написано в путеводителях, — воды в Даулатабаде было достаточно, — а по-

тому, что искомый эффект был достигнут. Старый Дели принял новых, но не столь многочисленных жителей, Сири и Туглакабад стали оборонительными крепостными образованиями, и духовная жизнь продолжалась на существенном удалении от всех этих центров, у воды — в ханаке Низамуддина.

Преданный поклонник Низамуддина Аульи, который умер вскоре после его восхождения на трон, Мухаммад переименовал деревню Гиязпур в Низамуддин и возвел гробницу над могилой святого, окончательно оформив новый сакральный центр — даргу⁵ Низамуддина. Барани позже напишет о толпах людей, ходивших из старого города к Низамуддину и обратно через изначально незаселенную территорию, на которой

⁵ Святилище над могилой святого.

постепенно создавалась инфраструктура для удобства паломников (*Athar Ali* 1986: 39) и соответственно возникали поселения. Так религиозный центр стал причиной и главным фактором в процессе формирования основной карты Дели, на время оказавшись единственным центром, альтернативой ставке Мухаммеда в Джаханпана.

Интересна тенденция суфиев обособываться невдалеке от новой столицы, что, с одной стороны, давало государственную поддержку, а с другой, новую аудиторию, которая стремилась утолить свой духовный голод и не была готова преодолевать десятки километров до старого сакрального центра. Эта тенденция имела продолжение и в случае с резиденцией Джаханпана. Пятый суфий секты Чишти, ставший наследником Низамуддина Аули, Насир ад-Дин Махмуд (1274–1356), прозванный Рошан Чирагх-и-Дилли («горящий светильник Дели»), основал здесь свою ханаку. Мухаммад ибн Туглак способствовал развитию этого духовного центра, обнеся все поселение стеной с четырьмя воротами (*Sharma* 2001: 77).

Кстати, переместив столицу в Даулат-абад, Мухаммед ибн Туглак стремился чуть ли не насильственно привлечь туда и суфиев для проведения миссионерской работы, чему те всячески сопротивлялись (*Ernst* 2003: 115). Этот факт ярко свидетельствует о том, что традиция «присоединения» к новому административному центру духовного образования была привычна и шла при активном участии султана, если не на этапе возникновения центра, то при его развитии.

Интереснейшие изменения, которые привели к окончательному оформлению карты Дели и вызвали к жизни целый ряд новых тенденций, связаны с именем Фироз-шаха (1325–1351) — двоюродного брата Мухаммада Туглака, ставше-

го правителем после его смерти. Время его правления считается последним «золотым веком» Делийского султаната. Несмотря на все экономические и административные разрушения, вызванные импульсивными реформами брата, Фироз Шах сумел не только восстановить силы султаната, но и проводить активную градостроительную политику: новые города Хиссар, Фатехабад и Джаунпур были основаны именно при нем. Но и в границах современного Дели Фироз Шах развил градостроительную линию.

Он основал новую столицу Фироз-абад на существенном отдалении от старых центров, но недалеко от реки Ямуна (*Sharma* 2001: 41), окончательно закрепив тенденцию перемещения ближе к воде, что было немаловажно в сложных экономических условиях. Но Фироз-абад не постигла участь заброшенного Килокхари или Туглакабада. Основателю удалось создать полноценный столичный центр по образцу Старого Дели, и можно говорить о том, что своими действиями он проводил продуманную «рекламу» этого места.

Ядро Фирозабада, Фироз-шах Котла, включало наравне с обширной дворцовой зоной большую пятничную мечеть (ил. 10). Фироз-шах был необычайно вдумчивым правителем, склонным к символическим актам. По примеру основателей Делийского султаната он обратил свой взор на артефакты прошлого, как никто другой активно использовал древние стамбхи в своем строительстве⁶. Самая известная из них стоит возле пятничной мечети Фирозабада (ил. 11). Более того, она водружена на мощный трехэтажный пирамидальный цоколь с обходными галереями и получила

⁶ Из пяти колонн две находятся в Дели, остальные три в Хиссаре, Фатехабате и Джаунпуре (все три города основаны султаном).

Ил. 10. Пятничная мечеть в Фироз-шах Котла. Около 1354 г. Фото П. Коротчиковой, 2015

Ил. 11. Колонна Ашоки, или «золотая башня», в Фироз-шах Котла. III в. до н. э. Установлена в городе Фироз-шахом в 1350 г. Фото П. Коротчиковой, 2015

название «минара-и-зарин» — «золотая башня».

Таким образом, Фироз-шах повторяет ход Кутб уд-Дина и Илтутмышы, находя демонстративное визуальное утверждение своей власти, но лишая «минарет» духовной функции созыва на молитву. В смысловом отношении Минара-и-зарин становится некоей компиляцией Кутуб Минара и железной колонны комплекса первой мечети. Это было обращение к истории, которая лишь частично поддавалась пониманию, но вызывала восхищение и восторг своими масштабами и величием. Процесс передвижения и символической установки столь тяжелых и масштабных объектов являлся неким подтверждением наличия у султана той героической, сверхчеловеческой, мифологической силы, которой обладали полулегендарные создатели стамбхи (*Floor Finbar* 2003: 112). Скорее всего, Фироз-шах своими действиями рассчитывал повторить славу комплекса Куватт-уль-Ислам, создав его аналог для жителей нового города.

Для «закрепления эффекта» султан предпринял еще один ход — создание новой дарги, известной как Кадам Шариф («след Пророка») на месте упокоения любимого сына и наследника Фатх Кхана. На гробницу был помещен принесенный из Мекки отпечаток следа Пророка (*Sharma* 2001: 133). Там же постепенно появились медресе, мечеть и ханака, были достроены высокие стены. Расположение дарги вполне показательно и полностью укладывается в схему «новой территории — свой сакральный центр». Она находится существенно севернее дворцового комплекса Фирозшах Котла и новой пятничной мечети, фактически в центре обширной многокилометровой зоны, которую занял новый город. Его границы легко определить по еще одной колонне Ашоки, кото-

рую, по словам Афифа, султан водрузил в районе Каушак-и-Шикар, где в то время находился его охотничий дворец (*Athar Ali* 1986: 42). Фироз-шах безусловно понимал экономическую значимость правильно расположенных зданий и, скорее всего, хотел сделать мавзолеем дающим доход местом паломничества — для этого ему и нужен был след Пророка. Более того, это давало возможность сделать сына сопричастным святине, а его могилу — объектом поклонения. Таким образом, при возведении новой столицы на первый план вновь вышли цели, которые имели место при постройке Старого Дели — желание создать не только политический, но и идеологический центр.

Но Фироз-шах не ограничился вложениями в новую столицу, не менее активно он восстанавливал старую. Ему принадлежит заслуга реставрации Дилли, находившегося к этому моменту в плачевном состоянии. Фироз пишет о пересохшем водоеме Хауз-и-Алаи и поврежденном местными умельцами Хауз-и-Шамси, которые он привел в порядок. Среди своих архитектурных достижений в автобиографических записках султан в первую очередь упоминает не возведенные центры, а реставрационные работы в комплексе мечети Куватт-уль-Ислам: «По повелению Божию, я отремонтировал и перестроил здания и другие памятники предшествующих мне правителей <...>, я отдавал им приоритет перед моими собственными строительными работами (*Firoz* 1871: 383). Шамс-и-Сирадж Афиф в своих хрониках отмечает, что «в течение сорока лет правления великолепного султана Фироза люди имели обыкновение ходить из Дели в Фирозабад и из Фирозабада в Дели ради удовольствия в таких количествах, что каждые два с лишним километра роились толпы, как муравьи или саранча» (*Aff* 1871: 302–303). Пиетет

правителя по отношению к первому са-кральному центру Делийского султаната был сопоставим со стремлением создать равный ему по значению, что привело к объединению многочисленных городских образований в единый комплекс, векторы развития которого проходили по линиям, соединяющим духовно значимые святыни. Их значимость Фироз-шах окончательно утвердил, выбрав место собственного упокоения.

На берегах водоема Хауз-и-Кхас еще в начале правления, в 1352 г., султан возводит самое масштабное медресе этого времени. Стороны медресе, расположенные по отношению друг к другу буквой «Г», состоят из двухэтажных колонных залов и объединены в комплекс с мечетью Т-образным павильоном для собраний и садами. Водоем находится севернее комплекса Куватт-уль-Ислам, зеркально по отношению к водоему Хауз-и-Шамси и дарге Бахтияра Каки, на равном удалении от комплекса мечети и Старого Дели, Сири и Джаханпана. Интересно, что из множества возможных вариантов для возведения своей гробницы султан выбирает именно территорию медресе (ил. 12). Одновременно Фироз-шах повторяет жест почитаемого им предшественника Ала ад-Дина Халджи, выбрав место в самом сердце медресе: с двух сторон к гробнице примыкают крылья здания. Таким образом, султан как бы символически возвращается в зону первого значимого пространства Старого Дели, причисляя себя к великим султанам прошлого.

Именно Фироз Шах окончательно оформил все разрозненно возникавшие до этого тенденции. Своими реставрационными работами он явственно выразил отношение к первой столице — Старому Дели, вернув ему былой статус, и к его правителям, воздав должные почести их гробницам. Одновременно,

12. Гробница Фироз-шаха в медресе Хауз-Кхас. После 1370 г. Фото П. Коротчиковой, 2015

переместив новую столицу к воде и построив ее по принципу первого города, он окончательно сформировал новый административный центр. Он же обозначил и новую строительную зону, по которой будет дальше разрастаться город. А последовательно «окармливая» все существовавшие духовные центры, Фироз-шах поддерживал тенденцию паломничества внутри невидимой границы, создавая инфраструктуру для перемещения людей и способствуя заселению территории внутри этих точек. Об этом ярко повествуют хроники. Историк Риск Аллах Муштаки оставил данные о том, как его брат, человек великого благочестия, проводил время в молитвах и паломничествах во время правления Сикандара Лоди (до 1517 г.).

По понедельникам он оставался в Хауз-и-Шамси, где был выстроен дом для паломников, по средам молился в дарге Низамуддина, в четверг — в дарге Кадам Шариф, а по пятницам приходил в Фироз-шах Котлу (*Digby* 1986: 97).

История формирования средневекового Дели после заката династии Туглакидов приостановилась. Тимур захватил и опустошил город в 1398 г. Государство времен династии Сайидов и Лоди мало походило на обширное политическое образование, каковым было предшествующее, а после 1504 г. основные строительные интересы султанов сосредоточились в новой столице — Агре.

Обозначенные выше факты можно суммировать следующим образом:

1. Не все так называемые «города» Дели создавались с целью окончательного замещения первой и основной столицы — Старого Дели. Чаще всего в их создании лежал ряд причин политического характера, а основные функции были оборонительные и экономические. Полноценной альтернативой первой столице стал только Фирозабад Фирозшаха Туглака, так как он совмещал в себе политические, идеологические и экономические факторы, дополнительно и намеренно акцентированные султаном.

2. Интересно, что параллельно государственной градостроительной политике развивалась альтернативная линия организации поселений возле новых духовных суфийских центров, имевшая поддержку султанов. Более того, после заката административной столицы духовный центр продолжал существовать и развиваться, по сути, являясь той точкой, которая «держала» вокруг себя жилую зону и обеспечивала приход паломников, а следовательно, организацию дорог и развитие инфраструктуры.

3. Градостроительная политика стала основой деятельности династии Великих

Моголов и местных султанатов. На основе Даулатабада были организованы города Бидара, Гульбарги и Голконды. Красный Форт Шаха Джохана в Дели подражает Фирозабаду даже на уровне выбора места. И это лишь единичные примеры в рамках общей тенденции. Важно и то, что последующие правители недвусмысленно демонстрировали желание оказаться на одной генеалогической линии с историческими предшественниками, о чем говорят многочисленные гробницы могольских султанов, находящиеся на территории Старого Дели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Aff* 1871 — *Shams-i-Siraj Afif*. *Tarikh-i Firoz Shahi* // *The History of India as Told by Its Own Historians*. Vol. III. London, 1871. P. 259–374.
- Firoz* 1871 — *Sultan Firoz*. *Futuh-at-I Firoz Shahi* // *The History of India as Told by Its Own Historians*. Vol. III. London, 1871. P. 374–389.
- Сmapp* 2017 — *Сmapp С. Ф.* Утраченное просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Альпина Паблишер, 2017.
- Asher* 2000 — *Asher С. В.* Delhi walled: Changing boundaries // *City Walls: The Urban Enceinte in Global Perspective* / Ed. J. D. Tracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 247–281.
- Athar Ali* 1986 — *Athar Ali M.* Capital of the Sultans. Delhi during the Thirteenth and Fourteenth Centuries // *Delhi Through the Ages. Essays in Urban History, Culture and Society* / Ed. R. E. Frykenberg. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 34–45.
- Burton-Page* 1965 — *Burton-Page J.* *Dihli* // *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. II. Leiden: Brill Ltd., 1965.
- Digby* 1986 — *Digby S.* *Tabarrukat and Succession Among The Great Chishti Shaykhs of The Delhi Sultanate* // *Delhi Through the Ages. Essays in Urban History, Culture and Society* / Ed. R. E. Frykenberg. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 63–104.

- Eraly 2015 — Eraly A. *The Age of Wrath. A History of Delhi Sultanate*. London: Penguin Books, 2015.
- Ernst 2003 — Ernst C. W. *Mysticism, Historism, and Politics at a South Asian Sufi Center*. Minneapolis: Lerner Publication Company, 2003.
- Flood Finbarr 2003 — Flood Finbarr B. Pillars, palimpsests and princely practices. Translating the past in Sultanate Delhi // *RES: Anthropology and Aesthetics*. Vol. 43. 2003. P. 95–116.
- Hearn 1906 — Hearn G. R. *Seven Cities of Delhi*. London, 1906.
- Jackson 2003 — Jackson P. *The Delhi Sultanate: A Political and Military History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Jackson 1986 — Jackson P. Delhi: the Vast military Encampment // *Delhi Through the Ages. Essays in Urban History, Culture and Society* / Ed. R. E. Frykenberg Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 18–34.
- Khwaja 2012 — Khwaja G. S. *Islamic architecture of Delhi*. New Delhi: Bharatya Kala Prakashan, 2012.
- Merklinger 2005 — Merklinger E. S. *Sultanate Architecture of Pre-Mughal India*. New Delhi: Munshitam Manoharlal, 2005.
- MkKibern 1994 — MkKibern W. J. The Monumental Pillars of Firuz Shah Tughluq // *Ars Orientalis*. Vol. 24. 1994. P. 105–119.
- Sharma 2001 — Sharma Y. D. *Delhi and Its Neighborhood*. New Delhi: Archeological Survey of India, 2001.
- Siddiqui 2012 — Siddiqui I. H. *Composite Culture under The Sultanate of Delhi*. Delhi: Primus Books, 2012.
- Welch 1993 — Welch A. Architectural patronage in the Past: The Tughluq Sultans of India // *Muqarnas*. Vol. 10. 1993. P. 311–322.
- pective. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2000, pp. 247–281.
- Athar Ali M. Capital of the Sultans. Delhi during the Thirteenth and Fourteenth Centuries. *Delhi Through the Ages. Essays in Urban History, Culture and Society*. Oxford: Oxford University Press Publ., 1986, pp. 34–45.
- Burton-Page J. Dihli. *The Encyclopaedia of Islam*, vol. II. Leiden: Brill Ltd. Publ., 1965.
- Digby S. Tabarrukat and Succession Among The Great Chishti Shaykhs of The Delhi Sultanate. *Delhi Through the Ages. Essays in Urban History, Culture and Society*. Oxford: Oxford University Press Publ., 1986, pp. 63–104.
- Eraly A. *The Age of Wrath. A History of Delhi Sultanate*. London: Penguin Books Publ., 2015.
- Ernst C. W. *Mysticism, Historism, and Politics at a South Asian Sufi Center*. Minneapolis: Lerner Publication Company Publ., 2003.
- Flood Finbarr B. Pillars, palimpsests and princely practices. Translating the past in Sultanate Delhi. *RES: Anthropology and Aesthetics*, vol. 43, 2003, pp. 95–116.
- Hearn G. R. *Seven Cities of Delhi*. London, 1906.
- Jackson P. *The Delhi Sultanate: A Political and Military History*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2003.
- Jackson P. Delhi: the Vast military Encampment. *Delhi Through the Ages. Essays in Urban History, Culture and Society*. Oxford: Oxford University Press Publ., 1986, pp. 18–34.
- Khwaja G. S. *Islamic architecture of Delhi*. New Delhi: Bharatya Kala Prakashan Publ., 2012.
- Merklinger E. S. *Sultanate Architecture of Pre-Mughal India*. New Delhi: Munshitam Manoharlal Publ., 2005.
- MkKibern W. J. The Monumental Pillars of Firuz Shah Tughluq. *Ars Orientalis*, vol. 24, 1994, pp. 105–119.
- Sharma Y. D. *Delhi and Its Neighborhood*. New Delhi: Archeological Survey of India Publ., 2001.
- Siddiqui I. H. *Composite Culture under the Sultanate of Delhi*. Delhi: Primus Books Publ., 2012.
- Welch A. Architectural patronage in the Past: The Tughluq Sultans of India. *Muqarnas*, vol. 10, 1993, pp. 311–322.

REFERENCES

- Starr S. F. *Utrachennoe prosveshchenie: Zolotoi vek Tsentral'noi Azii ot arabskogo zavoevaniia do vremen Tamerlana (Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane)*. Moscow: Alpina Publisher Publ., 2017 (in Russian).
- Asher C. B. Delhi walled: Changing boundaries. *City Walls: The Urban Enceinte in Global Per-*

Е. И. Кононенко

УЛУ-ДЖАМИ АКСАРАЯ: МЕЖДУ ОСМАНАМИ И КАРАМАНОМ

Анатолийское княжество Караман было главным правопреемником султаната Сельджуков Рума и основным политическим конкурентом Османов. После разрома Османов в Ангорской битве в караманском Аксараяе было построено здание Большой мечети, не характерное для архитектуры Центральной Анатолии. С одной стороны, постройка после длительного перерыва воспроизводит унаследованную модель «официальной сельджукской мечети»; с другой стороны, планировка здания оказывается близка синхронным раннеосманским образцам улу-джами — особому типу культовых зданий, выполнявших в том числе мемориальные функции. Это заставляет расширить архитектурный контекст аксарайской мечети и обратить внимание на политические поводы для архитектурного цитирования.

Ключевые слова: османская архитектура, улу-джами, Караман, Аксарай, политическая риторика, архитектурное цитирование

Е. I. Kononenko

ULU-CAMI OF AKSARAY: BETWEEN OTTOMANS AND KARAMANIDS

The Anatolian beylik of Karaman was the principal successor of the Rum Sultanate and the main political rival of the Ottomans. After the Angora Battle, the Great Mosque was built in Karamanid' Aksaray. The building is not typical for the architecture of Central Anatolia. On the one hand, the construction reproduces the inherited model of the „official Seljuk mosque“ after a long break; on the other hand, the layout of the building proves to be close to the synchronous early Ottoman examples of ulu-cami — a special type of religious buildings which also performed memorial functions. This makes it necessary to expand the architectural context of the Aksaray mosque and pay attention to the political reasons for architectural citation.

Keywords: Ottoman architecture, ulu-cami, Karaman, Aksaray, political rhetoric, architectural citation

В истории Турции выделяется период бейликов — княжеств, существовавших в Анатолии после распада султаната Сельджуков Рума (рубеж XIII–XIV вв.) до поглощения их Османской державой. Некоторые из таких княжеств возникли в результате амбиций сельджукских визирей (Муинеддина Перване, Фахреддина Али), пытавшихся создать собственные «династии», которых хватало на одно-два поколения; другие «выросли» в результате укрепления на западных границах султаната тюркских племен (чьи вожди получали уделы-уджи в обмен на вассальную службу) и, лавируя между интересами соседей и при возможности расширяясь за счет их земель, сохраняли

самостоятельность на протяжении десятилетий (Agoston, Masters 2009: 40–42; Кононенко 2016в: 121).

Крупнейшим из анатолийских бейликов, к тому же просуществовавшим более полутора столетий, являлся Караман. Уже в конце XIII в. этот бейлик, основанный военачальниками Сельджуков Рума в Эрменеке и Ларенде, вышел из-под власти Конийского султана и стал прямым вассалом ильханов, однако легко заключал военные союзы с Мамлюками, в т. ч. и против своего сюзерена и его вассалов. После ослабления ильханов Караманиды распространили свою власть на значительную часть Центральной и Юго-Восточной Анато-

лии и, овладев Коньей, воспринимались правопреемниками султанов Рума, в свою очередь создавая на границах своих земель буферные «марки» (Ментеше, Рамазан).

Подобно Османам, бейлербеи Карамана умело использовали географическое положение своего бейлика, контролируя торговые пути через Центральную Анатолию и Средиземноморское побережье (не претендуя при этом на статус морской державы (*Lindner 2009: 114; Финкель 2010: 74*)), присоединяя приграничные владения, при необходимости играя на конкуренции удаленных от них Османов и Мамлюков и разбивая посылаемые на их территорию «экспедиционные силы» в горах Тавра. Как и Османы на западе, Караманиды могли оправдывать свою экспансию расширением «территории ислама» за счет земель Киликийской Армении. На протяжении всего XIV в. Караман сохранял с Османами сдержанно-дипломатические отношения, поддерживаемые династическими браками, что, безусловно, не мешало двум претендентам на господство в Анатолии регулярно воевать. В 1398 г. Баязиду удалось захватить большую часть Карамана и сделать престолонаследника княжества почетным заложником, но после Ангорской битвы бейлик был восстановлен. «Османское междуцарствие» позволило Караману усилиться настолько, что бейлербей Мехмет-бей II (Мухаммад б. Али б. Халил-Мирза) ненадолго оккупировал бейлик Гермиян, вернул себе Конью и разграбил юго-восточные области сократившегося Османского княжества; однако укрепление Османского государства при Мураде II, сопровождавшееся ликвидацией мелких западно-анатолийских княжеств (Айдын, Ментеше, Хамид), изменило баланс сил в Малой Азии не в пользу Карамана. Вмешательство султана Мехмета II Фа-

тиха (Завоевателя) в династические распри Караманидов привело к многолетней войне, но к 1470-х годам территория бейлика была оккупирована османами, а в 1483 г. административный центр новой османской провинции переместился в Конью, — и с ликвидацией последнего независимого постсельджукского княжества в Анатолии период бейликов де-юре завершился.

Несложно понять, что после распада Конийского султаната сформировавшийся в период его расцвета унифицированный «сельджукский архитектурный стиль» получил несколько векторов развития и разделился на региональные варианты, количество которых может легко варьироваться в зависимости от позиций конкретного исследователя (*Кононенко 2016а: 173–174; Кононенко 2016б: 58–68*). Например, Д. Эсин выделил в Анатолии XIV в. четыре региона, различавшиеся направлением архитектурных поисков: активно экспериментировавший османский запад; Центральная Анатолия (а именно Караман), где строительная деятельность обуславливалась сельджукским наследием; восток, тяготевший к Ирану и Азербайджану; юго-восток, сохранивший влияние сирийской архитектуры (*Esin 2005: 41–43*). Отправной точкой для развития планировочных и композиционных решений во всех случаях оставались наработки позднесельджукского зодчества: «официальная сельджукская мечеть», небольшие купольные *месджиты*, айванные и купольные медресе. Однако если османские мастера могли обратиться к византийским конструкциям и строительной технике (*Ousterhout 1995*), то на востоке Анатолии «живой» византийской архитектурной традиции уже давно не было. От архитектуры бейликов, правители которых не менее Сельджуков Рума и Османов нуждались в монументальном выражении

своих политических устремлений, правомерно ожидать примеров последовательного развития «чистых», без привнесенных конструктивных решений, позднесельджукских типов мусульманских сооружений.

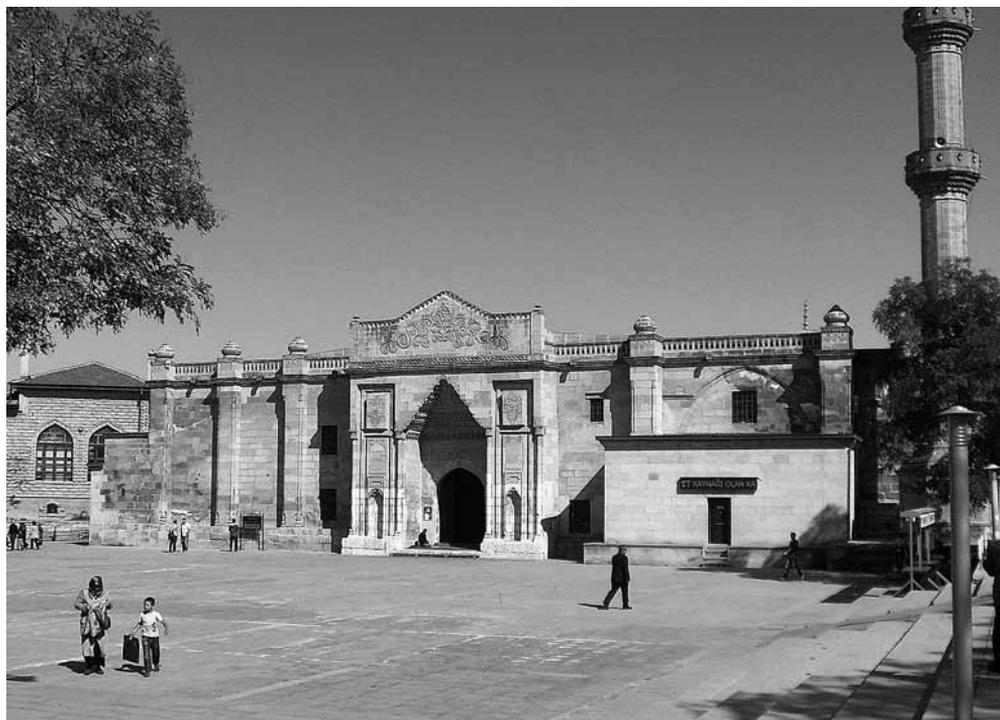
Даже на фоне весьма сдержанного (по сравнению с многочисленными «историями османской архитектуры») интереса и турецких, и европейских исследователей к культурному наследию бейликов мечетям Карамана, значительно перестроенным после включения княжества в состав Османского государства, уделялось незаслуженно малое внимание. Специальная коллективная работа 1950 г. свелась к «фиксирующей» описательной публикации отдельных памятников без анализа их особенностей и исследования контекста их появления (*Diez, Aslanapa, Koman* 1950). В более поздних монографиях и диссертациях внимание авторов привлекали прежде всего довольно многочисленные караманидские медресе (*Kuran* 1969; *Bilici* 1985; *Çiftçioglu* 2001), и даже в весьма подробном обзоре «Тюркская архитектура» О. Асланапа, второй том которого целиком посвящен «не-османскому» мусульманскому зодчеству Анатолии, караманский материал оказался ограничен лишь учебными, благотворительными и погребальными сооружениями (*Aslanapa* 1984: 202–209).

Ранние памятники Караманидов свидетельствуют о приверженности наиболее простым и многократно опробованным планировочным схемам и конструкциям. Это демонстрируют, например, старая (западная) часть мечети Юнус Эмре (1349), неплохо сохранившиеся Хаджибейлер-джами (1356), Дикбасанджами (1437) в столице княжества Ларенде (совр. г. Караман) и мечети в Эрменеке, являющиеся поперечными базиликами с плоскими перекрытиями,

лежащими на аркадах, и отсылающие к архаической конструкции восточного зала сельджукской мечети Алаеддина в Конье (*Toral* 2007: 25; *Кононенко* 2015б: 336–356). Несколько караманидских медресе (Тол-медресе в Эрменеке, 1339; Хатуние в Ларенде, 1382; Акмедресе в Нигде, 1409) продолжают типологию учебных заведений с одним айваном и окруженным галереями и комнатами-худжрами двором, заимствованных Сельджуками Рума из иранского зодчества и многократно воспроизведенными в течение XIII в. (*Kuran* 1969: 211–216; *Çal* 2000; *Çiftçioglu* 2001: 73–82)¹. Необходимо, однако, отметить, что караманидским архитекторам оказались по силам и купольные перекрытия, по размерам и сложности конструкции превосходящие синхронные османские аналоги: если раннеосманские мастера в XIV в. опирали купола, диаметр которых не превышал 10 м, на тропы и пояса «турецких треугольников», то в Актеке в Ларенде (1370) 13-метровый купол поднят на парусах.

Безусловно, архитектура Карамана не могла, да и не должна была развиваться в полной изоляции от османских влияний: сдержанное политическое противостояние двух наиболее могущественных эмиратов Анатолии не препятствовало контактам между ними, в том числе в области мусульманской архитектуры. Это доказывает, например, заимствование османского купольного

¹ Показательно, что медресе Хатуние, возведенное по прямому заказу Нефисе Султанхатун — дочери османского султана Мурада I, выданной замуж за Алаеддина Али-бея Караманоглу, — лишено каких-либо «османизмов», несмотря на то, что османские медресе уже несколько десятилетий развивали П-образную планировку; более того, портал Хатуние является «репликой» главного входа в позднесельджукскую Эшрефоглу-джами в Бейшехире (1395) (*Кононенко* 2015в: 140–141).

Ил. 1. Аксарай. Улу-джами. Западный фасад. Фото автора, 2013

портика, используемого для расширения молитвенного пространства мечетей (Актекке).

В краткий период «османского междоусобицы», когда главный конкурент Карамана оказался ослаблен, а бейлик получил поддержку Тимура, на территории Караманидов в Аксараяе — небольшом, но важном торговом городе на полпути из Коньи в Кайсери — строится большая мечеть, известная как Улу-джами. Следует отметить, что на протяжении всего XIV в. архитекторы бывших земель Конийского султана (как в Восточной, так и в Западной Анатолии) к типу улу-джами не обращались, и причины появления в Карамане этого типа здания, равно как его архитектурные особенности, вызывают ряд вопросов.

Мечеть Аксарая была заложена в 1409 г. караманским князем Мехметбеем II на месте сельджукского здания и строилась его наследником Ибрагимбеем до начала 1430-х годов. В качестве архитектора сохранившаяся надпись называет некоего Мехмета Фируз-бея. Здание неоднократно перестраивалось: приобрело грубые контрфорсы с восточной стороны, пристройку во всю длину северной, османскую облицовку выходящего на городскую площадь западного фасада со стилизованным «сельджукским порталом», увенчанным аттиком, а уже в 1925 г. — минарет у юго-восточного угла (Кононенко 2015в: 133–143) (ил. 1).

Интерьер мечети сохранил первоначальное деление на пять продольных нефов, перекрытых на высоте около 8 м

Ил. 2. Аксарай. Улу-джами. Перекрытия южного нефа. Фото автора, 2013

крестовыми сводами на стрельчатых арках с пониженными архивольтами, опирающимися на граненые столбы (в сечении квадратные со скошенными углами) и выступающие из стен профилированные консоли. По производимому впечатлению зал аксарайской постройки может считаться самым «готическим» среди анатолийских памятников.

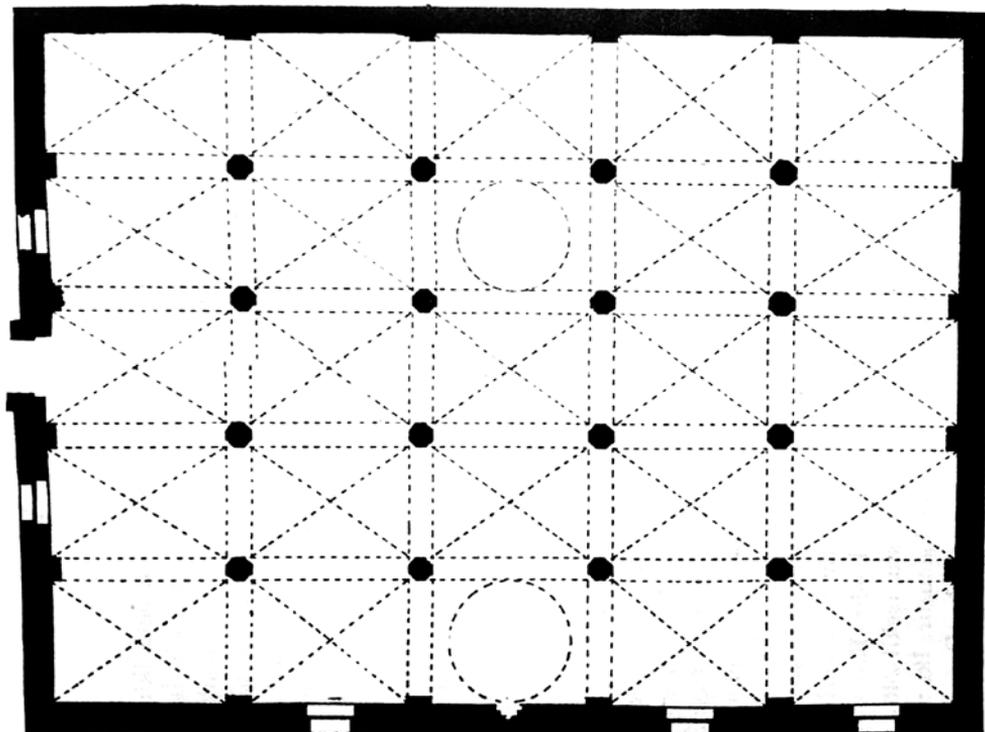
Над южной ячейкой центрального нефа возведен небольшой купол, опирающийся на тромпы, закрытые вертикальными сферическими треугольниками, разделенными на четыре части, — такая конструкция уже применялась в позднесельджукских (второй пол. XIII в.) купольных медресе Коньи (Каратай и Индже минаре) и в мечети Эшрефоглу в Бейшехире (Erdemir 1999; Стародуб

2004: 282–287). Архивольты подпружных арок купола единственные в интерьере обведены рельефной резьбой: таким образом делается попытка выделить михрабную ячейку в зальном пространстве, не используя максуру, изолировавшую подкупольное пространство в мечетях Сельджуков Рума (ил. 2).

Второй купол интерьера установлен над четвертой от стены киблы ячейкой центрального нефа; он опирается на паруса, составленные из двух треугольников и превращающие основание купола в двенадцатиугольник. Полусфера купола сложена из плинфы, как и верхняя часть купола над михрабной ячейкой.

Центральный неф мечети, перекрытой крестовыми сводами, имеет два купола, выделенных даже в современном четырехскатном покрытии здания. Такая композиция характерна для магрибских мечетей и, учитывая тесные связи Карамана с Мамлюками, этот источник вполне мог быть знаком местным зодчим; но архитекторы Улу-джами Аксарая не нарушают зального пространства повышением центрального нефа, обычным для мечетей Магриба (ил. 3).

Улу-джами Аксарая по планировке и конструкции явно отличается от других памятников зодчества Карамана. Композиция здания напрямую обращается к архитектуре Сельджуков Рума, в частности — к модели «официальной сельджукской мечети» XIII в., не использовавшейся в Анатолии уже целое столетие (Кононенко 2016а: 173–176). В перекрытии мечети можно отметить влияние как сельджукской, так и магрибинской архитектуры, а в оформлении зала наблюдается знакомство с христианской архитектурой, источниками которого могли быть Киликийская Армения, Латинские государства Средиземноморья, Родос и Кипр. Особенности ряда каппадокийских памятников, находившихся

Ил. 3. Аксарай. Улу-джами. План (Diez, Aslanapa, Kotan 1950: 178)

на землях Карамана, прежде всего мечети Сунгур-бей и Ак-медресе в Нигде, уже заставляли специалистов отмечать косвенное европейское влияние на их архитектуру вплоть до возможности привлечения зодчих-христиан (Sterlin 1998: 72–75; Esin 2005: 65–87), однако единичность проявления подобного влияния и отсутствие документов оставляют вопросы заинтересованности центрально-анатолийских заказчиков в воспроизведении чужеземного опыта и обращения к христианским исполнителям в «период бейликов» вне османских владений открытыми.

Среди вопросов, рождаемых появлением в Аксараяе большой караманидской мечети, принципиальным является ее именование *улу-джами*. Вопреки ча-

стому переводу этого турецкого термина как «большая мечеть» (Agoston, Masters 2009: 47, 105; Petersen 2002: 41, 66, 295), она далеко не всегда является действительно большой по размерам и кафедральной по статусу. Кроме того, не каждый анатолийский город получал мечеть, именовавшуюся *улу-джами*. Этот термин не связан ни с размерами, ни с центральным положением в городской планировке, ни с конструктивными особенностями. Улу-джами — это особый статус культового здания, который мог быть утрачен или передан другим постройкам, как это демонстрируют, например, памятники османского Эдирне XV в.

На основании анализа целого ряда памятников легко прийти к выводу, что поводом для возведения *улу-джами*

Ил. 4. Бурса. Улу-джамии. Вид с севера. Аэрофотомонтаж. URL: <https://s-media-cache-ak0.pinimg.com/originals/da/e2/63/dae26356486cbeb8d8ba7c2de8fab6af.jpg> (дата обращения: 18.01.2017)

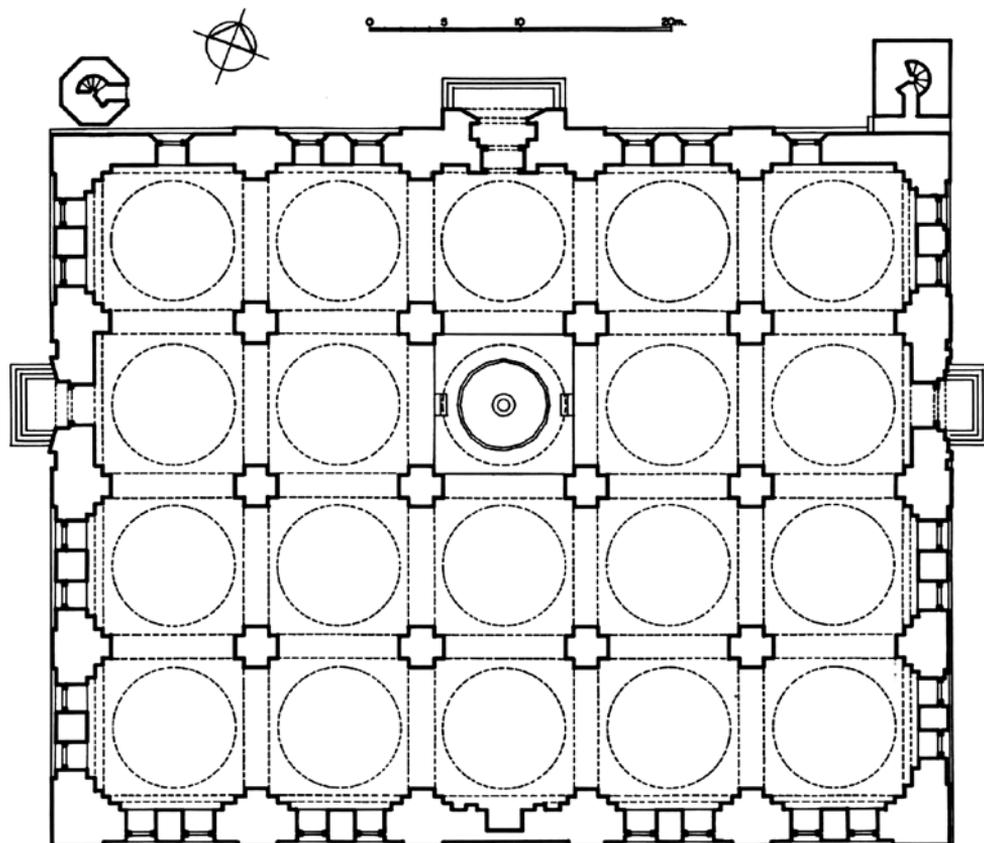
в городах Анатолии и в сельджукское, и в османское время оказывались военные победы — значительные и не очень, реальные или мнимые, но подававшие себя как предмет гордости и нуждавшиеся в увековечении. Это превращает подобные мечети в своеобразный мемориал военной славы мусульманского государства, безусловно не ослабляя их культовой функции (Кононенко 2016г). Близкими аналогами подобного монументального закрепления значимых побед в сакральных сооружениях являются, например, древнеримские триумфальные арки и христианские «победные храмы».

Однако постройка в Аксарэе стала не первой постсельджукской улу-джамии. Возвращение этого типа зданий в анатолийскую архитектуру произошло десятилетием раньше в Бурсе — азиатской

столице Османов, где в 1400 г. Баязид I построил гигантское здание одновременно с мемориальным комплексом султана — куллие Йилдырым, что демонстрирует четкое различие функций двух монарших заказов. Большая мечеть Бурсы оказалась самым крупным архитектурным проектом Анатолии XIV в. (Kuran 1968: 151; Goodwin 2003: 51–55) (ил. 4–6).

По легенде, перед битвой при Никополе (1396 г.) султан Баязид дал обет построить 20 мечетей, но, посоветовавшись с шейхом Эмир Султаном, построил после победы лишь одну, зато перекрытую сразу 20 куполами (Kuran 1968: 150).

Архитектурные особенности и конструктивные новации Улу-джамии Бурсы — лишенного двора пятинефного здания, 20 планировочных ячеек кото-

Ил. 5. Бурса. Улу-джами. План (Kuran 1968: 151)

рого перекрыты одинаковыми (10,6 м в диаметре) куполами, — нас интересовать не будут, однако следует оговорить, что ее зодчий (им называют Али Неджара) обратился к композиции многоколонных зальных мечетей, уже отработанной в больших сельджукских мечетях Эрзерума, Сиваса, Байбурта, усовершенствовав планировку акцентированием пересечения осей и дополнив османскими находками в освещении интерьеров. Стоит отметить, что барабаны куполов в центральном нефе Улу-джами Бурсы выше, чем во всех остальных пространственных ячейках здания, эффект заль-

ности не нарушается, михрабная ось интерьера конструктивно и планировочно не выделяется, но за счет поднятия световых проемов подчеркивается лучшей освещенностью на всем протяжении.

Новаторство мечети Бурсы оказалось настолько очевидным, а вместимость — столь впечатляющей, что этот памятник сразу стал образцом для подражания. Поход Тимура и поражение Баязида I в Ангорской битве (1402 г.), приведшие к десятилетнему «османскому междуцарствию» и восстановлению ряда бейликов (Kastritsis 2007), сократили строительную активность в Западной Анатолии; однако и правители

Ил. 6. Бурса. Улу-джами. Интерьер. Фото автора, 2011

бейликов, и претенденты на османский престол справедливо воспринимали закладку городских мечетей как политический акт, должный засвидетельствовать легитимность, прочность и могущество власти: мусульманское культовое здание по-прежнему оставалось действенным инструментом политической риторики (Кононенко 2015а: 201–202).

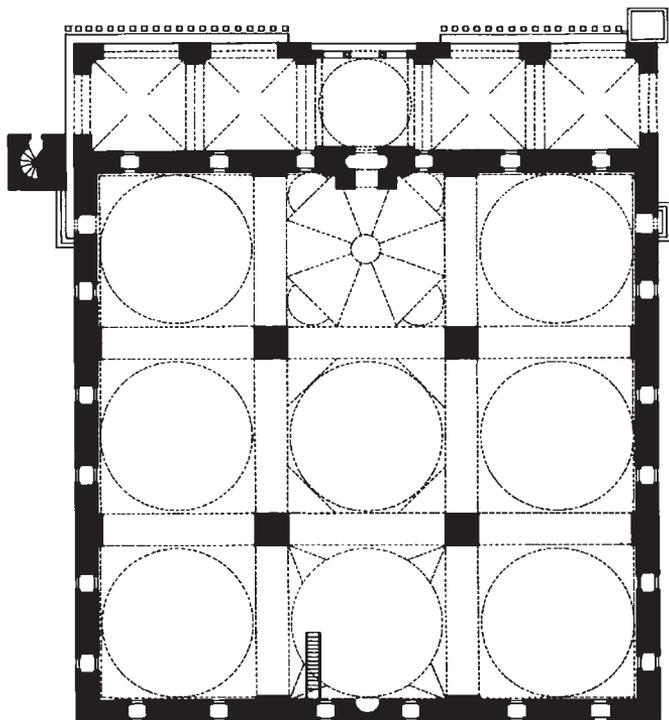
Старший сын Баязида, Сулейман Челеби, после битвы при Анкаре укрепившийся в Румелии, в 1403 г. начал строительство в центре Эдирне, европейской столицы Османов, очередной улу-джами, знаково ориентированной на памятник Бурсы. Первоначально мечеть носила имя Сулеймание-джами, закончена была уже как Улу-джами, а после появления в Эдирне в середине XV в. новой большой Юч Шерефели-джами стала просто «старой мечетью» — Эски-джами (ил. 7–9).

Сравнение Эски-джами в Эдирне и Улу-джами в Бурсе показывает уже и иные возможности мастеров, и иные амбиции заказчиков: интерьер квадратного в плане здания (со стороны почти 50 м) разделен на девять одинаковых ячеек, и, хотя купола диаметром 13,3 м подняты выше, это конструктивное достижение не отражается на восприятии интерьера: достигнутый в Улу-джами Бурсы изысканный эффект единого зального пространства не нашел продолжения (Kuran 1968: 155–157; Goodwin 2003: 55–57). Собственно, план Эски-джами в Эдирне легко может быть получен из плана Улу-джами в Бурсе путем «сокращения» последнего за счет отсекаания северного и крайних боковых нефов — своего рода П-образного окружения сохраненных девяти ячеек центрального ядра. Вероятно, в данном случае речь шла не столько о прямом архитектурном цитировании, сколько об использовании образа культового памятника эпохи Баязида I, воспринятого в качестве норматива, тем более что и средств у строителей мечети Эдирне было меньше, и численность мусульманской общины в румелийской столице Османов значительно уступала старой азиатской Бурсе. Однако Эски-джами в Эдирне сама стала образцом для османской архитектуры на Балканах — например, для Большой мечети конца XV в. в болгарской Софии (Буюк-джами, ныне здание Археологического музея) (Тулешков 2006: 46–50).

Привлечение этих памятников демонстрирует не только развитие типа улу-джами в османской архитектуре XV в., но и ключевую роль мечети Бурсы в эволюции этого типа построек, — новаторское здание оказалось началом целой цепочки османских зально-купольных мечетей; неудивительно, что вскоре после появления этот памятник

Ил. 7. Эдирне. Эски-джами. Вид с северо-востока. Фото автора, 2012

Ил. 8. Эдирне. Эски-джами.
План (Goodvin 2003: 56)

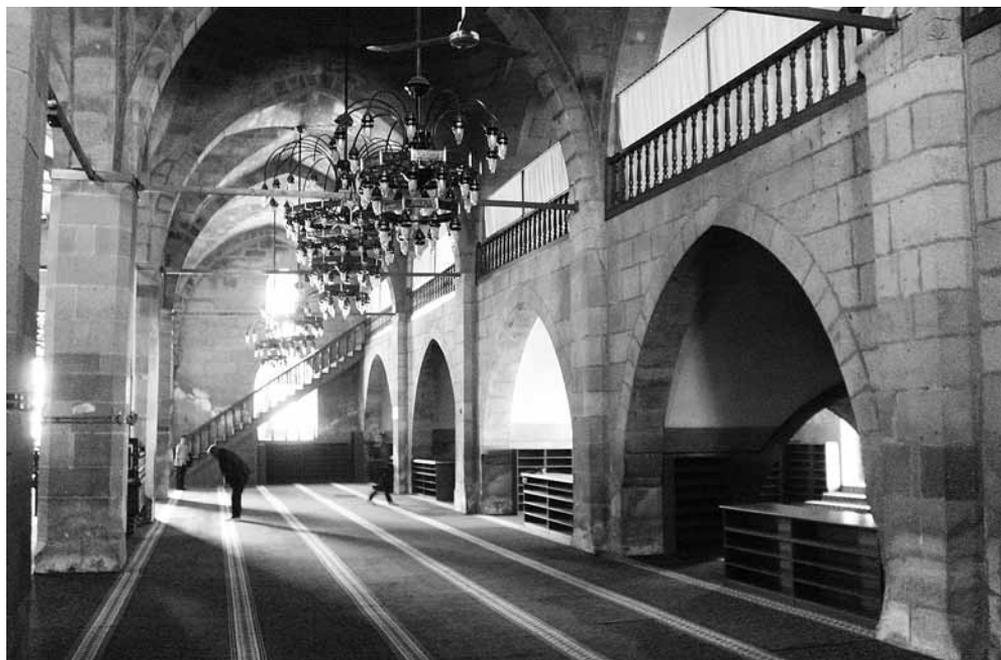
Ил. 9. Эдирне. Эски-джами. Интерьер.
Фото автора, 2012

мог стать образцом и для архитектуры анатолийских бейликов, в том числе и основного политического конкурента Османов — Карамана.

После Ангорской битвы, изменившей расстановку сил в Малой Азии, для правителей Карамана было естественно продемонстрировать свое могущество созданием памятника если не превосходящего, то посылно воспроизводящего безусловный шедевр османской архитектуры. От османской мечети архитекторы Карамана очевидно заимствовали пятинефное членение интерьера и зальное пространство, разделенное на 20 одинаковых квадратных ячеек, боковой вход в третьем от стены киблы поперечном нефе и световой купол в северной части интерьера.

Правда, зодчие мечети Аксарая, заимствуя пятинефное членение интерьера и зальное пространство, отказались от купольного перекрытия всех ячеек и заменили его крестовыми сводами, но зато выделили и куполом, и декорацией архивольтов подпружных арок михрабную ячейку — возможно, следуя композиции «официальных сельджукских мечетей», архитектурное влияние которых в Центральной Анатолии должно было быть намного сильнее, чем на османском западе. Вход на западной стене Улу-джами Аксарая, оформленный поздним порталом, так же, как в мечети Бурсы, размещен в третьем от стены киблы поперечном нефе, однако пересечение продольной михрабной оси и поперечной оси бокового входа никак не маркировано — как это и делалось в сельджукских памятниках: кирпичный северный купол перекрывает центральную ячейку не третьей, а четвертой травеи. Собственно поперечная ось интерьера остается не выявленной из-за отсутствия противоположащего западному portalу восточного входа, и в этой асимметричности можно видеть следование типологии «официальных сельджукских мечетей» (Кононенко 2016а: 174).

Значительная перестройка северной части мечети оставляет открытым вопрос, была ли четвертая травея в первоначальном плане аксарайской мечети последней. Если поперечных нефов было лишь четыре, то планы Улу-джами Бурсы и Аксарая оказываются идентичными, составленными из 20 одинаковых квадратных ячеек, и тогда кирпичный купол оказывался непосредственно над северным входом в здание, замыкая центральный неф, как в иерусалимской Аль-Акса, больших мечетях Магриба (Grafman, Rosen-Ayalon 1999: 1–15; Стародуб 2004: 134) и Эски-джами в Эдирне. Если же пятый поперечный неф, ныне рассеченный

Ил. 10. Аксарай. Улу-джами. Северные нефы. Фото автора, 2013

галерей и расширенный в северном направлении, существовал изначально (в пользу чего может свидетельствовать отсутствие на северных столбах консолей, на которые опираются пяты арок крестовых сводов) (ил. 10), то караманским архитекторам удалось превзойти османский прототип, создав структуру не из 20, а из 25 планировочных ячеек (в этом случае логика установки северного купола остается непонятна, если только он не был световым, — тогда караманские архитекторы могли исходить опять-таки из образца Улу-джами в Бурсе, где окулус располагается над второй от северного входа ячейкой центрального нефа). Нелишним будет напомнить о наличии световых ячеек, заменивших внешние дворы, в интерьерах больших анатолийских мечетей XII в. (Кайсери, Эрзерум), при сельджукской перестройке XIII в. перекрытых куполами, и о сохра-

нении открытой световой ячейки в центральном нефе в провинциальных вариантах «официальной сельджукской мечети» (Байбурт, Бейшехир).

Правомерно говорить, что Улу-джами Аксарая, с одной стороны, продолжает типологию «официальной сельджукской мечети» и воспроизводит ряд конструктивных достижений мастеров Конийского султаната. С другой стороны, знаковым прототипом для мечети Аксарая, более близким географически и более важным с точки зрения политической риторики Караманидов, стала османская Улу-джами в Бурсе.

Вернемся, однако, к вопросу о поводе для появления в провинциальном караманидском Аксарая именно улу-джами, т.е. мемориала победы. После Ангорской битвы османская угроза для Карамана была временно ликвидирована, бейлик смог укрепиться и расширить

свои земли — прежде всего за счет Гермияна, своего северо-западного соседа, также восстановленного после похода Тимура (*Lindner* 2009: 113–115). Однако Мехмет-бей II Караманоглу на этом не остановился: он воспользовался междоусобицей наследников Баязида, вторгся во владения потенциального османского престолонаследника Исы Челеби и совершил грабительский набег на Бурсу. Об этом неприятном для османов факте турецкие источники стараются вскользь упоминать только при объяснении причин пожара азиатской столицы и в связи с восстановлением Мехметом I восточных владений своего отца Баязида (*Там же*: 133). Для Карамана же этот поход явился наиболее ярким событием военной истории начала XV в., регулярно припоминаемым и преувеличиваемым, и других очевидных поводов для строительства именно улу-джами нет.

Таким образом, посильное воспроизведение в караманидском Аксарая именно Улу-джами Бурсы должно было диктоваться не только (и даже не столько) архитектурными, но и (прежде всего) политическими причинами. Появление на землях Карамана вольной «копии» авторитетного памятника османской столицы не только демонстрировало возможности архитектуры бейлика, но и являлось своеобразным воздвижением трофея, раскрывая один из идеологических поводов для очевидного архитектурного цитирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кононенко 2015а — Кононенко Е. И. Анатолийские мечети Великих Сельджуков: архитектурные и политические ориентиры // Искусствознание. 2015. № 3–4. С. 140–160.

Кононенко 2015б — Кононенко Е. И. Мечеть Алаеддина в Конье: «переосмысление»

и архитектурные реалии // Иран-наме. 2015. № 3–4. С. 336–356.

- Кононенко 2015в — Кононенко Е. И. «Сельджукский портал»: архитектурная декорация как средство политической риторики // Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение. 2015. Вып. 1. С. 133–143.
- Кононенко 2016а — Кононенко Е. И. Архитектурный заказ Сельджуков Рума как инструмент политической риторики // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2. С. 173–176.
- Кононенко 2016б — Кононенко Е. И. «Благодеяния происходят из строительства»: круг заказчиков сельджукской мусульманской архитектуры Анатолии // Исламоведение. 2016. № 4. С. 58–68.
- Кононенко 2016в — Кононенко Е. И. «Период бейликов» в истории турецкой архитектуры // Новая наука: современное состояние и пути развития. Международная научно-практическая конференция (9 февраля 2016, г. Оренбург). Ч. 2. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2016. С. 121–125.
- Кононенко 2016г — Кононенко Е. И. Улу-джами: история, особенности, возможности // Исламоведение. 2016. № 2. С. 73–83.
- Стародуб 2004 — Стародуб Т. Х. Сокровища исламской архитектуры. М.: Белый город, 2004.
- Тулешков 2006 — Тулешков Н. Архитектурно-то изкуство на старите Българи. Т. 2. Османско средновековие и възраждане. София: Арх & Арт, 2006.
- Финкель 2010 — Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М.: АСТ, 2010.
- Agoston, Masters 2009 — Encyclopedia of the Ottoman Empire / Eds. G. Agoston, B. Masters. N.Y.: Infobase Publishing, 2009.
- Aslanapa 1984 — Aslanapa O. Türk Sanati. D. II. Istanbul: Kervan Yayinlari, 1984 [1972].
- Bilici 1985 — Bilici K. Karamanoğlu Beyliği'nin mimari tezeyinatı. Yayınlanmamış yüksek lisans tezi. Ankara: Ankara Üniversitesi, 1985.
- Çal 2000 — Çal H. Niğde şehrindeki ahşap tavanlı camiler ve mescitler. Ankara: TC Kültür Bakanlığı, 2000.
- Çiftçioglu 2001 — Çiftçioglu İ. Ermenek'te Emir Musa Bey Medresesi (Tol Medrese) ve Vak-

- fiyesi // *Ilmi Araştırmalar*. 2001. D. 12. S. 73–82.
- Diez, *Aslanapa, Koman* 1950 — Diez O., *Aslanapa A., Koman M.* Karaman Devri Sanati. İstanbul: Dogan Kardes yayinlari, 1950.
- Erdemir 1999 — Erdemir Y. Beyşehir Eşrefoğlu Süleyman Bey Camii ve Külliyesi. Beyşehir: Beyşehir Vakfı, 1999.
- Esin 2005 — Esin D. A Study on possible foreign impacts on the Sungur Bey mosque in Niğde. Ankara: METU Publishing, 2005.
- Goodwin 2003 — Goodwin G. A History of Ottoman Architecture. L.: Thames & Hudson, 2003.
- Grafman, *Rosen-Ayalon* 1999 — Grafman R., *Rosen-Ayalon M.* The Two Great Syrian Umayyad Mosques: Jerusalem and Damascus // *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. 1999. Vol. XVI. P. 1–15.
- Kastritsis 2007 — Kastritsis D. The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden; Boston: Brill, 2007.
- Kuran 1968 — Kuran A. The Mosque in early Ottoman architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
- Kuran 1969 — Kuran A. Karamanli medreseleri // *Vakıflar Dergisi*. 1969. № VIII. S. 211–216.
- Lindner 2009 — Lindner R.P. Anatolia, 1300–1451 // *The Cambridge History of Turkey*. Vol. I. Byzantium to Turkey, 1071–1453 / Ed. K. Fleet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 102–137.
- Ousterhout 1995 — Ousterhout R. Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture // *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. 1995. Vol. XII. P. 48–62.
- Petersen 2002 — Petersen A. Dictionary of Islamic Architecture. L.; NY.: Routledge, 2002.
- Sterlin 1998 — Sterlin H. Turkey from the Seljuks to the Ottomans. L.; N.Y.; Tokyo: Taschen, 1998.
- Topal 2007 — Topal C. Karaman. Karaman: Karaman Valiliği İl Kültür ve Turizm Müdürlüğü, 2007.
- Vision of Osman*. Moscow: AST Publ., 2010 (in Russian).
- Kononenko E.I. Anatoliiskie mecheti Velikikh Sel'dzhukov: arkhitekturnye i politicheskie orientiry (Anatolian mosques of the Great Seljuks: architectural and political landmarks). *Iskusstvoznaniye (Art Studies)*, 2015, no. 3–4, pp. 140–160 (in Russian).
- Kononenko E.I. Mechet' Alaeddina v Konie: „pereosmyslenie“ i arkhitekturnye realii (The Alaeddin Mosque in Konya: „rethinking“ and architectural realities). *Iran-name*, 2015, no. 3–4, pp. 336–356 (in Russian).
- Kononenko E. I. „Seldzhukskiy portal“: arkhitekturnaya dekoratsiya kak sredstvo politicheskoi ritoriki („Seljuq portal“: architectural decoration as the method of political rhetoric). *Vestnik SPbGU. Serie 15: Iskusstvovedeniye (Art Studies)*, 2015, no. 1, pp. 133–143 (in Russian).
- Kononenko E.I. Arkhitekturny zakaz Sel'dzhukov Ruma kak instrument politicheskoi ritoriki (The architectural patronage of the Seljuk of Rum as a tool of political rhetoric). *Vestnik SPbGUKI*, 2016, no. 2, pp. 173–176 (in Russian).
- Kononenko E. I. „Blagodeiania proiskhod'at iz stroitelstva“: krug zakazchikov seldzhukskoi musulmanskoii arhitektury Anatolii („Deeds are derived from the construction“: range of customers of Anatolian Seljuk Muslim architecture). *Islamovedeniye (Islamic Studies)*, 2016, no. 4, pp. 58–68 (in Russian).
- Kononenko E. I. „Period beilikov“ v istorii turetskoi arhitektury („The beylik' period“ on the Turkish architectural history). *Novaia nauka: sovremennoe sostoyaniye i puti razvitiia (New Science: Current State and Development Paths)*. Vol. 2. Sterlitamak: RIC AMI Publ., 2016, pp. 121–125 (in Russian).
- Kononenko E.I. Ulu-cami: istoriya, osobennosti, vozmozhnosti (Ulu cami: history, features, facilities). *Islamovedeniye (Islamic Studies)*, 2016, no. 2, pp. 73–83 (in Russian).
- Starodub T.H. *Sokrovishcha islamskoi arhitektury (The Treasures of Islamic Architecture)*. Moscow: Belyi gorod Publ., 2004 (in Russian).
- Tuleshev N. *Arkhitekturnoto izkustvo na starite Bolgari. T. 2. Osmansko srednovekovie*

REFERENCES

Finkel K. *Istoriia Osmanskoi imperii. Videnie Osmanska (The History of Ottoman Empire. The*

- i vozrazhdane (Architectural art of the Old Bulgarians. Vol. 2. The Ottoman Middle Ages and Revival Period)*. Sofia: Arch & Art Publ., 2006.
- Aslanapa O. *Türk Sanati*. Vol. II. Istanbul: Kervan Yayinlari Publ., 1984 [1972].
- Bilici K. *Karamanoğlu Beyliği'nin mimari tezyinatı*. Yayınlanmamış yüksek lisans tezi. Ankara: Ankara Üniversitesi Publ., 1985.
- Çal H. *Niğde şehrindeki ahşap tavanlı camiler ve mescitler*. Ankara: TC Kültür Bakanlığı, 2000.
- Çiftçioglu İ. Ermenek'te Emir Musa Bey Medresesi (Tol Medrese) ve Vakfıyesi. *İlmi Araştırmalar*, 2001, no. 12, pp. 73–82.
- Diez O., Aslanapa A., Koman M. *Karaman Devri Sanati*. Istanbul: Dogan Kardes yayinlari Publ., 1950.
- Encyclopedia of the Ottoman Empire*. Eds. G. Agoston, B. Masters. N.Y.: Infobase Publishing Publ., 2009.
- Erdemir Y. *Beşşehir Eşrefoğlu Süleyman Bey Camii ve Külliyesi*. Beşşehir: Beşşehir Vakfı Publ., 1999.
- Esin D. *A Study on possible foreign impacts on the Sungur Bey mosque in Niğde*. Ankara: METU Publ., 2005.
- Goodwin G. *A History of Ottoman Architecture*. L.: Thames & Hudson Publ., 2003.
- Grafman R., Rosen-Ayalon M. *The Two Great Syrian Umayyad Mosques: Jerusalem and Damascus. Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*, 1999, vol. XVI, pp. 1–15.
- Kastritsis D. *The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden: Boston: Brill Publ., 2007.
- Kuran A. *Karamanli medreseleri*. *Vakıflar Dergisi*, 1969, no. VIII, pp. 211–216.
- Kuran A. *The Mosque in early Ottoman architecture*. Chicago: University of Chicago Press Publ., 1968.
- Lindner R.P. *Anatolia, 1300–1451. The Cambridge History of Turkey. Vol. I. Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Ed. K. Fleet. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2009, pp. 102–137.
- Ousterhout R. *Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture. Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*, 1995, vol. XII, pp. 48–62.
- Petersen A. *Dictionary of Islamic Architecture*. L.; N.Y.: Routledge Publ., 2002.
- Sterlin H. *Turkey from the Seljuks to the Ottomans*. L.; N.Y.; Tokyo: Taschen Publ., 1998.
- Topal C. *Karaman*. Karaman: Karaman Valiliği İl Kültür ve Turizm Müdürlüğü Publ., 2007.

АРХИТЕКТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. А. Лунатов, А. И. Сакса, А. М. Смирнов

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ СТАРОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В ВЫБОРГЕ. НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 г.

В июле-августе 2013 г. Выборгским археологическим отрядом ИИМК РАН были проведены архитектурно-археологические работы внутри здания Старого кафедрального собора в г. Выборг. Целью проведенных археологических исследований было выявление остатков северной стены первоначального объема собора, остатков северной пристройки (сакристы), выяснение наличия в пристройке каких-либо конструкций и степени сохранности нижней части и фундамента северной стены собора в зоне нынешнего северного входного проема.

Ключевые слова: *Выборг, Выборгский район Ленинградской области, Старый кафедральный собор, XV–XVIII в., архитектурная археология, средневековая архитектура*

A. A. Lipatov, A. I. Saksa, A. M. Smirnov

ARCHAEOLOGICAL AND ARCHITECTURAL PUZZLE OF THE OLD CATHEDRAL IN VYBORG. SOME RESULTS OF EXAMINATION IN 2013

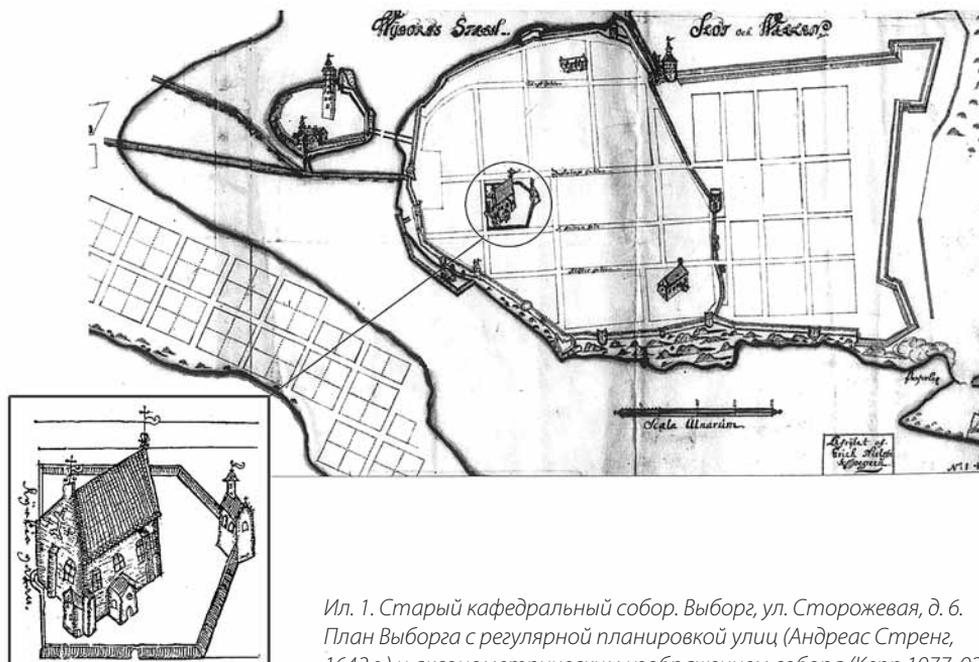
In July–August 2013, the Vyborg archeological group at the Institute for History of Material Culture RAS carried out architectural and archaeological research inside the building of the Old Cathedral in Vyborg. The purpose of the archaeological investigations was to identify the remnants of the northern wall of the original volume of the Cathedral, remnants of the northern extension (sacristy), to identify the degree of preservation of the lower parts and substructions of the northern wall of the Cathedral in the area of the present northern portal.

Key words: *Vyborg, Vyborg district of Leningrad region, Old Cathedral, XV–XVIII cc., architectural archaeology, medieval architecture*

В августе-сентябре 2013 г. Выборгским археологическим отрядом ИИМК РАН были проведены архитектурно-археологические исследования внутри Старого кафедрального собора в г. Выборг. Ранее, в 2010 г., по инициативе финского «Общества Микаэля Агриколы» (г. Турку) была достигнута договоренность между Обществом, администрацией МО «Выборгский район Ленинградской области» и ИИМК РАН о проведении архитектурно-археологических раскопок в здании. Исследования проводились при финансовой поддержке «Общества Микаэля Агриколы» и «Фонда Корделина» (Финляндия).

Вехи истории собора

Объект культурного наследия комплекс «Церковь Святой Марии и Святого Олафа и Часовая Башня (Кафедральный собор XV–XVIII вв.)» находится в центральной части Выборга по адресу: ул. Сторожевой башни, дом 6. В Средние века это был центр городской территории, защищенной в 1470-е годы каменной стеной (ил. 1). Первым строением Выборга стал замок, заложенный в 1293 г. Торгильсом Кнутссоном, возглавившим шведский крестовый поход на восток. С появлением замка прилегающие земли попали в сферу влияния Католической церкви и шведского

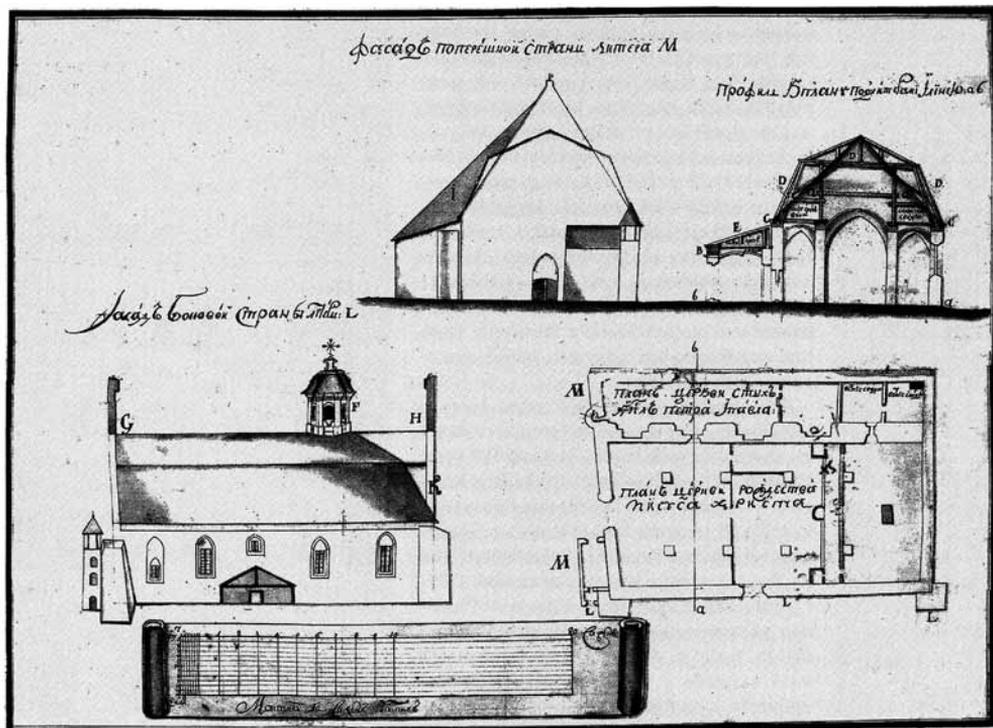

Ил. 1. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. План Выборга с регулярной планировкой улиц (Андреас Стренг, 1642 г.) и аксонометрическим изображением собора (Kenn 1977: 92)

королевства. Со временем на скалистом полуострове к востоку от замка начал развиваться и сам город. В 1403 г. Выборг получил городские права, большую роль сыграл также статус города-крепости. Подобно Стокгольму и Висбю, город был окружен каменной стеной с оборонительными и проездными башнями. Ее строительство началось в 1470-х годах по инициативе Эрика Аксельсона Тотта, как и в других городах Балтийского моря (Bedeire 2015: 95). В границах именно этих укреплений расположен Старый кафедральный собор. Считается, что ему предшествовала деревянная церковь, вероятно сгоревшая во время русской осады 1411 г. Среди исследователей не сложилось единого мнения о времени строительства церкви в камне: некоторые из них относят строительство каменного храма к первой половине XV в. (Ulla-Riitta Kauppi, Miltšik 1993:

48–49; Тюленев 1995: 50–54, 82) или ко времени между 1435 и 1445 г. (Hiekkanen 2007: 548–551). Е.Е. Кепп датирует постройку 1494 г., основываясь на сведениях рукописи Уппсальского университета (Kenn 1977: 91). Также пока не ясна хронология последующих ранних этапов его истории, поскольку отсутствует достаточное количество достоверных источников.

Весной 1477 г. в городе случился большой пожар, от которого церковь сильно пострадала, остались лишь каменные стены. Храм был заново отстроен в 1494 г., когда, согласно существовавшей на одной из колонн латинской надписи, были возведены своды: «Народ, который вблизи и издалека, знайте, что своды этого храма возвели в 1494 г.» (Ruuth 1906: 23). В 1494 г. здание римско-католической церкви было торжественно освящено во имя св. Ма-

Ил. 2. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Проект расширения бывшего кафедрального собора для использования в качестве православного собора: ц. Рождества (старый объем) и ц. Св. Ап. Петра и Павла (северный объем). Автор — инженер Егор Исаков, 1744 г. (Каурри, Miltšik 1993: 48)

рии и св. Олафа. В конце эпохи Средневековья выборгская церковь была, очевидно, вторым по богатству храмом в епархии после кафедрального собора в Турку.

Первоначальный вид Кафедрального собора после многочисленных разрушений, перестроек и ремонтов известен лишь в общих чертах (Niekkanen 1994a: 196–197). По вопросу о размерах первоначального объема мнения расходятся: М. Хийканен (Там же: 358) в своей диссертации приводит размеры прямоугольного здания: 37.0 × 19.4 м (снаружи) и 33.7 × 15.6 м (внутри). Однако, как видно по всем историческим чертежам, трехнефный зал

церкви первоначально был трапециевидной формы: западная стена имеет отклонение к западу, поэтому северный фасад здания имел большую длину, чем южный. У восточной стены как самостоятельное здание существовала своеобразная звонница, ставшая нижним ярусом нынешней Часовой башни. Обе постройки были объединены невысокой оградой.

В период 1554–1578 гг. и начиная с 1618 г. здание служило кафедральным собором новой Выборгской епархии. Собор сильно пострадал во время городского пожара 1628 г. После него, к концу 1630-х годов, постройка была расширена с северной и восточной

сторон до современных размеров. Во время штурма Выборга войсками Петра I в 1710 г. собор получил частичные разрушения от бомбежки. В 1720 г. Петр I, будучи в Выборге, «указал большую кирку отделать и освятить церковью». Отремонтирован храм был к 1725 г., в нем был установлен иконостас, и 9 сентября он был освящен во имя Рождества Христова. На протяжении XVIII в. храм подвергался ремонтам и перестройкам (ил. 2). С постройкой к 1788 г. нового Преображенского собора богослужения в церкви прекратились.

Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. здание использовалось как склад боеприпасов русского флота. Большой городской пожар 1793 г. повредил его настолько, что храм решили не восстанавливать. Его передали провиантской комиссии, которая в 1805–1809 гг. приспособила здание под зерновой склад. После проведения работ по приспособлению под новую функцию здание окончательно утратило свои средневековые формы. В 1913 г. здание вновь приспособили под православную церковь. С 1918 по 1940 г., в период независимости Финляндии, в нем располагалась лютеранская гарнизонная церковь. В 1937 г. архитектором О. Висте был подготовлен проект реконструкции собора, предполагавший удаление штукатурки, выявление стен из гранитного камня и сохранение их в первоначальном виде. Однако проект не был осуществлен, а в 1940 г. здание пострадало во время Зимней войны (Neuvonen 1994: 110; Neuvonen, Пёюхья, Мустонен 2006: 61–62). В 1979–1980 гг. была утрачена внутренняя стена собора, являвшаяся северной стеной первоначальной постройки (Тюленев 1986: 9). К настоящему времени сохранился лишь наружный периметр стен здания.

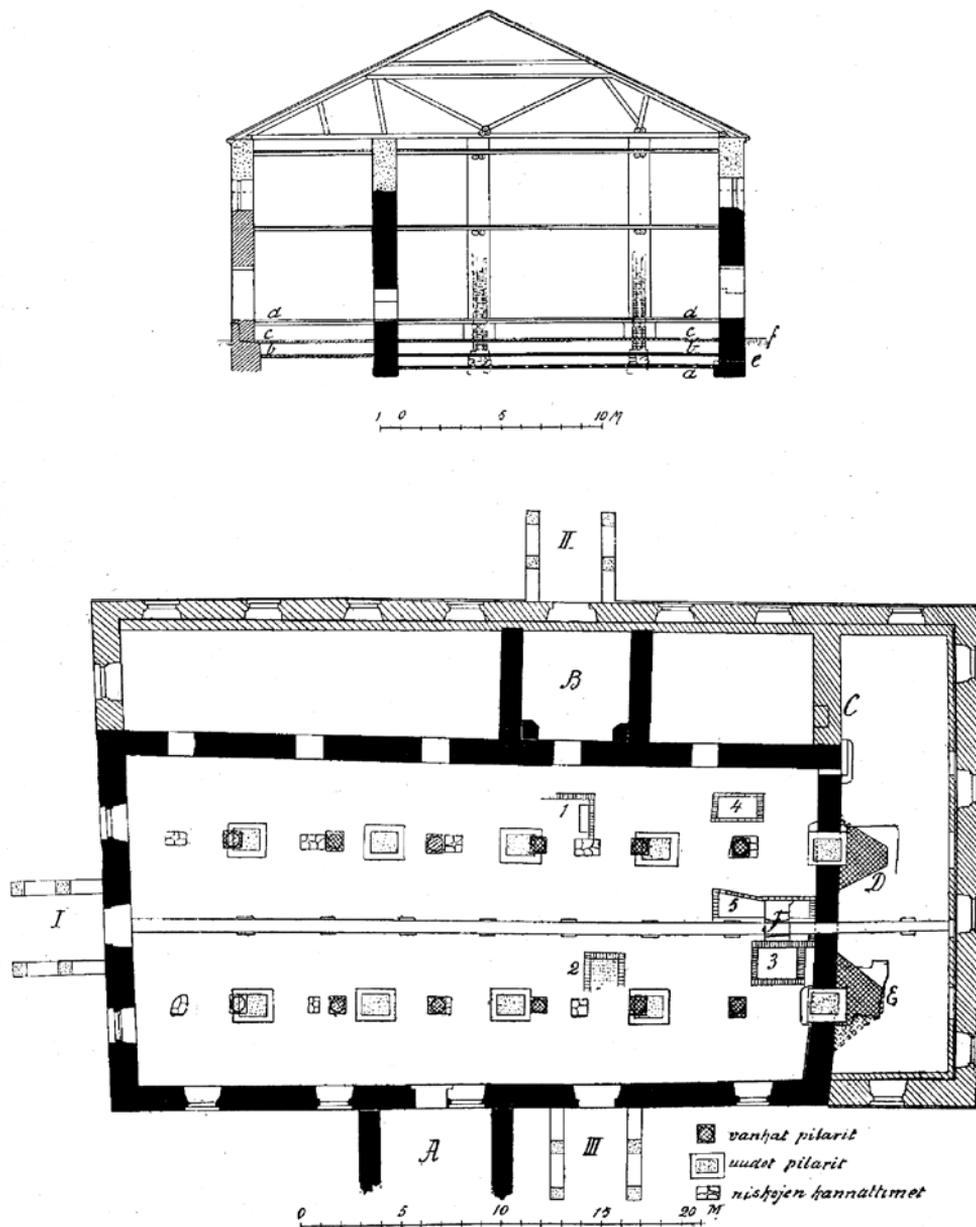
Археологические исследования, проводившиеся в соборе до конца XX в.

Впервые раскопки в этом здании были проведены в 1886 г. финским археологом Й.Р. Аспелином. Он сосредоточил свое внимание на погребениях в северной, более поздней части церкви, поскольку его целью было найти захоронение епископа Микаэля Агриколы (Rinne 1914: 64, 93–94).

В 1913 г. в связи с планами реорганизовать старый кафедральный собор в православную церковь на месте бывал финский археолог С. Пяльси, который отметил, что «в церкви возможно проведение достаточно масштабных исследовательских работ» (Там же: 53). В июле 1913 г. архитекторами из Совета по общественным зданиям (С. Савониус и Я. Аренберг, Хельсинки) были выполнены обмерные и, возможно, проектные чертежи по собору. Кроме того, ими же был выполнен аналитический чертеж, на котором представлена хронология строительства собора с XV в. до последних перестроек русского периода (ил. 3).

В том же году раскопки в соборе были проведены Ю. Ринне, основной задачей которого было выяснить историю строительства церкви (Rinne 1914)¹. При раскопках были обнаружены остатки полов разных периодов, а также колонны, разделяющие интерьер на три нефа приблизительно равной ширины. Ю. Ринне пришел к заключению, что, как и во многих скандинавских церквях, у собора существовали ризница (сакристо) возле северной стены и оружейная комната (асехуоне) — у южной.

¹ Отчет о проведенных исследованиях не сохранился; статья, видимо, написана на его основе (Hiekkanen 1994a: 353).

Ил. 3. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. План собора в публикации (Rinne 1914: kuv. 3), составленный на основе обмерного плана (арх. Selim Savonius u Jac. Ahrenberg) и по материалам раскопок 1913 г.

При раскопках 1913 г. выяснилось, что толщина стен церкви составляла около 120 см². Фундамент, как и стены, был сложен на известковом растворе и имел уширение с внутренней стороны примерно на 15 см. Стены оружейной комнаты и ризницы имели толщину около 1.00–1.05 м и не отличались по конструкции от кладки стен самой церкви. По мнению Ю. Ринне, это обстоятельство означало, что между строительством церкви и обеих рассматриваемых пристроек не было значительного временного промежутка.

Найденные при раскопках предметы были переданы представителям Военного ведомства России, об их дальнейшей судьбе ничего не известно. По результатам своих раскопок Ю. Ринне составил план здания с указанием всех разновременных пристроек и выявленных конструкций (Rinne 1914: kuv. 3). План основывается на уже упомянутом нами обмерном чертеже финских архитекторов (ил. 3). В 1936 г. во время ремонтных работ археологические исследования в соборе провел И. Кронквист, но его отчет отсутствует в Архиве Музейного ведомства Финляндии (Meurman 1983: 17–18).

В советское время, начиная с 1950-х годов, на соборе проводились обмерные работы, предлагались различные варианты его восстановления и использования. В связи с проектной деятельностью в 1985–1999 гг. внутри руин кафедрального собора и вокруг него проводились разведочные раскопки, каждый раз небольшой площадью, Выборгской архитектурно-археологической экспедицией под руководством В.А. Тюленева, научного сотрудника ЛОИА АН СССР

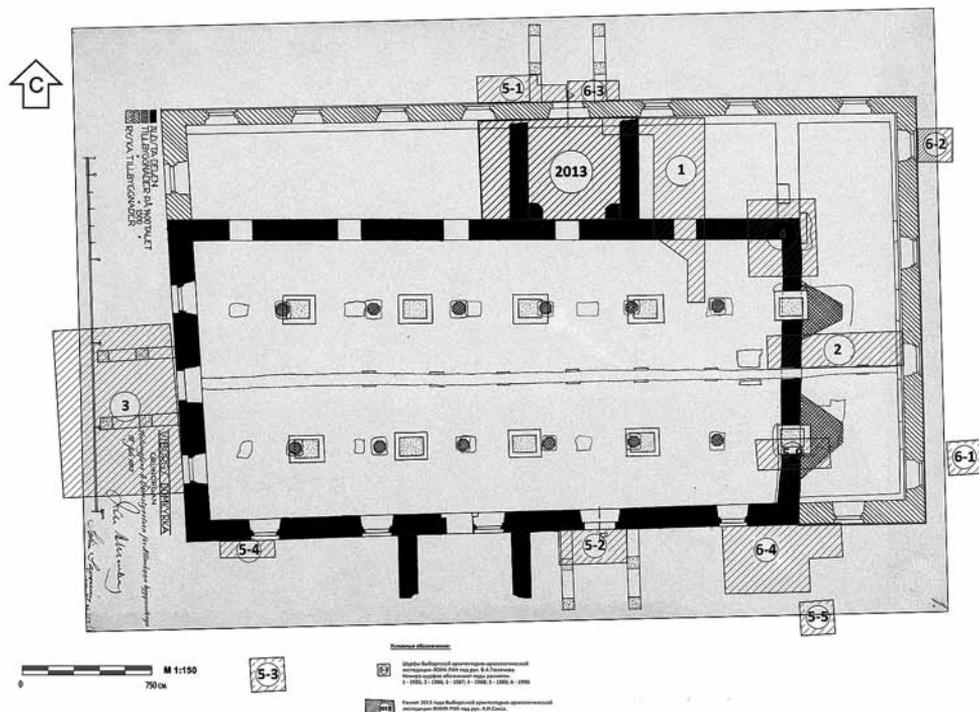
² По нашим промерам складывается следующая картина: толщина южной стены собора — 128 см, западной стены раннего объема — 136 см, толщина западной стены в северо-западном углу — 140 см.

(ил. 4). По имеющимся в архивах ИИМК РАН и ИА РАН кратким отчетам о раскопках (Тюленев 1986; Тюленев 1987; Тюленев 1988; Тюленев 1989; Тюленев 1990; Тюленев 1991) можно все-таки получить некоторое представление о местах раскопок, их основных результатах и находках.

Наиболее важными результатами археологических работ 1985–1990 гг. являются открытые внутри руин собора разновременные архитектурные конструкции, стены и колонны, выявление их предварительной конструктивной и хронологической взаимосвязи. К важным находкам также относятся обнаруженные снаружи у западной стены основание крыльца, нижней части каменной стены ризницы у северной стены, фундамент контрфорса, построенного одновременно с первым зданием собора, а также остатки булыжных мощений с водотоками и погребения по внешнему периметру постройки.

Исследования, проведенные Й. Аспелином в конце XIX в., Ю. Ринне в 1913 г. и В.А. Тюленевым в 1985–1990 гг., дали основные данные по архитектурной истории собора. Однако они не позволили ответить на главный вопрос о времени его строительства и характере и датировках основных перестроек, повлиявших на внешний облик и внутреннюю планировку.

На основании изображений собора XVII в. и археологических раскопок Ю. Ринне можно сказать, что в древности он представлял собой высокий трехнефный храм зального типа, трапециевидный в плане, размерами 36–37.2 × 18,3–19.25 м. Перекрыт он был двускатной острроверхой кровлей. Стены собора были сложены из валунного камня и кирпича, который обрамлял оконные проемы и порталы. С севера к храму примыкала ризница-сакристо, с юга — комната-притвор для хранения оружия прихожан.

Ил. 4. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Сводный план шурфов 1985–1990 гг. (ЛОИА АН СССР) и место раскопа 2013 г. (ИИМК РАН). В качестве подосновы использован план на июль 1913 г. (арх. С. Савониус и Я. Аренберг). Сводный чертеж подготовлен А. Липатовым

На плане 1744 г. хорошо видно, что к северной стене основного объема пристроен меньший храм, тогда имевший посвящение св. апостолам Петру и Павлу (ил. 3). Ю. Ринне предполагал, что расширение собора произошло по инициативе лютеранского епископа Паавали Юстена (1554–1563 гг.) около 1544 г. в связи с созданием Выборгской епархии. В первоначальной северной стене тогда заложили оконные проемы, после чего она превратилась во внутреннюю стену. С востока храм был достроен, в результате чего его размеры составили 42 × 25 м. Также была устроена новая черепичная кровля. Упомянутый чертеж 1744 г. как раз зафиксировал ее замену на более низкую вальмовую кровлю, ко-

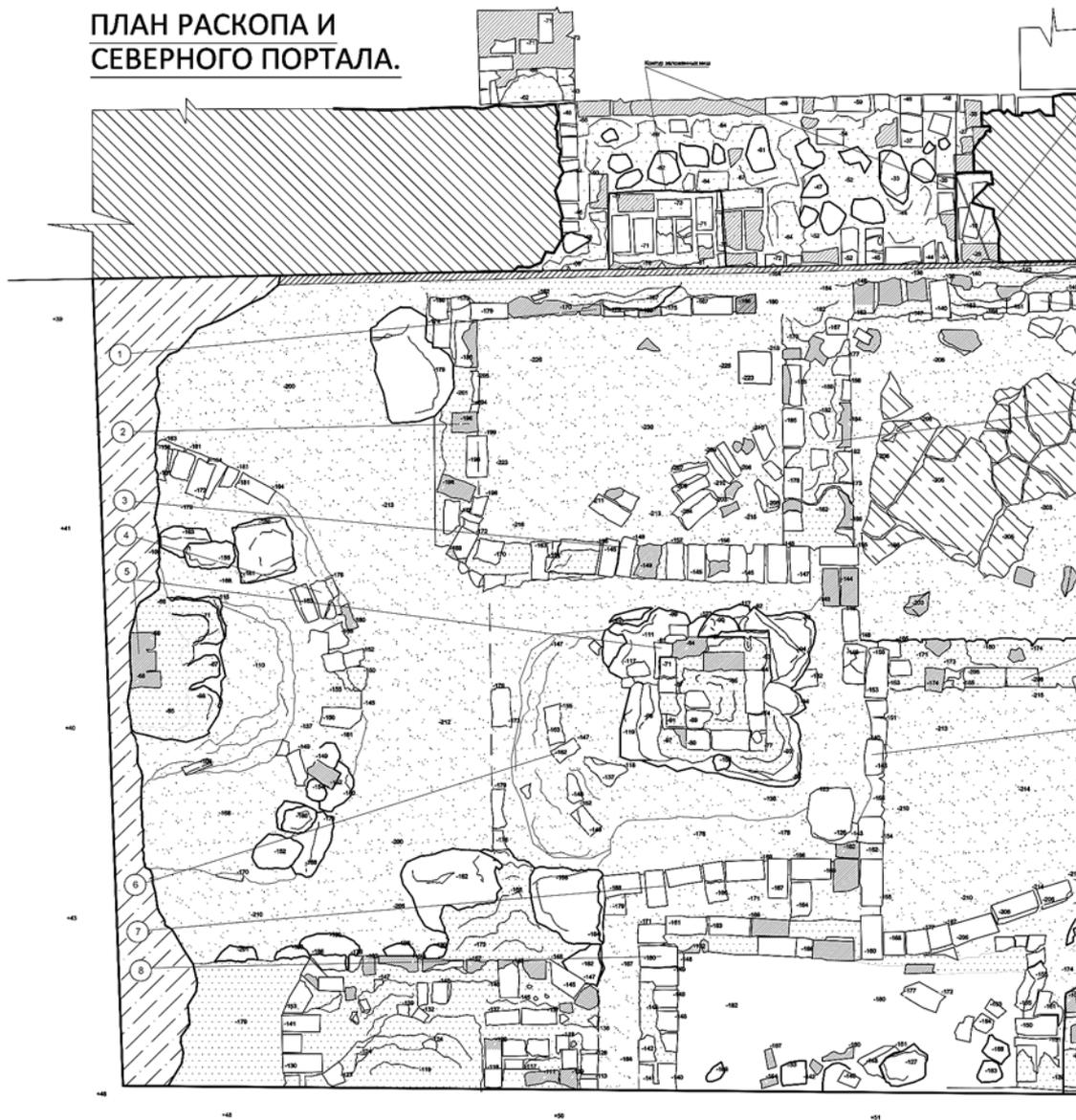
торая должна была завершать только основной объем. Северный же храм получил самостоятельное односкатное покрытие.

Археологические исследования 2013 г.

Характер и особенности участка.

Раскоп 2013 г. располагался внутри стен собора, возле его северной стены. Его северная граница находится на расстоянии 17.60 м от северо-западного внутреннего угла здания (ил. 4, 5). Место раскопа выбрано с целью исследования пространства северной пристройки (сакристы) к северной стене первоначального объема здания, а также выяснения состояния

ПЛАН РАСКОПА И СЕВЕРНОГО ПОРТАЛА.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1	Формат кирпича: 27,5x13-13,5x6-6,5, 28x7,5, 28x12x5,5, 12x6,5, 27,5x7, 27x6, 13x6,5 см.	6	Формат кирпича в обкладке столба: 27,5x13,5, 29x14,5x7,5 см.	11	Формат кирпича: 26,5x14,5x5,5, 28-29x6-7, 27,5x8, 19-14x6-7, 19,5x7,5 см.
2	Формат кирпича: 26,5x11x6,5, 15,5x7,5, 28x7 см.	7	Формат кирпича: 28,5x13x6,5, 29-29,5x14x7,5, 28x14x7 см.	12	Складки лобовых известняков по вертикальной поверхности гранитной кладки.
3	Формат кирпича: 28-29x13-13,5x7, 27,5x13x6,5, 28,5x12,5x7, 28x13x6,5, 12x6,5, 11,5x6,5, 28,5x7 см.	8	Формат кирпича: 28,5x14x6, 28,5x13,5x7,5, 28x13x5,5, 14x7 см.	13	Формат кирпича: 31,5x8,5x15, 33x8, 17x8, 15,5x7,5 см.
4	Формат кирпича в обкладке столба: 26-28x14x7-7,5, 12x6, 28x6,5, 27x13x7, 28x13x6, 27x14x5,5 см.	9	Формат кирпича: 27x14x7, 28x7, 13,5x7,5, 13x7 см.	14	Высота 5 рядов кладки = 47,45 см. Формат кирпича: 15x8,5, 14,5x8,5, 31x8, 33x8, 33x15, 32x13x8 см.
5	Высота 3 рядов восточного столба = 23,5 см. Формат кирпича столбиков: 13x5, 29x14x6,5, 28,5x13x8, 13,5x6,5, 13,5x8-8,5, 29x6,5 см.	10	Формат кирпича: 28,5x14x7,5, 28-29x8-8,5, 27,5x13x7, 28x13x5,5 см.	16	Формат кирпича: 27x13-14,5x8,5, 31,5x14-15x7,8, 32x8,5, 15x7, 34,5x15,5, 31,5-32,5x13x8,5-9, 24,5x12x6,5, 23x11x6, 31x14x8, 25x12x7, 25x17x9, 26x17,5x8 см. Встречены кирпичи по вторичному использованию, с лобовыми.

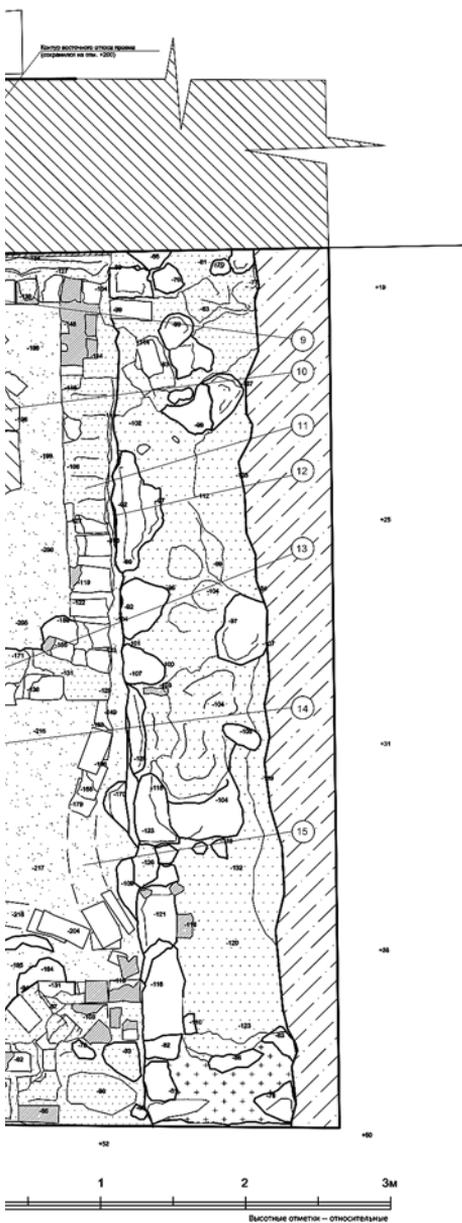

Ил. 5. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Раскоп 2013 г.
План раскопа и северного портала. Чертеж выполнен А. Липатовым и Д. Тугановой

поверхностей стен и фундаментов нынешней северной стены и стены первоначальной церкви. Размеры раскопа составили 8.5 (по стенам) × 7.5 м (между стенами). Современная дневная поверхность на момент начала работ представляла собой слежавшийся грунт с большим количеством строительного и бытового мусора. Бетонное покрытие пола, устроенного в начале XX в., на основной площади раскопа не сохранилось.

Спецификой работ 2013 г. стала разборка значительного количества строительного мусора (обломки бетонного покрытия, фрагменты кирпичной кладки), относящегося ко времени разрушения перекрытий собора в 1940 г., когда в собор попала авиационная бомба, и образовавшегося при обрушении внутренней стены здания в 1979–1980 гг. По всей видимости, внутреннее пространство разрушенного здания также стало использоваться окрестными жителями как место свалки бытового мусора. Выемка грунта в раскопе прекращалась по достижении сохранившихся конструкций, после чего производилась их тщательная расчистка.

В ходе работ были выявлены три группы конструкций (ил. 5–7): опорные столбики для балок надподвального перекрытия (1), устроенные над системой кирпичных склепов (2) и остатки стен конструкций первоначального объема собора (3) и его перестроек. Раскопки производились до верха грунтового заполнения склепов или уровня каменных плит. Грунт заполнения склепов отличается от выбранного вышележащего грунта более плотной структурой и отсутствием крупного строительного мусора. В целом этот уровень грунта прослежен на всей площади раскопа и соответствует уровню разрушенной известняковой плиты, зафиксированной в северо-восточном склепе.

*Ил. 6. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Раскоп 2013 г.
Общий вид раскопа с северо-запада. Фото А. Липатова, 2013*

*Ил. 7. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Раскоп 2013 г.
Общий вид раскопа с юго-запада. Фото А. Липатова, 2013*

Конструкции и погребальные склепы

Опорные столбы (ил. 5–7). При разборке грунта со строительным мусором в центральной части раскопа и в его западной стенке были вскрыты две опорные конструкции подвального перекрытия. Западная конструкция, наполовину уходящая в стенку раскопа, представляла собой круглую в плане насыпь диаметром 340–350 см. Устройство ее следующее: на плотном грунте, заполняющем подвал, была сделана подсыпка высотой около 1 м, укрепленная по нижнему периметру гранитными колотыми камнями размером до 40 × 50 см, валунами, а также кирпичами во вторичном использовании. Кирпичи, как и камни, не были скреплены раствором. На песчаную насыпь были уложены гранитные блоки, скрепленные известково-песчаным раствором и образующие площадку со стороной 100 см (размер по восточной стороне). По верху гранитных камней был пролит известковый раствор и сложен кирпичный столбик. Столбик сохранился на высоту одного ряда кирпичей форматом 13 × 5 см.

Вторая опорная конструкция была расчищена в центральной части раскопа. Ее устройство аналогично первой. Единственное отличие данной конструкции состоит в том, что песчаная насыпь перекрывает один из кирпичных склепов, о которых речь пойдет ниже. Таким образом, основание песчаной насыпи имеет размер 200 × 240 см. Гранитные камни имеют следы обработки или сколы. Между собой они скреплены известково-песчаным раствором, пролитым сверху в пазухи. По этой проливке уложены один-два ряда известняковых плит и плоских осколков гранитного камня, образующие плоскую площадку. Поверхность площадки также залита известково-песчаным раствором и на ней сложен

кирпичный столбик размером 80 × 80 см. Этот столбик сохранился на высоту трех рядов (= 23,5 см). В целом все это позволяет предположить, что опорные столбики несли перекрытие, балки которого заходились в гнезда на северной стене.

Кирпичные склепы (ил. 5–7). Следующий уровень конструкций, зафиксированных в раскопе, образует система склепов, занимающая почти 2/3 его площади. Всего было прослежено пять контуров кирпичных стенок:

- два склепа, примыкающие к северной стене существующего здания (северо-западный и северо-восточный склеп) были расчищены от завала строительного мусора до уровня плотного грунтового заполнения и уровня обломков известняковой плиты;
- также был расчищен юго-восточный склеп, примыкающий к северо-восточному и пристроенный к стенке из гранитных камней;
- центральный склеп, над которым была устроена описанная выше конструкция опорного столба, не расчищался;
- южный склеп, расположенный возле южной стенки раскопа и уходящий под кирпичные закладки ниши на первоначальной северной стене собора, также не расчищался с целью исключить разрушение самой ранней стены кафедрального собора.

Северо-восточный склеп имеет прямоугольную форму и внутренние размеры 2,00 × 2,40 м (ось конструкции ориентирована по направлению «север — юг»). Все стенки, образующие контур склепа, имеют перевязку между собой, что говорит об одновременности конструкции. Северная его стенка сохранилась на высоту до пяти рядов, имеет толщину в один кирпич (= 30–32 см) и сложена из кирпича форматом 27–28 × 13–14 ×

7–7,5 см на известково-песчаном растворе желтоватого цвета. Стенка склепа приложена к кирпичной кладке северной стены собора. Восточная стенка склепа высотой в восемь рядов, приложенная к кладке гранитной стены сакристо, также имеет толщину в один кирпич. Некоторые кирпичи использованы вторично, так как имеют следы известковой побелки. Иная толщина у стенки между северо-восточным и северо-западным склепами. Здесь она достигает 50 см и сложена в полтора кирпича. Формат кирпича — 27,5–29 × 13–14 × 5,5–8 см. Разделительная стенка имеет перевязку с северными стенками смежных склепов. На внутренней поверхности стенки сохранились следы известковой штукатурки.

Внутри склепа на отметках 196–206 см были обнаружены обломки расщепившейся известняковой плиты, вероятно надгробной. По крайней мере, одна ее грань (восточная) ориентирована параллельно стенке склепа.

Северо-западный склеп, расположенный к западу от описанного выше, имеет внутренние габариты 2,20 × 1,60–1,70 м, ось его ориентирована в направлении «восток — запад». Все его стенки, за исключением восточной, разделительной, имеют толщину в один кирпич, сложены на известково-песчаном растворе. Все углы кирпичной конструкции, за исключением разрушенного юго-западного, имеют перевязку между собой. Внутри склепа был зафиксирован развал кирпичей от разрушившейся кладки стенки склепа, а также керамическая красноглиняная плитка размером 23 × 23 см. Отметим, что в кладке северной стенки склепа были использованы фрагменты плоской черепицы, а в северо-восточном углу — лекальный кирпич размером 29/23 × 14 × 7 см.

Юго-восточный склеп пристроен к гранитной стене сакристо и имеет по-

чти квадратную форму, внутренние его размеры составляя 2,0 × 1,9 м. Сохранность стенок склепа весьма низкая: при расчистке выяснилось, что его юго-восточный угол разрушен и внутренний объем заполнен кирпичами разрушенных южной и восточной стенок. Удалось установить, что по крайней мере кладка в трех углах имеет перевязку. Толщина стен — в один кирпич. Лучше всего сохранилась западная стенка склепа, прослеженная на высоту до восьми рядов. Высота пяти рядов кладки в ней составила 47,5 см.

Размеры остальных двух склепов могут быть лишь реконструированы, поскольку внутренний их объем засыпан песчаной подготовкой конструкции столба (центральный склеп) и подсыпкой под кирпичную закладку ниши первоначальной северной стены собора (южный склеп). Размер центрального склепа составляет приблизительно 2,0 × 2,0 м, южного — 2,40 × 1,20 м. Объем центрального склепа образован западными стенками восточной пары склепов и южной стенкой северо-западного склепа. Удалось проследить его южную стенку толщиной в один кирпич. Последние два склепа разделены не смежной стенкой, а самостоятельными, имеющими различное направление. Стенки последнего склепа оштукатурены.

Как уже говорилось, заполнение склепов представляло собой бурую супесь со строительным мусором, кирпичной и известковой растворной крошкой. Южный склеп был засыпан светлым желтым песком с незначительным включением обломков кирпичей и известняковых камней. Находок, как-либо связанных с погребениями, обнаружено не было.

Восточная стена сакристо. В восточной части раскопа была расчищена стенка, сложенная из колотого гранита.

Фрагмент ее был вскрыт в 1985 г. в раскопе экспедиции ЛОИА АН СССР. В поле-вом отчете эта стенка описана следующим образом: «...в кв. Б, В-1 от северной стены вглубь здания отходил участок фундамента шириной 1,6–1,9 м. Его основной объем составляли гранитные валуны, скрепленные прочным коричневым раствором» (Тюленев 1986: 10).

В ходе работ 2013 г. эта конструкция была вскрыта на всю длину (ил. 5, 6). Прослежена она непосредственно под завалом строительного мусора, образовавшегося после попадания в здание авиабомбы в 1940 г. и последующих разрушений здания. Была зафиксирована западная лицевая поверхность стенки, обращенная внутрь помещения сакри-сто. Об интерьерном характере поверхности свидетельствует использование в наружной версте колотых гранитных камней со сглаженной лицевой поверхностью и следы известковой побелки на них. Именно к побеленной поверхности стены были приложены стенки восточной пары склепов. По мере разрушения кирпичных склепов пазухи между гранитом и кирпичной кладкой заполнялись супесью с кирпичной крошкой. Внутренний объем стены сложен из некрупных валунов и немногочисленных обломков кирпича на прочном известково-песчаном растворе двух типов: с крупным песком (1), с добавлением гальки и кирпичных обломков (2).

Важно отметить, что данная стенка северной пристройки-ризницы изображена на обмерном плане, выполненном в 1913 г. архитекторами Совета по общественным зданиям (Хельсинки) (ил. 3) и легшим в основу плана-реконструкции Ю. Ринне.

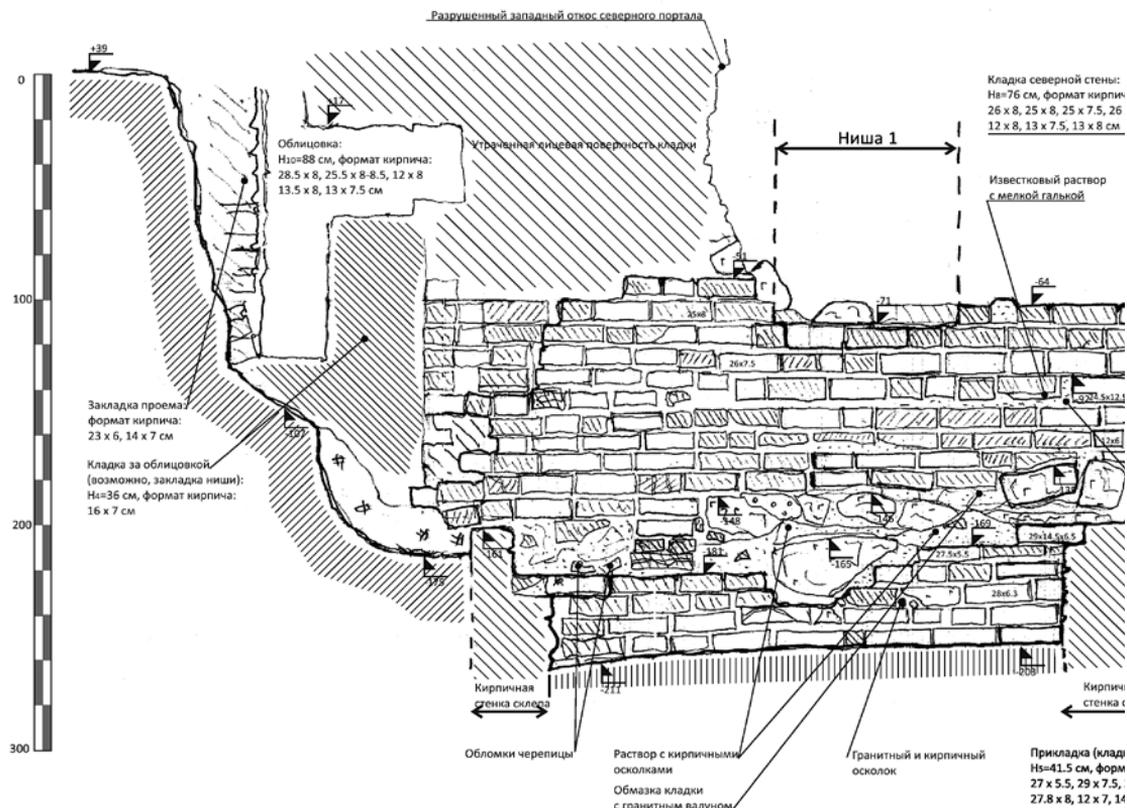
Северную стенку раскопа образует нынешняя северная стена здания собора (ил. 5, 7, 8). Поскольку раскоп был заложен в зоне северного портала, была

предпринята расчистка его разрушенного порога. Здесь была зафиксирована толщина северной стены собора, составившая 120 см. Стена имеет кирпичные лицевые поверхности, внутренний массив сложен из кирпича и небольших валунов на известково-песчаном растворе бежеватого цвета.

Современное состояние северной стены (ил. 7, 8):

- Северный проем имеет разрушенную в 1980-е годы. западную четверть. Габариты его читаются лишь по ширине сохранившейся лучковой перемычки. Порог проема также не сохранился *in situ*, его высотная отметка зафиксирована в разрушенной кладке восточного откоса. Также на этом откосе сохранились два подстава для навески дверного полотна.
- По сторонам проема зафиксированы округлые гнезда для крепления пальцев балок подвального перекрытия. Поскольку гнезда расположены практически возле современной дневной поверхности, кладка стены на этом уровне разрушается в результате сезонного увлажнения и промерзания, утончая основание стоящей стены.
- С запада от существовавшего проема зафиксированы следы заложенного проема с лучковой перемычкой. В закладке впоследствии было прорублено существующее к западу от портала окно. Стена западнее портала имеет значительные по площади разрушения лицевой поверхности, вывалы кладки и ремонтные облицовки.

На площади северной стены выделяются два участка кладки: (1) участок западнее гранитной стенки сакри-сто и (2) участок над гранитной стеной и восточнее ее.

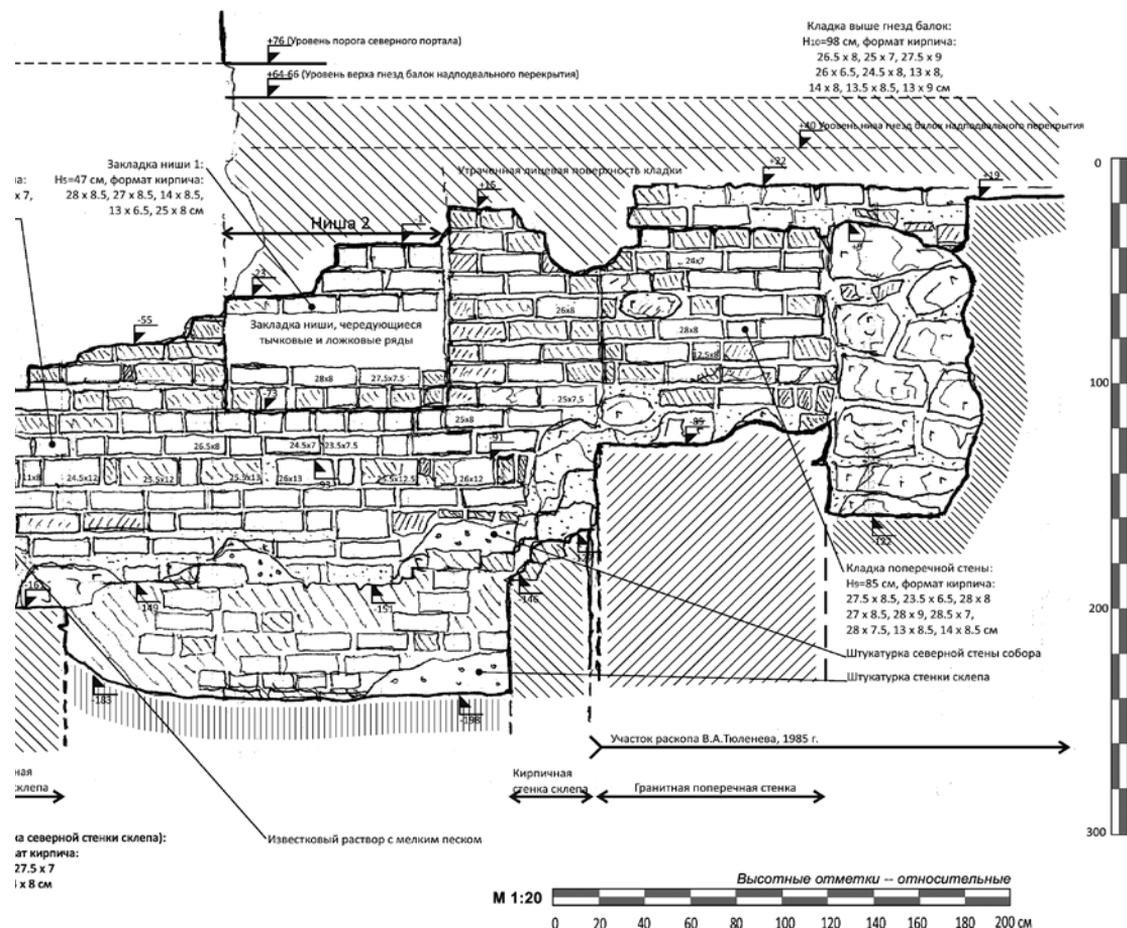

Ил. 8. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Северная стенка раскопа. Чертеж выполнен А. Липатовым и Д. Тугановой

Основная часть *первого участка* кладки сложена во фламандской системе перевязки. Высота восьми рядов кладки равна 76 см, раствор известково-песчаный бежеватого цвета с крупным песком. Ниже кирпичной кладки в стенке зафиксированы гранитные колотые камни, выходящие на лицевую поверхность. Проследить, насколько систематично использован камень в кладке стены, не удалось, так как нижние ее участки скрыты за стенками северных склепов.

В восточной части участка прослежен горизонтальный ряд, образованный чередующимися вертикальными тычками и кирпичами, уложенными на иконку. Этот ряд начинается у перпендикулярной гранитной стены и имеет длину 280 см. К западу эта полоса переходит в стандартную тычково-ложковую кладку, уложенную на более толстый слой известково-песчаного раствора.

Двумя рядами выше в кладке зафиксированы две заложенные ниши пря-

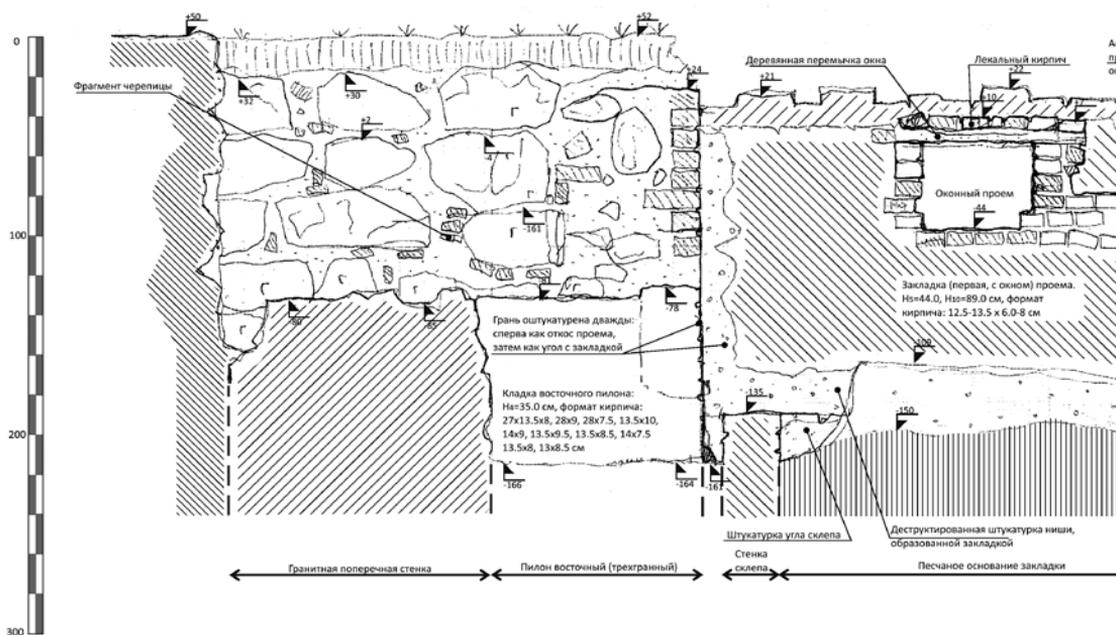

моугольного очертания. Ширина западной ниши составила 82 см, восточной — 96 см. Дно ниш находится на одном уровне. Глубина заложенных ниш читается в зачистке разрушенного порога и составляет 54–66 см. Внутренняя стенка западной ниши не сохранилась по причине разрушения проема, в восточной высота ниши зафиксирована и составляет не менее 80 см. Обе ниши были заложены чередующимися тычковыми и ложковыми рядами кирпичей.

В западной части стены была зафиксирована закладка первоначального

(дверного?) проема и участок облицовки, не перевязанный с массивом стены.

Второй участок кладки северной стены связан с перпендикулярной гранитной стеной первоначального объема сакристо. Здесь был зафиксирован вертикальный шов высотой в 9 рядов, отделяющий описанный выше массив кладки северной стены от кирпичной кладки, расположенной над гранитной стенкой. Шов расположен в одной плоскости с внутренней лицевой поверхностью гранитной стенки. Кирпичная кладка над гранитной стенкой имеет ширину,

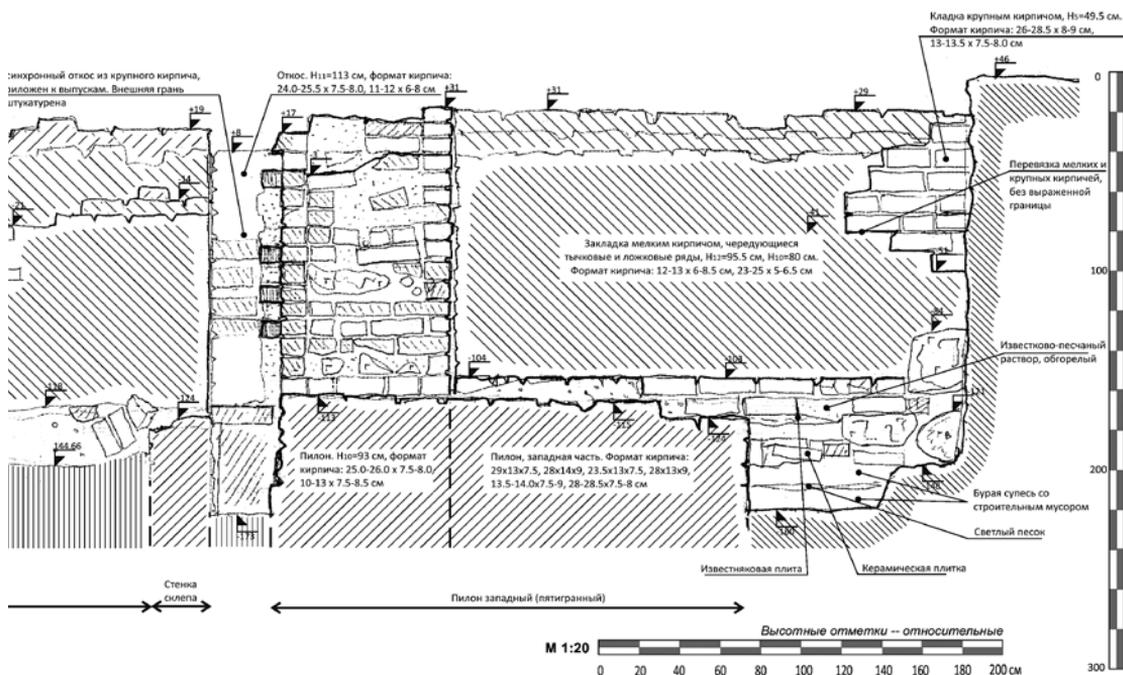
Ил. 9. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Южная стенка раскопа. Чертеж выполнен А. Липатовым и Д. Тугановой

ей соответствующую и равную 103 см. Среди кирпича встречены мелкие валуны, выходящие на лицо кладки. Лицевая поверхность кирпичей на этом участке сохранилась и не была срублена, как было бы в случае расположения здесь угла кирпичной стенки. С востока к данному участку примыкает кладка из грубо обработанных валунов прямоугольной формы, с толстыми швами, заполненными кирпичными обломками.

Южная стенка раскопа совпадает с северным фасом северной стены первоначального объема собора (ил. 6, 9). При изучении конструкций, связанных со стеной древнейшей части собора, был расчищен верхний обрез стены в восточной и западной границах раскопа. Исторические обмерно-проектные планы здания, дошедшие до нашего времени, демон-

стрируют сложную структуру северного фасада, имеющего развитые раскреповки в границах помещения сакристо.

Так, на плане инженера Е. Исакова 1744 г. (ил. 2) мы видим, что на северном фасаде имеется система из четырех двухступчатых ниш, в одной из которых устроен малогабаритный проем. На плане, составленном при обследовании в 1913 г. (ил. 3), показаны две ранние стенки сакристо и пара трехгранных пилонов, устроенных в месте примыкания стен к основному объему собора. Между пилонами в ранней северной стене также показан проем. Легко заметить, что эти два плана показывают совершенно различную картину: на раннем из них (1744 г.) показана система ниш, но не показаны стены сакристо, а на плане начала XX в. ниши отсутствуют, но выде-

лена ранняя пристройка сакристо. Раскоп был устроен с тем расчетом, чтобы в него попало помещение сакристо и система ниш северного фасада. Загадка сезона 2013 г. состоит в том, что в натуре ни один из планов не подтвердился.

Сперва обратимся к плану раскопа возле южной стенки (ил. 5). В месте примыкания западной гранитной стенки сакристо к первоначальной стене собора находится трехгранный пилон, вполне совпадающий по конфигурации с показанным на плане 1913 г. В плане пилон имеет габариты 100 × 100 см и его кладка перевязана с кладкой северной стены и примыкает к гранитной кладке восточной стены сакристо. Пилон имеет кирпичную наружную версту и валунное заполнение внутреннего объема. Он сохранился на ту же высоту, что и смежная гранитная стенка сакристо. К северной грани пилона в свое время была при-

ложена южная стенка юго-восточного склепа, а возле западной грани сложена восточная стенка южного склепа. Кроме того, на западной грани пилона было расчищено квадратное отверстие высотой в два кирпича с отпечатками древесины на растворе, имеющее отношение к деревянному закладному брусу.

Казалось бы, исходя из плана 1913 г., в западной части раскопа мы должны увидеть симметричную конфигурацию из трехгранного пилона и западной стенки сакристо. Но зафиксирован был пятигранный пилон общей шириной 228 см и выступающий от поверхности стены на 98 см. При этом кладка пилона частично срублена, а на вертикальной плоскости стены видно, что изначально пилон имел трехгранную форму и ширину 84 см. О чем говорит читаемая в плане пятигранная конфигурация — пока неизвестно, поскольку с запада от срубленной

вертикальной части пилона в стене фиксируется закладка из менее крупного кирпича, уложенная на верхний обрез срубленного пятигранника. Закладка выполнена чередующимися тычковыми и ложковыми рядами кирпичей. Лицевая поверхность кладки имеет значительные деструкции. Эта закладка имеет четкую вертикальную границу в месте, где примыкает к срубленному пилону и рваную границу в примыкании к лицевой кладке в западной части стенки, сложенной из крупного кирпича. Отметим, что лицевые поверхности закладки и западного участка совпадают.

На восточной грани западного пилона была обнаружена четверть от неизвестного, заложеного ныне проема. Устройство четверти также весьма любопытно: в кладке откоса основной стены / пилона через ряд были оставлены выпуски в 1/3 кирпича, к которым несколько позже была приложена прямоугольная четверть с выносом 34 см. Четверть выполнена из более крупного кирпича (высота 11 рядов = 113 см) на светлом желтом растворе. Восточная поверхность четверти оштукатурена.

Пространство между двумя пилонами представляет собой два массива кирпичных закладок. Особенно хорошо это видно на плане. Последняя по времени устройства закладка была сделана без какой-либо перевязки с существующими кладками, она опиралась на песчаную засыпку южного склепа и блок ее кладки грозил обрушением уже при начале расчисток. Поэтому было принято решение разобрать его. Закладка сложена на рыхлом сероватом известково-песчаном растворе из разноформатного кирпича (24–27 × 11–17 × 6–8 см, высота 10 рядов = 93 см).

За разобранным блоком кладки была выявлена лицевая поверхность более ранней закладки с сохранившимся прямоугольным оконным проемом ши-

риной 50 и высотой 40 см. У проема сохранилась плоская кирпичная перемычка, уложенная на толстый слой раствора по деревянным истлевшим плахам. В месте примыкания закладки к восточному трехгранному пилону прослежена последовательность оштукатуриваний поверхностей стен: сперва грань пилона была оштукатурена как откос проема, а после устройства закладки с окном была нанесена штукатурка на образовавшийся угол между откосом и закладкой.

Находки и вещевой материал. Находки, выявленные при работах 2013 г., происходят по большей части из перемешанного слоя супеси и строительного мусора, который перекрывал описанные выше конструкции. Материал делится на три группы: строительные материалы и элементы убранства собора (1), бытовые предметы, включая нумизматические материалы (2), и фрагменты надгробных плит (3).

К первой группе (ил. 10) относится коллекция лекальных кирпичей, использовавшихся как для декора фасадов и порталов собора, так и для устройства нервюрных сводов, скругленная черепица с клеймом в виде орла (?) на шипе, сходным с клеймами любекского производства, фрагмент известково-песчаной штукатурки с литургическим текстом, относящийся к русскому периоду истории собора.

Бытовые предметы второй группы характеризуют поздний этап жизни собора: металлический наконечник ножен сабли, стебель белоглиняной курительной трубки, булавка, свинцовые пуля и русская пломба конца XIX в. Самые ранние нумизматические находки относятся к третьей четверти XVI в. (медная шведская монета чеканки 1573 г., правление Иоанна III), остальные две — медная монета Карла XI, чеканенная в 1668 г. и финская монета достоинством в один

пенни 1968 г. Монета 1668 г. происходит из нетронутого слоя между склепами непосредственно под слоем обрушения.

Третья группа находок — это фрагменты пяти надгробных плит. Из них только два собираемых воедино фрагмента сохранили выполненные в рельефе отрывочные тексты, расшифровка которых пока затруднительна.

Заключение по итогам исследований

Уже сейчас понятно, что история строительства собора намного сложнее и таинственнее, чем представлялось ранее. К безусловным загадкам следует отнести противоречивые сведения обмерных чертежей XVIII и XX в., лишь отчасти подтверждаемые данными археологии, обнаружение законсервированных песком конструкций склепов, находки разнотипных и весьма сложных лекальных кирпичей, относящихся к декору здания и сводам. Однако следы последних отсутствуют на южной и западной стенах первоначального интерьера.

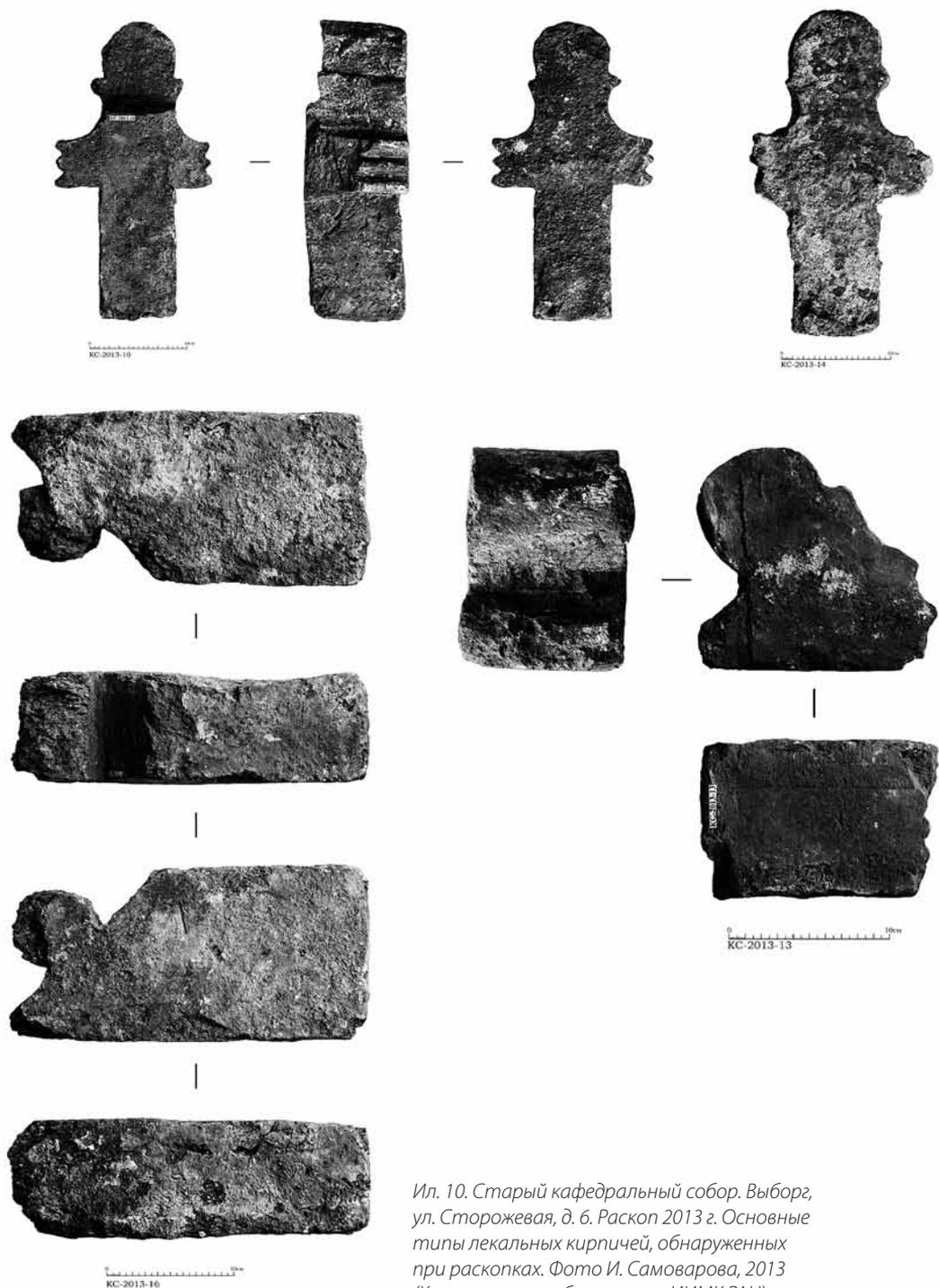
Остается пока открытым и вопрос о деревянном храме-предшественнике, его следы пока не найдены. Обнаружение деревянной постройки внутри каменного собора возможно лишь при архитектурно-археологических исследованиях на всей площади здания.

Реконструкция первоначального плана здания также ставит ряд задач для археологических исследований. Для скандинавской каменной церковной архитектуры характерна своеобразная «этапность» в возведении частей храма. Так, в частности, возможны несколько вариантов в хронологии появления основного объема и северной пристройки-сакристо. Ризница может быть старше основного объема, либо быть пристроена к зданию позже его появления, другой

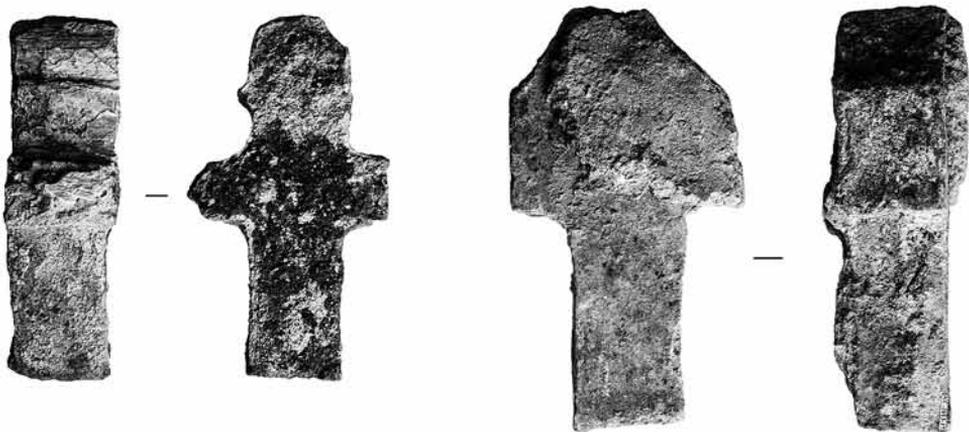
вариант — церковь и ризница являются единовременной постройкой. Для церковью диоцеза Турку статистика показывает, что в большинстве случаев сакристо древнее самого храма (*Hiekkanen* 2007: 31–33). В случае с Кафедральным собором в Выборге на данный момент этот вопрос открыт, поскольку места примыкания стен сакристо к церкви скрыты за гранеными пилонами. Хронология этого раннего строительного этапа очень важна и проявится после раскопок пространства между северными стенами раннего и существующего объемов.

Другой вопрос связан с дверным проемом в помещении сакристо. В ходе работ 2013 г. проемы в северной и восточной стенах не были обнаружены, однако выявлены разновременные закладки пространства в северной стене раннего храма. Скорее всего, мы имеем дело с заложенным проемом, соединявшим ризницу и основной объем. В пользу этого свидетельствует также пара заложенных ниш для хранения богослужебного инвентаря, выявленная в северной стене ризницы (см. также: *Там же*: 69–73). Статистика средневековых церковей Пруссии также демонстрирует преобладание одного проема из ризницы в храм и отсутствие дверей наружу (*Там же*: 56–57).

Другой сложный вопрос касается характера перекрытий трехнефного объема раннего храма. М. Хикканен однозначно говорит о невозможности реконструировать систему сводов собора (*Там же*: 147). На данный момент, не имея архитектурно-археологических сведений о системе опор внутри здания и зондажей на южной и западной стенах, возможно лишь утверждать, что нефы перекрывались кирпичными сводами с нервюрами. При раскопках 2013 г. были найдены несколько типов профилированных кирпичей от сводов собора и кирпичей, использовавшихся

Ил. 10. Старый кафедральный собор. Выборг, ул. Сторожевая, д. 6. Раскоп 2013 г. Основные типы лекальных кирпичей, обнаруженных при раскопках. Фото И. Самоварова, 2013 (Камеральная лаборатория ИИМК РАН)

0 10см
КС-2013-17

0 10см
КС-2013-15

0 10см
КС-2013-11

для декора фронтонов (крестообразные нишки, образованные четырьмя профильными кирпичами «на иконку», которые встречаются, например, на восточном фронтоне церкви Св. Креста рубежа XIV–XV вв. в Хаттула).

По всей видимости, сто лет спустя удалось подтвердить гипотезу Ю. Ринне о том, что существующая северная стена собора была расположена на оси и построена на месте северной стенки сакристо. В пользу этого заключения говорит обнаружение ниже уровня порога северного портала пары заложённых прямоугольных ниш. Эти ниши, как мы говорили, могут относиться только к интерьеру первоначального объема ризницы-сакристо.

Существенных находок, за исключением медных средневековых монет, не обнаружено. В склепах не было останков погребённых, что, видимо, указывает на то, что ранее они вскрывались (возможно, еще до раскопок Й. Аспелина в конце XIX в.).

На территории средневекового Выборга известны три крупных храма: городской (Кафедральный собор), соборы францисканского (утрачен) и доминиканского (находится в заброшенном состоянии) монастырей. Все эти постройки располагаются к востоку от замка, где также существовала своя капелла. Городские храмы прошли вместе с городом трудный, насыщенный событиями и утратами путь. Храмы меняли свою конфессиональную принадлежность, использовались как светские сооружения (склады и конюшни), постоянно ветшая, разрушаясь и исчезая на глазах. При этом они остаются единственными примерами средневековой североевропейской храмовой архитектуры на территории России. Немногочисленность построек, их состояние только повышают научное и архитектурное значение этих памятников и требуют незамедлительного проведения исследо-

ваний и мероприятий по их реставрации или хотя бы консервации.

Последние археологические исследования на руинах Собора позволяют снова обратиться к истории его строительства и функционирования, опираясь на новые фактические данные. Они должны привлечь внимание научной и городской общественности на древнюю городскую святыню и служить основой для необходимых дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Тюленев 1986 — Тюленев В. А. Отчет о раскопках в г. Выборге и Выборгском районе Ленинградской области в 1985 г. / ЛОИА АН СССР. Л., 1986. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Дело № 11133.
- Тюленев 1987 — Тюленев В. А. Отчет о раскопках в г. Выборге и Выборгском районе Ленинградской области в 1986 г. / ЛОИА АН СССР. Л., 1987. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Дело № 12433.
- Тюленев 1988 — Тюленев В. А. Отчет о раскопках в г. Выборге в 1987 г. / ЛОИА АН СССР. Л., 1988. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Дело № 12250.
- Тюленев 1989 — Тюленев В. А. Отчет об археологических исследованиях в г. Выборге в 1988 г. / ЛОИА АН СССР. Л., 1989. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Дело № 13347.
- Тюленев 1990 — Тюленев В. А. Отчет о работе Выборгской архитектурно-археологической экспедиции в 1989 г. / ЛОИА АН СССР. Л., 1990. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Дело № 14537.
- Тюленев 1991 — Тюленев В. А. Отчет о работе Выборгской архитектурно-археологической экспедиции в 1990 г. / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Дело б/н.
- Кенн 1977 — Кенн Е. Е. Архитектурные памятники Выборга XIII–XX вв.: Путеводитель. Л.: Лениздат, 1977.
- Неувонен, Пёюхья, Мустонен 2008 — Неувонен П., Пёюхья Т., Мустонен Т. Выборг: Архитектурный путеводитель. Выборг: СН, 2008.
- Тюленев 1995 — Тюленев В. А. Изучение старого Выборга. СПб., 1995.

- Bedoire* 2015 — *Bedoire F.* Den svenska arkitekturens historia, 1000–1800. Stockholm: Norstedts, 2015.
- Herrmann* 2007 — *Herrmann Ch.* Mittelalterliche Architektur im Preussenland. Untersuchungen zur Frage der Kunstlandschaft und geographie. Fulda: Michael Imhof Verlag, 2007.
- Hiekkannen* 1994a — *Hiekkannen M.* The stone churches of the medieval diocese of Turku: A systematic classification and chronology (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; 101). Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1994.
- Hiekkanen* 1994b — *Hiekkanen M.* Piispa Mikael Agricolan hautapaikka ja mahdollisuudet sen arkeologiseen tutkimukseen // *Agricola työryhmän julkaisuja*, 1. Turku: Agricola-Työryhmä, 1994. S. 51–59.
- Hiekkanen* 2007 — *Hiekkanen M.* Suomen keskiajan kivikirkot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007.
- Kauppi, Miltšik* 1993 — *Kauppi U.-R., Miltšik M.* Viipuri. Vanhan Suomen pääkaupunki. Helsinki: SKS, 1993.
- Larsen* 1986 — *Larsen N.-H.* Stemplede vingetagen // *Byggnings arkeologiske studier*. 86 (København, 1986). S. 101–110.
- Meurman* 1983 — *Meurman, O.-I.* Viipurin kivikirkot // *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita*. 6. Helsinki: Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura, 1983.
- Neuvonen* 1994 — *Neuvonen P.* Viipurin historiallinen keskusta. Rakennusperinnön nykytila. Helsinki: Suomen historiallinen Seura, 1994.
- Rinne* 1914 — *Rinne J.* Viipurin entinen tuomiokirkko // *Suomen museo 1914*. Helsinki, 1914. S. 53–67, 79–94.
- Ruuth* 1906 — *Ruuth J.W.* Viborgs stads historia. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi aktiebolag, 1906.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук (Москва)
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР (Ленинград)
- ИИМК РАН — Институт Истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

REFERENCES

- Neuvonen P., Pöyhä T., Mustonen T.* *Vyborg: arkitekturnyj putevoditel (Vyborg: architectural guide)*. Vyborg: SN Publ., 2008 (in Russian).
- Kepp E.E.* *Arkitekturnye pamiatniki Vyborga XIII–XX vv. Putevoditel (Architectural Monuments of Vyborg of the 13th–20th Centuries)*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1977 (in Russian).
- Tiulenev V.A.* *Izuchenie starogo Vyborga (Studies on Old Vyborg)*. Saint-Petersburg, 1995 (in Russian).
- Bedoire F.* *Den svenska arkitekturens historia, 1000–1800*. Stockholm: Norstedts, 2015.
- Herrmann Ch.* *Mittelalterliche Architektur im Preussenland. Untersuchungen zur Frage der Kunstlandschaft und geographie*. Fulda: Michael Imhof Verlag, 2007.
- Hiekkannen M.* *The Stone Churches of the Medieval Diocese of Turku: A Systematic Classification and Chronology* (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; 101). Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1994.
- Hiekkanen M.* Piispa Mikael Agricolan hautapaikka ja mahdollisuudet sen arkeologiseen tutkimukseen. *Agricola työryhmän julkaisuja*, vol. 1, Turku: Agricola-Työryhmä, 1994, pp. 51–59.
- Hiekkanen M.* *Suomen keskiajan kivikirkot*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007.
- Kauppi U.-R., Miltšik M.* *Viipuri. Vanhan Suomen pääkaupunki*. Helsinki: SKS, 1993.
- Larsen N.-H.* Stemplede vingetagen. *Byggnings arkeologiske studier*, vol. 86, 1986, pp. 101–110.
- Meurman O.-I.* Viipurin kivikirkot. *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita*. vol. 6, Helsinki: Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura, 1983.
- Neuvonen P.* *Viipurin historiallinen keskusta. Rakennusperinnön nykytila*. Helsinki: Suomen historiallinen Seura, 1994.
- Rinne J.* Viipurin entinen tuomiokirkko. *Suomen museo 1914*. Helsinki, 1914, pp. 53–67, 79–94.
- Ruuth J.W.* *Viborgs stads historia*. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi aktiebolag, 1906.

М. Ю. Шевченко

СТРОИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ ДИНАСТИИ ЦИН (XVII–XX ВВ.) И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ГЛАВНОГО ЗАЛА ХРАМА ВЭНЬМЯО В КУНЬМИНЕ

В 1734 г. цинское правительство выпустило трактат «Гунчэн цзофа», название которого можно перевести как «Производство строительных работ», после чего строителям предписывалось неукоснительно следовать описанным в нем правилам.

Однако в отдаленных регионах Китая влияние данного трактата было не столь решающим, и на первый план выходили местные конструктивные и декоративные приемы, которые больше соответствовали локальным культурным обычаям, климатическим особенностям и размерам имеющегося строительного материала. В данной статье рассмотрен один из характерных примеров южнокитайского зодчества, а именно храм Конфуция в городе Куньмин, в реконструкции которого автор лично принимала участие.

Ключевые слова: храм Конфуция, Куньмин, Гунчэн цзофа, реконструкция, династия Цин, Китай

M. Yu. Shevchenko

BUILDING REGULATION OF THE QING DYNASTY (17TH –20TH CENTURIES) AND ITS INTERPRETATION ILLUSTRATED BY THE CONFUCIUS TEMPLE WENMIAO IN KUNMING

In 1734 the Qing government issued a treatise called the „Gongcheng Zuofa“, which can be translated as „Building standards and regulations“. After that, builders were required to follow the treatise’s rules. However in distant regions of China, the influence of the treatise was not so crucial and many local constructive and decorative techniques connected to local culture, climate and size of available construction materials have come to the fore. The Confucius Temple Wenmiao in Kunming is examined in this article as one of the notable examples of southern Chinese architecture. The author personally participated in the reconstruction of this temple.

Key words: The Confucius Temple, Kunming, Gongcheng Zuofa, reconstruction, Qing dynasty, China

Правление династии Цин началось в 1644 г., когда войска маньчжурской армии заняли Пекин и провозгласили императором юного Айсиньгёро Фулина, который начал править под девизом Шуньчжи. Во время правления династии Цин территория и население страны значительно увеличились. В XVII–XVIII вв. в период политической стабильности в экономике страны наступил подъем. А к 1911 г. в результате Синьхайской революции Цинская империя была разрушена и образована Китайская Рес-

публика. 12 февраля 1912 г. император Пу И объявил о своем отречении от власти. В общей сложности империя Цин насчитывает 10 императоров и 268 лет своего существования.

Императоры династии Цин, будучи представителями не титульной национальности Китая, всячески пытались доказать легитимность своего правления и подчеркнуть преемственность традициям древних правителей. Это стремление не обошло и область архитектуры. Придя к власти, императоры дина-

стии Цин начали полностью копировать в своих постройках дворцовый стиль эпохи Мин. Однако к тому времени архитектура Китая не обладала единством и каноничностью форм. Во многих постройках можно было увидеть сильные монгольские влияния еще со времен династии Юань, другие сооружения тяготели к массивности форм более ранней архитектуры. Архитектурные артели придерживались различных приемов конструктивных решений зданий (*Лань Гуси* 2009: 1–14). В связи с этим очень сложно было точно рассчитать необходимое количество строительного материала, а соответственно, и стоимость самих строительных работ.

Для снижения их себестоимости и усиления контроля в этой сфере в 12-й год правления императора Юнчжэна (1734 г.) цинское правительство выпустило книгу «Гунчэн цзофа», название которой можно перевести как «Производство строительных работ». Там отдельно было отмечено: «Конструктивная схема зданий должна быть унифицирована, количество необходимого строительного материала подсчитано для точного определения суммы, необходимой для строительства» (*Сунь Дачжан* 2002: 399). В этой книге достаточно полно были отражены особенности дворцовой цинской архитектуры, ее конструкции и отделочные работы.

В общей сложности «Гунчэн цзофа» содержит 74 главы, из которых 40 посвящены деревянным работам и деревянным конструкциям, 7 глав описывают технику строительного ремесла, 13 глав посвящены расчету количества строительного материала и 14 глав — расчету трудозатрат (*Лян Сычэн* 2004: 378). Раздел о деревянных конструкциях подробно описывает 23 вида классических сооружений высшего ранга, которые различаются формой крыши, числом карнизов

и количеством пролетов. Там же приведены 11 рангов кронштейнов *доугун* (斗拱) и подробно описаны все элементы кронштейнов, названия их частей и размеры, а также способы соединения данных элементов друг с другом. В разделе, посвященном строительному ремеслу, описываются столярные, каменные, черепичные и земляные работы. В главах трактата, где речь идет о расчете количества строительного материала, описаны соответствующие правила подсчета объемов древесины, бронзы, металла, камня, черепицы, строительных лесов, земли, лака, красок, площадей росписей и бумаги. В разделе расчета трудозатрат помимо плотников, каменщиков, кровельщиков и землекопов отмечены также резчики по камню и дереву и гравировщики по металлу. В общей сложности там разобраны 17 специальностей и более 20 технических вопросов.

Цинский трактат «Гунчэн цзофа» во многом опирался на структуру и содержание трактата династии Сун «Инцзао фаши». В нем также главное внимание уделено модульному построению элементов конструкций и описанию ранговых различий построек. Можно говорить о том, что данные трактаты зафиксировали господствующий стиль своей эпохи. Однако, поскольку при династии Цин экономия строительного материала встала на первую по значимости позицию во всем строительном процессе, то и предлагаемые в данном трактате архитектурные и конструктивные решения достаточно сильно отличались от конструкций, описанных в аналогичном трактате времен династии Сун. Цинскую архитектуру от сунской отличали меньшие размеры как основного модульного сечения, так и отдельных конструктивных элементов. Расчет величины конструктивных элементов упростился, построение отдельных частей зданий

стало более рационализированным. После выхода трактата «Гунчэн цзофа» строителям предписывалось неукоснительно следовать описанным в нем правилам.

Следует добавить, что в Китае исторически сложилось две ветви развития архитектуры: официальная, представлявшая стиль императорского двора и высшего сословия, и народная. Все ограничения, описанные в трактате «Гунчэн цзофа», касались именно официальной архитектуры. Народное зодчество в императорских трактатах не рассматривалось как таковое и лишь ограничивалось некоторыми простыми указами о размерах построек, а также запрете применения тех или иных видов конструкций, строительных материалов и определенных цветов. Поэтому полноценное исследование о соблюдении норм трактата в отдаленных регионах Китая можно провести только на основании изучения официальных построек высокого ранга. В то же время, в отдаленных регионах Китая, влияние правил трактата было не столь решающим и на первый план выходили конструктивные и декоративные приемы местных строительных бригад, которые больше соответствовали локальным культурным обычаям, размерам имеющегося строительного материала и климатическим особенностям.

В данной статье мы как раз рассмотрим один из примеров южнокитайского зодчества, который наглядно показывает степень расхождения фактического строительства с правилами трактата. Начиная с 2012 г. автор принимала участие в проекте реконструкции храма Конфуция в Куньмине. Куньмин — столица современной провинции Юньнань, расположенной на юго-западе Китая. История этого города, согласно письменным источникам, насчитывает более 2000 лет. Ко времени правления династии Цин

благодаря своему географическому положению Куньмин становится крупным центром. В 1910 г. через этот город пускают железную дорогу, что также способствовало его экономическому укреплению. Во время войны с Японией в Куньмин были эвакуированы многие производственные мощности, университеты, значительная часть капитала, рабочие специалисты, что спровоцировало кратковременный экономический и культурный подъем города. Несмотря на свою удаленность и казавшуюся безопасность, во время Японо-китайской войны Куньмин подвергся налетам японской авиации и был очень сильно поврежден.

Храм Вэньмяо, которому посвящено данное исследование, был одним из множества памятников, разрушенных японскими войсками. Храмы Вэньмяо возводились в Китае для почитания и поклонения Конфуцию. Поскольку идеология конфуцианства в значительной степени служила обоснованию и утверждению императорской власти и структуры традиционного общества Китая, то такие храмы стали со временем весьма многочисленны. Их ранг всегда был высоким, постройки выделялись крупными размерами, техника исполнения и отделка отличались особенной красотой. Храмы Конфуция традиционно были также и центрами образования. При них проходили занятия и прием экзаменов, по итогам которых распределялись ученые степени и права поступления на должность чиновников разных рангов. В отдельных случаях при строительстве храмов Вэньмяо предусматривалась возможность их посещения императором. Тогда все постройки возводились по максимально допустимому рангу, а по центру лестниц укладывалась резная каменная плита с изображением дракона — так называемый император-

ский путь. Судя по размерам построек, местоположению, а также наличию резных плит на лестничных пролетах, храм Вэньмяо в Куньмине относился как раз к такому типу.

Куньминский храм был заложен в 1276 г. при династии Юань. Согласно упоминаниям в текстах, комплекс состоял из 53 построек с главным залом Дачэндянь в центре. Однако в XIV в. комплекс сильно пострадал от пожара. Восстановленные сооружения были вновь сожжены в XVII в. при династии Мин в результате крестьянской войны. Постройки, зафиксированные в начале XX в. Лян Сычэном, датировались 29-м годом правления императора Канси династии Цин, то есть 1690 г. Сегодня из всего комплекса до нас сохранились каменные резные ворота Линсинмэнь (灵星门) и мост Бишуйцяо (壁水桥) над полукруглым лotosовым прудом. Все деревянные сооружения были утрачены после авианалета японских войск 29 января 1941 г. Постройки, стоящие сегодня на территории храма, были построены в конце 70-х годов XX в. Они не соответствуют первоначальной композиции комплекса. Правительство города приняло решение снести все новые строения и восстановить первоначальный облик ансамбля Вэньмяо.

С 2012 г. начались археологические работы на данном участке. Был снят верхний слой земли в главном дворе комплекса, найдены базы опор и утрамбованные основания главного строения, боковых залов и главных ворот (ил. 1). В архиве Куньминского музея сохранилась короткая запись смотрителя храма, в которой он описал состояние построек после авианалета. В данном документе приведено расположение всех храмовых залов относительно друг друга, шагами измерено примерное расстояние между сооружениями. Этот документ по-

служил очень важным свидетельством для начала реконструкции комплекса.

Другими материалами, легшими в основу исследования, стали обмерные чертежи и натурные фотографии юньнаньских храмов, выполненные Лян Сычэном в 1930-х годах, а также фотографии Куньмина рубежа XIX–XX вв. французского фотографа Августа Франсуа. Особенности конструкций южной архитектуры были описаны Яо Чэнцзу и Лян Сычэном, а детальное исследование юньнаньских храмов Конфуция с обмерными чертежами представлено в работе Ху Вэя. Трактат «Гунчэн цзофа» был детально изучен, прокомментирован и проиллюстрирован Лян Сычэном и Ма Биньцянем, отдельно кронштейны доугун цинского образца были рассмотрены в книге Пань Дэхуа «Доугун». Все эти источники дают общее представление об особенностях как официального стиля архитектуры династии Цин, так и об особенностях южнокитайской архитектуры. Настоящее исследование дополняет вышеописанный ряд проведенных работ изучением еще одной значительной постройки.

Реконструкция была разделена на три этапа: первый включал в себя реконструкцию построек главного двора, второй — реконструкцию переднего и заднего двора, третий — реконструкцию восточной оси храмового комплекса (ил. 1).

Центральным строением главного двора был зал Дачэндянь. Такое название характерно для главного зала храмов Конфуция в Китае. «Дачэн» можно перевести как «полное совершенство», по другой версии это одно из именований самого Конфуция. В этом зале и происходили основные церемонии поклонения Конфуцию, здесь же, у северной стены, располагался ритуальный стол с резной нишей, в которой

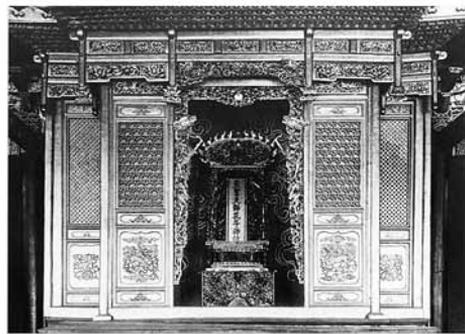
а

б

в

г

Ил. 2. Исторические фотографии Главного зала храма Конфуция в Куньмине, начало XX в.:

а — главный фасад (Франсуа 2000: 150), б — главный фасад, первая половина XX в.

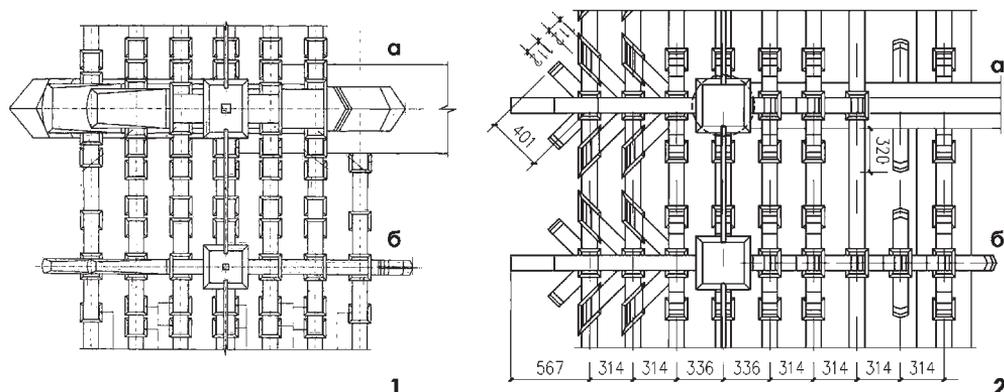
(Лян Сычэн 2007: 54), в — угол главного зала (Лян Сычэн 2007: 55), г — табличка с именем Конфуция в Главном зале (Франсуа 2000: 218)

устанавливалась деревянная табличка с именем Конфуция. Дачэндянь — главный зал крупнейшего храма Конфуция в своем регионе — относится к типу официальных сооружений императорского двора. Соответственно в его архитектуре должны были в той или иной степени отразиться правила построения, описанные в трактате «Гунчэн цзофа».

До наших дней сохранилось несколько фотографий начала XX в., на которых запечатлен зал Дачэндянь в Куньмине (ил. 2). Данные фотографии показывают изначальные крупные размеры и высокий уровень отделки постройки. Несомненно, что в ней в полной мере

отразились региональные особенности южной официальной архитектуры.

Фотографии общего вида на главный зал храма Конфуция (ил. 2, а, б) позволяют заключить, что это был семипролетный зал с девятиконьковой крышей и одинарным карнизом. Зал стоял на широкой террасе *юэтай* (月台), на которую вела парадная лестница с девятью ступенями и плитой с изображением дракона по центру лестничного полотна — упомянутый выше «императорский путь». Ранг и статус данной постройки был одним из самых высоких в городе Куньмин. Но, поскольку Куньмин — региональный центр, то максимальное

Ил. 3. Сравнение кронштейнов доугун. 1 — кронштейны доугун из трактата «Гунчэн цзофа».

Вид снизу (Пань Дэхуа 2004: 485); 2 — кронштейны доугун зала Дачэндянь в Куньмине.

План плафона. Чертеж автора; а — надопорный кронштейн; б — надпролетный кронштейн

число пролетов, которое могло быть построено в таком храме, согласно правилам трактата «Гунчэн цзофа», как раз равнялось семи, форма крыши должна была иметь 9 коньков и одинарный карниз. В этом расхождении с правилами трактата нет. Однако при взгляде на форму пролетов зала на южном фасаде бросаются в глаза их явно вытянутые пропорции: ширина центрального пролета почти в два раза превышает его высоту. Это уже местная особенность, так как в трактате «Гунчэн цзофа» есть примечание о том, что пропорции центральных пролетов должны стремиться к квадрату (Лян Сычэн 2004: 27).

На фотографии угла здания (ил. 2в) можно рассмотреть формы кронштейнов доугун, брус пинбаньфан (平板枋), большую и малую балки эфан (额枋) и другие элементы конструкций и отделки. Здесь уже сразу можно заметить определенные расхождения с трактатом. Так, форма кронштейнов доугун сильно отличается от канонической, поскольку элементы гун в данных кронштейнах расходятся под углом 45° от центра кронштейна (ил. 3).

В надопорном кронштейне не происходит утолщения элементов гун и ан (昂) по центральной оси конструкции, и торец поперечной балки не выходит на фасад, в отличие от правил трактата. Такое решение скорее ближе к конструктивной схеме династии Сун. Однако высокая плотность расстановки кронштейнов по фасаду и небольшие размеры элементов доу и гун — это уже черты, характерные именно для архитектуры династии Цин.

На вопросе формы кронштейнов доугун стоит остановиться отдельно. Кронштейны доугун в южной архитектуре династии Цин отличались от канонических не только своей формой и построением, но также и размерами отдельных частей. Храм Конфуция в Куньмине, как уже говорилось выше, относился к числу наиболее значительных построек как в городе, так и в целой провинции. К сожалению, до нас не дошло каких-либо свидетельств о размерах элементов кронштейнов данной постройки. Однако Лян Сычэн во время войны с Японией находился в Куньмине, где провел множество обмерных работ, значитель-

ная часть которых была опубликована в книге «Незаконченные обмерные чертежи». В этой книге даны обмерные чертежи кронштейнов трех других главных сооружений Куньмина (Главный зал даосского храма Чжэнцингуань, Главный зал храма Тучжумяо, Главный зал храма Чэнхуанмяо) и крупного храма Конфуция Вэньчангун в провинции Юньнань. По рангу данные постройки соответствуют исследуемому залу Дачэндянь, поэтому размер и структура кронштейнов данных построек, возможно, также были схожими. В таблице ниже приведены основные пропорциональные соотношения частей кронштейнов *доугун* данных сооружений, а также соответствующие пропорции из трактата «Гунчэн Цзофа». Все пропорции элементов кронштейнов даны в соотношении к модульному размеру *доукоу*.

Таблица 1 наглядно показывает, что по некоторым показателям (высота элементов *гун*, высота ярусов, высота элементов *доу*, величина консольных выносов ярусов) элементы кронштейнов в южной архитектуре довольно близки правилам трактата. В то же время ширина элементов *доу* во всех данных храмах значительно превышает норматив

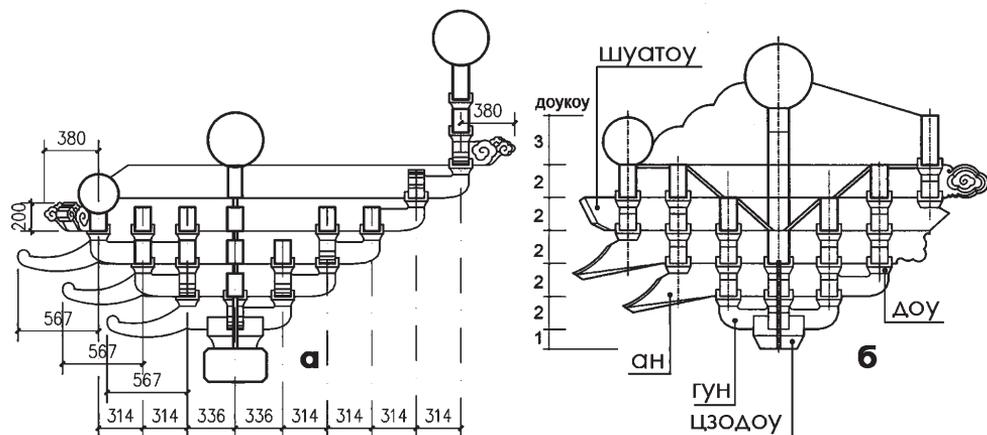
из императорского трактата. При реконструкции формы кронштейнов данная особенность была учтена и элементы *доу* были выполнены несколько шире канонического размера. Кроме того, судя по фотографии, от канонической формы отличалась также форма элементов *ан*, *гун* и *шуатоу* (ил. 4). Элементы *ан* имели более изогнутую и удлиненную форму с закругленным концом, элементы *гун*, как было показано выше, расходились под углом от центральной оси кронштейна и имели ромбовидный план, а элемент *шуатоу*, следуя расходящимся элементам *гун*, также получил трехчастную форму с богатой резной отделкой (ил. 4).

Торцы угловых балок также решены отлично от описанной в трактате конструктивной схемы. Яо Чэнцзу в своей книге «Инцзао фаюань», посвященной архитектуре южных провинций Китая, привел конструктивную схему устройства такого рода угловой балки (ил. 5а). На этой схеме отчетливо видно, что к торцу угловой балки присоединяется деревянный элемент *нэньцян* (嫩戔), который резко поднимается вверх, оформляя тем самым вздымающиеся углы крыши, характерные для

Табл. 1

**Пропорциональные соотношения элементов кронштейнов *доугун*
к модулю *доукоу* в постройках высшего ранга
на территории провинции Юньнань**

Наименование постройки	<i>Доукоу</i>	Высота <i>гун</i> / <i>доукоу</i>	Высота яруса / <i>доукоу</i>	Высота <i>доу</i> / <i>доукоу</i>	Ширина <i>доу</i> / <i>доукоу</i>	Ширина <i>цзодоу</i> / <i>доукоу</i>	Высота <i>цзодоу</i> / <i>доукоу</i>	Вынос яруса / <i>доукоу</i>
Чжэнцингуань	1	1,5	2,2	1	1,75	4	2	3,3
Тучжумяо	1	1,4	2,1	1	1,72	3	1,8	3
Чэнхуанмяо	1	1,5	2,1	0,85	1,93	3,4	2,1	3,3
Вэньчангун	1	1,6	2,2	1,1	1,75	3,1	2	2,8
Гунчэн Цзофа	1	1,4	2	1	1,4	3	2	3

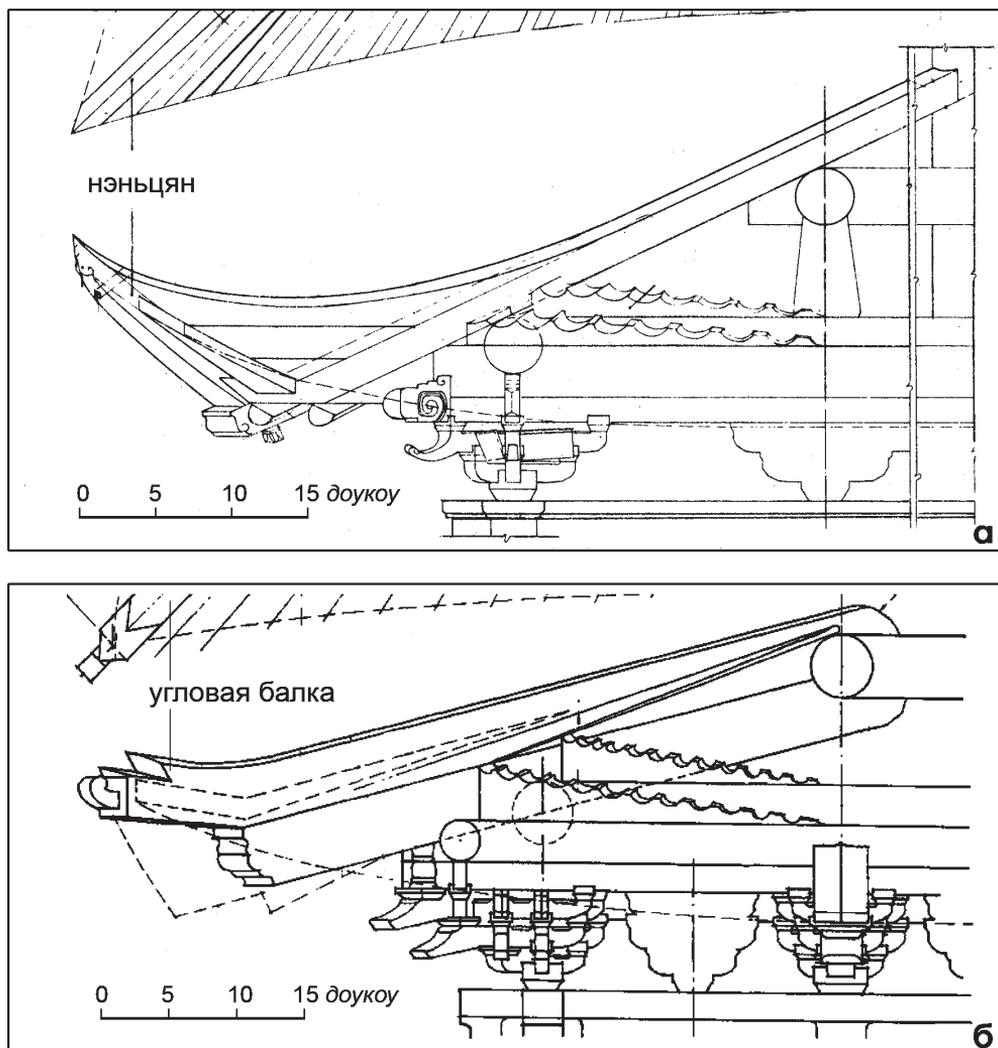
Ил. 4. Сравнение кронштейнов доугун: а — зал Дачэндянь в Куньмине, б — трактат «Гунчэн цзофа». Чертеж автора

южной архитектуры. Благодаря такой конструкции вынос карниза на углах здания становился больше, что было необходимым для сохранения сложных угловых конструкций от намокания из-за частых дождей. Для сравнения ниже приведена каноническая схема построения балки из книги Лян Сычэна «Строительные правила династии Цин» (ил. 5б).

Мы видим, что по правилам построения цинской архитектуры угловые балки должны быть гораздо толще. Кроме того, данная конструкция состоит из двух балок, уложенных друг на друга, что еще больше увеличивает толщину конструкции. В южной же архитектуре на углу укладывается только одна балка, толщина которой меньше, чем того требовал трактат. В связи с небольшой толщиной основных конструктивных элементов в сочетании с большей величиной выноса карниза в южной архитектуре под угловыми балками нередко применяли дополнительные тонкие подпорки. Такой элемент, подпирающий конец угловой балки, виден и на фотографии главного зала (ил. 2в).

Еще одна отличительная особенность южной архитектуры — это отсутствие между большой и малой балками эфан доски юэ (由額). Здесь, как видно по той же фотографии, вместо доски юэ использована деревянная решетка с небольшими резными вставками по центру и у опор. Такое решение обусловлено климатическими особенностями. В Куньмине жаркий и влажный климат, и такие сквозные отверстия на фасаде способствовали проветриванию помещения и защите деревянных конструкций от гниения.

Следующая фотография (ил. 2г) показывает богато украшенную деревянную нишу кань (龕), в которой установлена ритуальная табличка с именем Конфуция. По сторонам от ниши можно заметить кронштейны доугун в интерьере и поперечные балки, которые идут в два яруса: по верху кронштейнов и по верху опор. Этот прием также был более характерен для южной архитектуры, поскольку все сечения балок, как уже говорилось выше, там делались меньше установленным трактатом, и для обеспечения необходимой жесткости конструк-

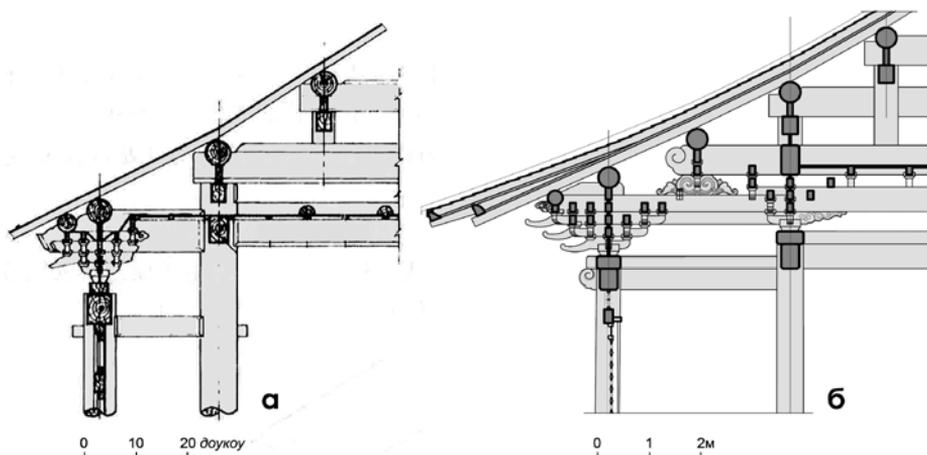
Ил. 5. Сравнение угловых балок; а — угловая балка в южной архитектуре Китая (Яо Чэнцзу 1986: 48); б — угловая балка по трактату «Гунчэн цзофа» (Лян Сычэн 2006: 110)

ции основные конструктивные элементы зачастую дублировались (ил. 6).

Приведенные выше фотографии зала Дачэндянь вкупе с археологическими чертежами стали важнейшими материалами для проведения реконструкции объема здания. Так, зная расстояние между Главным залом и воротами Дачэн-

мэнь, по фотографии (ил. 2а) стало возможным восстановить высоту всего сооружения и отдельных его элементов.

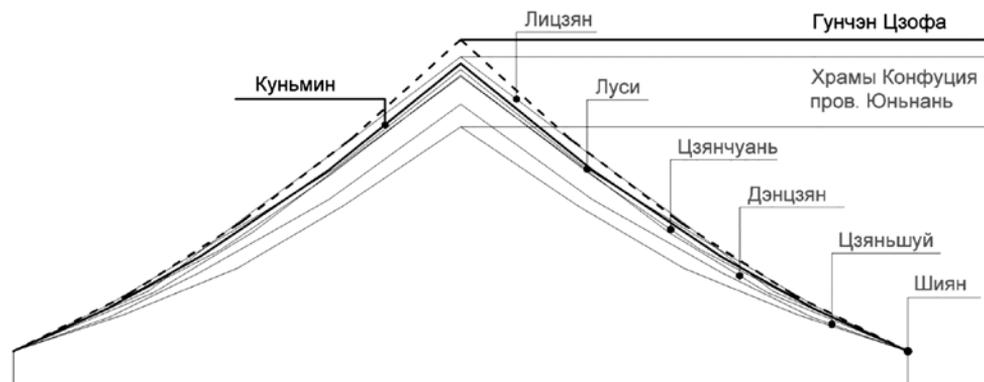
Линия горизонта на ил. 2а расположена на высоте более 2 м от земли. Это свидетельствует о том, что данная фотография была сделана с некоего возвышения. Скорее всего, им была каменная терраса

Ил. 6. Стоечно-балочный каркас; а — согласно трактату «Гунчэн цзофа», фрагмент разреза (Ма Бинцзянь 2003: 165); б — реконструкция зала Дачэндянь, фрагмент разреза. Чертеж автора

под воротами Дачэнмэнь, высота которой, согласно натурным замерам, составляла 2.35 м. В результате археологических исследований удалось определить расстояние между залом Дачэндянь и воротами Дачэнмэнь по осям ближайших опор, которое составляло около 55 м. То есть объектив фотоаппарата мог быть удален также приблизительно на это расстояние. Кроме того, на фотографии можно увидеть фигуры людей. Предположительно их рост составлял 165–170 см. На основании вышеперечисленных данных был проведен графический анализ фотографии и определена приблизительная высота сооружения в целом, а также высота основных его членений (высота конька, карниза, опор, верхней грани балки *эфан*, террасы и т.д.). В результате данного анализа было выяснено, что по центральной оси высота сооружения до верхней грани конька составляла около 15,8 м, высота опор около 5,2 м, а высота карниза приблизительно 5,8 м. Имея эти данные, стало возможным продумать конструктивную схему крыши и выяснить примерный уклон ее скатов.

Для проверки правильности расчетов автор провел сравнение найденного уклона скатов крыши с уклоном скатов крыш в других храмах Конфуция провинции Юньнань династии Цин. Основным материалом для проведения анализа стала магистерская диссертация Ху Вэя «Анализ храмов Конфуция времен правления династий Мин и Цин на территории провинции Юньнань» (Ху Вэй 2003). В этом исследовании автор перечислил более двух десятков храмов Конфуция, многие из которых он лично обмерил. Среди наиболее близких к куньминскому по размеру, местоположению и датировке можно назвать храмы Конфуция в Лицзяне, Луси, Цзянчуане, Дэнцзяне, Цзяньшуге и Шияне. Учет контуров скатов крыш главных залов данных храмов позволяет выяснить, что уклон скатов крыши Главного зала куньминского храма находится в пределах уклонов крыш остальных храмов провинции Юньнань (ил. 7). А если сравнить их с правилом построения уклонов скатов крыши *цзюйцзя* (举架) из трактата Гунчэн Цзофа, то можно увидеть, что все юнь-

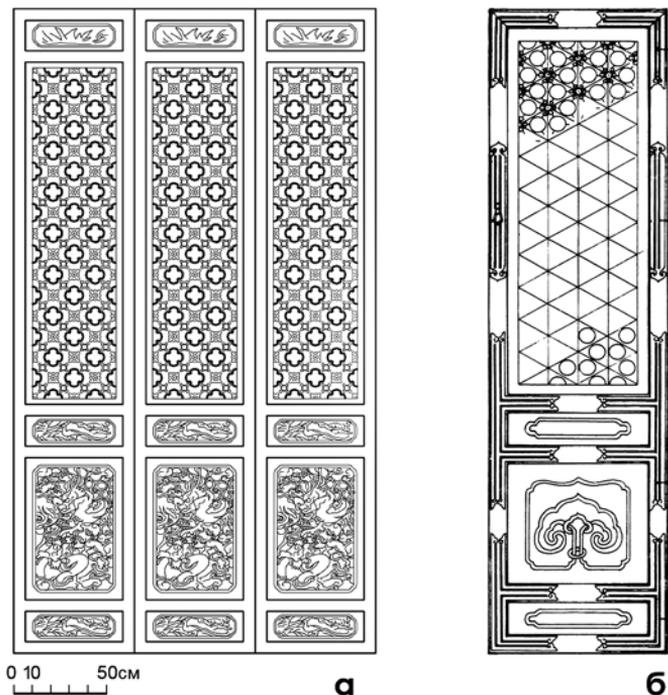
Ил. 7. Изгиб скатов крыши зала Дачэндянь в Куньмине и сравнение его с другими храмами Конфуция провинции Юньнань, а также с правилом цзюйцзя трактата «Гунчэн цзофа». Рисунок автора

наньские храмы имели более пологие скаты крыши, чем того требовал трактат по строительству.

Если говорить о модульном построении куньминского храма в целом, то, судя по исследованиям (Лян Сычэн 2007; Ху Вэй 2003), в южной архитектуре пропорции всех конструктивных элементов следовали модульной системе с *доукоу* в качестве основного модуля (ширина сечения элемента *гун*). Однако сами соотношения зачастую отличались от описанных в трактате «Гунчэн цзофа» в сторону уменьшения, так что все основные конструктивные элементы получали меньшие сечения, по сравнению с императорскими строительными правилами. Так, ширина карнизных опор в куньминском храме, судя по фотографии, составляла 5 *доукоу*, а по трактату она должна была равняться 6 *доукоу* (Лян Сычэн 2004: 87), высота сечения большой балки *эфан* в куньминском храме составляла 3,6 *доукоу*, а по трактату она должна была равняться 6,6 *доукоу* (Лян Сычэн 2006: 110). Обмерные чертежи в исследованиях Лян Сычэна и Ху Вэй показывают, что размеры конструкций в интерьере построек также следуют вышеописанной тенденции.

Помимо этого значительные расхождения с трактатом наблюдаются в отделке исследуемого сооружения. В постройках на территории провинции Куньмин традиционно используется большое количество деревянной резьбы. Ей покрываются балки, детали кронштейнов *доугун*, в то время как по трактату на этих местах должна помещаться роспись. Сравнение створок дверей зала Дачэндянь с образцом отделки дверей из трактата «Гунчэн цзофа» (ил. 8) показывает, что пропорции дверей куньминского храма были более вытянутыми и узкими, а членения более сложные. Кроме того, плоскости филенчатых створок богато украшались сложной деревянной резьбой, чего не было в правилах трактата.

Также и элементы черепичного декора достаточно сильно отличаются в южной архитектуре Китая от канонических. Самая заметная деталь черепичного декора — это фигуры *чивэнь* (鸱吻) на концах главного конька постройки. В трактате «Гунчэн цзофа» *чивэнь* показан в виде дракона с большой головой и коротким хвостом (ил. 9б), в то время как в южной архитектуре хвост этого

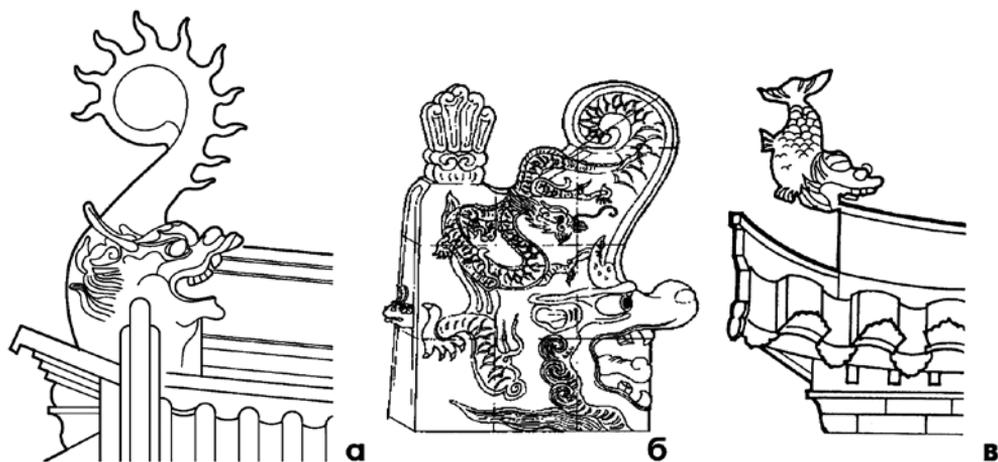
Ил. 8. Сравнение отделки створок дверей: а — двери зала Дачэндянь в Куньмине (рисунок автора), б — отделка дверей согласно трактату «Гунчэн цзофа» (Ма Бинцзянь 2003: 278)

дракона делался значительно больше и украшался языками пламени, благодаря чему формировался характерный причудливый образ (ил. 9а). Согласно исследованию Лоу Цинси (Лоу Цинси 1999: 35), такая форма драконов восходит к народному обычаю помещать по сторонам конька фигуру рыбы с поднятым вверх хвостом как символ защиты от пожаров (ил. 9в).

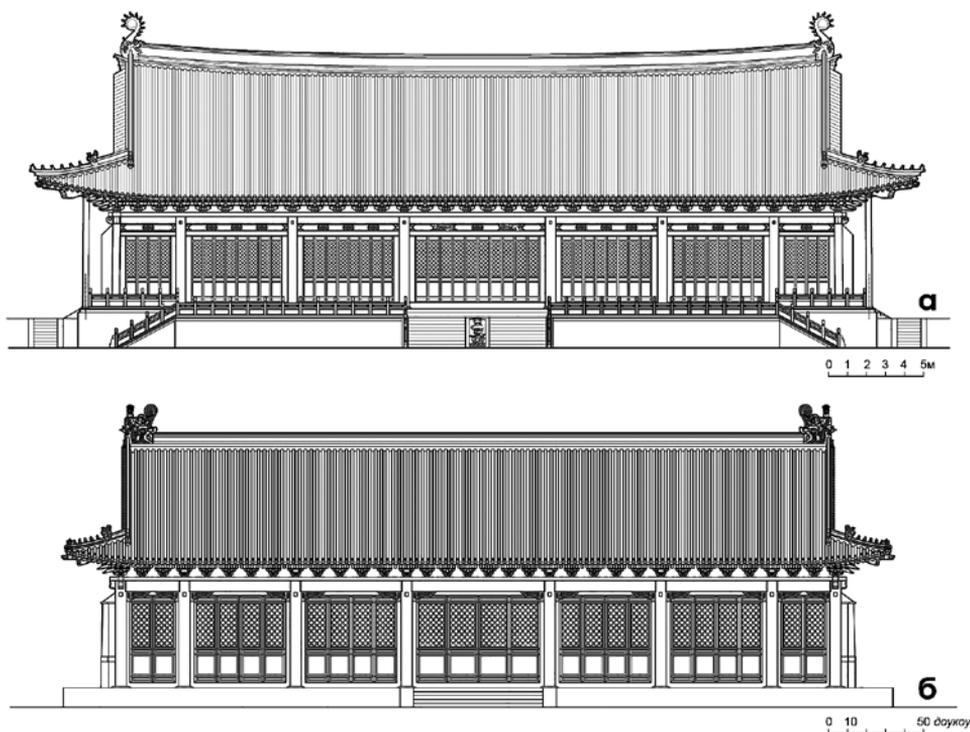
В целом, если сравнить главный фасад зала Дачэндянь в Куньмине с фасадом семипролетного зала с девятиконьковой крышей, выполненным по правилам трактата «Гунчэн цзофа» (ил. 10), то помимо всего описанного выше в глаза бросается сильный изгиб главного конька здания. Это характерная особенность южнокитайской архитектуры, восходящая к более ранним эпохам, ее отчет-

ливо можно проследить во всех сохранившихся до нас постройках Куньмина времен династии Цин, а также во всех обмерных чертежах, представленных в исследованиях Лян Сычэна и Ху Вэя. Для достижения такой динамично изогнутой линии главного конька по торцам конькового бруса дополнительно набивалось несколько рядов деревянных брусков, высота которых постепенно увеличивалась к краям основного бруса и могла достигать величины более полуметра. Затем уже поверх полученной конструкции укладывались керамические глазурованные элементы конька крыши.

Кроме того, вынос карниза делался значительно больше по сравнению с каноном, из-за чего по углам приходилось использовать дополнительные тонкие

Ил. 9. Сравнение фигур чивэнь: а — зал Дачэндянь в Куньмине, б — трактат «Гунчэн цзофа», в — сельская архитектура южных провинций Китая. Рисунок автора

Ил. 10. а — Главный фасад зала Дачэндянь в Куньмине; б — фасад семипролетного зала с девятиконьковой крышей, выполненный по правилам трактата «Гунчэн цзофа». Чертеж автора

подпорки, поддерживавшие концы угловых балок. Большой вынос карниза обусловливался климатическими особенностями. Он был необходим для защиты деревянных конструкций от разрушительного воздействия влаги и продолжительных дождей. Этим же обусловлен значительный вынос черепиц над фронтонами боковых фасадов, а также облицовка деревянных досок боковых фронтонов керамическими плитками, в то время как по правилам трактата фронтонная часть должна была украшаться определенными росписями.

Проведенное исследование показывает, что при династии Цин строительные нормы, установленные императорским двором, в отдаленных регионах Китая соблюдались не очень строго. Отступления от правил происходили в основном с учетом местных климатических особенностей, размеров сечения имеющегося в данном регионе строительного материала, а также частично из-за влияния локальных культурных обычаев и традиций местных мастеров-строителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Лоу Цинси 1999 — 楼庆西. 乡土建筑装饰的特征与价值. (Лоу Цинси. Особенности декора сельской архитектуры) // 建筑史 (История архитектуры). 1999. № 11. С. 26–42.
- Лян Сычэн 2004 — 梁思成全集, 第六卷. (Лян Сычэн. Полное собрание трудов в 9 т. Т. 6.). Пекин, 2004.
- Лян Сычэн 2006 — 梁思成, 清式营造则例 (Лян Сычэн. Строительные правила династии Цин). Пекин, 2006.
- Лян Сычэн 2007 — 梁思成, 未完成的测绘图 (Лян Сычэн. Незаконченные обмерные чертежи). Пекин, 2007.
- Ма Бинцзянь 2003 — 马炳坚. 中国古建筑木作营造技术 (Ма Бинцзянь. Техника возведения деревянного каркаса в древнекитайской архитектуре). Пекин, 2003.
- Пань Дэхуа 2004 — 潘德华. 斗拱. 下卷. (Пань Дэхуа. Доугун. В 2 т. Т. 2.). Нанкин, 2004.
- Пань Гуси 2009 — 中国古代建筑史, 第四卷. 潘谷西主编 (История древнекитайской архитектуры в 5 томах. Т. 4. Гл. ред. Пань Гуси). Пекин, 2009.
- Сунь Дачжан 2002 — 国古代建筑史, 第五卷. 孙大章主编 (История древнекитайской архитектуры в 5 томах. Т. 5. Гл. ред. Сунь Дачжан). Пекин, 2002.
- Франсуа 2000 — 奥古斯特·弗朗索瓦. 历史的凝眸 — 清末民初昆明社会风貌摄影纪实 (Август Франсуа и др. Исторический взгляд — фотохроника жизни общества в Куньмине конца династии Цин, начала Республики (1896–1925)). Куньмин, 2000.
- Ху Вэй 2003 — 胡炜. 云南明、清文庙建筑实例探析 (Ху Вэй. Анализ храмов Конфуция времен правления династий Мин и Цин на территории провинции Юньнань. Магистерская диссертация). Куньмин: Куньминский технический университет, 2003.
- Яо Чэнцзу 1986 — 姚承祖. 营造法原 (Яо Чэнцзу. Истоки строительных канонов). Пекин, 1986.

REFERENCES

- Pan Guxi. *Zhongguo gudai jianzhushi (History of Ancient Chinese Architecture)*, vol. 4. Beijing: Zhongguo Jianzhu Gongye Publ., 2009 (in Chinese).
- Sun Dazhang. *Zhongguo gudai jianzhushi (History of Ancient Chinese Architecture)*, vol. 5. Beijing: Zhongguo Jianzhu Gongye Publ., 2002 (in Chinese).
- Liang Sicheng. *Liang Sicheng Quanji (The Complete Works of Liang Sicheng)*, vol. 6. Beijing: Zhongguo Jianzhu Gongye Publ., 2004 (in Chinese).
- Auguste Francois. *Lishi de ningmou — Qing mo Ming chu Kunming shehui fengmao sheying jishi (Historical Perspective — a photographic recording of social life in Kunming in the end of Qing dynasty — beginning of Republic (1896–1925))*. Kunming: Yunnan Meishu Publ., 2000 (in Chinese).
- Liang Sicheng. *Wei wancheng de cehuitu (Unfinished dimensional drawings)*. Beijing: Tsinghua University Publ., 2007 (in Chinese).

- Pan Dehua. *Dougong*, vol. 2. Nanjing: Southeast University Publ., 2004 (in Chinese).
- Yao Chengzu. *Yingzao Fayuan (The origins of construction canons)*. Beijing: Tongji University Publ., 1986 (in Chinese).
- Liang Sicheng. *Qingshi yingzao zeli (Construction rules of the Qing dynasty)*. Beijing: Tsinghua University Publ., 2006 (in Chinese).
- Ma Bingjian. *Zhongguo gudai jianzhu muzuo yingzao jishu (Timber frame technology in ancient Chinese architecture)*. Beijing: Kexue Publ., 2003 (in Chinese).
- Hu Wei. *Yunnan Ming, Qing wenmiao jianzhu shili tanxi (The analysis of Wenmiao temples of Ming and Qing dynasties in Yunnan province)*, Master's thesis. Kunming: Kunming University of Science and Technology Publ., 2003 (in Chinese).
- Lou Qingxi. Xiantu jianzhu zhuanshi de tezheng yu jiazhi (Characteristics and value of decoration in vernacular architecture). *Jianzhushi Journal (History of Architecture)*, 1999, no. 11, pp. 26–42 (in Chinese).

И. В. Белинцева

АРХИТЕКТУРА КУРОРТОВ ОСТРОВА РЮГЕН (ГЕРМАНИЯ) XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: ОТ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ОТДЫХА К МАССОВОМУ ТУРИЗМУ

Первый курорт минеральных вод Сагард на острове Рюген появился в 1794 г. В 1816 г. был основан морской курорт Путбус, служивший местом отдыха аристократии. До настоящего времени сохранились классицистические особняки, театр, купальня. В середине XIX — начале XX в. дома рыбаков в деревне Зассниц и других сменили виллы и отели в стиле историзма и модерна, в которых отдыхали купцы, промышленники, высокопоставленные государственные служащие. В 1930-е годы началось строительство огромного курорта Прора, предназначенного для отдыха 20 тысяч рабочих. В статье продемонстрирован длительный путь развития курортов Рюгена от строительства для избранных до возведения курорта «для народа», от классицистических дворцов к массовому жилищи у моря.

Ключевые слова: Рюген, Путбус, Прора, курорты, социальный заказ, архитектура, стиль

I. V. Belintseva

RESORT ARCHITECTURE OF THE ISLAND OF RÜGEN (GERMANY) OF THE 19TH — THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: FROM ARISTOCRATIC RELAXATION TO MASS SCALE TOURISM

The first mineral waters spa resort Sagard appeared on the island of Rügen in 1794. In 1816 the Sea Resort Putbus was founded, which served as a vacation destination for the aristocracy. Until now, there are preserved classic mansions, a theater, and a bath in the form of a Greek peripter. According to K. Shinkel's project, a large palace was built there (1827–1831). In 1860, the resort became the seaside village of Zassnitz. In the late XIX — early XX centuries, simple fishermen's houses have replaced elegant villas and hotels in the style of historicism and modernity. In contrast to the aristocratic Putbus, large merchants, bankers, industrialists, civil servants, and also rich foreigners settled here. On the Rügen peninsula of Mönchgut in 1882 there existed the resorts of Binz and Göhren, in 1884 — Lome, 1887 — Breguet, Zelin, Tissov, 1898 — Baabe, which were built on the model of English resorts. A huge kurhauz in Binz (1910), recreating the atmosphere of Brighton in England stands out especially. In the 1930s the construction of the Prora resort began, intended for the rest and recreation of 20 thousand members of the society „Power through joy“. The impressive scale of the idea was implemented only partially. The resorts at Rügen demonstrate the long journey of resorts building, from construction for the elite to erection of the resort „for the people“, from classic palaces to mass dwellings by the sea.

Keywords: Rügen, Putbus, Prora, resorts, social order, architecture, style

История морских курортов Германии насчитывает более 200 лет. К числу популярных мест отдыха относятся многочисленные курортные городки на острове Рюген, который представляет собой архипелаг, состоящий из 18 островов в Балтийском море; самый крупный из них в 1930-е годы был соединен с материком плотиной. Форма основно-

го большого острова¹ весьма причудлива, высокие обрывистые берега сильно изрезаны, их изгибы образуют множество заливов, бухт, полуостровов и мысов. Остров долгое время был яблоком раздора между Швецией, Данией и не-

¹ Ширина острова 41 км, длина составляет 52 км.

мецким княжеством Померания. После наполеоновских войн начала XIX в. эта территория была передана Пруссии (в 1815 г.) как часть новой Передней Померании. В результате Второй мировой войны Рюген был присоединен к земле Мекленбург — Передняя Померания и входил в состав ГДР.

Остров издавна привлекал путешественников своими романтическими пейзажами, знаменитыми крутыми меловыми скалами так называемого «Королевского трона», запечатленными на полотнах К.Д. Фридриха (ил. 1). Изображенные художником пейзажи рюгенского полуострова Ясмунд сохранили давний исторический облик; территория объявлена национальным парком. Считается, что именно Рюген послужил прототипом для известного «острова Буяна» из сказки А.С. Пушкина о царе Салтане. Первоначальное название читалось как «Руян» — „русский“, т.е. основанный славянами. Первое письменное упоминание о славянских жителях острова, именуемых «ругинами», относится к 703 г. (Hofer 1985: 6).

С конца XVIII в. на острове Рюген размещались курорты для богатых гостей, но в XX в. он превратился в место массового туризма. Х.Д. Кнапп в статье «Рюген как цель путешествия. Миф о Рюгене — природное наследие и памятники культуры как туристический потенциал» выделил семь этапов развития курортов острова, которые можно экстраполировать и на другие места отдыха Балтийского моря. За основу периодизации автор принял социокультурные изменения в среде посетителей курортов. Первый этап конца XVIII — начала XIX в. он обозначил как фазу редких энтузиастов, затем настало время ученых и творческой интеллигенции (художников, архитекторов и т.д.), за ним следует распространение «аристократического курортного и культурного туриз-

Ил. 1. Рюген. Меловые скалы. Фото автора, 2013

ма». К концу XIX в. и в первой половине XX в. развивался «буржуазный курортный туризм», в межвоенный период XX в. распространился «национал-социалистический массовый туризм», в послевоенные годы его сменил «социалистический массовый туризм». В конце XX в. наблюдается «фаза рыночно-хозяйственного туризма», не исключая значительной массовости, но отличающаяся от буржуазного этапа первой половины столетия меньшей индивидуализацией (Knapp 2011: 25–32).

Паломничество любителей морских и горных видов вызвало необходимость строительства на крутом берегу жилища для отдыха путешественников, которое было построено в 1801 г. по заказу пастора Генриха Кристофа фон Виллиха (1759–1827) из близлежащего поселения Загард. Совместно со своим сводным братом, врачом Морицем фон Виллихом (1750–1810), пастор ранее

основал первое курортное предприятие на острове Рюген под названием «Заведение с источниками для купания и наслаждений» („Brunnen-, Bade- und Vergnügungsanstalt“). На источниках железистых, известковых и газированных вод был построен бювет и купальный павильон, который открыли 4 июля 1795 г. Курорт не получил широкого развития из-за незначительности быстро иссякнущих источников.

Увеличивавшийся поток путешественников-романтиков, очарованных красотой острова, привел к возведению в наиболее популярных местах Рюгена, таких как скалы «Королевского трона», новых пристанищ для путников, где они могли бы в случае необходимости найти приют. В 1818–1819 гг. на средства правительства был возведен первый постоянный гостевой дом «в буковом лесу над склонами меловых гор» (*Ohle, Baier* 1963: 554). Проектированием гостиниц на Рюгене заинтересовался во время путешествия на остров Карл Фридрих Шинкель (1781–1841), который в 1835–1838 гг. создал эскизный проект гостевого дома. Деревянная бревенчатая постройка в местечке Штуббенкаммер, расположенном в восточной части Рюгена на полуострове Ясмунд, была возведена в «швейцарском стиле» (*Там же*). В облике здания присутствовали многочисленные характерные внешние признаки архитектуры швейцарских шале: деревянный сруб был перекрыт пологой двускатной крышей с большим выносом с торцевой стороны, нависающим над открытым широким балконом второго этажа. Свесы кровли с боковых сторон поддерживали скругленные бревенчатые повалы-кронштейны, в то время как крыша с торца и балкон второго этажа опирались на обычные мощные кронштейны. Конек был украшен традиционной резной вертикальной доской. В облике гостинично-

го здания присутствовали и антикизированные элементы в виде трехколонного портика входа. Здание перестраивалось после пожаров 1848 г. и в 1891 г., на его месте в настоящее время находится музейный центр Национального парка Ясмунд, охраняемого ЮНЕСКО.

Дальнейший расцвет интереса к острову связан с появлением курорта, основанного в 1816 г. князем Вильгельмом Мальте I фон Путбусом (1783–1854), владельцем значительной части острова. Первые упоминания о семействе «Подебуш»² встречаются в 1253 г., и с тех пор потомки древних князей жили на этой территории. К 1371 г. относятся первые указания на существование здесь «каменного строения» (*Там же*: 413).

Курорт Путбус был расположен на некотором отдалении от берега Грайфсвальдского залива и служил местом отдыха избранной немецкой аристократии. До настоящего времени сохранились хорошо отреставрированные особняки эпохи классицизма, здание театра, купальня с выразительной, почти античной колоннадой. Ансамбль Путбуса строился между 1808 и 1823 г. по единому плану и стилистически соответствовал классицистическим зданиям богатой княжеской резиденции. Архитектурный образ курорта возник как результат деятельности заказчика фон Путбуса и архитектора Иоганна Готфрида Штайнмайера (1780 — после 1851) при участии берлинского придворного баумайстера В. Штайнбаха и не без влияния ведущего немецкого зодчего К. Ф. Шинкеля.

И. Г. Штайнмайер, ученик, друг и родственник знаменитого придворного баумайстера К. Ф. Шинкеля, сопровождал архитектора еще в поездке по Италии в 1803–1805 гг. Он прошел курс обуче-

² Имя собственное Путбус происходит от славянского словосочетания «под боз», т. е. «под кустами» (*Meissner* 1999: 61).

ния в Берлинской архитектурной академии, много лет руководил строительством в Путбусе и определил яркие антикизирующие черты архитектурного ансамбля, объединившего усадьбу князя с аристократическим курортом. При участии Штайнмайера возведены типологически различные, но выдержанные в едином классическом стиле здания, определившие на долгие годы облик Путбуса. В комплекс входили специфически курортные сооружения, такие как купальня (1818 г.) и курзал (1844–1846 гг.), позднее перестроенный в дворцовую церковь, общественные здания: театр (1826 г.) и учебный корпус «Педагогиум» (1833–1836 гг.). Образ элитного поселения дополняли резиденционные постройки: дворец князя (1827–1837 гг.) и его охотничий дом Гранитц (1837–1846 гг., автор башни — арх. К. Ф. Шинкель), с сопутствующими хозяйственными зданиями (конюшни, дом садовника, впоследствии перестроенный под именем «вилла Лёвенштайн», 1828–1829 гг., и др.). Первые здания курорт-гостиницы «Отель ду Норд», «Отель под Орлом», «Отель Княжеский двор», «Дворец Лоттум» и т. д. были построены еще в 1808 г. на северной стороне главной аллеи, продолжающей магистраль, идущую от Штральзунда, соединявшего остров с материковой частью Германии.

Как символ нового морского курорта в 1818 г. вблизи Путбуса, в местечке Лаутербах, на берегу Грайфсвальдского залива, по проекту Штайнмайера возникла купальня, предназначенная для принятия теплых морских ванн и названная с высочайшего согласия в честь друга князя фон Путбуса — германского короля Фридриха Вильгельма III. В качестве образца для этого общественного здания послужили постройки английского курорта Бат, с которым именитый заказчик ознакомился впервые в 1808 г. и ко-

торый неоднократно посещал впоследствии. Прямоугольное в плане здание во всю длину парадной стороны украшал идеальный по пропорциям классический портик дорического ордера (ил. 2).

О влиянии Англии свидетельствует также планировка центральной части рюгенского курорта. Главная площадь Путбуса, как и в Бате, спроектированная в форме круга (диаметром 200 м), получила название Циркус (в настоящее время — площадь Эрнста Тельманна). Ансамбль площади, на которую выходят фасады пятнадцати репрезентативных зданий, украшенных портиками, сохранился практически в первозданном виде (ил. 3).

Проекты общественных и жилых сооружений курорта, предложенные архитектором Штайнмайером, владетельный князь поправил собственноручно и настоял на их окраске в светлые тона, так что Путбус называли часто «Белым городом». В центре площади по-прежнему возвышается обелиск высотой 22 м, установленный в 1845 г. в честь основания курорта. После бури 1847 г., когда было повреждено завершение обелиска, наверху установили каменную княжескую корону (Meissner 1999: 64). На северной стороне Циркуса видны ворота, ведущие к столице Рюгена — городу Берген. Самое примечательное здание, расположенное на юго-западной стороне круглой площади, «Педагогиум», предназначалось для обучения мальчиков из аристократических семей³.

В первой половине XIX в. старый французский парк при дворце фон Путбуса был изменен по английскому

³ В 1941 г. гимназия была переустроена в «национально-политическое воспитательное учреждение». В 1946–1975 гг. здание служило для подготовки учителей, потом здесь разместили школу для слабослышащих детей, до 1997 г. здесь размещался центр реабилитации детей с диабетом.

Ил. 2. Путбус. Купальня. Фото автора, 2013

Ил. 3. Путбус. Циркус, главная площадь курорта. Фото автора, 2013

Ил. 4. Путбус. Храм. Фото автора, 2013

образцу, и на его территории возведено несколько парковых сооружений, среди которых выделялся курзал, в позднеклассическом стиле. Здание представляло собой курортный салон с танцзалом, игровой комнатой, кондитерской и рестораном (арх. Ф. А. Штюлер, И. Г. Штайнмайер). В 1891–1892 гг. увеселительное заведение было перестроено и освящено как храм Христа, для удобства проведения богослужений был добавлен трансепт и пристроена трехэтажная башня с портиком перед главным входом (ил. 4).

В 1819–1821 гг. в Путбусе, на главной городской трассе, ведущей от Штральзунда, был построен театр по образцу здания, возведенного Шинкелем на Жандармермаркт в Берлине. Автором идеи театрального здания были князь фон Путбус и его друг фон Хан, руководил строительством тогдашний при-

дворный архитектор Штайнбах. Главный фасад простого, прямоугольного в плане, двухэтажного здания украшает выразительный четырехколонный портик, украшенный рельефами с изображением Аполлона и муз (ил. 5). Крыша первоначально была вальмовой, портик завершался аттиком, но уже в 1826 г. аттик заменили треугольным фронтоном, крышу сделали двускатной. Перестройка театра приписывается ученику Шинкеля, уже упоминавшемуся Штайнмайеру. Тогда же горизонтальный потолок был заменен куполообразным по предложению музыканта и композитора Карла Фридриха Цельтера (1758–1832), также родственника Шинкеля. Новшество было связано с архитектурной модой, но более всего — с требованиями акустики (Hahn, Weiss 1999: 50). К сожалению, первоначальные исторические интерьеры театра были со временем

Ил. 5. Путбус. Театр. Фото автора, 2013

переделаны, но сохранились позднейшие росписи в классицистическом духе. В связи с тем, что театральные здания этого времени встречаются достаточно редко, театр в Путбусе служит примером устройства театра первой половины XIX в. наряду с такими зданиями, как Национальный театр в Мюнхене, театр штуттгартского курорта Каннштадт и театр в Кобленце (*Hahn, Weiss* 1999: 51).

Значительную роль в формировании необычного курортно-усадебного ансамбля Путбуса сыграл Шинкель. По его проекту был построен большой классицистический дворец (1827–1831 гг.), сгоревший в 1863 г. и впоследствии существенно перестроенный. Дворец был сильно поврежден в годы Второй мировой войны, и его руины взорва-

ны в 1962 г. (*Urban* 1995: 31). Оранжерея в парке, построенная по проекту Шинкеля в 1833 г., в настоящее время служит художественной галереей. Архитектор много строил на Рюгене. Помимо вышеупомянутых известны несколько разных проектов и сохранившихся построек, таких как маяк в Арконе (1826–1827 гг.).

Во второй половине XIX в. избранных аристократических гостей побережья Рюгена сменила буржуазия и средние слои зажиточного населения Германии, которые могли себе позволить отдых на морском курорте. Интенсивное экономическое развитие Рейха после объединения Германии 1870–1871 гг., растущая потребность в путешествиях обеспеченного среднего класса, строительство разветвленной сети шоссейных и же-

лезных дорог вели к усиленному развитию балтийских курортов. Расцвету мест отдыха и лечения способствовало принятие в Германии государственного закона от 31 марта 1873 г., который разрешил оплаченные отпуска определенным группам служащих, поясняя это необходимостью поддержания их здоровья для успешной работы. Закон о праве на обязательный отпуск в сочетании с растущим благосостоянием городского населения создали благоприятную обстановку для развития курортной жизни, строительства общественных зданий и небольших загородных домов, предназначенных для отдыха. Через десять лет, в 1884 г., был принят закон о страховании от болезней, также способствовавший росту числа посетителей морских курортов.

Все большее количество рыбацких поселений Рюгена стали перестраивать с учетом наплыва отдыхающих. С 1860 г. началось превращение в модное место отдыха расположенной на берегу моря деревни Засснитц, которая долго сохраняла свой сельский характер. Первая гостиница была построена здесь в 1869 г. К концу XIX в. деревня радикально изменила свой архитектурный облик: дома рыбаков, сдававшиеся внаем, сменились красивыми виллами, коттеджами и отелями в стиле историзма и модерна (ил. 6). В отличие от аристократического Путбуса, в Засснитце селились крупные торговцы, банкиры, промышленники, государственные служащие. Здесь отдыхали также богатые иностранцы, в том числе выходцы из России.

На рюгенском полуострове Мёнхгут в 1882 г. возникли демократичные курорты Бинц и Гёрен, в 1884 г. — Ломе, в 1887 г. — Бреге, Зеллин, Тиссов, в 1898 г. — Баабе, которые застраивались по образцу английских курортов: вдоль морского побережья, обращенные нарядными фасадами в сторону моря. С по-

мощью акционерных обществ были возведены самые интересные сооружения этих курортов — курхаузы и молы, уходящие далеко в глубь морских просторов. Особенно быстро развивался курорт Бинц: в 1836 г. он насчитывал 106 жителей, в 1883 г. здесь проживало 200 человек и приезжало около 1000 гостей курорта. К 1895 г. число жителей увеличилось до 504 человек (Gehrke 1999: 72). Среди общественных сооружений в Бинце до сих пор выделяется огромный курхауз в неоклассическом стиле (арх. Отто Шпалден, 1910 г.), расположенный непосредственно на берегу моря и воссоздающий атмосферу Брайтона в Англии (ил. 7).

Основу застройки новых курортов Рюгена составляли небольшие гостиницы, пансионаты и особняки для отдельных семейств, многие из которых сохранились до настоящего времени. Большинство вилл были возведены в стиле модерн, с включением элементов «швейцарского стиля», популярного на рубеже XIX–XX вв. В это время формируется представление о стиле жилой «курортной архитектуры» — легкой, лишенной исторических аллюзий и тяжеловесного декора, с домиками, дополненными деревянными верандами, галереями, балконами, украшенными декоративной резьбой. Особенной популярностью пользовались постройки из дерева, благодаря легкости и скорости возведения из стандартных элементов, обычно изготовленных на специализированных фабриках и собираемых непосредственно на месте. До сих пор стоят отреставрированные деревянные виллы, как например, вилла «Унди-на» для графини фон Мюнстер, пансионат «Руша» в Бинце и другие. Вилла «Унди-на» построена по проекту немецкого архитектора Иоганна Ланге⁴, работавшего для

⁴ Подробных сведений о жизни и творчестве архитектора И. Ланге, работавшего в 1880–1900 гг., выяснить не удалось.

Ил. 6. Заснिति. Курорт. Общй вид. Фото автора, 2013

Ил. 7. Бинц. Курхаус. Фото автора, 2013

Ил. 8. Бинц. Вилла «Ундина». Фото автора, 2013

фирмы по строительству сборных деревянных домов из Вольгаста (ил. 8). Акционерная фирма из Вольгаста берет свое начало от верфи, основанной в 1868 г. Иоганном Хайнрихом Краефтом (Bauer 2010: 33). «Вольгастерское общество по обработке дерева» специализировалось на импорте американского дерева, проектировании и строительстве зданий разного назначения из бруса и бревен. Особый акцент ставился на создании летних особняков, возводимых по собственным технологиям и образцовым проектам, создаваемых берлинскими архитекторами специально для этой фирмы. Фирма из Вольгаста впервые стала изготавливать типовые элементы, сначала для небольших садовых домиков, со временем расширяя круг сооружений: от летних особняков до спор-

тивных объектов, концертных павильонов, войсковых казарм, хозяйственных построек (Omlanowska 2011: 134).

В одном из каталогов отмечалось, что фирма занимается изготовлением деревянных домов со дня своего основания, «поскольку широкие народные массы почувствовали желание иметь собственный дом» (Wolgaster Actien-Gesellschaft 1892: 1). Для внутреннего оформления, а также для изготовления конструктивно наиболее ответственных элементов дома использовались ценные породы дерева, такие как кипарис и южная желтая сосна различных видов. Внутренние конструкции изготавливались из местной сосны, растущей в Померании (провинция Пруссии). Сборные дома, изготавливаемые фирмой, были удобны для

транспортировки, при возведении нуждались только в невысоком фундаменте из камня или деревянных свай, что существенно удешевляло строительство. Заказчикам предлагались дома в «русском», «норвежском», «швейцарском» стилях, а также классицистические и неоренессансные постройки.

В 1892 г. был опубликован каталог, где среди других особняков фирмы из Вольгаста была представлена и рюгенская вилла «Ундина» — с крутой двускатной крышей, остроконечным щипцом, украшенным резными деревянными деталями, с обязательной для особняков конца XIX — начала XX в. башенкой с куполом (*Wolgaster Actien-Gesellschaft 1892: taf. 10*). Вилла-пансионат «Руша», стоявшая недалеко от «Ундины» на длинном, четырехкилометровом береговом променаде в Бинце, была построена в 1896 г. в «швейцарском стиле», который отличался пологими крышами с далеко выступающими скатами, открытыми галереями и балконами с резными ограждениями.

Новые представления об отдыхе на море и структуре приморского курорта сложились в период между двумя мировыми войнами. Продолжающаяся демократизация жизни уничтожила сохранявшиеся пережитки расписанного по часам образа жизни на морском берегу, бытовавшие в конце XIX — начале XX в. Ушли в прошлое строгие условности, такие как отдельные купальни и закрытые купальные костюмы, постепенно отказались от суровой регламентации при принятии морских и воздушных ванн, родилось новое отношение к наготе, вплоть до появления специальных пляжей для nudистов, закрытых сразу после прихода А. Гитлера к власти и объявленных «вредной еврейской выдумкой».

В межвоенное время особенно сильно ощущался нараставший отрыв город-

ского населения от загородных мест, решались вопросы отдыха и проведения досуга жителей мегаполисов. Характерно, что в 1937 г. в Париже Общество международных конгрессов современной архитектуры (CIAM), организованное Ле Корбюзье еще в 1928 г., обсуждало проблему «Жилище и отдых».

Нацистская власть в Германии сформулировала и пыталась воплотить собственные представления об отдыхе. В конце 1930-х годов на морском побережье острова Рюген началось строительство специального курорта для широких рабочих масс, называвшегося позднее «Прорским колоссом», «бетонным монстром», «самой большой машиной для отдыха, которая когда-либо была спланирована» и т.д.

30 июня 1935 г. Правительство Третьего рейха купило у семьи Мальте фон Путбус участок ровного песчаного побережья, заросшего кустами и низкими соснами, между бюргерским курортом Бинц и портом в Мукране. Закладка нового, единственного в своем роде и самого крупного в мире курортного комплекса произошла 2 мая 1936 г. К этому времени уже началось строительство технических сооружений, жилого городка для сотрудников санатория. 5 октября 1936 г. состоялось открытие железной дороги через вновь построенную дамбу, соединившую Рюген с материком, которая облегчила путь к массовому месту отдыха. Через три года, 15 мая 1939 г., был открыт отрезок пути до курорта Бинц, расположенного вблизи Проры. К концу 1930-х годов рельсовые дороги Рюгена увеличились до 70,5 км (*Остров Рюген*).

Курорт Прора должен был одновременно принимать 20 тысяч членов общества «Сила через радость» („Kraft durch Freude“, или KdF), которое активно занималось организацией доступного отдыха для немецких рабочих. Социальные

программы KdF обеспечивали немецких рабочих проездными билетами и дешевыми путевками на курорты Германии.

Необычная «машина для отдыха» строилась в 1936–1939 гг. по проекту кёльнского архитектора Клеменса Августа Клотца (1886–1969), одного из ведущих архитекторов 1930-х годов, близкого к власти, работавшего над заказами гитлеровской организации «Германский рабочий фронт», включавшей также общество KdF. В 1990-е годы, когда военные освободили закрытую в течение многих лет территорию Проры, в Германии начались горячие дискуссии о том, следует ли сохранять этот комплекс, несущий отпечаток эпохи его возникновения. После долгих споров, проведения многочисленных международных и национальных симпозиумов и конференций, было принято решение о реставрации и реконструкции курорта, его включении в перечень охраняемых объектов культурного наследия и дальнейшем использовании в качестве музея, места общественных собраний и туристического притяжения (Jelen 1996: 36–42). В 1992 г. комплекс был передан Федеральному управлению по недвижимости и получил статус архитектурного памятника. В 1995 г. в третьем блоке и общественном корпусе был открыт музейный комплекс и Документационный центр, занимающийся исследованиями «Прорского колосса».

Курорт Прора имел в основе концептуальный замысел, соответствующий идеям национал-социализма: организовать массы людей на отдыхе так, чтобы они действовали каждую минуту сообща, воедино и дисциплинированно участвовали в мероприятиях, будь то прием пищи, празднества или физкультурные занятия. Комплекс включал открытые и закрытые гигантские общественные пространства, театры и кинотеатры, варьете, кафе и рестораны, мага-

зины и читальные залы, бильярдные и кегельбаны и, наконец, жилые здания, рассчитанные на совместное проживание «двадцатитысячников», которые должны были сменяться каждые десять дней (ил. 9). Кроме того, было предусмотрено жилье для 5–10 тысяч человек — обслуживающего персонала, создание технических объектов: вокзала, кухни, прачечных, котельных и т.д. Процесс проектирования и строительства «самого большого в мире» курорта, называвшегося «источником радости», широко освещался в прессе 1930-х годов (Benke 1997: 39–50). В строительстве комплекса перед Второй мировой войной участвовало девять крупнейших немецких строительных фирм, было задействовано около 9 тысяч рабочих, среди них заключенные, для которых был построен небольшой концлагерь. В ходе строительства Гитлер потребовал возвести в центральной части комплекса монументальный концертный зал, две большие площади и гавань, которая могла бы принять круизные лайнеры. Проектирование концертного зала было поручено архитектору Эриху Пулиццу (Эрих Вильгельм Юлиус барон Ганс Эдлер цу Пулицц, 1892–1945), который много работал над крупными правительственными заказами во время Третьего рейха (Erich zu Putlitz). Неоклассическое гигантское здание, окруженное с четырех сторон портиками, предназначалось для одно-временного собрания всех «двадцатитысячников» Проры и должно было составлять идейный и архитектурный центр курорта (проект не осуществлен). Подготовительные работы для строительства концертного зала, а также общественных зданий, хозяйственных блоков и двух бассейнов были начаты в 1938 г. Перед войной частично возвели набережную и причал перед площадью, отделяющей кромку моря от будущего

Ил. 9. Прора. Макет-реконструкция. Фото автора, 2013

концертного зала, следы которых, занесенные песком, читаются до сих пор.

После ансамбля для проведения партийных съездов в Нюрнберге курорт Прора представлял собой крупнейший архитектурный комплекс периода национал-социализма. Макет курортного комплекса был выставлен на Всемирной выставке в Париже 1937 г. и получил Гран-при. Грандиозный масштаб этого замысла, воплощенного лишь частично, впечатляет до сих пор. В своей простоте архитектура жилых корпусов восходит к традициям функционализма 1920-х годов, а в общей планировке гигантского комплекса явственно читаются идеи линейного (ленточного) города, сформулированного Ле Корбюзье. Прора — прототип массового туристического города, в котором немецкий архитектор пытался воплотить линейную планировочную систему, пользовавшуюся популярностью в европейском градостроительстве вплоть до середины 1930-х годов. Многокилометровый вытянутый вдоль воды курорт представлялся его созда-

телям реальной возможностью приблизить человека к природе, не нарушая сложившихся естественных связей между морем и песчаным берегом с его скудной растительностью. Линейная планировка жилых корпусов служила гарантией сохранения окружающего прибрежного ландшафта.

В непосредственной близости от кромки воды протянулась слегка изогнутая вдоль песчаного побережья линия из восьми объединенных воедино шестизэтажных зданий общей длиной около 4,5 км с перпендикулярными выступами корпусов со стороны суши (ил. 10). В каждом корпусе были предусмотрены общественные помещения и жилые двухместные комнаты, обращенные в сторону моря, размером 2,5 × 5 м, для проживания отдыхающих. «К 1939 году были полностью построены четыре санаторных блока. Каждый блок состоял из коридоров вдоль западной стороны и двухместных небольших комнат, расположенных по восточной стороне (с видом на море). В перпендикулярных

Ил. 10. Прора. Жилые корпуса. Фото автора, 2013

„зубцах“ находились лестничная клетка и санитарные помещения. Остальные четыре санаторных блока к 1939 году успели возвести под крышу, но без отделки» (Остров Рюген). Сейчас в музее курорта реконструировано предвоенное убранство комнат для отдыхающих, с 1939 г. сохранились метлахская плитка на полах и цветной бетон на ступеньках лестниц. Кроме того, внутри здания частично сохранилась первоначальная отделка и обстановка помещений, сложившаяся к 1989 г., когда здесь дислоцировались военные части ГДР.

Общий облик санаторно-гостиничных жилых строений и планировка комплекса выдержаны в духе функционализма и строгого прагматизма, восходящего к архитектурной культуре 1920-х годов. Однако общественные сооружения, особенно неосуществленный гигантский концертный зал, а также недостроенный общественный корпус с рестораном и др., выделялись классическими формами ордерной архитектуры в духе Третьего рейха и напоминали

позднеримские святилища, окруженные многоколонными портиками.

Протяженный фасад, обращенный к морю, в настоящее время отличается монотонностью, от которой не спасают редкие группы балконов на едва заметных круглых столбах, замурованных в 1950-е гг. Но по неосуществленному плану Клотца от единообразных вытянутых вдоль кромки берега жилых корпусов в сторону моря должны были уходить десять полукруглых пристроек, похожих на многопалубные морские корабли и предназначенных для общественных функций. Они оживляли бы общую монотонность линейной объемно-пространственной композиции. В нижнем этаже предполагалось разместить вспомогательные помещения и службы, на втором этаже — столовые, на третьем этаже с примыкающими террасами — кафе и рестораны. На верхних этажах планировалось устроить читальные залы, кегельбаны и открытые веранды для воздушных ванн.

С южной стороны к жилым корпусам примыкали три здания для

Ил. 11. Прора. Общественное здание. Фото автора, 2013

организованных массовых действ, украшенные рядами пилонов. Руины одного из них сохранились и несут отпечаток строгого и упрощенного неоклассического стиля 1930-х годов с элементами ар-деко. Была реализована часть общественного блока с рестораном, оформленная монументальной колоннадой из исполинских пилонов, в центре которой высятся две круглые колонны с капителями в древнеегипетском стиле, характерные для ар-деко (недостроенное здание в 1990-е годы укрепили металлическими опорами) (ил. 11). Непосредственно на песчаном берегу располагалась огромная площадка для общих собраний, окруженная со стороны берега ступенями для зрителей и напоминающая античные театры.

Курорт не успел начать выполнять свои первоначальные функции: почти законченный к 1939 г., он служил во время войны пристанищем для беженцев и потерявших кров, затем его переоборудовали в казармы⁵. Только

⁵ В 1943 г. в некоторых корпусах были размещены жители Гамбурга, Ростка и Штральзунда, потерявшие свое жилье после англо-американских бомбардировок. Многие корпуса были приспособлены под военный госпиталь вермахта, который просуществовал здесь до мая 1945 г. После того, как остров Рюген перешел под советский контроль, в корпусах разместилось общежитие для переселенцев из бывшей Восточной Пруссии, которое просуществовало до 1948 г. В том же году здесь разместились казармы для 10 тысяч военнослужащих. В 1948–1953 гг. в учебно-практических целях были взорваны недостроенные корпу-

в 2000-е годы комплексу начали возвращать его первоначальную функцию объекта массового туризма. В 2015 г. здесь открылся музей, отремонтировали корпус для молодежной гостиницы, стали готовить очередные блоки под жилье.

Морские курорты острова Рюген представляют собой оригинальные урбанистические образования, свидетельствующие о социальной ориентации и художественных предпочтениях XIX — первой половины XX в. Идиллически-романтические настроения, сопутствующие отдыху на побережье, по-разному проявлялись в курортной архитектуре. В течение длительного периода формируется новая типология жилых и общественных зданий, рассчитанных на временное пребывание людей, обладающих досугом, складывается специфическая стилистика курортных сооружений.

Путбус — спланированный город-курорт и одновременно княжеская резиденция начала XIX в. — выдержан в стиле строгого классицизма. Индивидуальные виллы и особняки Засснитца, Бинца, Зеллина и других небольших курортов рубежа XIX–XX столетий, украшенные деревянными верандами, галереями и балконами с резными узорами, сохранили до настоящего времени свой исторический облик и демонстрируют эстетические предпочтения эпохи расцвета буржуазной культуры. Более чем через столетие недалеко от классицистического комплекса в Путбусе, рядом с мелкими односемейными коттеджами

са южного крыла. В 1956 г. комплекс был приспособлен для размещения военнослужащих Национальной народной армии ГДР, военного технического училища, учебного комплекса и военного санатория для офицеров и их семей (санаторий имени Вальтера Ульбрихта) с детским оздоровительным лагерем. После объединения Германии в Проре разместились войска бундесвера, которые покинули территорию в 1992 г. (*Остров Рюген*).

курорта Бинц, вырос их антипод — курорт Прора, отличавшийся грандиозностью замысла. Старые курорты были неспособны справиться с огромным потоком желающих, потребовались крупные «фабрики здоровья», которые могли бы принять одновременно десятки тысяч отдыхающих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Остров Рюген* — Остров Рюген: «Прорский колосс». URL: <http://www.nashi-progulki.ru/ru/list/article.php?id=3135> (дата обращения: 16.06.2017).
- Bauer* 2010 — *Bauer H.-U.* Holzhäusers aus Wolgast. Ikonen der Bäderarchitektur. Bd. 1. Usedom: Verlag IGEL, 2010.
- Benke* 1997 — *Benke G.* Das KdF-Seebad im Spiegel der zeitgenössischen deutschen Presse // Rügen. Information. Visitenkarten. Vol. 7. Putbus: Rügendruck GmbH, 1997. S. 39–50.
- Erich zu Putlitz* — *Erich Wilhelm Julius Freiherr Gans Edler Herr zu Putlitz*. URL: <https://deu.archinform.net/arch/3522.htm> (дата обращения: 17.06.2017).
- Gehrke* 1999 — *Gehrke H.* Binz contra Putbus. Die Anfänge des Ostseebades Binz // *Rugia Journal*. Vol. 1. 1999. S. 71–74.
- Hahn, Weiss* 1999 — *Hahn U., Weiss A.* Das Theater Putbus — eine Perle des Klassizismus von europäischem Rang. Die Baugeschichte im Spiegel der restauratorischen Untersuchungen // *Rugia Journal*. Vol. 1. 1999. S. 49–59.
- Hofer* 1985 — *Hofer K.-J.* Rügen. Bilder einer Insel. Leipzig: VEB F. A. Brockhaus Verlag, 1985.
- Jelen* 1996 — *Jelen F.* Streitpunkt Prora. Umgang mit einem schwierigen Erbe // *Rugia Journal*. In der Tradition des Rügener Heimatkalenders. Vol. 1. Insula Rugia e. V., 1996. S. 36–42.
- Koloss von Prora* 1997 — *Koloss von Prora* kostet 500 Millionen. Ostseezeitung. Dienstag, 11. März 1997 // Rügen. Information. Visitenkarten. Vol. 7. Putbus, Rügendruck GmbH, 1997. S. 39–50.
- Knapp* 2011 — *Knapp D. H.* Rügen als Reise Ziel. Mythos Rügen — Naturerbe und Kulturdenkmäler als touristisches Potential // *Rugia. Rügen-Jahrbuch*, 2011. S. 25–32.

- Meissner 1999 — Meissner P. Von Kasnevitx zum Jagdschloss Granitz // *Rugia Journal*. Vol. 1. 1999. S. 61–72.
- Ohle, Baier 1963 — Ohle W., Baier G. Die Kunstdenkmale des Kreises Rügen (Die Kunstdenkmale im Bezirk Rostock). Im Auftrag des Ministeriums für Kultur der Deutschen Demokratischen Republik herausgegeben vom Institut für Denkmalpflege Arbeitsstelle Schwerin. Leipzig: Nachdruck der Ausgabe Seemann Publ., 1963.
- Omilanowska 2011 — Omilanowska M. Die Holzarchitektur der Ostseebäder und die Wolgaster Actien-Gesellschaft // *Stadtfluchten — Uciezki z miasta*. 17. Tagung des Arbeitskreises deutscher und polnischer Kunsthistoriker und Denkmalpfleger Szczecin/Stettin. 25–28. September 2009 / Ed. M. Omilanowska, B. Störtkuhl. Warszawa, 2011. S. 130–148.
- Tilitzki, Glodzej 1984 — Tilitzki Ch., Glodzej B. Die deutsche Ostseebäder im XIX. Jh. // *Kurstädte in Deutschland. Zur Geschichte einer Baugattung* / Ed. R. Bothe. Berlin: Verlag Fröhlich & Kaufmann, 1984. S. 513–536.
- Urban 1995 — Urban W. Rügen so wie es war. Düsseldorf: Droste Verlag, 1995.
- Wolgaster Actien-Gesellschaft 1892 — Wolgaster Actien-Gesellschaft für Holzbauarbeiten vorm. J. Heinr. Kraeft: Import amerikan. Hölzer; Bau v. zerlegbaren Holzhäusern. Wolgast, 1892.
- Hahn U., Weiss A. Das Theater Putbus — eine Perle des Klassizismus von europäischem Rang. Die Baugeschichte im Spiegel der restauratorischen Untersuchungen. *Rugia Journal*. vol. 1. 1999, pp. 49–59.
- Hofer K.-J. *Rügen. Bilder einer Insel*. Leipzig: VEB F. A. Brockhaus Verlag Publ., 1985.
- Jelen F. Streitpunkt Prora. Umgang mit einem schwierigen Erbe. *Rugia Journal. In der Tradition des Rügener Heimatkalenders*. Vol. 1. Insula Rugia e. V. Publ., 1996, pp. 36–42.
- Koloss von Prora kostet 500 Millionen. Ostseezeitung. Dienstag, 11. März 1997. *Rügen. Information. Visitenkarten*. Vol. 7. Putbus, Rügendruck GmbH Publ., 1997. S. 39–50.
- Knapp D.H. Rügen als Reise Ziel. Mythos Rügen — Naturerbe und Kulturdenkmäler als touristisches Potential. *Rugia. Rügen-Jahrbuch*, 2011, pp. 25–32.
- Meissner P. Von Kasnevitx zum Jagdschloss Granitz. *Rugia Journal*, vol. 1, 1999, pp. 61–72.
- Ohle W., Baier G. *Die Kunstdenkmale des Kreises Rügen (Die Kunstdenkmale im Bezirk Rostock)*. Im Auftrag des Ministeriums für Kultur der Deutschen Demokratischen Republik herausgegeben vom Institut für Denkmalpflege Arbeitsstelle Schwerin. Leipzig: Nachdruck der Ausgabe Seemann Publ., 1963.
- Omilanowska M. Die Holzarchitektur der Ostseebäder und die Wolgaster Actien-Gesellschaft. *Stadtfluchten — Uciezki z miasta*. 17. Tagung des Arbeitskreises deutscher und polnischer Kunsthistoriker und Denkmalpfleger Szczecin/Stettin. 25–28. September 2009. Ed. M. Omilanowska, B. Störtkuhl. Warszawa: Institut Sztuki Polskiej Akademii Nauk Publ., 2011. S. 129–146.
- Tilitzki Chr., Glodzej B. Die deutsche Ostseebäder im XIX. Jh. *Kurstädte in Deutschland. Zur Geschichte einer Baugattung*. Ed. R. Bothe. Berlin: Verlag Fröhlich & Kaufmann Publ., 1984, pp. 513–536.
- Urban W. *Rügen so wie es war*. Düsseldorf: Droste Verlag Publ., 1995.
- Wolgaster Actien-Gesellschaft für Holzbauarbeiten vorm. Johann Heinrich Kraeft: Import amerikanischer Hölzer; Bau v. zerlegbaren Holzhäusern. Wolgast, 1892.

REFERENCES

- Bauer H.-U. *Holzhäusers aus Wolgast. Ikonen der Bäderarchitektur*. Vol. 1. Usedom: Verlag ISEL Publ., 2010.
- Benke G. *Das KdF-Seebad im Spiegel der zeitgenössischen deutschen Presse. Rügen. Information. Visitenkarten*. Vol. 7. Putbus: Rügendruck GmbH, Publ. 1997. S. 39–50.
- Erich Wilhelm Julius Freiherr Gans Edler Herr zu Putlitz URL: <https://deu.archinform.net/arch/3522.htm> (date of access: 17.06.2017)
- Gehrke H. Binz contra Putbus. Die Anfänge des Ostseebades Binz. *Rugia Journal*, vol. 1, 1999, pp. 71–74.

О. С. Шурыгина

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ГАРАЖ КАК НОВЫЙ ТИП ЗДАНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США)

Используя материал Великобритании, Германии, Франции, Италии, Чехии и США в период с 1900 до 1918 г., мы постараемся проследить этапы формирования архитектурной типологии, рассчитанной на удовлетворение потребностей человека XX столетия не напрямую, а опосредованно — через организацию хранения и обслуживания автомобиля, служащего неотъемлемым атрибутом Новейшего времени. Становление и развитие архитектуры автомобильного гаража в разных странах Запада обладали существенными различиями, обусловленными социокультурными и экономическими факторами.

Ключевые слова: автомобиль, автомобильная инфраструктура, автомобилизм, гараж, автомобильный гараж, архитектура XX в.

O. S. Shurygina

MOTOR CAR'S GARAGE AS A NEW TYPE OF BUILDING IN THE ARCHITECTURE OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (AS PER EXAMPLE OF WESTERN EUROPE AND THE USA)

Using the material from Great Britain, Germany, France, Italy, the Czech Republic and the United States in the period up to 1914, we will try to trace the formation of a new architectural typology, the principal novelty of which was that its „addressee“ was not actually a human, but a machine regarded as the inalienable attribute of man of the 20th century. At the same time, the specifics of the formation and development of the architecture of the automobile garage in each of the countries were quite substantial, turning an analysis of these features into a separate research problem in the light of the influence of local socio-cultural and economic factors.

Keywords: car, automobile infrastructure, motorism, garage, car garage, architecture of the XX century

Широко известна фраза Ле Корбюзье, описывающая идеал модернистской архитектуры: «Дом — машина для жилья». Эта формула функционализма возникла в момент, когда взаимосвязь архитектуры и машины уже имела свою историю. В буквальном смысле дом для машины — автомобильный гараж — возник в 1900–1910-х годах, и это был сложный по композиции и инженерно-техническому решению архитектурный объект, предназначенный иногда для одновременного хранения нескольких десятков единиц подвижного состава.

Архитектура ранних гаражей относится к малоизученным областям как

в России, так и за рубежом. Существующие публикации западных специалистов относятся к жанру каталога или ограничиваются монографическим описанием памятников одной страны или даже одного региона¹. Работ отечественных исследователей по данной тематике нами не обнаружено, за исключением статей в прессе начала XX в. (Защук 1916).

¹ Публикации, основанные на материале Великобритании: (Minnis 2009; Henley 2009; Smith 2010; Smith 2012; Morrison, Minnis 2012; Minnis, Morrison 2016); Германии: (Katzke 2005; Hartmann 2015); Чехии: (Vorlík 2011; Vorlík 2013); США: (Newman 1999; Sager 2002; McDonald 2007; Grossman 2013; Jakle, Sculle 2013; Kessler 2013).

Данная статья содержит обзор развития архитектуры гаражей на основе совокупного материала разных стран с его сравнительным анализом. Опираясь на данные Великобритании, Германии, Франции, Италии и США, мы постараемся проследить формирование новой архитектурной типологии, принципиальная новизна которой заключалась в том, что ее «адресатом» становился не собственно человек, а машина, рассматриваемая как атрибут бытовой культуры XX столетия. При этом существовали свои особенности становления и развития архитектуры автомобильного гаража в каждой из западных стран.

Временные рамки охватывают период с 1900 г., момента появления первых датированных гаражей на территории Англии, до 1918 г. — времени окончания Первой мировой войны и распада европейских империй.

Американские исследователи связывают интенсивность автомобилизации в США начала XX в. с чересчур медленным развитием городского общественного транспорта, а также с началом массового производства автомобиля, доступного по стоимости широким слоям населения. При этом сам автомобиль, как правило, простаивал порядка 20–23 часов в сутки, что ставило на повестку дня вопрос о месте и условиях его хранения. Например, должны ли хранилища машин быть чисто утилитарными сооружениями или стоит позаботиться об их эстетической выразительности, о художественном образе? Или: где в городах следует размещать подобные объекты?

На раннем этапе автомобили использовали инфраструктуру, «унаследованную» от гужевого транспорта, что вызывало некоторые неудобства. Условия, необходимые для жизни животных и хранения экипажей, не всегда соответствовали требованиям обслужива-

ния механических средств передвижения. Возникла опасность возгорания помещений, связанная с необходимостью хранения топлива и смазочных материалов. Тем не менее прямым предшественником автомобильного гаража был каретный сарай или навес, предназначенный для хранения конных экипажей и предметов упряжи. Создание новых схем организации хранения автомобилей стало следствием количественного роста автопарка. В условиях плотной городской застройки, где требования экономии пространства были весьма актуальны, сосредоточение большого количества мест-стоянок вызвало необходимость многоуровневого их размещения в целях лучшего использования участка и потребовало решения не встречавшихся ранее задач и разработки многоэтажного гаража — сооружения принципиально нового типа, не имеющего ничего общего с традиционными каретными сараями. На гаражи распространялись не только общие положения проектирования и строительства, принятые для гражданских сооружений, но также и ряд специальных требований. Чем больше по площади и вместимости был гараж и чем более дифференцировались его функции, тем разнообразнее становились его вспомогательные помещения и сложнее композиция. Комплекс гаража мог включать в себя станцию технического обслуживания, автозаправочную станцию, помещения для обслуживающего персонала и т. п.

Однако, несмотря на общие задачи, в каждой стране место стоянки автомобилей обладало своими особенностями, будь то способы перемещения внутри гаража или его расположения в городской застройке.

Так, в Англии, куда первые автомобили были импортированы с конти-

Ил. 1. «Моторные конюшни» Д. Соломонса. Англия, графство Кент. 1900. Фотография начала XX в. (Morrison, Minnis 2012: 76)

нента в 1895 г., первые специально построенные автозаводы, коммерческие гаражи, автостоянки и автосалоны датируются примерно 1900 г. Поэтому гаражное строительство было развито здесь достаточно хорошо. Французское слово «гараж» было впервые использовано в том же 1900 г., причем применялось оно к зданиям, предназначенным для хранения большого количества автомобилей. Для небольших структур, как правило, использовалось выражение «моторный дом» („motor house“) либо «моторная конюшня» (Morrison, Minnis 2012: 75). До 1914 г. крупные автостоянки строились в основном в центральной части Лондона и на дорогах морских курортах.

В духе времени функциональная структура гаража была скрыта за деко-

ративным фасадом, варианты стилистического решения которого были различными: неоедвардианский и неотюдорский стили, голландский колониальный, стиль движения «Искусств и ремесел», необарокко и др. Выбор стиля зависел от прилегающей застройки и предпочтений заказчика. При этом собственный образ гаража сложился уже позднее.

Одними их первых в Англии специализированных зданий, созданных для хранения, ремонта и технического обслуживания автомобилей, являются «Моторные конюшни» инженера и пионера автомобилизма сэра Дэвида Лионеля Соломонса, построенные в графстве Кент, Брумхиле и Сауфборо в 1900 и 1902 г. (Minnis 2009) (ил. 1). Гараж предназначался для обслуживания автомобилей владельца и представлял собой

Ил. 2. «Лондонский моторный гараж». Англия, Лондон. 1902–1903. Современная фотография (Morrison, Minnis 2012: 169)

ряд кирпичных боксов, один из которых был оборудован под мастерскую. В подвале были расположены кладовая, кузница, туалеты и гардероб для механиков, имелось бензохранилище, центральное отопление, электрическое освещение. Гараж полностью сохранился, включая техническое оснащение и даже мебель.

Разнообразие стилистики ранних гаражей представляют такие общественные сооружения, как необарочный «Эдвардс гараж» в Бристолье („Edwards Garage“, 1898), «Гараж Каффин» в Истборне („Caffyns Garage“, 1911), неогоргианский «Моррис Гараж» в Оксворде („Morris Garage“, 1909–1910) и «Гараж Ротбери» („Rothbury Motor Garage“, 1913) в Нормамберленде.

Несомненно, одними из самых ярких примеров гаражного строительства можно считать многоэтажные гаражи, расположенные в центре Лондона. Первый из них, «Гараж площади Пикадилли» („Piccadilly Circus Garage“, 1901) (Welham 2008), — не просто многоуровневая стоянка, а своего рода начало эры многоместного гаражного строительства, крупнейшее на тот момент сооружение подобного типа: семиэтажное здание, рассчитанное на 120 автомобилей, оборудованное электрическим лифтом. Гараж функционировал по прямому назначению до середины 2000-х годов пока не был снесен под новую застройку.

Вторым столь же грандиозным зданием являлся Лондонский моторный гараж („London Motor Garage — Mitchell Motor“, 1902–1903) (ил. 2), предназначенный для посетителей близлежащих театров района Сохо. Пятиэтажное красно-кирпичное здание на металлическом каркасе, рассчитанное на размещение 200 автомобилей, было снабжено системой подъемников и поворотных кругов (Minnis, Morrison 2016: 12). Функция совершенно не читается на фасаде здания. Оно больше напоминает жилой дом, нежели стоянку автомобилей.

Наступление эры автомобиля изменило облик старых курортов Великобритании. На некоторых из них прежние променады и прогулочные дорожки превратились в оживленные автомагистрали. Кроме того, автомобиль сделал доступными удаленные и труднодоступные места побережья. В то время как лондонские гаражи стилистически были более сдержанными, в курортных городах, таких как Истборн и Бормут, декоративное оформление фасада было сложнее. Здесь также можно было встретить внутреннее деление гаражного пространства на отдельные запирающиеся металлическими воротами секции. Это

Ил. 3. «Гараж Ботанического сада». Шотландия, Глазго. Архитектор Д. Уилли. 1906–1912. Современная фотография. Автор — Г. Э. Кегг. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:24_Vinicombe_Street,_Glasgow_LB32935.jpg (дата обращения 01.06.2017)

было необходимым элементом безопасности. Курортные гаражи привлекали большое количество публики, которая пользовалась их услугами от нескольких дней до нескольких недель. Это обстоятельство требовало особого внимания к сохранности имущества клиентов. Например, «Гараж Савой» („Savoy Garage“, 1914–1915) в курортном городе Блэкпул на восточном побережье представлял собой пример совмещения крытой парковки при отеле и станции технического обслуживания и ремонта.

Нельзя не отметить, что практически все исследовательские работы, посвященные автомобилизации Британских островов, сосредоточены вокруг

Англии. Остальные регионы остаются малоизученными. Тем не менее в 1906–1912 гг. в столице Шотландии, городе Глазго, по проекту архитектора Дэвида Валентина Уилли (David Valentine Wyllie) был построен «Гараж Ботанического сада» („Botanic Gardens Garage“)² (ил. 3), ранний и редкий пример общественного здания данного типа. Гараж представляет собой двухэтажное строение с подвалом, вытянутое вглубь участка. Основу составляет металлический каркас с бетонным и кирпичным заполнением. Фасад в виде трехпролетной

² Сайт инициативной группы по сохранению гаража: URL: <http://botanicgardensgarage.org/> (дата обращения: 29.05.2017).

аркады-витрины оформлен в стилистике модерна с элементами неоромантики. Внутреннее пространство было разделено на боксы из металлической сетки. Доступ в нижний этаж осуществлялся по наклонному скату, для верхнего использовалась рампа, встроенная в галерею соседнего дома. Движение было точным: заезд и выезд осуществлялись с противоположных сторон здания.

Больше всего в развитии гаражного строительства продвинулись США. Стремительная автомобилизация страны в совокупности с хорошо развитой дорожной инфраструктурой, ценовой доступностью автомобиля и возможностью его обслуживания и эксплуатации при непопулярности общественного транспорта сделали привлекательным обладание собственным средством передвижения. Постепенно автомобиль в Америке стал символом свободы, благополучия и мобильности. Он расширил мир за пределами дома, работы, общества и отдельно взятого города.

Самыми моторизованными областями США оказались не Нью-Йорк и Нью-Джерси с их большим населением, а штат Канзас, где было сосредоточено наибольшее количество кукурузных плантаций. В таких городах, как например Филадельфия, являвшаяся крупным промышленным центром, рост количества автотранспорта был наиболее заметен. Это было связано с привлекательностью больших промышленных предприятий для рабочих, которые приезжали и обосновывались в городах. Появление больших удаленных от центра города и от мест работы районов способствовало появлению в семье автомобиля. Именно в этих периферийных районах и стал появляться новый тип городского дома среднего класса: дом с гаражом. Одним из первых решений для нового типа здания

были небольшие частично сборные конструкции из листового железа с бетонной заливкой пола, которые монтировались в необходимом месте по требованию заказчика (*Jakle, Sculle 2013: 119*). Гаражи более упрощенных моделей сборно-разборной конструкции можно было приобрести в готовом виде по каталогам.

По статистике, в 1915 г. в Америке насчитывалось около 17 000 гаражей. Наибольшее количество мест для стоянок было зафиксировано в крупных агломерациях: Нью-Йорке, Пенсильвании, Иллинойсе, Айове, Калифорнии и др. К 1918 г. общее количество гаражей уже достигало порядка 25 500 (*Там же: 7–8*). Гараж в американском городе являлся либо отдельным сооружением, либо мог быть интегрирован в иное по функции здание. Это связано с тем, что автомобиль воспринимался как средство передвижения в пространстве на разные расстояния и направления. Не всегда поездка могла иметь закольцованный маршрут. Путешествия требовали длительных остановок, от нескольких часов до нескольких дней. Американский опыт эксплуатации личного транспорта требовал организации перехватывающих парковок в центре городов, в местах сосредоточения деловой и культурной активности, таких как офисные и общественные здания, театры, спортивные объекты, вокзалы, то есть возникала необходимость предоставления разнообразных мест стоянки.

К 1920-м годам гаражная архитектура в Северной Америке выработала целый набор принципов: от расположения в городской застройке и композиционных решений фасада до внутренней планировки помещений, которые делали гараж узнаваемым объектом урбанистического пейзажа.

Внешний вид гаража определял стоимость постройки и характер предоставляемых в нем услуг. Первоначально это не очень заботило владельцев, так как многие из подобных сервисов были единственными в городе. Но постепенно с развитием конкуренции фасад стал играть роль рекламы заведения. Иногородние автомобилисты предварительно оценивали качество предоставляемых услуг в первую очередь по внешнему облику строения. В то же время это помогало водителю с проезжей части определить, что перед ним находится именно гараж. Расположение на центральных улицах было связано с тамошней организацией пространства: такие улицы были достаточно широки, имели мощеное либо иное твердое покрытие, разметку и достаточно интенсивный трафик. Выгодным считалось угловое расположение гаража. Угол был отчетливо виден с двух улиц, что позволяло зданию доминировать в застройке. Другой момент связан с размещением светофоров, знаков и иных невербальных барьеров перед переездом перекрестка. Это вынуждало замедлить движение и сделать остановку, чем способствовало акцентированию внимания на строении.

Коммерческий гараж, как правило, был совмещен с мастерской по ремонту и обслуживанию, магазином покрышек и горюче-смазочных материалов, автозаправочной станцией. Для рекламных целей на улицу выходили большие окна-витрины и въездные ворота. Хозяйственная и ремонтная зона располагались в глубине.

Одноэтажный гараж имел своим прототипом магазин либо синемаграф, то есть гражданскую архитектуру торговозрелищных пространств. Он был более подвержен архитектурной стилизации, более открыт для публики. Такие гаражи, как правило, возводились из кирпи-

ча и/или шлакоблоков с использованием облицовочной плитки и были богато декорированы.

Многоэтажный гараж может быть уподоблен промышленному сооружению. Он автоматизирован, максимально стилистически упрощен и технологичен. Здесь проектировщики использовали железобетонный каркас с заполнением из кирпича или шлакоблоков. Облицовка была выполнена, как правило, из отделочного кирпича, часто использовавшегося в сочетании с терракотовой штукатуркой и декорированным камнем. В оформлении фасадов можно встретить надписи с названием заведения. Декорировался лишь уличный фасад, носивший репрезентативные функции, а также интерьеры первого этажа. При возможности обустройства второго заезда организовывали систему поточного движения. Для внутренних коммуникаций в многоэтажных гаражах использовались грузовые лифты, для двухэтажных было характерно наличие въездной ramпы, встроенной в здание или внешней.

Внутренняя планировка гаражей была стандартизирована вне зависимости от их размеров и месторасположения. Пространство было четко разделено на зоны: продажа, хранение и сервис, которые были дистанцированы друг от друга посредством устройства внутренних перегородок и членения помещений. Разделение функций касалось не только физического пространства, но и персонала, в обязанности которого входило обслуживание конкретного участка. Демонстрационный зал (зал продаж) был аналогичен по функции любому другому торговому помещению: он должен быть представительным, привлекательным или даже роскошным. Таким образом, к началу 1920-х годов гараж, наряду с офисом и большим

Ford Service and Assembling Plants

In 25 of the principal cities of the United States are located Ford Branch Service and Assembling plants and a conception of the extent of this organization tells how the unequalled measure of Ford After-Service to Ford Owners is made possible. As a concrete instance of this service these assembly plants have the equipment to overhaul and completely rebuild a Ford car just as thoroughly and economically as the work could be done at the factory. Under these assembling plants is the auxiliary of more than 7000 Ford agencies in the United States—every one a service station. In addition to the chain of assemblage buildings Ford Sales and Service Branches are located in Boston,

Brooklyn, Charlotte, N. C., Kansas City, Kan., Milwaukee, Newark, New York City, Oklahoma City, Omaha, St. Paul.

Ford Assembly plants have a production capacity of from 50 to 250 cars a day and in these buildings are assembled about one half of the Ford cars produced. Through the activities of the assembling plants the Ford Motor Company was enabled to produce and distribute 46510 cars in the month of April and 43849 cars in March.

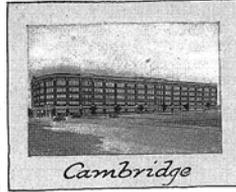
The aggregate valuation of these Assembly plants is approximately \$14,000,000. They employ about 7,000 workers who participate in Ford Profit-sharing on the same basis as obtains at the Detroit factory.

Atlanta

Buffalo

Cambridge

Chicago

Cincinnati

Cleveland

Columbus

Dallas

Denver

Detroit

Indianapo

Los Angeles

Minneapolis

Portland, O

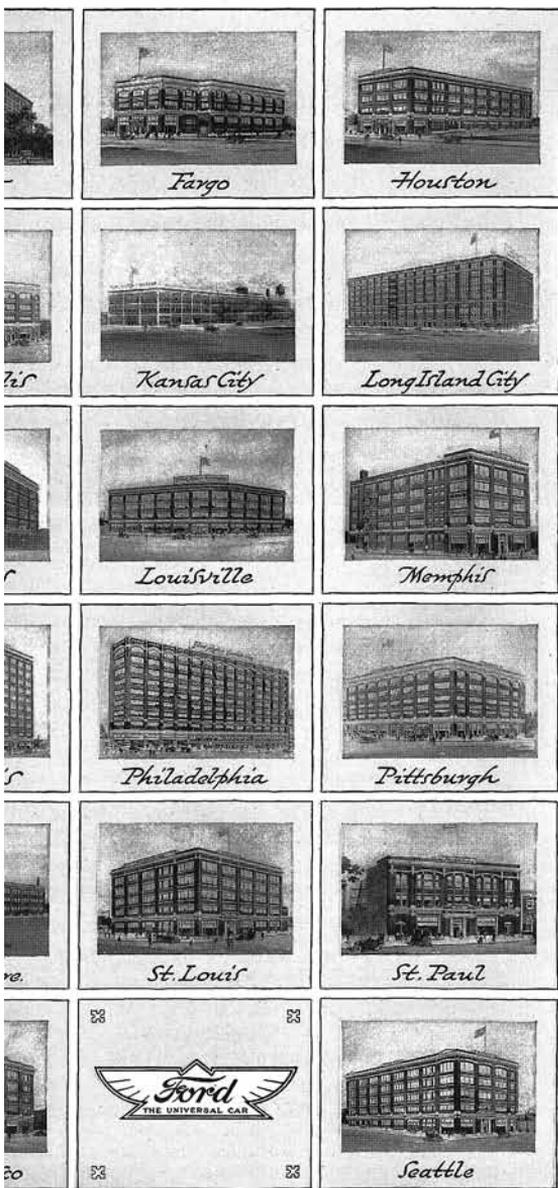

San Francisco

универмагом, стал одним из ключевых типов городских сооружений.

В начале XX в. в США система продажи автомобилей складывалась на основе тех каналов сбыта, через которые продавались повозки, фургоны, велосипеды и сельскохозяйственные машины (Шнотов 2003: 98–100, 105). Существовали собственные торговые филиалы компаний, крупные дилеры и мелкие розничные продавцы. Последние могли приобретать партии машин как у производителей, так и у крупных дилеров по франшизе. В 1910-е годы у компании Г. Форда появилась самая большая в мире инфраструктура сбыта и обслуживания автомобилей. В ней сочеталась торговля через собственные филиалы и через дилеров.

Связующим звеном производства и сбыта стали появившиеся в 1909 г. филиальные автосборочные заводы (до этого в крупных городах размещались только склады автомобильных запчастей). Сборка на месте снижала транспортные издержки, а значит, розничные цены, в которые включалась стоимость доставки. Здание торгового филиала компании Г. Форда („Ford Motor Company“) (ил. 4) в крупном городе выглядело следующим образом: в основе лежала железобетонная каркасная конструкция, облицованная красным кирпичом с выделением штукатурного карниза и первого этажа. На первом этаже, как правило, четырехэтажного здания располагался выставочный салон, где через витринные окна с улицы можно было наблюдать выставленные автомобили. Торговый зал вмещал до 50 машин. На втором этаже располагались помещения по продаже запчастей, шин и расходных материалов, на третьем — автосборочное производство, стоянка автомобилей. На последнем этаже чаще всего находились ремонтная, малярная

и обивочная мастерские. Запас комплектующих должен был быть всегда полным, чтобы не ждать поставки с основного завода в Детройте. Для сообщения между этажами использовался грузовой лифт. На крыше располагался склад готовой продукции.

К американской модели гаражно-строительства тяготели Канада и Австралия.

Малоисследованная французская практика гаражного строительства ярко представлена многоэтажным автоматизированным гаражом на улице Понтье в Париже („Garage Ponthieu“, 1906–1907). Первоначально О. Перре предусматривал его возведение из кирпича, но в дальнейшем отказался от этой идеи, полностью спроектировав монолитный железобетонный каркас, структура которого не скрыта под декоративными элементами, не оштукатурена, а полностью читается изнутри, отражая функциональное назначение сооружения. Гараж вписан в достаточно узкий Г-образный участок, большая часть которого скрыта в глубине квартала плотно прилегающей застройкой и извне не просматривается. Это одна из первых многоэтажных систем хранения автомобилей, использующая в качестве средства перемещения лифт, поворотные круги и «мостовые краны». Организация перемещения представляет собой синтез элементов автоматизированных систем, уже достаточно известных в то время. Корни ее можно разглядеть в железнодорожной отрасли (поворотный круг), промышленно-складской («мостовые краны») и др.

Гараж был рассчитан для хранения порядка 100 автомобилей. Парковочные места располагались на трех этажах, на первом — вдоль центрального проезда под углом в 45°, где эти места были индивидуально огорожены металлическими сетчатыми воротами, на втором

и третьем — под углом 90° к центральному пространству. Верхний этаж предназначался для административных целей.

Немецкая практика строительства ранних гаражей во многом отличается от других европейских примеров. Это также подтверждается наличием в немецком языке ряда специальных терминов, применяемых для различных типов сооружений, объединенных функцией хранения автотранспорта. Так, «Garage» — как правило, небольшое по вместительности сооружение, «Grossgaragen» — большой общественный коммерческий гараж, предоставляющий набор необходимых услуг по техническому обслуживанию, заправке горюче-смазочными материалами, продаже запчастей и расходных материалов, а также по обеспечению отдыха и проживанию профессиональных водителей. К третьему типу относились «Hochgarage» или «Parkhaus» — большие многоэтажные гаражи с практически исчерпывающим набором всевозможных услуг автомобилизации: от продажи новых автомобилей до школы шоферов.

Один из самых примечательных гаражей в Германии был построен в 1910 г. архитектором Георгом Грабом на участке дома Карла Бенца в Ладенбурге: здание из тесаного песчаника в виде садового домика с обзорной башней³. В двухэтажном квадратном в плане здании на первом этаже располагался гараж-бокс на один автомобиль, на втором этаже — кабинет.

Однако наиболее активно гаражи начали появляться в Берлине. Между 1909 и 1933 г. здесь были зарегистрированы в общей сложности 654 разные

³ Сайт Рейнско-Неккарской промышленной культуры. URL: <http://www.rhein-neckar-industriekultur.de/objekte/%C3%A4ltestengeplante-auto-garage-der-welt-ladenburg> (дата обращения: 29.05.2017).

Ил. 5–6. Гараж «Акционерного общества силовых машин» („Kraftfahrzeug-Aktien-Gesellschaft“), Берлин. Архитектор Ф. Гольтш. 1906–1907. Фото автора, 2017

Ил. 7. «Акционерное общество автомобильной промышленности» („AG für Automobilunternehmungen & Hochgarage“). Берлин. Архитекторы А. Кут и С. Гольдман. 1913–1914. Фото автора, 2017

компаний, оказывающие услуги по хранению и содержанию автомобилей⁴.

Гараж на улице Виланд (арх. Макс Равот (Max Ravoth), 1906–1907; Wielandstraße, 9) расположен во дворе узкого, уходящего вглубь участка, на красную линию выходит жилой дом. Непосредственно с улицы в гараж на 48 автомобилей ведут два проезда: один с уклоном вниз, в полуподвальный этаж, другой с уклоном вверх, в открытый двор, в который выходят боксы, расположенные вдоль границы участка и замыкаю-

⁴ Информация из неопубликованного доклада: Hartmann R. Building for the Automobilm — the Garagenwesen // 9th Annual Conference of the „International Association for the History of Transport, Traffic and Mobility“. Berlin, 6th–9th October 2011.

щие его помещением мастерской. Этот достаточно простой тип гаража со сгруппированными вокруг двора боксами характерен для Германии (или, например, Англии или Чехии).

Крупнейший multifункциональный общественный коммерческий гараж Акционерного общества силовых машин („Kraftfahrzeug-Aktien-Gesellschaft“) был построен в берлинском Шарлоттенбурге (арх. Франц Гольтш (Franz Goltsch), 1906–1907; Fritschestraße 27/28) (ил. 5). По желанию его владельца, в одном здании должны были найти удовлетворение все потребности автолюбителей. Железобетонный гараж в форме каре распложен в глубине участка, на красную линию выходит жилой дом. Доступ в гараж осуществлялся с улицы с помощью трех въездов (ил. 6). Вертикальное перемещение автомобилей внутри пятиэтажного здания осуществлялось с помощью лифтов, для доступа в подвал использовались рампы (*Scheltema* 1909). На втором этаже располагался склад запчастей, покрышек, систем зажигания, смазочных материалов и чистящих средств. Другую часть второго этажа занимали ремонт и шиномонтаж. На третьем этаже действовала авто-сборочная мастерская и мастерская по производству сидений. Верхние помещения арендовали конторы, предоставляющие услуги окраски и обивки кузовов, ремонта радиаторов и колес. Мансарда использовалась как выставочное пространство и новых, и подержанных автомобилей. Круглосуточная охрана, центральное отопление, магазин по продаже запчастей и другие удобства сделали комплекс гаража поистине универсальным.

Также стоит упомянуть о комплексе «Акционерного общества автомобильной промышленности» („AG für Automobilunternehmungen & Hochgarage“)

Ил. 8. «Королевский гараж» („Royal Garage“). Милан. Архитектор Д. Донги. 1903. Фотография начала XX в. URL: <http://skyscrapercity.com/showpost.php?p=93280270&postcount=24295> (дата обращения: 01.06.2017)

немецкого производителя автомобилей (арх. Арнольд Кут (Arnold Kuthe) и Самуэль Фритц Гольдман (Samuel Fritz Goldman), 1913–1914; Chausseestraße, 117)⁵, включающем в себя как доходный дом и коммерческие помещения на красной линии улицы (ил. 7), так и многоэтажный гараж, расположенный во дворе вытянутого вглубь участка. На карнизе неоклассического фасада расположены четыре женские фигуры, каждая из которых держит в руках части автомобиля: клаксон, колесо, ше-

стеренку и кузов. Этот прием репрезентации назначения здания представляется неким наивным рудиментом классицистической традиции украшения манежей и конюшен изображениями лошадей и возничих.

Конфигурации участков и способ размещения на них строений заставляют вспомнить о России, где гараж, как правило, располагался в глубине владения, а на улицу выходили административно-жилые помещения. Наиболее ярким примером служат два гаража фирмы Карла Крюммеля в Петербурге (Шурыгина 2016). Однако, в отличие от отечественных, берлинские гаражи занимают все пространство двора, располагаясь по границам участка. Данный принцип

⁵ Департамент градостроительства и охраны окружающей среды Берлина. URL: http://www.stadtentwicklung.berlin.de/cgi-bin/hidaweb/getdoc.pl?DOK_TPL=lda_doc.tpl&KEY=obj%2009011059 (дата обращения: 29.05.2017).

размещения был характерен не только для многоэтажных гаражей, но и для структур боксового типа. Интересно отметить, что большинство проектов датируются 1906–1907 гг. Еще одним общим местом является двойная арка, ведущая либо непосредственно во двор к гаражу, либо во двор и на рампу подвального этажа, что обеспечивало оптимальную маневренность автомобилей и препятствовало их скоплению вне мест стоянки. Въезд, как правило, осуществлялся под прямым углом с улицы и вел во двор, никаких дополнительных маневров, связанных с конфигурацией участка, не требовалось. Передвижения автомобиля в гараже были сведены к минимуму. Уже к середине 1920-х годов берлинский гараж начинает выходить на красную линию улицы.

Ранние чешские гаражи также вписывались в общеевропейский контекст и представляли собой одноэтажные строения боксового типа, расположенные в глубине двора. На красную линию выходили административные корпуса. Однако при этом они не перекрывали вид на сам гараж, оставляя место для ограды и въезда, смещая само здание к одной из границ участка. Подобные комплексы могли вмещать от нескольких до сотни автомобилей. Строительные материалы могли быть разнообразны: небольшие по вместимости гаражи чаще использовали кирпич, крупные комплексы — железобетон. Гаражи предоставляли услуги хранения машин в закрытых боксах, мелкого ремонта, мойки, автозаправочной станции, зарядки батарей, магазина запчастей и обслуживания. Опционально мог предоставляться сервис по аренде автомобилей. Все отделы, в зависимости от размера гаража, могли работать круглосуточно. Одним из первых коммерческих гаражей в Чехии был Гараж Ярослава Новака

(арх. У. Лиска (Oldřich Liska), 1910–1911; Градец Кралове) (*Vorlík* 2011: 85–87).

К сожалению, наши сведения о ранних итальянских гаражах крайне скудны. Это может быть связано как с плохой сохранностью объектов, так и их малой изученностью. Большинство известных нам примеров расположено в северных областях: «Королевский гараж» („Royal Garage“, арх. Даниеле Донги (Daniele Donghi), 1903; не сохранился) в Милане (*Nelva, Signorelli* 1990: 48–49) (ил. 8), «Гараж Турист» („Auto-Garage Touring“, Местре, виале Стационе, 2) (*Miltoun* 1909: 282), «Гараж Этрурия» („Il Garage Etruria“, Ливорно, виа Италия, 3–5). Нельзя обойти вниманием автомобильную столицу Италии — Турин. Здесь стоит упомянуть «Гараж экипажной фабрики автомобилей Алессіо в Турине» („Garage Carrozzeria Automobili Alessio a Torino“, инж. П. Финолио (P. Finoglio), 1907) (*Nelva, Signorelli* 1990: 28, 54, 56, 102, 132), гараж «Авто Клуба» („Garage Auto-Club“, 1906) (*Там же*: 109). Безусловно, наибольший интерес представляют собой объекты, связанные с производством автомобилей «Фиат». Начать стоит со старого здания фабрики на проспекте Данте Алигьери. Проект 1904 г. был реализован в 1905–1906 гг. архитектором Альфредо Премоли. С середины 1900-х годов по всей территории Италии начинают появляться гаражи фирмы („Garages Riuniti FIAT“). Подобно местным сборочным заводам Г. Форда, эти учреждения выполняли сразу несколько функций, являясь магазинами и выставочными павильонами по продаже автомобилей и запасных частей, а также местами стоянки, хранения, ремонта и обслуживания автомобилей. Подобные гаражи были построены в крупных городах, таких как Рим, Милан, Турин, Флоренция, Неаполь, Падуя и др. Автором, скорее всего, был инженер Джа-

комо Матте-Трукко, постоянно сотрудничающий с фирмой. Чаще всего, это были двухэтажные постройки, расположенные по линии городской застройки, выходящие фасадом на улицу, основной объем которых был сосредоточен в глубине участка. На первом этаже, акцентированном большими окнами-витринами, как правило, располагался демонстрационный зал с новыми автомобилями, на втором этаже находились офисные помещения. Фасад был богато декорирован лепниной и представлял собой образчик стиля либерти. На фронтоне могла размещаться композиция с использованием символики автомобилизма — колеса и/или частей автомобиля. Основное пространство гаража, предназначавшееся для ремонта и хранения, с улицы не прочитывалось.

Итальянское гаражное строительство, в особенности это касается образцов 1900-х годов, в большинстве своем тяготеет к стилистике либерти, в то время как структура во многом тождественна американским образцам, однако не столь инновационна. В основном преобладают простые одноэтажные постройки, расположенные в центральных районах города, однако не на главных его улицах. При этом большое внимание уделялось оформлению фасада. Здесь даже приходится говорить об его излишестве, сосредотачивающем внимание на фасаде, а не на продукции, которую демонстрируют его витрины.

Обобщая зарубежный опыт гаражного строительства, стоит выделить, во-первых, некоторые особенности расположения строений в городской среде. Следует обратить внимание на принципы деления жилых кварталов на достаточно небольшие участки, которые выдвигали гараж на красную линию улицы, на которой фасад выполнял рекламно-репрезентативную функцию, используя

большие площади остекления. Фасад мог быть выполнен с использованием различных материалов и форм, но при этом мог содержать элементы, заимствованные из других функциональных структур, например театров, магазинов, выставочных павильонов.

Второй особенностью зарубежного гаража является его внутренняя структура и способы перемещения в ней автомобиля, особенно если речь идет о многоэтажных комплексах. Для этих целей использовались разнообразные, зачастую весьма сложные, механизированные средства: это и рампы, и простые грузовые лифты, и движущиеся платформы по типу крана-балки, и поворотные круги для разворота автомобилей в узком пространстве. Использовалась также совокупность нескольких элементов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Защук 1916 — *Защук В. А.* Заметка о заграничных автомобильных гаражах // Инженерный журнал. 1916. № 2. С. 121–139.
- Шпотов 2003 — *Шпотов Б. М.* Генри Форд: жизнь и бизнес. М.: КДУ, 2003.
- Шурыгина 2016 — *Шурыгина О. С.* Автомобильные гаражи фирмы К. Л. Крюммеля как атрибут модернизации Санкт-Петербурга начала XX века // Архитектурное наследие. Вып. 64. М.; СПб.: Коло, 2016. С. 222–235.
- Grossman 2013 — *Grossman H.* Manhattan Parking Garages 1897–1930: Significance And Preservation. Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Science in Historic Preservation. Graduate School of Architecture Columbia University, 2013. URL: <http://academiccommons.columbia.edu/item/ac:165000> (дата обращения: 29.05.2017).
- Hartmann 2015 — *Hartmann R.* Architektur für Automobile — Hochgaragen und Parkhäuser in Deutschland. Eine Auto[mobil]-Vision im 20. Jahrhundert. Dissertation, Institut für Kunstwissenschaft und Historische

- Urbanistik. Berlin: Technische Universität, 2015.
- Henley* 2009 — *Henley S.* Architecture of Parking. London: Thames & Hudson, 2009.
- Jakle, Sculle* 2013 — *Jakle J. A., Sculle K. A.* The garage: automobility and building innovation in America's early auto age. Knoxville: The University of Tennessee Press, 2013.
- Katzke* 2005 — *Katzke T.* Die Großstadtgarage. Einfluss der Automobilisierung auf die Berliner Architektur der Zwanziger Jahre. Abschlussarbeit, Institut für Geschichtswissenschaften, Ergänzungsstudiengang Geschichte der Berlin-Brandenburgischen Kulturlandschaft. Berlin: Humboldt Universität, 2005.
- Kessler* 2013 — *Kessler M. D.* The Early Public Garages of San Francisco: An Architectural and Cultural Study, 1906–1929. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2013.
- McDonald* 2007 — *McDonald S. S.* The Parking Garage: Design and Evolution of a Modern Urban Form. Washington D.C.: Urban Land Institute, 2007.
- Miltoun* 1909 — *Miltoun F.* Italian Highways and Byways from a Motor Car. Boston: L. C. PAGE & COMPANY, 1909. URL: <http://www.gutenberg.org/files/44212/44212-h/44212-h.htm> (дата обращения: 29.05.2017).
- Minnis* 2009 — *Minnis J.* Sir David Salomons' Motor Stables. Broomhill, Southborough, Tunbridge Wells, Kent. Survey and analysis. Historic Building Report. 2009. URL: http://services.english-heritage.org.uk/ResearchReportsPdfs/007_2009WEB.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
- Minnis, Morrison* 2016 — *Minnis J., Morrison K.* Buildings and Infrastructure for the Motor Car. 2016 (Historic England). URL: <https://content.historicengland.org.uk/images-books/publications/iha-buildings-infrastructure-motor-car/heag138-buildings-and-infrastructure-for-motor-car-iha.pdf> (дата обращения: 29.05.2017).
- Morrison, Minnis* 2012 — *Morrison K. A., Minnis J.* Carscapes: The Motor Car, Architecture, and Landscape in England. Yale University Press, 2012.
- Nelva, Signorelli* 1990 — *Nelva R., Signorelli B.* Avvento ed evoluzione del calcestruzzo armato in Italia: il sistema hennebique. Milano: AITEC, 1990. URL: <http://web.aitecweb.com/AREA%20ECONOMICA/VARIE/Avvento%20ed%20evoluzione%20del%20calcestruzzo%20armato%20in%20Italia%20Il%20sistema%20Hennebique.PDF> (дата обращения: 29.05.2017).
- Newman* 1999 — *Newman M. J.* Philadelphia at the beginning of the twentieth century: incorporating the automobile into an urban house type. A Thesis In Historic Preservation Presented to the Faculties of the University of Pennsylvania in Master of Science. 1999. URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1266&context=hp_theses (дата обращения: 29.05.2017).
- Sager* 2002 — *Sager J. E.* The garage: its history and preservation. A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of The University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Historic preservation. Athens; Georgia, 2002. URL: https://getd.libs.uga.edu/pdfs/sager_jonathan_e_200205_mhp.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
- Scheltema* 1909 — *Scheltema P. H.* Automobiel-Garages // De Opmerker. 1909. 6 November. P. 353–355. URL: https://nl.wikisource.org/wiki/De_Opmerker/Jaargang_44/Nummer_45/Automobiel-Garages_III (дата обращения: 29.05.2017).
- Smith* 2010 — *Smith P.* The motor car and the country house. Historic Building Report. 2010. URL: http://services.english-heritage.org.uk/ResearchReportsPdfs/094_2010WEB.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
- Smith* 2012 — *Smith P.* The motor car and the country house // Context. Institute of Historic Building Conservation. The transport heritage. 2012. May. № 124. P. 24–26. URL: <http://ihbconline.co.uk/context/124/index.html#/26/zoomed> (дата обращения: 29.05.2017).
- Vorlík* 2011 — *Vorlík P.* Garáže. Meziválečné garáže v Čechách: Zrod nového typologického druhu a proměny stavební kultury. Praha: FA ČVUT, 2011.
- Vorlík* 2013 — *Vorlík P.* (Ed.) Architektura ve službách motorismu. Praha: FA ČVUT, 2013.

Welham 2008 — Welham J. Postcard solves the ghost garage riddle // West End Extra. 2008. 26 September. URL: http://thec-nj.myzen.co.uk/westend/2008/092608/wnews092608_09.html (дата обращения: 29.05.2017).

REFERENCES

- Zaschuk V. A. Zametka o zagranichnyh avtomobilnyh garazhah. *Inzhenernyj zhurnal (Engineering Journal)*. 1916, no. 2, pp. 121–139 (in Russian).
- Shpotov B. M. *Genri Ford: zhizn i biznes (Henry Ford. My Life & Work)*. Moscow: KDU Publ., 2003 (in Russian).
- Shurygina O. S. Avtomobilnye garazhi firmy K. L. Kryummelya kak atribut modernizatsii Sankt-Peterburga nachala XX veka. *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 64, Moscow; Sankt Petersburg: Kolo Publ., 2016, pp. 222–235 (in Russian).
- Grossman H. *Manhattan Parking Garages 1897–1930: Significance And Preservation. Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Science in Historic Preservation*. Graduate School of Architecture Columbia University, 2013. URL: <http://academiccommons.columbia.edu/item/ac:165000> (date of access: 29.05.2017).
- Hartmann R. *Architektur für Automobile — Hochgaragen und Parkhäuser in Deutschland. Eine Auto[mobil]-Vision im 20. Jahrhundert. Dissertation, Institut für Kunstwissenschaft und Historische Urbanistik*. Berlin: Technische Universität Publ., 2015.
- Henley S. *Architecture of Parking*. London: Thames & Hudson Publ., 2009.
- Jakle J. A., Sculle K. A. *The garage: automobility and building innovation in America's early auto age*. Knoxville: The University of Tennessee Press Publ., 2013.
- Katzke T. *Die Großstadtgarage. Einfluss der Automobilisierung auf die Berliner Architektur der Zwanziger Jahre. Abschlussarbeit, Institut für Geschichtswissenschaften, Ergänzungsstudiengang Geschichte der Berlin-Brandenburgischen Kulturlandschaft*. Berlin: Humboldt Universität Publ., 2005.
- Kessler M. D. *The Early Public Garages of San Francisco: An Architectural and Cultural Study, 1906–1929*. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company, Inc., Publ., 2013.
- McDonald S. S. *The Parking Garage: Design and Evolution of a Modern Urban Form*. Washington D.C.: Urban Land Institute Publ., 2007.
- Miltoun F. *Italian Highways and Byways from a Motor Car*. Boston: L. C. PAGE & COMPANY Publ., 1909. URL: <http://www.gutenberg.org/files/44212/44212-h/44212-h.htm> (дата обращения: 29.05.2017).
- Minnis J. *Sir David Salomons' Motor Stables. Broomhill, Southborough, Tunbridge Wells, Kent. Survey and analysis. Historic Building Report*. 2009. URL: http://services.english-heritage.org.uk/ResearchReportsPdfs/007_2009WEB.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
- Minnis J., Morrison K. *Buildings and Infrastructure for the Motor Car*. 2016 (Historic England). URL: <https://content.historicengland.org.uk/images-books/publications/iha-buildings-infrastructure-motor-car/heag138-buildings-and-infrastructure-for-motor-car-iha.pdf/> (дата обращения: 29.05.2017).
- Morrison K. A., Minnis J. *Carscapes: The Motor Car, Architecture, and Landscape in England*. Yale University Press Publ., 2012.
- Nelva R., Signorelli B. *Avvento ed evoluzione del calcestruzzo armato in Italia: il sistema hennebique*. Milano: AITEC Publ., 1990. URL: <http://web.aitecweb.com/AREA%20ECONOMICA/VARIE/Avvento%20ed%20evoluzione%20del%20calcestruzzo%20armato%20in%20Italia%20II%20sistema%20Hennebique.PDF> (дата обращения: 29.05.2017).
- Newman M. J. *Philadelphia at the beginning of the twentieth century: incorporating the automobile into an urban house type. A Thesis In Historic Preservation Presented to the Faculties of the University of Pennsylvania in Master of Science*. 1999. URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1266&context=hp_theses (дата обращения: 29.05.2017).
- Sager J. E. *The garage: its history and preservation. A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of The University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree*

- Master of Historic preservation*. Athens; Georgia, 2002. URL: https://getd.libs.uga.edu/pdfs/sager_jonathan_e_200205_mhp.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
- Scheltema P.H. Automobiël-Garages. *De Opmerker*, 1909, 6 November, pp. 353–355. URL: https://nl.wikisource.org/wiki/De_Opmerker/Jaargang_44/Nummer_45/Automobiël-Garages_III (дата обращения: 29.05.2017).
- Smith P. *The motor car and the country house. Historic Building Report*. 2010. URL: http://services.english-heritage.org.uk/ResearchReportsPdfs/094_2010WEB.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
- Smith P. The motor car and the country house. *Context. Institute of Historic Building Conservation. The transport heritage*, 2012, May, no. 124, pp. 24–26. URL: <http://ihbconline.co.uk/context/124/index.html#/26/zoomed> (дата обращения: 29.05.2017).
- Vorlík P. *Garáže. Meziválečné garáže v Čechách: Zrod nového typologického druhu a proměny stavební kultury*. Praha: FA ČVUT Publ., 2011.
- Vorlík P. (Ed.) *Architektura ve službách motorismu*. Praha: FA ČVUT Publ., 2013.
- Welham J. Postcard solves the ghost garage riddle. *West End Extra*, 2008, 26 September. URL: http://thecnj.myzen.co.uk/west-end/2008/092608/wnews092608_09.html (дата обращения: 29.05.2017).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 72.033

Л. Г. Хрушкова

РЕЦЕНЗИЯ:

Olof Brandt. La croce e il capitello. Le chiese paleocristiane e la monumentalità. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 2016 (Sussidi allo studio delle antichità cristiane, 28). ISBN 978-88-85991-64-4. 148 p., 109 il.

Автор книги «Крест и капитель. Раннехристианские церкви и монументальность» — Олоф Брандт, профессор истории архитектуры в Папском институте христианской археологии (Рим). Брандт известен читателям своей книгой о раннехристианских баптистериях Рима и Италии, которая является докторской диссертацией: „Battistei oltre la pianta. Gli alzati di nove battisteri paleocristiani di Italia“. Città del Vaticano, 2012. Название этой книги — «Баптистерии помимо планов» — выражает главное намерение автора: изучать не только и не столько план памятника, но и объемное решение, фасады, внутреннее пространство, т.е. собственно архитектуру. Именно эта мысль является основной и в рецензируемой книге. Автор четко разграничивает «горизонтальный взгляд» археолога, который чаще всего имеет дело с одним планом, и «вертикально-объемное видение» историка архитектуры. Разумеется, для того, чтобы последовательно проводить такой подход, нужно обратиться к памятникам, которые достаточно хорошо сохранились. Среди массы известных сейчас построек поздней Ан-

тичности число хорошо сохранившихся объектов относительно невелико. В основном это сооружения сводчатые и купольные, которые, по понятным причинам, сохраняются лучше.

Новую книгу Брандта можно отнести к жанру «размышлений». Она рассчитана на читателя, который хорошо знаком с памятниками, о которых идет речь. Цель автора — изложить свой взгляд на основные особенности и принципы изучения архитектуры позднеантичной эпохи, переломной от Античности к Средневековью. Что же такое феномен поздней Античности — вот тот вопрос, который интересует Брандта применительно к архитектуре.

Во введении, которое носит название «Раннехристианская архитектура между монументальностью и сложностью», автор объясняет название своей книги — «Крест и капитель». Речь идет о мотиве мраморной инкрустации, которая украшает междунёфные аркады римской базилики Санта Сабина. Эта широко известная и на редкость хорошо сохранившаяся трехнёфная базилика второй четверти V в. считается типичным

раннехристианским сооружением. Брандт приводит этот памятник, чтобы подчеркнуть свою мысль: сочетание христианских символов с традициями греческой ордерной архитектуры — это важная характерная черта эпохи поздней Античности. Здесь же автор объясняет свое понимание «монументальности», которое, в сущности, близко к понятию «архитектура».

Во многих работах последних десятилетий изучаются функциональные и литургические аспекты раннехристианской архитектуры, ее символизм и то, что можно назвать «теологией храма». Брандт, напротив, ясно выражает свое намерение рассматривать раннехристианскую архитектуру как часть архитектуры поздней Античности, изучать ее именно с точки зрения формы, а не функции, потому одна и та же форма может выражать различные «идеологические послания». В кратком историографическом обзоре Брандт особенно выделяет известного представителя венской школы истории искусства, Алоиза Ригля (1858–1905). Идеи Ригля вообще очень востребованы в наше время. По справедливому замечанию Брандта, Ригль первый имел смелость видеть не только упадок в позднеантичном искусстве, но специфическую «художественную волю» (*Kunstwollen*) — то, что помогает понять логику архитектуры поздней Античности.

Знаменитую формулу Ригля „*Kunstwollen*“ часто цитируют, ее по-разному переводят и объясняют. В понимании Брандта, речь идет о собственно художественном выражении в архитектуре. В связи с этим Брандт приводит современное выражение «археология архитектуры», которым обозначают одну из сфер современной академической деятельности. Он подчеркивает, что области «археологии» и «архитектуры» глубоко различны. Археология изучает

«физические остатки» прошлого, строительные фазы, технику, материалы. Сфера архитектуры иная — она исследует формы искусства, подобно литературе, поэзии и музыке. Так же, как история музыки не является историей музыкальных инструментов, так и архитектура изучает «аспекты, очень мало археологические» — пропорции, пространство, освещенность и др.

Ригль считал главной характеристикой позднеантичной архитектуры пространство, которое открывается к «неизмеримому бесконечному», — это архитектура, которая создает «субординацию пространств». Именно этот подход близок Брандту, его он стремится раскрыть в последующих главах. Таким образом, во введении автор энергично заявляет о своем намерении рассматривать архитектуру как прежде всего эстетический феномен.

Первая глава носит название «От Нового Завета к Дура Европос и к часто не принимаемой во внимание фазе 2Б». Здесь Брандт дает хронологию первого этапа развития раннехристианской архитектуры. Первые места христианского культа были частью греко-римской архитектуры, но еще не стали монументальной архитектурой. Известный памятник — христианский дом в Дура Европос, небольшой крепости на далекой восточной окраине римского мира, датируется первой половиной III в. Его Брандт относит ко второй фазе развития христианского здания. Первая фаза — это I–II вв. — не оставила монументальных свидетельств и известна лишь по письменным источникам, которые допускают различные интерпретации. Фаза 2Б относится к концу III в., это тоже сфера письменных документов. И, наконец, третья фаза относится к IV в., здесь речь идет уже о монументальной архитектуре константиновской эпохи.

Вторая глава — «Развитие базилики монументального „типа“ в контексте позднеантичной архитектуры» — рассматривает некоторые крупные памятники константиновской эпохи. Самый ранний из них — Латеранская базилика, епископская церковь Рима, построенная около 318 г. Брандт объясняет ее особенности исходя из эстетических критериев, используя понятие Ригля «художественная воля». Уделяется внимание и внутренней организации этой базилики, членениям ее алтарной части и центрального нефа.

Третья глава именуется «Теодорианская аула Аквилеи: последний пример „фазы 2Б“». Среди памятников константиновской эпохи, хронология которых часто служит предметом дискуссий, бесспорной датой выделяется так называемая христианская аула в Аквилее, построенная епископом Теодором до 324 г. На примерах памятников начала IV в. Брандт показывает, как христианская архитектура входит в сферу архитектуры монументальной.

В четвертой главе «Распространение и вариации христианской базилики» обсуждаются различные элементы базилики: нефы, апсиды, входы, галереи и др. Краткий панорамный обзор по регионам показывает, что при всех многочисленных вариациях основная форма базилики неизменна: это нефы, разделенные колоннадой. В то же время в раннехристианскую эпоху наблюдается большое региональное разнообразие литургических обычаев. Поэтому Брандт делает вывод, что архитектурная форма базилики не была особенно связана с функциональными требованиями.

Пятая глава носит название «Базилика усложняется: маририальные святилища с трансептами». Важным изменением в базилике стало введение трансепта («поперечного нефа»), расположенно-

го между нефами и апсидой. Трансепт появляется уже в таких крупных римских сооружениях, как базилика Св. Петра в Ватикане и Св. Павла на Остийской дороге. Трансепт как своеобразное «внутреннее святилище» нередко связан с захоронением (фактическим или предполагаемым) чтимого лица. Брандт различает здесь аспект функциональный, связанный с важностью захоронения, и аспект чисто архитектурный. Это усложнение, связанное с высоким престижем здания, отражает развитие идеи монументальности в христианской архитектуре. Т-образный план базилик с трансептом иногда сближается с крестовидным планом церквей, которые в разных регионах обычно были связаны с погребальными и мемориальными функциями.

В шестой главе рассмотрено «развитие сооружений с центричным планом». Здания этого типа отвечали различным функциям, как в языческой архитектуре императорской эпохи, так и в христианском строительстве. Купол подчеркивал особую значимость сооружения. В репертуар этой группы входят сооружения с двойной оболочкой («двойной раковиной», по выражению Рихарда Краутхаймера), октогоны, тетраконхи и др.

В седьмой главе, «Алоиз Ригль и неизмеримое бесконечное по ту сторону стен», Брандт вновь возвращается к идеям венского историка искусства. «Неизмеримое бесконечное» (имеется в виду внутреннее пространство) может быть рассмотрено только на примере хорошо сохранившихся памятников. Это баптистерии в Альбенге (Италия), Фрежюсе (Франция), гражданская базилика в Трире, базилика Максенция и Константина на Римском форуме и ряд других. Брандт приходит к выводу, что позднеантичная архитектура последовательно движется к усложненности и находит мотивацию

в себе самой, а не в функциональности и символизме.

Название восьмой главы содержит и ее вывод: «Внутренние устройства отражают литургию, базилика — нет». Здесь автор развивает идею о том, что некоторые региональные особенности базилик можно объяснить требованиями функциональными, социальными и литургическими. С другой же стороны, как базилики, так и церкви с центричным планом являются довольно единообразными на пространстве Средиземноморья, тогда как литургические требования могут быть весьма переменными по регионам. Тут же справедливо отмечается, что по ряду регионов еще нет работ, обобщающих все имеющиеся сведения о литургических устройствах.

В девятой главе, «Структура и декорация в археологии и в восприятии древних авторов», Брандт дает анализ описаний архитектуры в трудах Евсевия Кесарийского, Пруденция, Прокопия Кесарийского и других известных авторов. В их текстах есть общая черта: они описывают главным образом размеры, высоту, великолепную декорацию, но дают очень мало информации об архитектурной структуре. Иными словами, древние авторы обращают внимание прежде всего на «монументальность» — для них это

было самым важным. Свое восторженное описание Св. Софии Прокопий заключает словами: это творение создано не способностями и техническими возможностями людей, но божественным действием. И здесь Брандт возвращает читателя к названию своей книги: «Крест и капитель», — так стоял вопрос в восприятии людей той эпохи.

Книга Брандта сопровождается многочисленными иллюстрациями — их 109, многие фотографии выполнены самим автором. В конце помещена обширная библиография, именной и географический указатели.

Небольшая книга Брандта носит не описательный или систематизаторский характер — это, скорее, концептуальный трактат, притом не лишенный полемической направленности, некоторой заостренности. Брандт разнообразными способами, в каждой главе по-разному, утверждает необходимость и намерение изучать позднеантичное христианское здание как произведение искусства, художественное явление. Не случайно на первой же странице своей книги Брандт охотно цитирует парадоксальную идею Джона Рёскина (1849), прямо противоположную витрувианскому функционализму: архитектура — это все то, что является в сооружении бесполезным.

Ю. Г. Клименко

РЕЦЕНЗИЯ:

Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. Париж; СПб.: Европейский дом, 2017. 496 с., илл. (Versailles et Marly: Les jardins de Louis XIV. Les Albums offerts par le duc d'Antin à Pierre Ier en 1717. Éditeurs: Dmitri Gouzévitch, Irina Gouzévitch, Bruno Bentz. Paris; Saint-Pétersbourg, 2017. 496 p., ill.).

За последние годы опубликованы десятки сборников и монографий в рамках деятельности Института Петра Великого, основанного в 2010 г. при Фонде имени академика Дмитрия Лихачева. Все эти издания «Европейского дома» посвящены идее циркуляции знаний и определению места России в диалоге культур европейского пространства века Просвещения. Основная причина особой популярности этой темы — очевидная ее актуальность в контексте длительной политической изолированности отечественного научного сообщества. Благодаря этому сборник «Версаль и Марли» стал долгожданным как для российских, так и для французских специалистов в области истории архитектуры и садово-паркового искусства.

Задуманную на Парижской конференции 2012 г. публикацию чертежей Версаля и Марли из альбомов, привезенных в 1717 г. Петром I в Россию, удалось реализовать лишь к 300-летию этого события. Уникальность данного научного проекта состоит в том, что оба альбома (из фондов Рукописного отдела Библиотеки РАН) с акварельными планами двух лучших резиденций эпохи Людовика XIV, подаренные русскому монарху герцогом д'Антенем, прежде нико-

гда не публиковались, несмотря на интерес к ним со стороны специалистов. Уже в ходе подготовки к печати этого графического наследия стала очевидной необходимость снабжения его подробными научными комментариями, благодаря чему в сборник вошла серия аналитических статей международных экспертов.

Публикация всех материалов на русском языке расширяет читательскую аудиторию, способствуя увеличению интереса в России к предмету исследования.

Следует отметить, что, подобно многим проектам Института Петра Великого, рецензируемое издание отличается междисциплинарный характер, поскольку оно потребовало объединения знаний специалистов в области истории, искусствоведения, археологии, инженерии, фортификации, военной истории, краеведения, лингвистики, архивного и музейного дела. Объединение таких исследователей в рамках одного издания имеет очевидные преимущества.

Публикуемые альбомы были созданы французским художником Пьером Лепотром в 1711–1713 гг., когда он зафиксировал на 50 чертежах планировку дворцов с парковыми владениями парадного Версаля (30 листов) и территории прилегающего Марли (20 листов). Эти документы стали не только материальным напоминанием Петру о знакомстве с загородными королевскими резиденциями во Франции, источником для приятного досуга и вдохновения, но и важнейшим образцом при создании собственных садово-парковых ансамблей в Стрельне, Петергофе и Марли. Среди свидетельств такого изучения хранителями обнаружены «карандашные пометы, сделанные рукой Петра» (*Версаль и Марли* 2017: 9) в версальском альбоме и связанные с этим его распоряжения 1721 г., выявленные в фондах РГАДА. Хочется надеяться на реализацию в будущем первоначальной идеи авторов этого проекта о факсимильной публикации альбомов, не состоявшейся на данном этапе по целому ряду экономических и политических причин.

Представленные научные материалы разделены на три части. Первая из них посвящена личности самого Петра Ве-

ликого и его путешествию во Францию. Сюда вошли статьи Е. В. Анисимова о личности русского царя как европейского монарха; С. А. Мезина с научной реконструкцией царского маршрута и связанных с этим впечатлений (*Мезин* 2015; *Мезин* 2017); а также анализ хроники пребывания Петра I с апреля по июнь 1717 г., представленный Д. Гузевичем и И. Гузевич. Эти тексты — плод длительных исследований последних лет, во время которых был проштудирован огромный перечень документов, публикаций и других источников самого различного происхождения, получивший апробацию на ряде международных конференций и в серии изданий.

Вторая часть, озаглавленная «Альбомы», состоит из пяти научных статей, дающих характеристику истории создания этого ценного графического материала. Б. де Монкло представила исследование о личности заказчика и исполнителя серии альбомов, раскрывая механизм организации работы в Кабинете рисовальщиков (*Montclos de* 2005). В широкую панораму художественного мира Парижа вплетены имена лучших архитекторов, рисовальщиков, чертежников, декораторов и скульпторов. Исследовательница подробно сопоставила варианты альбомов, заказанных герцогом д'Антенем. После вручения Петру I в 1717 г. «Сборника генеральных планов садов Версаля, Трианона и Менажери с планом огорода и большими планами всех рощ, в которых показываются все фонтаны, фигуры, термы и вазы, располагающихся в этих садах и рощах (1711) составлен Лепотром» (*Версаль и Марли* 2017: 169) заказ был повторен в 1720 г. Жану Шюфурье. Характеристику герцога д'Анте-на, директора Королевских зданий, обязанного показывать «царю Московии в Париже... чудеса этого великого королевства» (*Там же*: 180) и доставлять ему

всевозможные удовольствия, отчего он и «преподнес ему в дар свои самые лучшие книги с планами» (*Там же*: 177), завершает составленный им словесный «портрет царя Петра I» (*Там же*: 178–180). Статья Б. Ренго освещает не только творческую биографию и генеалогию П. Лепорта, но и исследует сложную систему образования и устройства Управления королевских строений. Автор опровергает первоначальную атрибуцию этому рисовальщику и чертежнику серии работ Ж. Ардуэна-Мансара и Р. де Котта. В приложении к его статье представлен подробный материал «Франсуа Меро, или искушение Петербургом», раскрывающий нюансы неудачной попытки приглашения французского архитектора в российскую столицу.

Детальный анализ каждого из листов альбома садов Версаля выполнила А. Эйцманн (*Heitzmann* 2010), а по Марли — Б. Бенц (*Bentz* 2013b). Содержательные программы основных элементов представлены в контексте пояснения градостроительных замыслов, экспликаций и истории их устройства. Описание Е. М. Ореховой рисунков Н. Микетти для Петергофа в собрании Эрмитажа заканчивает вторую часть.

В третьей части — «Сады» — рассматривается влияние двух альбомов, оказанное на российскую историю садово-парковой архитектуры. Механизм этого использования изучен на примере создания столичных императорских резиденций. Эта тема получила освещение в статьях Е. Я. Кальницкой, О. Д. Волковой, Е. Р. Секаревой и И. А. Степичевой. Отдельно хочется отметить материал Э. Суллара, посвященный техническому гению семейства Суалемов, авторов театральной феерии «Больших фонтанов» — легендарной машины Марли с акведуками и резервуарами, созданной в 1681–1688 гг. по приказу Людови-

ка XIV. Слава об этой насосной системе привлекала внимание Петра I, уделившего значительное время ее осмотру и изучению в мае 1717 г. Приняв приглашение для работы в России, члены этой франко-валлонской семьи служили здесь механиками, гидравликами, столярами и строителями, сделав успешную карьеру (*Soullard* 2013). Благодаря их активной и успешной деятельности в Петергофе и на благоустройстве других резиденций Петербурга, их «фонтаны и вода составляют душу сада; именно они являются его основным украшением» (*Версаль и Марли* 2017: 291). Эти слова Ж. Б. Леблона объясняют значение грамотного благоустройства парков, ради которых появлялись новые профессии, без которых облик петровских замыслов не мог быть реализован в полном объеме. Таким образом, способствуя переносу знаний в межкультурном пространстве, представители самых различных специальностей обеспечивали включение новой столицы в круг европейских городов, преобразуемых согласно новым идеалам наступающей эпохи Просвещения.

Во многом благодаря подробному изучению истории приобретения двух архитектурных альбомов авторскому коллективу предлагаемого читателям издания удалось не только реконструировать историю событий этого петровского визита, со всех сторон взглянуть на конкретные результаты встречи двух культур, но и проследить за запуском сложного механизма инфильтрации французского классицизма в русскую архитектурную школу. Вплетая в канву общеизвестных событий вновь открытые детали, им удалось заинтересовать читателя, давая редкую возможность проникнуть в сокровенную кухню исследований, где соединяются интуиция, опыт и знания международных экспертов.

Стремление сохранить принципиальность в решении спорных вопросов и толерантность внутри научного сообщества привело к необходимости публиковать различные версии в трактовке ряда документов, предлагая делать заключения самим читателям. Что, в свою очередь, безусловно, не раз послужит поводом для столкновения мнений — главного механизма развития научной мысли.

Раздел приложения открывает публикация Д. Гузевича и И. Гузевич об обнаруженном портрете Петра I, где изложена история происхождения полотна из коллекции И. М. Лемперта. Кропотливое расследование, представленное в детективном жанре, не оставит читателей равнодушными к ходу изысканий и системе атрибуции по выявлению оригинала и авторских копий. Нельзя не отметить привлекательную особенность авторского стиля, сочетающего знаточеский характер, живость образов, точность формулировок с обязательным стремлением к ясности выводов.

Особое место в публикации было уделено иллюстративной части: картушам, маргиналиям, фрагментам чертежей и экспликациям к графическим документам. Свыше 90 листов в цвете включают непосредственно съемку альбомов садов Версаля и Марли, проекты Н. Микетти и серию других изображений, поясняющих научные тексты данного сборника. Возрастающий интерес к графике доцифровой эпохи зодчества доказывает ценность рассматриваемых просветительских проектов. Следует отметить высокий уровень справочного аппарата издания, к которому составители отнеслись со всем должным вниманием.

Совершенно очевидно, что публикация альбомов, ставших образцами для многих российских резиденций и напрямую повлиявших на планировку Стрель-

ны и Петергофа (в первую очередь, петергофского Марли), послужит не только объектом изучения великолепной архитектурной графики, но и потенциалом для будущего выявления российских памятников архитектуры и садово-паркового искусства, созданных в последующие столетия под влиянием рассматриваемых источников французского классицизма (Клименко 2017). В ожидании новых атрибуций можно уверенно говорить о ценности данного издания для самой широкой читательской аудитории, включая специалистов в области истории, искусствоведения, археологии, истории архитектуры и научной реставрации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Версаль и Марли* 2017 — Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году / Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. Париж; СПб.: Европейский дом, 2017. 496 с., ил.
- Гузевич* 2008 — *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дм. Буланин, 2008.
- Клименко* 2017 — *Клименко Ю. Г.* Французский классицизм в архитектурных программах Петра I и Екатерины II // «PETRO primo CATHARINA secunda»: Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. СПб.: Европейский дом, 2017. С. 242–253.
- Мезин* 2015 — *Мезин С. А.* Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015.
- Мезин* 2017 — *Мезин С. А.* Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2017.
- Bentz* 2013a — *Bentz B. (ed.)* Marly, art et patrimoine. Revue des Amis du Musée-Promenade de Marly le Roi — Louveciennes. № 7: De Marly à Peterghof (L'album de Pierre le Grand) / dir. de la publ. B. Bentz, coord. du projet I. Gouizévitch et D. Gouizévitch. 2013.
- Bentz* 2013b — *Bentz B.* Pierre le Grand et Marly, une visite impériale // Marly: Art et patrimoine. 2013. № 7. P. 65–72.

Heitzmann 2010 — Heitzmann A. Marly à Versailles: le recueil de plans V^{ms} 73 // Marly: Art et patrimoine. 2010. № 4. P. 29–52.

Montclos de 2005 — Montclos B. de. Un album du duc d'Antin à Saint-Pétersbourg: les jardins de Versailles en 1711 // Bulletin de Société de l'Art Français. Année 2004. 2005. P. 85–96.

Montclos de 2014 — Montclos B. de. Civilisation de Saint-Pétersbourg. Paris: Place des Victoires, 2014.

Soullard 2013 — Soullard É. Les Sualem en Russie // Marly: Art et patrimoine. 2013. № 7. P. 73–78.

REFERENCES

Versailles et Marly: Les jardins de Louis XIV. Les Albums offerts par le duc d'Antin à Pierre Ier en 1717. Eds. Dmitri Gouizévitch, Irina Gouizévitch, Bruno Bentz. Paris; Saint-Pétersbourg, 2017.

Gouizévitch D., Gouizévitch I. *Velikoe posol'stvo: Rubezh epokh, ili Nachalo puti: 1697–1698 (La Grande ambassade: 1697–1698: La charnière des époques, ou Le Début du chemin)*. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2008 (in Russian).

Klimenko Ju.G. Frantsuzskiy klassitsizm v arhitekturnykh programmakh Petra I i Ekaterinyi II (French classicism in the architectural programs of Peter I and Catherine II) // «PETRO primo CATHARINA secunda»: Dva

monarha, dve epohi — preemstvennost, razvitie, reformyi («PETRO primo CATHARINA secunda»: Two monarchs, two epochs — continuity, development, reforms). Saint-Petersburg: European House Publ., 2017, pp. 242–253 (in Russian).

Mezin S.A. *Pjotr I vo Francii (Peter I in France)*. Saint-Petersburg: European House Publ., 2015 (in Russian).

Mezin S.A. *Pjotr I vo Francii (Peter I in France)*. Saint-Petersburg: European House Publ., 2017 (in Russian).

Bentz B. (ed.) *Marly, Art et patrimoine. Revue des Amis du Musée-Promenade de Marly le Roi — Louveciennes. No. 7: De Marly à Peterghof: L'album de Pierre le Grand / coordinateur du projet I. Gouizévitch et D. Gouizévitch*. 2013.

Bentz B. Pierre le Grand et Marly, une visite impériale. *Marly: Art et patrimoine*, 2013, no. 7, pp. 65–72.

Heitzmann A. Marly à Versailles: le recueil de plans V^{ms} 73. *Marly: Art et patrimoine*, 2010, no. 4, pp. 29–52.

Montclos B. de. Un album du duc d'Antin à Saint-Pétersbourg: les jardins de de Versailles en 1711. *Bulletin de Société de l'Art Français*, Année 2004, 2005, pp. 85–96.

Montclos B. de. *Civilisation de Saint-Pétersbourg*. Paris: Place des Victoires Publ., 2014.

Soullard É. Les Sualem en Russie. *Marly, Art et patrimoine*, 2013, no. 7, pp. 73–78.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белинцева Ирина Викторовна, кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Область научных интересов — история архитектуры, типология зданий и стили в архитектуре Восточной Пруссии (на территории современной Калининградской области) Нового и Новейшего времени.

Бондаренко Игорь Андреевич, доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, директор Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», член Президиума РААСН, почетный архитектор России, лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства (1999). Преполагает в Московском архитектурном институте, где специализируется на курсе «История градостроительства». С 2000 г. возглавляет периодическое издание «Архитектурное наследство», составитель 40 сборников научных трудов и коллективных монографий, организатор научных конференций. Изучает традиции русского градостроительства, творческое мышление архитекторов, а также архаическую картину мира, запечатленную в универсальных традициях архитектурного формообразования.

Ванеян Степан Сергеевич, доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусства Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; профессор Общецерковной аспирантуры имени равноапостольных Кирилла и Мефодия Русской Православной Церкви и кафедры теологии факультета теоретической физики НИЯУ МИФИ. Автор нескольких книг по теории искусства и архитектуры, методологии искусствоведения, психологии искусства.

Казарян Армен Юрьевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент РА-

АСН, почетный член РАХ, иностранный член НАН Армении, заместитель директора Государственного института искусствоведения Министерства культуры РФ, а также заместитель директора Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Является членом научных советов, членом редколлегий пяти отечественных и зарубежных периодических изданий. Автор около 200 научных публикаций, автор и консультант проектов реставрации памятников архитектуры. Его монография «Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Формирование и развитие традиции» (Москва, 2012–2013) удостоена Премии за сохранение европейского культурного наследия Europa Nostra (2014) и Премии Тороса Тораманяна (2016). В последние годы он изучает архитектуру Ани, столицы средневековой Армении, сотрудничает с Международным фондом памятников и турецкими реставраторами по проблеме консервации памятников армянской архитектуры на востоке Турции.

Клименко Юлия Гавриилловна, кандидат архитектуры, профессор Московского архитектурного института (МАРХИ), старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», член ИКОМОС и Российского общества по изучению XVIII века (РАН). На кафедре «История архитектуры и градостроительства» МАРХИ ведет лекционный курс по истории русской архитектуры и семинар по историко-архитектурному анализу. Автор свыше 150 статей по истории французского классицизма и московской архитектуре XVIII–XIX вв. Ее монография «Архитекторы Москвы. И. Э. Грабарь» награждена дипломом МАРХИ 1-й степени.

Кононенко Евгений Иванович, кандидат искусствоведения, заведующий секто-

ром искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания. Автор более 70 публикаций и лекционных курсов по культуре Древнего мира, средневекового Востока, методике научной работы. Область научных интересов: культура Древнего Востока, искусство стран ислама, мусульманская (в т. ч. современная) архитектура Турции.

Коротчикова Полина Викторовна, кандидат искусствоведения, младший научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Центральной Азии и Латинской Америки Государственного Музея искусств народов Востока. Обучение в аспирантуре, как и защита кандидатской диссертации на тему «Ананда К. Кумарасвами (1877–1947) как историк и теоретик искусства», прошли в Государственном институте искусствознания. Сфера научных интересов: историография искусства Индии, искусство периода мусульманского завоевания в Индии, Делийский султанат и региональные стили.

Лаврентьева Елена Сергеевна, искусствовед, научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», окончила очную аспирантуру Государственного института искусствознания. Сфера научных интересов: искусство и архитектура Ближнего Востока, теория архитектуры.

Липатов Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Мурадов Руслан Гельдыевич, профессор Международной академии архитектуры, (МААМ), ответственный секретарь Союза архитекторов Туркменистана. В 1998–2015 г. являлся заместителем начальника Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, с 2015 г. редактирует ежеквартальный журнал «Строительство и архитектура Туркменистана». Соавтор и консультант ряда проектов реставра-

ции памятников архитектуры, составитель и редактор нескольких сборников научных трудов, энциклопедического словаря «Историко-культурное наследие Туркменистана». Опубликовал 5 книг и более 100 статей. Научные интересы: история архитектуры Средней Азии, сакральная география и культ святых в исламе, консервация и ревалоризация исторических зданий, советский модернизм.

Сакса Александр Иванович, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Смирнов Александр Михайлович, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Тарханова Светлана Валерьевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Училась в аспирантуре Государственного института искусствознания, где в 2016 г. защитила диссертацию на тему «Архитектура синагог позднеантичного периода (III–VII вв.) на территории северной Палестины: типология, композиции, декор». Работала по исследовательскому гранту фонда А. Онассиса в Афинах, участвовала в экспедициях по странам Средиземноморья, в археологических раскопках памятников поздней Античности на территории Израиля. Автор около 50 научных публикаций, 4 научно-популярных книг, участник международных конференций.

Хрушкова Людмила Георгиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории церкви Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Автор нескольких книг и десятков статей, посвященных археологии,

архитектуре и архитектурному декору памятников византийской эпохи в Восточном Причерноморье и в Крыму (публикации последних лет доступны в формате PDF, режим доступа: <http://istina.msu.ru/profile/KhrushkovaLiudmila>).

Шевченко Марианна Юрьевна, кандидат архитектуры, профессор кафедры Истории архитектуры и градостроительства Московского архитектурного института (МАРХИ), старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». С 2005 по 2013 г. училась и работала в Китае, г. Пекин, университет Цинхуа, где изучала традиционную китайскую архитектуру.

Шукуров Шариф Мухаммадович, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; работает также в Государственном институте искусствознания и Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». В Российской академии государственной службы при президенте РФ читает годичный курс по Истории искусства XX в. Автор двух десятков книг по истории и теории искусства Ирана.

Шурыгина Ольга Сергеевна, независимый исследователь. Сферой научных интересов является история русской и зарубежной автомобильной архитектуры 1900–1930-х годов, взаимосвязь архитектуры и технического прогресса.

ABOUT THE AUTHORS

Belintseva Irina, PhD in the History of Arts, senior researcher of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „CNIIP of the Ministry of Construction of Russia“. Research interests: history of architecture, typology of constructions and the styles of architecture of the East Prussia (the territory of Kaliningrad district of Russia) of the New and the Modern era.

Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: belinceva@bk.ru

Bondarenko Igor, Doctor of architecture, Professor, RAASN academician, director of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „CNIIP of the Ministry of Construction of Russia“, member of the Presidium of RAASN, Honored architect of Russia, winner of the State Prize of the Russian Federation in the field of literature and art (1999). He teaches at the Moscow Architectural Institute, where he lectured on town planning history. Since 2000, he is the head of the periodical „Architectural heritage“. He compiled ca 40 collections of papers and collective monographs; he organized the scientific conferences. He studied Russian traditions of urban development, the creative thinking of architects, as well as the archaic picture of the world, captured in the universal tradition of the architectural shaping.

Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: niitag@yandex.ru

Kazaryan Armen, Dr., Vice-Director of the State Institute for Art Studies of the Ministry of culture of Russian Federation. Also he is a Vice-Director of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town-planning (Moscow). He is an author of about 200 publications, an author and a consultant of the projects of restoration of architectural monuments. His four-volume

study „Church Architecture of the Seventh Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition“ (Moscow, 2012–2013, in Russian) was honored with the Europa Nostra Award (2014) and with the Toros Toramanian Award (2016). Nowadays, he takes part in a large study of the architecture of Ani, the medieval capital of Armenia. He has cooperated with the World Monuments Fund and Turkish restorers on the field of conservation of the monuments of Armenian architecture in the Eastern Turkey.

Address: Kozitskiy pereulok 5, 125009 Moscow, Russian Federation

Contact: armenkazaryan@yahoo.com

Khrushkova Liudmila, Dr., Professor of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Historical faculty; senior researcher of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „CNIIP of the Ministry of Construction of Russia“. She is an author of some monographs and of dozens of articles, devoted to the archaeology, architecture and architectural decoration of the monuments of the Byzantine epoch in Black sea Eastern coast and Crimea (Last years' publications are available in: <http://istina.msu.ru/profile/KhrushkovaLiudmila>). Address: Leninskie gory 1, 119991 Moscow, Russian Federation.

Contact: khrushkoyal@list.ru

Klimenko Julia, PhD in the Architecture, Professor of the Moscow Institute of Architecture (State Academy — MARCHI), senior researcher of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „CNIIP of the Ministry of Construction of Russia“. She is a member of ICOMOS and of the Russian Society for 18th Century Studies (Russian Academy of Sciences). She has more than 150 publications on the history of the French classicism and of the 18th–19th-centuries Moscow architecture. Her monograph „Architects of

Moscow. Igor Grabar" awarded by the 1st-degree Diploma of MARCHI.

Address: Rozhdestvenka str. 11, 107031 Moscow, Russian Federation

Contact: y-klim@yandex.ru

Korotchikova Polina, PhD in Art History, The State Museum of Oriental Art, Department of Middle East, Central and South Asia, Latin America, researcher. The postgraduate and PhD were held in the State Institute of Art, Moscow. Theme: „Ananda K. Coomaraswamy (1877-1947) as a historian and theorist of art“. Sphere of scientific interests: historiography of Indian art, Indian art of the period of Muslim conquest, the Delhi Sultanate and regional styles.

Address: Nikitskij Boulevard 12a, 119019 Moscow, Russian Federation

Contact: poldea3@yandex.ru

Kononenko Evgenii, PhD in the History of Arts, Head of the Department of Asian and African Art of the State institute of Art Studies. Author of over 70 publications and lecture courses on the culture of the Ancient world, the medieval East, the methods of scientific work. Research interests: the culture of the Ancient East, the art of Islamic countries, Muslim (including contemporary) architecture in Turkey.

Address: Kozitskiy pereulok 5, 125009 Moscow, Russian Federation

Contact: J_kononenko@inbox.ru

Lavrentyeva Elena, art historian, Senior Researcher associate in the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning (NIITIAG), studied at the postgraduate at the State Institute of Art Studies (SIAS). Sphere of interest includes art and architecture of Near East, the theory of architecture.

Address: Kozitskii pereulok 5, 125009 Moscow, Russian Federation

Contact: lavrentyeva27@gmail.com

Lipatov Alexey, PhD in the History, scientific worker at the Institute for the History of material culture, Russian Academy of science.

Address: Dvortsovaja emb. 18, 191186 Saint-Petersburg, Russian Federation

Contact: alex_lipatov@mail.ru

Muradov Ruslan, Professor of the International Academy of Architecture Moscow branch (IAAM Eurasia), Executive secretary of the Turkmen Union of Architects. In 1998–2015 was Deputy Head of the National Department of Turkmenistan for the Protection, Research and Restoration of Historical and Cultural Sites, since 2015 has been editing the quarterly magazine „Construction and Architecture of Turkmenistan“. Co-author and consultant of a number of architectural restoration projects, compiler and editor of several collections of scientific works, encyclopaedic dictionary „Historical and Cultural Heritage of Turkmenistan“. Published 5 books and more than 100 articles. Scientific interests: the history of architecture of Central Asia, sacral geography and the cult of saints in Islam, conservation and revival of historical buildings, Soviet modernism.

Address: Turkmenbashi av. 29-1, 744005 Ashgabat, Turkmenistan.

Contact: turkmenica@yandex.ru

Saksa Alexandr, Dr. in the History, leading scientific worker at the Institute for the History of material culture, Russian Academy of science.

Address: Dvortsovaja emb. 18, 191186 Saint-Petersburg, Russian Federation

Contact: saksa@mail.natm.ru

Smirnov Alexandr, scientific worker at the Institute for the History of material culture, Russian Academy of science.

Address: Dvortsovaja emb. 18, 191186 Saint-Petersburg, Russian Federation

Contact: alexandr.m.smirnov@gmail.com

Shevchenko Marianna, PhD in the Architecture, Professor of the History of Architecture and Town Planning of MARKHI, Moscow Institute of Architecture (State Academy); senior researcher of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „CNIP of the Ministry of Construction of Russia“. From 2005 to 2013, she has learned and explored traditional Chinese architecture in the Tsinghua University, Beijing, China.

Address: Rozhdestvenka str. 11, 107031 Moscow, Russian Federation

Contact: marianna-sh@yandex.ru

Shukurov Sharif, Dr. in the History of Arts, chief research worker of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Also he is a researcher of the State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of Russian Federation, and of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „СНИИП of the Ministry of Construction of Russia“. Shukurov lectured on the history of the 20th-century art in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. He is an author of about a couple dozen books on the history and theory of Iranian art.

Address: Rozhdestvenka str. 12, 107031 Moscow, Russian Federation

Contact: ripsic@yandex.ru

Shurygina Olga, independent researcher. The sphere of scientific interests is the history of Russian and foreign automotive architecture of 1900–1930s, the interrelation of architecture and technical progress.

Contact: olia85@list.ru

Tarkhanova Svetlana, PhD in the History of Arts, senior researcher of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „СНИИП of the Ministry of Construction of Russia“. The

postgraduate was held in the State Institute of Art, Moscow. Theme of PhD dissertation: „Architecture of the Late Antique Synagogues (III–VII) at the Territory of Northern Palestine: Typology, Compositions, Decoration“ (2016). Worked in Greece at the base of the scholarship from the Foundation of A. A. Onassis (Greece, Athens); participate in the expeditions in Russia, Mediterranean, Near East, Asia; participate in archaeological excavations in Israel. Author of more than 50 articles and 4 scientific-popular books on architecture, participant of international conferences.

Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: foteini_t@yahoo.com

Vaneyan Stepan, Dr. in the History of Arts, Professor of the History of World Art of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Historical faculty; Professor of the Saints Cyril and Methodius Post-Graduate Courses of the Russian Orthodox Church and of the Theological chair of the MIFI. He is an author of several books on the theory of art and architecture, methodology of art studies and psychology of art.

Address: Leninskie gori 1, 119991 Moscow, Russian Federation.

Contact: vaneyans@gmail.com

АВТОРАМ СТАТЕЙ

Редакционная, или издательская, этика — это система правил, которые регулируют взаимоотношения автора, редактора и рецензента. При составлении правил мы руководствовались рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE, **Committee on Publication Ethics**) и Кодексом этики научных публикаций, подготовленным в **Комитете по этике научных публикаций**.

К публикации в журнале «Вопросы всеобщей истории архитектуры» (ВВИА) принимаются только оригинальные ранее неопубликованные научные статьи. Обращаем внимание, что автор несет персональную ответственность за предоставляемый в редакцию текст. Авторы обязуются гарантировать точное цитирование источников, используемых в процессе работы над рукописью статьи. Если авторы использовали работу и/или фрагменты текста других авторов, обязательны соответствующие ссылки на опубликованные работы. Подробнее правила представлены на сайте института: http://www.niitiag.ru/pub/vseobschaya_istoriya_arkhitektury

Редакцией ВВИА принимает статьи как на русском, так и на английском языке для того, чтобы лучше ориентировать своих читателей в современном состоянии изучения архитектуры за рубежом, так и для того, чтобы способствовать включению отечественного архитектуроведения в контекст мировой гуманитарной науки.

Порядок приема статей

Статьи, поступившие в редакцию и удовлетворяющие предъявляемым к рукописям объемам и правилам оформления, проходят рецензирование и редактирование (научное, техническое, стилистическое). Рецензирование и научное редактирование осуществляют специалисты НИИТИАГ или других учреждений, имеющие квалификацию в соответствующих отраслях науки и ученую степень доктора или кандидата наук, а также члены редколлегии периодического издания ВВИА в соответствии с требованиями к изданию научной литературы. Рецензенты должны за последние три года иметь публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет. Редколлегия оставляет за собой право отклонить статью или вернуть ее на доработку.

Принадлежность и объем авторских прав на публикуемые в журнале материалы определяются действующим законодательством Российской Федерации. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также направляет копии рецензий в Министерство образо-

вания и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

С авторов взносы за публикацию не взимаются, авторское вознаграждение не выплачивается. Плата с аспирантов за публикации рукописей не взимается. Статьи аспирантов при их подаче в редакцию издания должны сопровождаться отзывом (рекомендацией) научного руководителя.

Требования к оформлению статей

Материалы передаются в редакцию издания в электронном виде с соблюдением следующих требований (публикуются в печатном виде в каждом выпуске издания, доступны также на странице НИИТИАГ в интернете: http://www.niitiag.ru/pub/vseobschaya_istoriya_arkhitektury.html):

- объем текста не должен превышать 30 000 знаков с пробелами;
- текст должен быть набран с использованием редактора Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — 1,5;
- в начале текста статьи необходимо поместить код УДК, самостоятельно присвоив его в соответствии со справочником УДК, расположенном по адресу: <http://teacode.com/online/udc>
- в конце текста статьи помещается библиографический список; после него помещается список использованных в тексте сокращений (РГИА, ДОР и т. д.) с их расшифровкой;
- ссылки в тексте на источники и литературу (за текстовые) оформляются следующим образом: в круглых скобках курсивом указывается фамилия автора книги или статьи, далее через пробел год издания, после двоеточия — номер страниц(ы), на которую идет ссылка; например: *(Грбарь 1912: 68–96), (Paul 1963: 127–133)*;
- постраничные примечания оформляются в автоматическом режиме редактора Word и используются только для сведений, которые по каким-то причинам не могут быть помещены в основной текст публикации, а также для переводов иноязычных слов. В тексте примечания в скобках могут помещаться ссылки на литературу;
- иллюстрации принимаются с разрешением не ниже 300 dpi в форматах jpeg или tiff; чертежи должны содержать масштабную линейку, за редкими исключениями.
- количество иллюстраций равняется количеству страниц текста статьи, но не более 15;
- текст статьи записывается в отдельный файл под названием «Family_text.doc» (например, «Ivanov.doc»), исключительно латиницей); список иллюстраций — в файл «Family_illustr.doc», например: «Ivanov_illustr.doc», и в этом списке можно

- указать пожелания автора по расположению иллюстраций (на ширину колонки, на ширину полосы и т. д.);
- иллюстрации записываются в отдельные файлы, которые должны быть пронумерованы в соответствии со Списком иллюстраций и только цифрой, например: «5.jpeg»; в тексте статьи обязательны ссылки на номера иллюстраций, например: (ил. 5);
 - в отдельный файл «Family_key.doc» помещается следующая информация:
 - автор, название статьи;
 - краткая аннотация статьи (не более 700 знаков с пробелами — строго!);
 - желательно представить перевод заглавия статьи и аннотации на английский язык;
 - ключевые слова к статье (не более 5–7 слов и словосочетаний);
 - те же ключевые слова к статье на английском языке;
 - сведения об авторе в виде небольшого рассказа в объеме не более 700 знаков с пробелами, содержащем в начале в строгом порядке, через запятую, без сокращений: ФИО полностью, ученую степень, научное звание, место работы и должность в именительном падеже. В конце текста указывается почтовый адрес места работы и контактная информация — e-mail, телефон;
 - аналогичные сведения об авторе в переводе на английский язык (обязательно).

Итак, материалы статьи должны быть представлены в виде трех текстовых файлов: Family_text.doc; Family_illustr.doc; Family_key.doc и файлов иллюстраций.

После того, как очередной номер ВВИА будет сформирован, авторам высылается шаблон лицензионного договора, который заключается в том числе для размещения полных текстов статей на сайте НЭБ (Научной электронной библиотеки, РИНЦ — Российский индекс научного цитирования). Его необходимо заполнить, подписать и выслать простым письмом по адресу: 197110, г. Санкт-Петербург, Левашовский пр-кт, д.12 литер А).

Уважаемые авторы ВВИА, при использовании архивных изображений, пожалуйста, убедитесь в том, что у Вас есть право на публикацию материалов (договор с правом публикации или разрешение на публикацию на безвозмездной основе).

Рекомендации по составлению библиографических списков источников и литературы

Списки литературы — основной и второй, именуемый «References», — нужны для индексирования публикаций в РИНЦ, SCOPUS и других системах.

В начале списка по алфавиту располагаются источники. Ниже помещается литература (так-

же по алфавиту): в начале русскоязычные публикации и на других языках, пользующихся кириллицей, затем публикации с использованием латиницы. Список не нумеруется. Перед каждой позицией списка выносятся фамилия автора (курсивом) и год издания. Эта выноска, используемая в ссылках в тексте статьи, отделяется от полного названия публикации длинным тире. Публикации на языках других алфавитов (араб., арм., греч., груз. и др) вносятся в список с сокращенной выноской на русском языке, и их место согласуется с алфавитным порядком в русскоязычном списке.

В общий библиографический список должны попасть все архивы, откуда публикуются иллюстрации, тогда в подрисовочных подписях ссылка будет на номер из списка (см. ниже рекомендации по подготовке подписей к иллюстрациям).

В библиографическом описании книг и сборников статей указывается место, название издательства и год издания; для журналов и серийных сборников статей — номер выпуска и год издания. Статьи в списке должны сопровождаться указанием их страниц. Для не периодически издаваемых сборников необходимо указывать редактора (Ред. ... или ред.-сост. ...; Ed. ...).

Ответственность за точность библиографических описаний несет автор публикации. Использование неточных сведений затрудняет подсчет индекса цитируемости системой РИНЦ.

Пример правильно оформленного библиографического списка:

ГАЗК. Ф. 177. Ед. хр. 245; Ф. 262. Оп. 1. Ед. хр. 425, 428, 462.

ОР ГПБ. Ф.247. Т. 14. Л. 51.

Pannonopt 1994 — *Pannonopt* П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука, 1994.

Yong, Kimura 2004 — *Yong D., Kimura M.* Introduction to Japanese Architecture. Singapore: Periplus, 2004.

Халпахчян 1962 — Խալփախյան Հ., Տաթևի երկրաբանը պոլիմը (*Халпахчян О.* Качающаяся колонна Татева) // Էջմիածին (Эчмиадзин). № 9. 1962. С. 45–57.

Hill 1975 — *Hill S.* The Praetorium at Musmiye // *Dumbarton Oaks Papers*. No. 29, 1975. P. 347–349.

Mark, Hutchinson 1986 — *Mark R., Hutchinson P.* On the structure of the Pantheon // *Art Bulletin*. Vol. 68. 1986. P. 24–34.

Рекомендации по подготовке подписей к иллюстрациям

Эти рекомендации — всего лишь попытка систематизировать способы оформления подписей к иллюстрациям.

Для фотографий

Название объекта, месторасположение (если нужно). Архитектор(ы). Дата постройки. Автор, дата съемки / источник изображения / место хранения

Если съёмка архивная или музейная, то обязательно указать место хранения. Если это копия изображения из издания, то это издание указывается в библиографическом списке, и за подписью под иллюстрацией в круглых скобках следует ссылка на публикацию.

Примеры:

Здание Купеческого банка на Невском проспекте. Архитектор Л.Н. Бенуа. 1901–1902. Фотография А. Вознесенского, 2009 г.

Роминтен. Охотничий дом. Архитектор Х.Х. Мунте (совм. со Сверре и П. Ольсенем). 1891. Фотография 1945 г. РГА КФД

Для чертежей

Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т. д.). Место хранения / источник изображения

Примеры:

Херсонес. Уваровская базилика. План (Уваров 1854)

Если известен автор и дата создания конкретного чертежа, обязательно их указывать:

Автор. Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т. д.). Место хранения / источник изображения

Пример:

К. Ф. Шинкель. Театр в Берлине. Рисунок пером, 1919 г. (*Schinkel* 1821: Tafel 1)

References

Этот, второй библиографический список, является списком литературы с транслитерацией не «латиноязычных» описаний на латинский алфавит и указанием перевода на английский язык (помещается в скобках вслед за транслитерацией). Латиноязычная часть основного списка в этом списке фактически повторяется. Однако публикации

в списке References оформляются иначе, поэтому редакция соглашается с неизбежными повторами. Требование создания списка References продиктовано нашим желанием индексировать публикации в SCOPUS и других международных базах данных.

Порядок публикаций в References должен повторять порядок основного списка, за исключением не используемых в данном случае ссылок на источники. Позиции публикаций не сопровождаются условной краткой формой, как в первом списке. В References курсивом показываются не авторы, а основные названия публикаций: названия книг, сборников, журналов. После места издания указывается издательство (латиницей — оригинальное название или транслитерация) и ставится слово Publ. Название статьи отделяется от названия журнала точкой; после названия журнала через запятые идут номер выпуска и (или) тома (с обозначениями vol. и no., вне зависимости от языка оригинала), а также страницы (с обозначениями pp., независимо от языка оригинала).

Примеры:

Kyzlasova I. L. *Istoriia izucheniia vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii (History of the study of Byzantine and Old Russian art in Russia)*. Moscow: Moscow University Publ., 1985 (in Russian).

Bell L. Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka. *Journal of Near Eastern Studies*, 1985, vol. 44, no. 4, pp. 251–294.

Рецензентам статей

Рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам, не имеющим на то полномочий от редакции.

Рецензент обязан давать объективную и аргументированную оценку изложенным результатам исследования. Персональная критика автора неприемлема.

Рецензент не должен использовать неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, для личных целей.

Периодическое рецензируемое научное издание

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ
Выпуск 8 (1 / 2017)

Главный редактор *А.Ю. Казарян*
Корректор *А.С. Семенова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 20.06.2017. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 21,1
Тираж 300 экз. Заказ № 984

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28